DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2017. Том 5, № 2

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE=
GOLDEN HORDE REVIEW
2017. Vol. 5, no. 2

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Журнал основан в апреле 2013 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юрид.)
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Google Scholar
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ)
Научная электронная библиотека
открытого доступа КиберЛенинка
WorldCat
СОЦИОНЕТ

Academic Journal

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Journal was founded in April 2013

Published 4 times a year

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical)
420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

THE JOURNAL IS INDEXED BY:
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Google Scholar
Russian Science Citation
Index Database
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka
WorldCat
SOCIONET

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ)

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия)

Ответственный секретарь: Л.С. Гиниятуллина, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный за выпуск: А.В. Аксанов, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editor: Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland)

Executive secretary: L.S. Giniyatullina, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Responsible for issue: A.V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Huub Kurstjens.** The Invasion of the Christian West by the Tatars (Mongols).
A Clash of Civilizations between Frederick II, Gregory IX and the Tatars 258
- Vladimír Liščák.** The Christian Nobles at the Court of Great Khan,
as Described in Mediaeval European Sources 276
- Исхаков Д.М.** Роль тюрко-татарского составного
в становлении государствообразующего «народа»
Улуса Джучи XIII–XIV вв. 290
- Uli Schamiloglu.** The Impact of the Black Death on the Golden Horde:
Politics, Economy, Society, Civilization 325
- Mirgaleev I.M.** Succession to the Throne in the Golden Horde:
Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids 344
- Татауров С.Ф.** Археологические памятники сибирских ханств –
поиск маркеров государственности 352
- Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.** Тюркские группы Южного
Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные,
территориальные, этносоциальные трансформации 363
- Несин М.А.** Статус касимовских Чингизидов при Василии II
и Иване III по данным письменных источников 397
- Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В.**
Институт аталычества в постзолотоордынском мире 412

Наследие

- Роман Хаутала, Гулевич В.П.** Письмо польского гетмана
Яна Замойского «О прохождении татар через Покутье в 1594 году» 437

Рецензии

- Трепавлов В.В.** Рецензия на книгу С.С. Аверкиева «Влияние татар
на жизнь русского народа» 460
- Галиев А.А.** Актуальные проблемы истории казахов. Рецензия
на книгу К.А. Пищулиной «Очерки истории Казахского ханства» 466

Хроника

- Aleksandar Uzelac.** Medieval Nomads – Sixth International Conference
on the Medieval History of the Eurasian Steppe
(Szeged, Hungary, November 23–26, 2016) 474
- Сайфетдинова Э.Г.** V Международный Золотоордынский Форум
(Казань, Российская Федерация, 15–18 марта 2017 г.) 478
- Гиниятуллина Л.С.** Презентация книги «The Golden Horde
in World History» (Оксфорд, Великобритания, 7–8 апреля 2017 г.) 485

CONTENTS

Articles

- Huub Kurstjens.** The Invasion of the Christian West by the Tatars (Mongols).
A Clash of Civilizations between Frederick II, Gregory IX and the Tatars 258
- Vladimír Liščák.** The Christian Nobles at the Court of Great Khan,
as Described in Mediaeval European Sources 276
- Iskhakov D.M.** The Role of the Turkic-Tatar Constituent People
in the Formation of the State-Forming “People” of the Jochid Ulus
in the 13th–14th centuries 290
- Uli Schamiloglu.** The Impact of the Black Death on the Golden Horde:
Politics, Economy, Society, Civilization 325
- Mirgaleev I.M.** Succession to the Throne in the Golden Horde:
Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids 344
- Tataurov S.F.** Archaeological Monuments of the Siberian Khanates:
Search of the Markers of the Statehood 352
- Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh.** Turkic Communities
in South Trans-Urals in the 15th–17th centuries: National,
Administrative, Territorial, Ethnosocial Transformations 363
- Nesin M.A.** The Status of Kasimov Chinggisids during the Reigns
of Vasily II and Ivan III according to Written Sources 397
- Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V.**
Institution of Atalykship in the Post-Golden Horde World 412

Legacy

- Roman Hautala, Gulevich V.P.** Letter of Polish Hetman Jan Zamoyski
“About Passage of Tatars through Pokuttia in 1594” 437

Reviews

- Trepavlov V.V.** Review of the Book by S.S. Averkiev “Tatar Influence
on the Life of the Russian People” 460
- Galiyev A.A.** Actual Problems of Kazakh History. Review of the Book
by K.A. Pishchulina “Essays on the History of the Kazakh Khanate” 466

Chronicle

- Aleksandar Uzelac.** Medieval Nomads – Sixth International Conference
on the Medieval History of the Eurasian Steppe
(Szeged, Hungary, November 23–26, 2016) 474
- Sayfetdinova E.G.** V International Golden Horde Forum
(Kazan, Russian Federation, March 15–18, 2017) 478
- Giniyatullina L.S.** Presentation of the Book “The Golden Horde
in World History” (Oxford, Great Britain, April 7–8, 2017) 485

СТАТЬИ

УДК 94(47).03+94(450).04

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.258-275

**THE INVASION OF THE CHRISTIAN WEST
BY THE TATARS (MONGOLS).
A CLASH OF CIVILIZATIONS BETWEEN FREDERICK II,
GREGORY IX AND THE TATARS***

Huub Kurstjens

*National Institute for Educational Measurement
(CITO – Centraal Instituut voor Toetsontwikkeling)
Arnhem, Netherlands
Huub.Kurstjens@cito.nl*

Research objectives: The author of this article wants to show how the clash of two different civilizations, until then practically unaware of the other's existence, the Tatars and the Christian West, undermined the superior and self-confident position of the latter. In the author's view, Western Christian Society in the first part of the thirteenth century regarded itself as superior to other civilizations. This article is not focused on either civilization, but tries to unveil motives, background and perspectives from both sides' attempts to try to be the strongest power and the most important civilization at that time. In the Christian West there was a constant struggle for power between the Pope and the Emperor, going back to the Investiture Controversy of the eleventh and twelfth centuries and culminating in the conflict between Emperor Frederick II and the papacy in the thirteenth century. At the height of that struggle, in 1241, the Tatars (Mongols) invaded Hungary and Poland. Western Civilization was threatened, although at first almost nobody realized the danger and underestimated the consequences. It was due to the superior tactics of the Tatars that they surprised the Christian West. The Tatars were far better in their communication, strategy and information than the divided society in the West. The Tatar invasion, through their use of a kind of Tsunami Strategy, had all the necessary ingredients to destroy Western, Christian society.

Research materials: By using contemporary sources and books that illuminate the Tatars as well as the Christian West, the character of the conflict that took place becomes clear.

Results and novelty of the research: The end result was a clash of civilizations, an explosive mixture of a political-cultural conflict, a time-bomb which ultimately, narrowly, failed to explode, thanks to a sudden and somewhat mysterious retreat of the Tatars, but leaving Western Civilization faced with an existential crisis that undermined Western

* I have chosen in this article to use the spelling Tatars instead of Tartars. This choice has been made on the basis of the dictionary (Dutch: *Woordenboek der Nederlandse Taal*, English: *Oxford English Dictionary*) which lists Tatars as the name of a Turkic tribe; since the Middle Ages, however, and extra -r has been added, probably because of popular etymology with the Latin *Tartarus*, which means 'Hell', or 'a place of punishment in the Underworld'. Furthermore, the term Tatars is used to describe the thirteenth century specifically, as is overwhelmingly the case in this article. When describing a more general range, one can also employ the term Mongols.

superiority. Although in the West the fact of the coming and going of the Tatars is well-known, the background of both sides in this conflict and the narrow escape of the Christian West is often underestimated and barely appreciated in the modern West.

Keywords: Tatars (Mongols), Pope Gregory IX, Emperor Frederick II, Matthew Paris, Kingdom of Hungary, Christianity, Christian West, Apocalypse

For citation: Kurstjens H. The Invasion of the Christian West by the Tatars (Mongols). A Clash of Civilizations between Frederick II, Gregory IX and the Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 258–275. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.258-275

Where did the Tatars come from and what kind of people where they?

In the present day West, the Mongols are often associated with the country Mongolia, or better yet: the Mongolian People's Republic proclaimed in 1924, which finds itself boxed in between modern day Russia and China. Mongolia is a large country by today's standards, but it's nowhere near the size of the Mongolian Empire of the 13th century. That empire was the world's second largest empire ever, and if measured by the amount of adjoining landlocked territory, the largest empire ever¹. For comparison: it was over eight-hundred times the size of the present day Netherlands.

In the 13th century, Tatars referred to the inhabitants of southern Russia [3, p. 42]². Present day Russia has a subject republic named Tatarstan or Tataria (with Kazan as its capital) which harks back to the Tatar people³.

European travelers and embassies of the 13th century were wont to call these people *Mongoli* and also *Tatari*. It is most likely that this name derives from the Latin *tartarus* or the Greek *thartaros*, which means either hell or abyss [5, p. 181; 13, p. xiii]⁴. This meant that the name had a negative association in the western world: the people were named after inhabitants of the darkest parts of the Realms of the Underworld in Greek mythology, a people that lived behind steel gates. After the gates were broken open, the Mongols (from now on referred to as Tatars in this article, because of the 13th century appellation) came forth into the world from the Underworld, and advanced ever further towards the West⁵. The end of the

¹ The British Colonial Empire was the largest empire in the world, with 33.7 million km². The Mongolian Empire attained its greatest extent circa 1279, at 33 million km², when Kublai Khan, Chinggis Khan's grandson, ruled the empire. For comparison: the present day Netherlands measure over 41,000 km².

² According to the Flemish Franciscan Willem van Rubroeck Chinggis Khan's tribesmen themselves preferred being called 'Mongols' (Moal) to "Tatars".

³ The name of this modern federal Russian republic derives from the Russian name Татария (*Tataria*). This was the official name of the Republic in the Soviet era. Tatars make up little over half of the present day population of Tatarstan.

⁴ The Dominican Julian has a different explanation for the name. He quotes (in 1237) a Russian cleric who claims that the Tatars were named for the river Tatar.

Prof. Bruno Naarden, in the introduction of his book 'Nicolaas Witsen en Tartarije' describes it as follows: "From the Early Middle Ages 'the Tatars' are mentioned by Turkish and Chinese sources, and refer to a Mongolian-Turkish ethnic formation in north-eastern Asia. Around the twelfth century the Chinese use the name of this people as a *pars pro toto* and use it to refer to all nomadic peoples outside of China known to them. After the horrifying performance of Chinggis Khan and his descendants in subsequent centuries Russians and Western Europeans begin to use

world was supposedly nigh [19, p. 14]. Since the Tatars had 'broken open the gates' by invading the West, it was feared in the 13th century that the world was coming to an end – an eschatological approach, so to speak [19, p. 13–14].

The Tatars were supposedly descended from one of the sons of Japheth, a biblical figure named Gog, ruler of the land Magog, which was a synonym for apocalyptic threat⁶. The characteristics of the Tatars and their native country ostensibly referred to a kinship with Gog and Magog. In the last book of the New Testament, Gog and Magog belong to the peoples 'of the four corners of the Earth', which were to follow Satan to the last battle against the saints, and subsequently be destroyed by heavenly fire. In short, we're talking about God's punishment for human wickedness. The Dominican Ricoldo de Monte Croce explained the origin of the name which was to be used so much in later eras (and even today): Mongols. According to him it derived from *Mogogoli*, the sons of the legendary Magog. In the legend, Gog and Magog were two giants, who had long ago terrorized Europe with their plundering. They were defeated by Alexander the Great, and locked up behind massive gates in the Caucasus. Their descendants had now broken free, and had taken it upon themselves to destroy (Western) civilization. Western Christendom used these myths and legends to explain the disastrous Mongol invasion. The pope feared that Christianity itself would perish: "*we shudder to think that through these Tatars, the name of Christ could be completely laid low*" [11, p. 12–13].

How were the Tatars perceived in Europe?

Up until the start of the 13th century, people in Europe were barely aware of the existence of the Tatars. Now and again reports trickled through about a great

the Chinese practice. Possibly by association with *Tartarus* (hell or the Underworld in Greek antiquity) an 'r' is added to the name, and people tend to speak of 'Tartars' or 'Tarters'. The 'Empire of the Great Khan', the Eurasian territories conquered by Mongol rulers, would from then on be known as 'Tartaria' or 'Tartaria Magna' (Great Tartary). This practice would continue for centuries after the disintegration of the Mongol empire. For Nicolaas Witsen and his contemporaries in the seventeenth century the name 'Tartaria' or 'Tartary' was the normal name for the Eurasian steppes" (http://resources.huygens.knaw.nl/retroboeken/witsen/dutch_intro.pdf). Mongols and Tatars were originally two different nomadic tribes in the river Orkhon's basin in North-East Asia, on the border of the present day Russian Federation and China. Both names were later used to indicate ethnic conglomerates. The name Tatars was used mainly by Russians and Chinese. Chinggis Khan and his successor preferred to identify both themselves and a number of assimilated peoples as Mongols. Tatars had murdered Chinggis Khan's father. The name Ta(r)tars has fallen into obscurity in the West, but not in Russia. With gratitude to prof. Naarden for this information in his e-mails of April 1, 4 and 8 of 2016.

⁶ There are only a few characters who, like Magog, are present in both the first book of the Bible (Genesis) as the last (Revelations). The story of Magog begins in Genesis 10. This chapter groups all then-known peoples after their relation in history and place of origin. Japheth is a son of Noah. The 'sons of Japheth' are: Gomer, Magog, Madai, Javan, Tubal, Mesek and Tiras (Genesis 10:2). These 'sons' tend to live in Asia Minor. According to the Bible, Magog and his family travel to a place where they can grow into a tribe. This is why Ezekiel does not refer to Magog but 'Magog's country' (Ezekiel 38:2). In Revelations 20:8 only peoples are left: "and [he] will go out to deceive the nations in the four corners of the earth—Gog and Magog—and to gather them for battle. In number they are like the sand on the seashore." Gog and Magog are now portrayed as the ancestors of the Islamic peoples. Magog represents the central Asian peoples (the Islamic republics in southern Russia and Afghanistan) and Gog the peoples south of the Black and Caspian Seas.

horse-people in the East, which was becoming more and more active militarily, but it was not considered a threat just then. Under Pope Gregory IX (1227–1241) especially interest in this people grew. The East was seen as an area ready for conversion. For this reason, several clerics were sent out to make contact with, and gather information about, the peoples in the East. Among them were Archbishop Robert of Esztergom (also called Gran) (1227), and the Dominicans Otto (1233) and Julian (1236; recorded by his fellow Riccardus in 1237). Later, after the Tatar retreat from Europe, journeys were focused on diplomacy and missionary work in the Mongol Empire. Of these, the reports of the Franciscan John of Pian del Carpine (1245), the Dominicans Ascelin of Cremona (1245) and André de Longjumeau (1248) and the Flemish Franciscan William of Rubroeck (1255) are among the most well-known.

The first substantial description of the Tatars was made by the Dominican Julian [7, p. 34]⁷. He undertook two missions into (modern) Russian territory. However, he was forced to abort his second mission because of the growing threat of a Tatar attack. His reports made two things clear: first, that the Tatars were preparing an attack on the West, and second, that many peoples who lived there were ready to convert to Christianity. The imminent Tatar attack became the main focus in his reports. Julian makes clear that the Tatars were not just a nomadic people, as was long assumed, but a people with clear bellicose intent. He wondered what kind of people the Tatars actually were, where they came from, what their history was, what strategy and weapons they used, and what their intentions were. He lacked the time and peace to paint a proper, complete, and well-founded picture. Tatar daily conduct and customs barely feature in his reports, even though that was originally his intention. His observations contain reliable elements, and are not dominated by Christian and Western imagery. They represent the way the peoples of the steppes think and act, especially during fights and raids, like the thought of vendetta: vengeance and taking justice into your own hands when treated unjustly. For instance, it is said in his reports that most Tatar women did not participate in battle (though at the end of his report he points out that the Tatar women actually took part in the battles). Their main task was advisory and educational. After a victory in battle the captured women were both spoils of war and property of the victors [3, p. 45–46]. Especially the last part of Julian's descriptions is historically relevant, because it's an important source for the first Tatar campaigns in Russia, and for the Tatar conquest of Persia. This shows that the motive for fighting gradually changes from vendetta to claims of global rule, in which power and conquest are key elements. Julian was in awe of the huge size of the Tatar army. He was most impressed by its organization, its bowmen, and the tactics which were used. The army was a motley crew of different peoples, but command was always exercised by Tatars.

Julian was the first westerner to fairly comprehensively and accurately report these observations. Incidentally, he managed to obtain a letter from the Tatar leader Batu Khan (more about this later) to the king of Hungary, Béla IV. This letter is the earliest known example of Tatar diplomacy to the West. The letter made clear that the Tatars didn't just plan to conquer Hungary, but also Rome and further

⁷ Julian made two travels. During the first, he said, he had reached the Volga Magyars. The report on the Tatars was written after his second travel, when Volga Bulgaria was already conquered.

territories [3, p. 47; 4, p. 140; 5, p. 177; 7, p. 37; 9, p. 67 ff]⁸. Julian took this letter very seriously indeed, and handed it to the papal emissary in Hungary, who was both a representative of the curia and an advisor to the king of Hungary. Whether the emissary actually informed the curia remains uncertain. The fact remains, however, that Béla IV was unimpressed by the letter, probably because previous attacks from the east had always been repelled, and the danger did not seem greater than before. In short, the message was not given any priority. Julian's prior warnings were only brought up after King Béla lost the battle with the Tatars. This prompted the Emperor Frederick II to accuse King Béla IV of negligence, by assuming all along that he was secure, when all the while he had been receiving numerous reports from and about the Tatars, but had done nothing to prepare or defend himself.

A year or two after this letter, new reports about the Tatars reached the West through a Hungarian bishop. Copies of these messages reached England and are preserved in the *Chronica Majora* of the Benedictine monk Matthew Paris (Matthaeus Parisiensis), and also on the *Annals of Waverley* (an abbey in the county of Surrey) [1, p. 324 ff]⁹. The letter was reportedly written by a Hungarian bishop to the bishop or arch-dean of Paris. The letter states that scouts had established that the Tatars had come very near to the Hungarian border. The bishop's final conclusion was that the Tatars would invade the West within five years. In reality, the invasion would come even sooner [1, p. 325; 3, p. 56–57]. Representatives of an Islamic-Shi'ite sect unexpectedly appealed to the kings of France and England for military aid¹⁰. This came about because the Tatars had started a campaign of conquest in Persia and the Caucasus. It seems remarkable that this sect appealed to the West for aid, but they had little choice because they were considered heretics by the rest of the Muslim world.

In his *Chronica Majora* Matthew Paris describes the approaching calamity of 1238 like this: “*About this time, special ambassadors were sent by the Saracens, chiefly on behalf of the Old man on the Mountain¹¹, to the French King, telling him that a monstrous and inhuman race (“homines monstruosi et inhumani”) had burst from the northern mountains, and had taken possession of the extensive, rich lands of the east; that they had depopulated Hungary Major (the region between the Volga and the Urals; H.K.), and had sent threatening letters, with dreadful emissaries; the chief of which declared that he was the messenger of God on high, sent to subdue the nations who rebelled against him (...). This powerful and noble Saracen messenger, who had come to the French King, was sent on behalf of the whole of the people of the East, to tell them these things; and he asked assistance from the Western nations, the better to be able to repress the fury of the Tartars:*

⁸ Notably, a Tatar advance unit was spotted at Udine, eighty kilometers from Venice.

⁹ Matthew Paris was a learned Benedictine monk, who had passed the majority of his life in the abbey of St. Albans, north of London. He only rarely ventured abroad, but he was in touch with many important people of his age. Through them, he was able to read numerous documents and letters. In fact, he had an extraordinary interest in the Tatars, and possessed the most extensive documentary record about them that existed in the West. See also: <https://www.stalbanscathedral.org/history/matthew-paris>.

¹⁰ This refers to Ismaelites or Assassins, an Islamic-shi'ite sect with its headquarters in northern Persia and a secondary branch in Syria.

¹¹ This refers to Hassan-i Sabbah's successor, the previous leader of the Ismaeli's or Assassins. Saracens were predominantly Muslims from the Levant (southwestern Asia).

and he also sent a Saracen messenger to the King of England (Henry III; H.K.), to tell these events and to say that if they themselves could not withstand the attacks of such people, nothing remained to prevent their devastating the countries of the West" [3, p. 63–64; 11, p. 131].

It is likely that this event caused Matthew Paris' attention to pique. From then on, he annually reported about the Tatars. From 1241 onwards, after the Tatar incursion into Europe, he alters his tone. He then starts using negative terminology when describing the Tatars, as is apparent in the following quote from the *Chronica Majora* from 1241: "*The men are inhuman and like beasts, they should sooner be called monsters than men. They are thirsty for blood, which they drink, they tear and devour the meat of dogs and men, they dress in bull-hide and are armed with iron lances. They are short and stocky in body (...), their strength does not wane, they are invincible in war and indefatigable in their toil. (...) They know no human law, have no pity and are more ferocious than bears or lions. (...) They know only their own language, and no other people has learned it*" [14, p. 76–77]. And: "*(...) All those who viewed the enemy's army from on high were appalled by the inhuman cruelty of these henchmen of the Antichrist, and told the governor about the horrible wailing by his Christian subjects, who were surprised and brutally killed in all adjoining provinces, no matter their rank, position, age or gender. The Tatar chieftains and their inhuman barbarous followers feasted on the corpses of the inhabitants and left only gnawed bones for the vultures; it was remarkable, however, that the greedy and insatiable vultures refused to touch the scraps left by the Tatars. Daily, old and crippled women were given to their cannibals for nourishment. Young and beautiful women were not devoured, but were overpowered even as they wept and wailed in their violent and unnatural defilement, the breasts of tender virgins cut off to serve as delicacies for their leaders, their bodies used as sustenance*" [20, p. 50–51].

The image of the Tatars in the West in the 13th century was far from reliable, aside from some astute observations by Julian. Stereotypes and prejudices were all around. Europeans had gotten quite a shock when it became clear that the Tatars were truly at Europe's gates. Despite all the warnings, people in the West were still not aware of the true scale of the Tatar threat. Even worse, there was a certain carelessness fueled by recognition of the Roman primacy among ever more people [10, p. 61].

Was the invasion of the West a surprise?

In the end of 1237 and the beginning of 1238, the Northeastern-Russian towns of Vladimir, Rjazan and Suzdal came under attack, followed in 1239 by the southwestern areas of Russia; by 1240 the entire Caucasus was under Tatar control. King Béla of Hungary supported his allies, the Cumans, a nomadic people from southern Russia who inhabited the steppes of southern Russia, and even offered them asylum in his own kingdom, but in 1241 both Poland and Hungary had to face the music [10, p. 73].

Reactions to the invasion of Europe went through three stages: first unbelief, followed by the belief that the Apocalypse, the end of the world, was about to come, and finally a rationalization of what really happened [6, p. 293–299]. The unimaginable, unreal idea that Europe could be invaded by a former steppes people, acting like a horde of barbarians, can best be illustrated by the following

quote: “Only God knows who they are and where they come from. (...) We don’t know where they come from and where they went. Only God knows whence He found them to inflict them on us, as a result of our sins” [6, p. 293].

To the inhabitants of Europe the invasion came as a complete surprise. In 1241, Matthew Paris wrote that the Tatars had crashed into Europe like a ‘*sudden bolt of lightning*’ [6, p. 290]. We have already seen, from the reports of the two missionary journeys that the Hungarian Dominican Julian had undertaken in the region of the Urals between 1235 and 1241, that this clap of thunder had come less sudden and as less of a surprise than Matthew makes out here. Those reports however were not acted upon. Another clear sign, communicated through an emissary of the Great Khan Ögedei, notably the Tatar resolution to conquer Rome and the Western world, was similarly ignored. Finally, there was the aforementioned letter from Batu sent via Julian to the Hungarian King Béla IV, demanding his surrender [3, p. 41]. Such letters and messages were intended to demoralize opponents in advance. But why should Europe take action? Hungary had been resisting attacks by steppes-peoples for centuries. Why would it be different this time? Frederick II was later to describe this careless, lethargic attitude of Béla IV as gross negligence [10, p. 62; 15, p. 57]¹². It was only after the fall and sack of Kiev on December 6th of 1240 that the king felt obliged to take security-measures, though these were scoffed at by the Tatars. In a letter to his brother in law, King Henry III of England, Frederick II told of the fall of this city. “*Kiev (Cleva), the biggest city of the kingdom, was conquered, just like the entire kingdom, its inhabitants defeated and its countryside turned into a desert*” [7, p. 39; 8, p. 514]. With the western part of Russia conquered, the road to Poland was clear, and a part of the Tatar army marched on to Cracow and Breslau. To prevent Polish and Hungarian princes from assisting each other, the Tatars decided to simultaneously invade in three places: in Poland, Transylvania and Hungary.

On March 18th of 1241 Cracow was razed¹³. A few weeks later, on April 9th of 1241, a German-Polish cavalry army was annihilated at Liegnitz (in German: Wahlstatt). In the battle, the Tatars were commanded by Kaidan (Qāidū) and opposed by the Kingdom of Poland, led by Henry II the Pious of Silesia, and supported by the Teutonic Knights and a cavalry army from the Holy Roman Empire. Tactically, the Tatars were very strong, alternating between feints and retreats to wrong-foot their opponents, and employing swift counterattacks.

This battle claimed the life of Henry II the Pious of Silesia. The Tatar strategy at this battle was aimed at protecting their own main army, which was marching on Hungary, in order to prevent the Poles to send assistance to Hungary. Aside from tactical tricks, they made use of existing disagreements between the Polish

¹² Frederick II himself later admitted that he had underestimated the Tatar threat. See below. Incidentally, Frederick II and Béla IV did not really get along, because Frederick II blamed Béla IV for not openly taking the Emperors side in his struggle with Pope Gregory IX. This was one reason of many why he entered into negotiations with dissatisfied Hungarian nobles to depose Béla IV as king.

¹³ According to tradition, a bugler plays a melody on a golden trumpet every hour in the highest tower of the Church of Our Lady Assumed into Heaven (Polish: *Kościół Mariacki*) in Cracow. This melody is played to warn the city of the imminent Tatar attack, and is played four times: one for each cardinal direction. During the fourth melody, the bugler suddenly stops. Ostensibly, the original bugler was killed by an arrow to his neck, which is why the melody is not completed.

command to attain their goal. After the Battle of Liegnitz, the Tatar troops eventually reunited with their main army in Hungary.

By simultaneously placing a second attack, the main army, under the command of the Tatar military leader general Batu Khan (also spelled Bātū), Chinggis Khan's grandson, was able to invade Hungary. The Tatars once again used the same tactics of encirclement that had proven so effective in earlier battles: they attacked King Béla's army from five different directions, utterly overwhelming it. The Hungarians had underestimated the Tatar danger, their courage, offensive power and tactics completely. Béla's army had far superior numbers, but it suffered from severe lack of cohesion. Furthermore, the nobility was seriously displeased about some of the decisions made and the policy employed by Béla. His authority had eroded [7, p. 46]¹⁴. On April 11th of 1241 a huge battle took place near the Hungarian town Muhi, to the southwest of the river Sajó: the 'Battle of Mohi'. King Béla had failed as military leader and committed several tactical gaffes, but by a miracle he and his brother Koloman managed to evade encirclement and capture¹⁵. To Batu however, Hungary remained unconquered as long as the king was at large, especially since the king had dared to refuse the great khan's orders. The fleeing king was pursued through Slavonia and Croatia, to the Dalmatian coast [7, p. 55] In the meantime, it was estimated that the population of Hungary had been reduced to half its number as a direct result of the Tatar invasion [7, p. 62]¹⁶.

Most towns, castles and monasteries in Hungary were barely walled and practically indefensible, and were easy prey for the Tatar onslaught [10, p. 64]. The surviving population was systematically and premeditatedly slaughtered, to serve as a horrible deterrent to would-be resistance against the Tatars¹⁷. The Battle of Mohi was given great symbolic meaning, not just because the loss of this battle meant that all of Europe came under Tatar threat, but also Christianity. According to contemporaries, as a result of this event a state of panic ensued in the West, reaching both Spain and the Netherlands [10, p. 65] The preparation and execution of the Tatar campaigns against Poland and Hungary reveal careful, well-thought out and strategically perfect planning. These were preceded by 'diplomatic' dueling on the heels of Tatar demands of subjugation. If this was refused, a brutal and merciless reckoning would follow [7, p. 41].

¹⁴ A well-known incident tells of the Austrian duke Frederick II who intended to support King Béla IV in his battle against the Tatars. He refused to have his soldiers fall under the command of the king. When that threatened to happen, he took his troops back to Austria. There had been incidents and tensions with other leaders and groups, leading to conflicts with King Béla, preceding Duke Frederick's decision.

¹⁵ After the Tatar retreat Béla IV himself returned to Hungary, where his main focus turned to constructing a system of defense utilizing castles to repel the threat of a new Tatar attack. This attack did indeed come in 1261. This time Béla was more successful and managed to defeat the Tatars. Béla has great renown in Hungary, and is commonly known there as "the second founder" of the kingdom.

¹⁶ Of the ca. two million Hungarian inhabitants almost one million perished, about half of them in battle and the other half by hunger and disease.

¹⁷ The most important chroniclers, Roger of Apulia and Thomas of Split, both give a similar description of the events and horrors.

The Tatar army's formula for success

There are different ways to account for the unprecedented success of the Tatar attacks. Perhaps the Tatar military superiority is best explained as a combination of strategic insight, mobility, organization, discipline, strike force and flexibility. The Tatar army possessed great herds of horses, and its soldiers were toughened and lived a sober life. As is reflected in his reports, the Dominican Julian was highly impressed by what he saw and heard about the Tatar army [3, p. 48–53]. Its horsemen rode small, agile horses, and they were able to fire arrows while mounted – and their arrows had a greater reach than any contemporary Western army. These arrows could penetrate armor, whereas the Tatar's own protection consisted of strips of boiled leather tough enough to resist the enemy's arrows. Commanders were able to easily move large units by using their widely enforced discipline, in stark contrast to the more individualistic way of making war employed by the Western knights [10, p. 71].

The female warriors that fought along with the men were just as warlike, just as skillful and just as brave as the male warriors. According to Brother Jordan (quoted by Matthew Paris): “*Their women ride in full armor and spare no-one. The woman who fights best, is seen as desirable, as it is with us with the women who weave and sew best*” [3, p. 49, 69]. The army was a well-oiled and highly disciplined fighting machine. It was divided according to a decimal system: units of tens, often consisting of allies of non-Tatar origin, lead by Tatars who in turn where part of centuries lead by a “centurion”. Allies were allowed their customs and traditions, providing they obeyed the Tatar warlords' commands. In battle, the tactics used often consisted of provoking the opponents, followed by encirclement and attacks in wave after concentric wave. In doing so, the Tatars used scouts who could relay messages over great distances by using an ingenious system of signaling by flag. This method of communication also allowed for different Tatar units to keep in contact with each-other. Another tried tactic was the use of hostages as a living shield. They were forced to form the vanguard, often only armed with spears. If they attempted to flee, they were killed, which is why they were very fierce in their attacks: they had nothing to lose [3, p. 50].

Another relevant point was the composition of the opposing armies. The Hungarian army primarily consisted of knights who, due to their heavy armor and crude weaponry, were far less agile than the Tatars. It was an army, moreover, that lacked unity, was lead poorly, and whose separate units did not know what the others were doing. The Tatar army had a much better organization and leadership, and also had at its disposal ‘modern’ weaponry, like huge crossbows and the then-recently discovered gunpowder from China [11, p. 96]. But the most important thing about the Tatars was their strategy, also described as *Tsunami Strategy*: they struck a certain designated region, flowed over into others where they inflicted a considerable amount of devastation and then they returned to the ‘flooded’ area, i.e. the area which was struck first and was the target of the campaign [12, p. 31–36]. Significantly, defenders were generally overwhelmed by the use of multiple invading armies, and relentless pursuit of military leaders. The point of this method was not to simply conquer huge swathes of territory, but to conquer a designated region and by using forays and destructive raids, create a buffer around the annexed region. Secondly, this method made it much more difficult for opponents to organize resistance, because the apparent leadership (like King Béla of Hungary)

was not given the chance to make contact with his vassals and allies. The Tatars then governed and controlled the newly annexed area while their armies remained on the frontier [12, p. 31–36]. All this explains how a numerically inferior Tatar army could defeat a far larger Hungarian army [10, p. 71]¹⁸. In short, the Hungarian army was ill-prepared for the coming of the Tatar army, and the tactics it would employ. For that matter, the same could be said of European knightly armies in general.

The struggle between Emperor Frederick II and Pope Gregory IX

At the time that the Tatars were invading Europe, the Emperor Frederick II and Pope Gregory IX were engaged in a fierce struggle. This struggle had a long preliminary history, a history of mounting, reciprocal distrust. The seeds for the troublesome relationship between Frederick II and the pope were sown in the German town of Aix, where the then twenty-years-old Frederick was crowned King of the Romans in 1215 and promised to go on crusade. This promise was repeatedly deferred, for different reasons. When pope Honorius III in 1225 once again called upon Frederick to go on crusade, he threatened him with excommunication if he did not depart. Eventually Frederick departed for Jerusalem from Brindisi in 1227, but he fell sick *en route* and returned to Italy. Upon hearing this, the new pope Gregory IX (Honorius III had died in March 1227) promptly excommunicated the emperor because he felt his illness was just another excuse. When Frederick was cured, in 1228, he finally departed, but now as an excommunicate. Once in the Holy Land, he succeeded in winning Jerusalem for a period of ten years, by engaging in diplomatic negotiations with the Muslims, who were lead by the sultan Malik al-Kamil (full name: al-Malik al-Kamel Naser al-Din Abu al-Ma'ali Muhammed). This crusade is known as the Sixth Crusade (1228–1229).

The pope, however, was dissatisfied: that an excommunicated emperor had won the city of Jerusalem in the name of the Western Christendom was a *contradictio in terminis*. In the summer of 1229 Frederick was forced to return to Sicily, because the pope was attempting to take control over Sicily into his own hands while Frederick was absent. Frederick quickly succeeded in taking control of the situation, but his relationship with Pope Gregory IX was seriously damaged. Gregory was forced, by his military weakness, to come to an arrangement with Frederick. Peace was signed in San Germano on August the 28th of 1230, and Frederick's excommunication was lifted. Despite the peace, neither Pope Gregory nor Frederick was really willing to adjust their opposing views about the primacy in secular power. Their mutual relationship quickly soured, when it was discovered that in the struggle for the North-Italian cities none of the parties was willing to compromise: not Frederick, not the pope, and neither were the Italian cities of the Lombard League.

Two opposing worlds

The pope and the emperor represented two opposing, irreconcilable worldviews. Since the second half of the 11th century, popes no longer saw themselves as 'merely' the successors of St Peter, but also as the vicar of Christ. Gregory felt that he, as pope, could act as judge over the secular princes. Although according to political-theological views both emperor and pope receive their station

¹⁸ There are even sources, like Juwaynī, who claim that the Hungarian army was twice the size of the Tatar army.

directly from God, the church felt it had the right to adjudicate over the worldly leader due to his sinfulness as a human. Frederick however, like his grandfather Frederick I Barbarossa before him, was convinced of equality between pope and emperor. The emperor wasn't just pre-ordained by God, he received a clerically similar sacral status through the anointment with chrism during the ritual of coronation: the ruler was the anointed of the Lord. From this followed his political position that God had instructed him to bring peace and justice, and he was accountable to no-one. Tensions between pope and emperor mounted to such an extent that Frederick was excommunicated for a second time on March 20th of 1239. At this new excommunication the pope portrayed Frederick II as a 'self-proclaimed heretic' and 'the beast of blasphemy from the Apocalypse'. This time, the excommunication would not be lifted. Because Frederick refused to accept the pope's authority over the worldly princes, and because he posed a threat to the independence of the Roman church, Gregory was determined to subdue Frederick by any means necessary. All of Europe was drawn into the ensuing propaganda-battle, which was unprecedentedly sharp in tone on both sides [16, p. 41–71].

A call for aid

The first requests for aid from Eastern Europe came against this background. King Wenceslas I of Bohemia sent out a letter to all Christians in Europe, calling for aid against the Tatar menace. On May the 18th of 1241 the Hungarian King Béla IV wrote a letter to the pope, urgently begging him for aid, well over a month after his ignominious defeat at Mohi [10, p. 65]¹⁹. He also sent a similar message to bishop Stephen of Vác (Waitzen in Hungary), and to his uncle, Berthold of Andechs, the Patriarch of Aquileia, who mentioned the request repeatedly in his sermons and forwarded the message to Pope Gregory IX [10, p. 61]. The patriarch presented himself to Frederick's court in February or March of 1242, to request his aid for Hungary. At this encounter, he made clear that King Béla IV would agree to become Frederick II's vassal and to recognize him as his feudal lord, if he were to help him in his fight against the Tatars [3, p. 41, 66–67; 10, p. 67]. The Tatar invasion, however, was not just a threat to Hungary, but to the entire Christian West. The '*libertas Christiana*' was at stake. The Tatars became part of God's plan for the world. They were seen as a scourge and a tool of God, used by Him to punish the Christians for their sins and the princes and prelates in particular for their carelessness. And so an appeal for intervention to both pope and emperor was to be made. The appeal, however, did not lead to a reconciliation between both parties. Mounting a united offensive against the Tatars was instrumental, but the odds of that happening seemed more remote than ever. Who was the true leader of the world, the pope or the emperor?

Who will save the Christian West?

There is a sense of gross underestimation of the scale and urgency of the Tatar danger in the letters that Frederick wrote to the other European monarchs, like his brother in law Henry III of England. The emperor appealed to all to unite and stop the Tatar enemy, and in this way 'to fight for peace'. He was well aware that due to

¹⁹ On June 16th of 1241, the pope took King Béla IV and his brother Koloman under his protection, and promised all those that entered the fight against the Tatars an indulgence equal to those crusaders received in their fight for the Holy Land.

his bad experiences and relations with the pope, a united stand against the Tatars was out of the question. However, by showing his good intentions, he could demonstrate to the world that the lack of forceful action against the Tatars was not his fault. His letters emphasize that he was unable to act without peace between himself and the pope, warn against the Tatars exploiting the disunity in the Christian world, complain of the pope preaching a crusade against him instead of the Tatars and Muslims, and reaffirm his readiness to mount a new crusade. In short, he wanted to maximize any advantage he could glean from the situation and apply it in his conflict with the pope [10, p. 67]. For instance, he had the Hungarian emissaries who had delivered Béla IV's urgent appeal for help ride to Rome to appeal to the pope not to jeopardize Christianity. The pope had to realize that he would be risking the future existence of the Christian faith if he prevented the Emperor and the other monarchs from mounting a united defense against the Tatars. He subsequently wrote a letter to Béla in which he hoped that the pope, in the moment of truth for Christianity, would take away the restrictions which had prevented Frederick from intervening immediately and by all means at his disposal stop and destroy the Tatars. This was of course a reference to his renewed excommunication, and the threat of deposition which he was facing [18, p. 504–505]. Finally, on July 3rd of 1241, he wrote a long entreaty to Henry III of England. In this letter he made an appeal to face the Tatars together. In passing, he mentioned his apparent demonstrations of humility towards the pope, and fulminated about the ongoing and systematic way by which the pope obstructed him in his duty of making peace and justice prevail. He grandiloquently writes: *“O God! How deeply and how often would We have let ourselves be humiliated and have We demonstrated all good will, if only the Roman Pope would dispense with his annoyance over the rift between Us, which annoyance he has cast out over all the world, and would temper and cease altogether his efforts, which betray the impetuosity of unrestrained passion, and allow Us to reign in peace over those who by law are Our subjects and keep them in obedience, and no longer protect and strengthen a great part of those who have risen in rebellion to Us, so that after We have brought peace to our realm and chastened the rebels [meaning the Tatars, H.K.] against whom We have expended infinite treasures and mounted the greatest efforts, Our power would exalt magnificently and turn towards the common opponents”* [8, p. 516–517].

Frederick continues by suggesting to Henry III that it's past time that the Christian West should unite in its common interest to 'send the Devil back to Hell': *“May your highness therefore take precautions, and while those common enemies fight their battles in the neighboring realms, look to thyself, to resist them with swift aid; for they have prepared themselves within their own lands to, with complete disregard for their own lives, subjugate the entire Christian West, may God forbid it, and to extirpate the Christian faith and the name of Christ. (...) But we have hope in the Lord Jesus Christ, under whose guidance we have so far, without enemies, triumphed, and that those too, who have crawled forth from Tartarus [Hell, H.K.], will fall down into their own Tartarus after they have felt the power of the Christian West, and experienced its resistance”* [2, p. 241–242; 3, p. 77; 8, p. 518].

The timing and the content of his letters show, that Frederick initially underestimated the threat of the Tatars, but also that he subsequently accurately

assessed the implications of the invasion. He was well-informed about the Tatar warriors, their martial prowess and the imminent danger. In going about this, he employed the same style of approach as he did in his famous book about falconry (*De Arte Venandi cum Avibus*): that of an astute observer and analyst²⁰. He then assessed which allies he would need in his fight against the Tatars. He reached out for aid in this fight to kings all over Europe and the pope. By acting in this way he gave a special meaning to his imperial status: he was at that time the most prominent person to save the Christian West from its doom. The pope should be grateful to him for that. He could show his gratitude by withdrawing all the accusations against him, and to rescind the upcoming trial, which was intended to depose him as emperor.

But that didn't happen. The pope answered Béla IV in a businesslike, non-apocalyptically toned letter, saying that he most definitely realized the danger. He promised to do everything that was in his power to give aid. He appealed to all the monks in Germany to pray for a positive outcome. The rest was up to having faith in God's charitable aid. He could not help but reference his struggle with the Emperor at the end of the letter. According to the pope, it had been Frederick who had weakened the fight against the common enemy. He simply reversed the question of guilt: if the Emperor had been willing to show his humility, atone for his wrongdoings and to bend to the commandments of the church, Hungary would be able to receive the unrestricted support of the entire Christian community in the West. In this way both pope and Emperor tried to use the Tatar invasion to force the other to concessions, but neither was willing to take the first step. Tempers had run (too) high.

In 1240 Frederick was at the zenith of his power. He considered himself untouchable and acted arrogantly. In the process, he lost sight of reality. To all appearances it seems that around that time the political tide definitely began to turn, and that the good fortune, which he had hitherto known, began to desert him. It didn't seem like that when on August 22nd of 1241, 'like a gift from Heaven', Pope Gregory suddenly died. The college of cardinals was divided in choosing a successor, and took a year and a half in electing a new pope. On the 25th of June 1243 cardinal Sinibaldo Fieschi from Genoa was elected the new pope, Innocent IV. The new pope was determined to play a leading role in Europe, and as vicar of Christ to take a position above both the Emperor and the kings of the West. This means that Frederick's relations with subsequent popes were weighed down with a principal problem. Frederick reigned as Roman-German Emperor by the grace of God and considered himself *equivalent* to the popes. However, the popes invoked their universal right, which reached further than merely ecclesiastical authority, to place themselves *above* all worldly rulers, including Frederick II. This was the status quo in Western Europe in 1243. Time to return to the Tatars.

An unexpected conclusion: the Tatars withdraw

The Tatar invasion of Europe is occasionally described as a Blitzkrieg: just as fast as the Tatars invaded Europe, they were gone. Why was that? None of the

²⁰ *De Arte Venandi cum Avibus*, literally: 'About the Art of Hunting with Birds', was written in the forties of the 13th century and is characterized by a, for that day and age, modern, scientific approach, namely by objective observation, without theological or teleological (double) meanings. With gratitude to prof. Ben Crul for his input in the discussion about Frederick II's scientific approach.

Western powers had proved capable of stopping the Tatars. On the face of it, there does not seem to have been a military reason for the Tatars to withdraw. It gradually became known that on December 11th of 1241 the Great Khan Ögedei had died in the capital city of the Mongol Empire, Karakorum. He was reportedly poisoned by his sister, the aunt of the future Khan Güyük [10, p. 72]. The entire royal family was expected to return to Mongolia to participate in the election of Ögedei's successor, the Tatar military leader Batu (who was in command of the invasion of the West) included. Batu may have had personal ambitions in the fight for succession, but we cannot be certain. What is certain, however, is that he was the *de facto* ruler of the westernmost part of the Mongol Empire, and that he eventually proved loyal to Güyük. The Tatar army pulled back through Bulgaria and reached the Black Sea in 1242, leaving a trail of death and destruction in its wake.

The retreat of the Tatar army has been cause for much discussion amongst modern historians over the last decades. Was Great Khan Ögedei's death the real reason for the Tatar withdrawal? Was Batu reluctant to fight in the heavily populated German princedoms, where the weather had a detrimental effect on the Tatar's bows? Or was he simply unwilling to march further because he had accomplished his goal of securing the western border of the Mongol Empire?²¹

Denis Sinor (1916–2011), formerly professor of Central Asiatic studies at Indiana University in Bloomington (USA), thinks the Tatar withdrawal is mainly due to logistical reasons. According to Sinor, the size of the Tatar army that invaded Europe should be estimated at 100,000 to 150,000 warriors. Their strength lay in their cavalry, with a seemingly inexhaustible supply of horses. Each warrior had at least three to four horses at his disposal, which meant a total of no less than 400,000 horses were required. This in turn would require 42,000 square kilometres of pasture to feed these horses. This much land was simply not available in Hungary. The Tatar command was in a comparable situation to a commander of a modern armoured division running out of fuel. Going further west, crossing the Danube, would have exacerbated the situation ever more. It was customary for the Tatars to stop the campaigning season in the spring, and let their horses roam free to graze, look for water and procreate, so that they would be ready for war in the fall. According to Sinor this was the reason why the Tatars withdrew from a destroyed and overgrazed Hungary in the spring of 1242; they went looking for steppes for their herds, the basis of Tatar military power [15, p. 31; 17]²². Batu subsequently made camp along the river Volga, and not much later founded the city of Saraj Batu, the capital city of the Golden Horde, one of the greatest cities of the medieval world²³.

Other theories attempting to explain the sudden Tatar withdrawal have been raised. Some historians point to deep divisions between the Tatar military command. Batu had argued with his cousins Güyük and Büri. Güyük and his troops withdrew to Mongolia, where the Great Khan Ögedei flew into a rage and sent him

²¹ http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Mongol_invasion_of_Europe and http://transylvanianhorseman.typepad.com/transylvanian_horseman/2007/10/way-of-the-mo-1.html

²² Pow argues against this, saying that Sinor based his calculations of American horses, and not the Tatar horses, which required far less fodder and which were much hardier.

²³ Golden Horde refers to both a Mongol term for the central camp of the Khan and the empire they established.

back to Batu to learn some discipline at the latter's hands. Güyük was on his way back to Batu when the news reached him that his father had died, and he turned back again. This means that Batu's withdrawal from the West could have been inspired by the possibility that his enemy was about to be elected the new great khan [10, p. 72]. Oddly enough, the return to the East had been begun before the news of Ögedei's death could possibly have reached the Tatar command in the West. This means he could not have been aware of the imperative to be present for the election of the new great khan. Moreover, Batu repeatedly refused to return to Mongolia [15, p. 16–22].

Other historians point to the substantial losses the Tatars suffered, despite their victory, rendering a further march into the West unsustainable. The Mongol Empire was also plagued by large scale disturbances, caused by the aforementioned Cumans. The problem with this theory is that despite the losses, there was no shortage of warriors, the victories were enormous, and the march had proceeded so quickly that there was no immediate cause to end the triumphal march through Europe [15, p. 41–45].

The historian Peter Jackson, professor emeritus of Medieval history at Keele University in England, raises another, according to him the most straightforward, possibility: the goals that Batu had set for himself could very well have been more limited than what is generally assumed. The suggestion that the Tatars had plans to invade Germany was mainly propagated to the German King Conrad, Frederick II's son, by King Béla of Hungary. It can be assumed that he wanted to use the Tatar threat as leverage to ensure himself of the German king's support. This does not automatically mean that the Tatars in fact intended to occupy these areas permanently. It is possible that the Tatar goal in attacking Hungary was limited to capturing or chasing King Béla out as punishment for his aiding the Cumans, and that after this goal was reached the intention was always to withdraw [10, p. 73–74]. This theory is also disputed. The Tatars intended to conquer a large part of Europe, which is evident from the ultimatum which was delivered to the Emperor Frederick II [10, p. 61]. The attack on the West was part of a greater programme, which was eventually to lead to Tatar rule over the entire world [15, p. 35–41].

More recently another historian, Lindsey Stephen Pow from the Canadian university in Calgary, claimed that in the invasion military concerns were the most prominent reasons for forcing the Tatars to withdraw. Relatively easy targets were still available to them in eastern Europe: the battles of Mohi and Liegnitz took place in largely open terrain, fortifications were weak, sometimes only consisting of earthen walls, society was largely rural and population density and the degree of urbanization were low. The further west the Tatars came, the greater the density of population and degree of urbanization, and the more numerous the defensible fortifications became [15, p. 47]²⁴. These fortifications represented an unsurmountable problem for the Tatars, since they lacked manpower and siege-equipment at that moment. Due to strategic reasons, it was impossible for the Tatars to disregard all these fortifications. Western methods of constructing castles, convents, citadels and walled towns had gradually evolved, which led to great improvement their defensibility. Moreover, most fortifications and towns were

²⁴ Compared to the estimated populations of nineteen million in France and The Low Countries, ten million in Germany and ten million in Italy in the thirteenth century, Hungary was very sparsely populated indeed, with just an estimated two million inhabitants.

situated atop mountains, making the task to take them harder still [15, p. 76]²⁵. This means the Tatars literally ran into an impenetrable wall, apart from the fact that as nomads, they had little information about these relatively more urbanized regions, although they had a very good intelligence. This explains why the Tatar leaders chose to retreat, instead of staying and inviting the eventual attack [15, p. 46–79].

We will probably never know which theory is correct. The obvious path is to look for a combination of factors, in which logistical and military-strategic reasons prevailed.

In the end

Regardless, the Tatars left Europe as quickly as they invaded it. The Christian West was saved for now, but saw itself facing an existential crisis: instead of trying to liberate the Holy Land by crusades, people were forced to contemplate the defense of their own Christian West. The Christian sense of superiority was confronted by a lack of appreciation of reality and a belated realization of the threat it faced. In the end the Christian West was not saved *because* of collaboration between papal and imperial forces, but *despite* a lack thereof. The Tatar invasion mercilessly exposed the divide of Europe at the time. Attention was centered internally, on a vulgar struggle for power between pope and emperor, in which neither seemed willing to compromise. Add to that the underestimation of the danger from outside Europe, partly explained by ignorance, partly by a misplaced sense of European-Christian superiority. The Tatars eventually withdrew. Europe had a lucky escape.

Thanks

The author thanks drs. Ron van den Beemt, prof. dr. Ben Crul, dr. Tjeerd de Graaf, dr. Harry Jansen, prof. Bruno Naarden en drs. Ton Vissers for their to-the-point observations concerning the content.

REFERENCES

1. *Annales monasterii de Waverleia*. Luard (ed.). *Annales monastici* II. RS 36.2. 324 p. (In Latin)
2. Baltrušaitis J. *Das phantastische Mittelalter. Antike und exotische Elemente der Kunst der Gotik*, Darmstadt, 1985. 415 p. (In German)
3. Bezzola G.A. *Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen*. Bern, 1974. 251 p. (In German)
4. Chambers J. *The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe*. New York, 2003. 111 p.
5. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/1235) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren*. Göttingen, 1956, pp. 126–202. (In German, Latin)
6. Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die abendländische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert. *Historische Zeitschrift* 243, 1986, pp. 287–332. (In German)

²⁵ Shortly after the Tatar withdrawal in 1242, many new stone fortifications were built in both Hungary and Poland.

7. Göckenjan H., Sweeney J.R. *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250*, Graz, Wien, Köln, 1985. 335 p. (In German)
8. Heinisch K.J. *Kaiser Friedrich II., In Briefen und Berichten seiner Zeit*. Darmstadt, 1968. 679 p. (In German)
9. Hormayr J. von. *Die goldene Chronik von Hohenschwangau, der Burg der Welfen, der Hohenstauffen und der Scheyren*. München, 1842. 416 p. (In German, Latin)
10. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, 2005. 414 p.
11. Marshall R. *Storm from the East. From Genghis Khan to Khubilai Khan*. London, 1993. 256 p.
12. May T. The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy. *Golden Horde Civilization*. Vol. 8. Kazan, 2015, pp. 31–36.
13. Ostrowsky D. *Muscovy and the Mongols, Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 2002. 312 p.
14. Paris Matthew. *Chronica Majora*, vol. IV. RS 57, 7 vols. London, 1872–1883. (In Latin)
15. Pow L.S. *Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242*. Calgary, 2012. 144 p.
16. Segl P. Die Feindbilder in der politischen Propaganda Friedrichs II. und seiner Gegner. *Feindbilder: Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit*. Bosbach F. (ed.). Keulen, 1992, pp. 41–71. (In German)
17. Sinor D. The Mongols in the West. *Journal of Asian History* 33/1, 1999, pp. 1–44.
18. Stürner W. *Friedrich II. Teil 2: Der Kaiser 1220–1250*. Darmstadt, 2003. 659 p. (In German)
19. Weiers M. *Geschichte der Mongolen*. Stuttgart, 2004. 269 p. (In German)
20. Wheatcroft A. *The Enemy at the Gate*. New York, 2009. 327 p.

About the author: Huub Kurstjens – MA, Educational Assessment Expert, Subject Specialist History Examinations, National Institute for Educational Measurement (CITO – Centraal Instituut voor Toetsontwikkeling) (Amsterdamseweg 13, 6814 CM Arnhem, Netherlands). E-mail: Huub.Kurstjens@cito.nl

Received January 25, 2017

Accepted for publication May 5, 2017

Published June 30, 2017

ВТОРЖЕНИЕ ТАТАР (МОНГОЛОВ) В ХРИСТИАНСКИЙ ЗАПАД. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ МЕЖДУ ФРИДРИХОМ II, ГРИГОРИЕМ IX И ТАТАРАМИ

Хюб Курстьенс

Центральный институт образовательного тестирования

Арнем, Нидерланды

Huub.Kurstjens@cito.nl

Цели исследования: Автор данной статьи стремится показать, как столкновение двух различных цивилизаций, до этого практически не подозревавших о существовании друг друга, – татар и христианского Запада – подорвали высокомерное и самоуверенное положение последнего. По мнению автора, западное христианское обще-

ство первой половины XIII века рассматривало себя высшей цивилизацией. Настоящая статья не фокусируется на рассмотрении одной из этих двух цивилизаций, но пытается раскрыть мотивы, предпосылки и перспективы попыток обеих сторон стать наиболее могущественной силой и наиболее важной цивилизацией того времени. На христианском Западе постоянно шла борьба за власть между Папой и императором, начавшаяся во время Борьбы за инвеституру в XI и XII веках и достигшая своей кульминации во время конфликта между императором Фридрихом II и Папством в XIII веке. В разгар этой борьбы, в 1241 году татары (монголы) вторглись в Венгрию и Польшу. Западная цивилизация оказалась под угрозой, хотя изначально почти никто не осознал этой угрозы и не оценил ее последствий.

Татары застали врасплох христианский Запад благодаря своей превосходящей тактике. Татары намного более преуспели в развитии коммуникаций и стратегии, как и в получении информации о раздоре, царившем на Западе. Несмотря на то что татары прибегали к стратегии, уподоблявшейся цунами, их нападение включало все необходимые элементы для уничтожения западного христианского общества.

Материалы исследования: Использование синхронных источников и книг, посвященных как татарам, так и христианскому Западу позволяет прояснить характер имевшего места конфликта.

Результаты исследования: Конечным результатом было столкновение цивилизаций, взрывоопасная смесь политико-культурного конфликта, бомба замедленного действия, которая, в конце концов, не взорвалась благодаря внезапному и в какой-то степени загадочному отступлению татар, оставившему, однако, западную цивилизацию в состоянии экзистенциального кризиса, подорвавшего прежнее превосходство Запада. Несмотря на то что появление и уход татар хорошо известны на Западе, предпосылки обеих сторон в этом конфликте и смертельная опасность, которой избежал христианский Запад, часто недооцениваются и едва ли принимаются во внимание на современном Западе.

Ключевые слова: татары (монголы), папа Григорий IX, император Фридрих II, Матвей Парижский, королевство Венгрии, христианство, христианский Запад, Апокалипсис

Для цитирования: Kurstjens H. The Invasion of the Christian West by the Tatars (Mongols). A Clash of Civilizations between Frederick II, Gregory IX and the Tatars // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 258–275. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.258-275

Сведения об авторе: Хюб Кюрстъянс – магистр гуманитарных наук, эксперт по оценке вопросов образования со специализацией в исторических дисциплинах, Центральный институт образовательного тестирования (Amsterdamseweg 13, 6814 CM Arnhem, Netherlands). E-mail: Huub.Kurstjens@cito.nl

Поступила 25.01.2017

Принята к публикации 05.05.2017

Опубликована 30.06.2017

THE CHRISTIAN NOBLES AT THE COURT OF GREAT KHAN, AS DESCRIBED IN MEDIAEVAL EUROPEAN SOURCES¹

Vladimír Liščák

*Oriental Institute, Czech Academy of Sciences
Prague, Czech Republic
vliscak@gmail.com*

Research objectives: “Moreover, the chief princes of his whole empire, more than thirty thousand in number, who are called Alans, and govern the whole Orient, are Christians either in fact or in name, calling themselves the Pope’s slaves, and ready to die for the Franks.” With these words John of Marignola, a notable traveller to the Far East in the fourteenth century and a legate to the Great Khan of *Cathay*, attested in his *Cronica Boemorum* the presence of certain Christian nobles of the Alan race in the service of the Mongol-Chinese emperor. The immediate impetus for Marignola’s mission was that in 1336 the Great Khan Ukhaghatu Toghon-Temür sent a delegation of sixteen “Franks” (*Franquis*), as the Mongols called Europeans, *ad Papam, Dominum Christianorum in Franchiam*. They brought two letters to the pope: one purporting to be from the Great Khan himself, and the other from certain princes of the Christian Alans in his service. By the coming of the Mongolian legation in Avignon in 1338, we are informed, among others, that the successor of John of Montecorvino, the first archbishop in Khanbalik, had never reached his destination, as well as the other succeeding archbishops to Khanbalik.

Research materials: Marignola’s mission was important not only with its spiritual message, but rather with an excellent choice of gift for the Great Khan. Western messengers brought with them, among the gifts from the Pope in Rome, a singularly auspicious present: a magnificent black horse with white hind hooves. Marignola, in his *Cronica Boemorum*, identifies the Christian dignitaries at the court of the Great Khan as the Alans. We know of them from earlier sources, but mostly under the generic name “Christians” or “Nestorian Christians”. John of Montecorvino reportedly converted many Alans (he did not mention their name) to Roman Catholic Christianity in addition to Armenians in China. According to the *Annals of the Yuan Dynasty*, in 1229 and 1241, when army of Ögedei Khan reached the *Country of the Aas* (Alans), their chief submitted at once and a body of one thousand Alans was kept for the private guard of the Great Khan. Möngke Khan enlisted in his bodyguard half of the troops of Arslan, an Alan prince, whose younger son Nicholas took a part in the expedition of the Mongols against *Qaraġang* (Yunnan). Marco Polo mentions *Alania* among the countries conquered by the Mongols, and devotes a whole chapter to an account of the slaughter of certain Alans who were Christians and formed a corps in Kublai’s army. The number and influence of Christians in China at the end of the thirteenth century may be gathered from the letter of John of Montecorvino, and in the first part of the following century from the report of the Archbishop of Soltania, who describes them as more than thirty thousand in number, and passing rich people. That Christians continued to rise in influence during the short remainder of the Mongol reign appears probable from the position which we find the Christian Alans to occupy in the empire at the time of the visit of John of Marignola. Also Odoric of Pordenone several times mentioned “great barons” (*magni barones aspicientes solum ad personam regis*) at the court of the Great Khan. Interesting is Odoric’s pleasant

¹ This article was kindly supported by MOFA Taiwan Fellowship (外交部「臺灣獎助金」) 2016.

anecdote concerning his presentation of apples to Yesün Temür Khan which reveals the easy acceptance of the Latin Christians by the emperor and his top generals – the hereditary Alan guards that protected Kublai's descendants.

Results and novelty of the research: What happened to the multitude of converts that John of Montecorvino and others claimed for Rome, when the Ming dynasty took control in 1368? A recent study suggests that Christian worship, instead of dying out under this pressure, simply became more circumspect in its visible forms of worship. Some fifteenth-century Christians migrated from the coast or other cities to smaller communities, in order to worship quietly as they wished.

Keywords: religion in mediaeval China, Yuan Dynasty China, Christianity in the Great Khan court, Franciscan missions, Christian Alan nobility, Western mediaeval sources

For citation: Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 276–289. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289

Recessimus de Auinione mense Decembris, pervenimus Neapolim in principio quadragesime et ibi usque ad pascha, quod fuit in fine Marcii expectavimus navigium Januensium, venturum cum nuncciis Thartarorum, quos misit Kaam de Cambalec, maxima civitate, ad papam pro mittendis legatis et ad aperiendam viam et fedus componendum cum christianis eo, quod multum honorat et diligit fidem nostram. Summi eciam principes sui imperii tocius plus quam triginta millia, qui vocantur Alani et totum gubernant imperium orientis, sunt christiani re vel nomine et dicunt se sclavos pape, parati mori pro Franquis; sic enim vocant nos, non a Francia, sed a Franquia. Horum primus apostolus fuit frater Johannes dictus de Monte Coruino, qui primo miles, judex et doctor Friderici imperatoris post lxxii annos factus frater Minor doctissimus et scientissimus [7, p. 494–495]².

With these words John of Marignola (*Iohannes a Sancto Laurentio, Iohannes de Florentia, Giovanni de' Marignolli*, b. before 1290, fl. 1338–1353), a notable traveller to the Far East in the fourteenth century and a legate to the Great Khan of Cathay, attested in his *Cronica Boemorum* the presence of certain Christian nobles of the Alan race in the service of the Mongol-Chinese emperor. In other part of his text also mentions:

² “We set out from Avignon in the month of December, came to Naples in the beginning of Lent, and stopped there till Easter (which fell at the end of March), waiting for a ship of Genoa, which was coming with the Tartar envoys whom the Kaan had sent from his great city of Cambalec to the Pope, to request the latter to despatch an embassy to his court, whereby communication might be established, and a treaty of alliance struck between him and the Christians; for he greatly loves and honours our faith. Moreover, the chief princes of his whole empire, more than thirty thousand in number, who are called Alans, and govern the whole Orient, are Christians either in fact or in name, calling themselves the Pope's slaves, and ready to die for the Franks. For so they term us, not indeed from France, but from Frank-land. Their first apostle was Friar John, called De Monte Corvino, who seventy-two years previously, after having been soldier, judge, and doctor in the service of the Emperor Frederic, had become a Minor Friar, and a most wise and learned one.” – Transl. by Henry Yule in [30, p. 210]. – Cf. also Národní knihovna České republiky [National Library of the Czech Republic], sign. I.D.10 (*Chronicae de rebus bohemicis gestis*, 15th century), f. 3v (facsimile of the only known ms. online: <http://v2.manuscriptorium.com/apps/main/index.php?request=show_tei_digidoc&docId=set04042630&client=>>).

“...et est hodie maior et nobilior nacio mundi et homines pulciores et forciores; quorum auxilio Tartari optinuerunt imperium orientis et sine quibus nunquam habuerunt victoriam gloriosam. Conduxit enim Cingwis Caam, primus Thartarorum rex, de eis LXXII principes, quando voluit precepto dei castigare mundum” [7, p. 507]³.

John of Marignola was the last of the major Franciscans sent out to the court of Mongolian khans and emperors in Yuan China. He came from a Florentine patrician family, received a good education, and lectured (from about 1330 to 1338) at the University of Bologna, famous for the study of canon law. In December 1338 he was sent by Benedict XII. (pope 1335–1342) from Avignon, then seat of the Holy Father, to the Mongolian court.

The immediate impetus for Marignola's mission was that in 1336 the Great Khan Ukhaghatu Toghon-Temür (འཁྱག་ཁཱ་ཏུ་ཏོག་མོན་ཏེམུར་ *Toyon Temür*, 窝阔台汗 *Uqayatu qayan* or 元惠宗順帝 *Yuán Huìzōng Shùndì*, 元惠宗順帝 *Yuán Huìzōng Shùndì*, ruled 1333 to 1368/1370) sent a delegation of sixteen “Franks” (*Franquis*), as the Mongols called Europeans, *ad Papam, Dominum Christianorum in Franchiam*. The delegation was led by a Genoese, Andrea di Nascio, accompanied by another Genoese, Andalò di Savignone, and fourteen other persons. They brought two letters to the pope: one purporting to be from the Great Khan himself, and the other from certain princes of the Christian Alans in his service [26, p. 179; 14, p. 314]⁴.

The letter of the Great Khan was as follows:

“In fortitudine Omnipotentis Dei, Imperatoris Imperatorum praeceptum.

Nos mittimus Nuncium nostrum Andræam Francum cum quindecim sociis ad Papam, Dominum Christianorum in Franchiam ultra septem maria, ubi sol occidit, ad aperiendum viam nunciis sæpe mittendis per nos ad Papam, & per Papam ad nos, & ad rogandum ipsum Papam, ut mittat nobis suam benedictionem, & in orationibus suis Sanctis semper memoriam faciat de nobis. Et quod Alanos servitores nostros, filios suos Christianos, habeat recommendatos. Item quod adducant nobis ab occasu solis equos, & alia mirabilia. Scripta in Cambalec in anno Rati mense sexto, tertia die lunationis [= 11 July 1336]” [23, p. 209]⁵.

³ “They form at this day the greatest and noblest nation in the world, the fairest and bravest of men. It is by their aid that the Tartars have won the empire of the east, and without them they have never gained a single important victory. For Chinghiz Caam, the first king of the Tartars, had seventy-two of their princes serving under him when he went forth under God's providence to scourge the world.” – Transl. by Henry Yule in [30, p. 248]. – Cf. also Národní knihovna České republiky [National Library of the Czech Republic], sign. I.D.10 (*Chronica de rebus bohemicis gestis*, 15th century), f. 14v (facsimile of the only known ms. online: <http://v2.manuscriptorium.com/apps/main/index.php?request=show_tei_digidoc&docId=set04042630&client=>>).

⁴ “[Tartarorum Imperator Legatos mittit ad Pontificem.] Ineunte hoc anno pervenerunt Avenionem Legati Imperatoris maximi Tartarorum [...] Ita etiam ipsi testati sunt, præcipue Principes Alanorum, scriptis per eosdem Legatos litteris, quibus Imperatoriam erga se depredicant beneficentiam, et gratias a Pontifice rependi desposcunt ...” [23, p. 209]. Cf. [11, p. 249–252].

⁵ “In the strength of the Omnipotent God! The Emperor of Emperors commandeth: We send our envoy, Andrew the Frank, with fifteen others, to the Pope, the Lord of the Christians, in Frank land beyond the Seven Seas where the sun goes down, to open a way for the frequent exchange of messengers between us and the Pope; and to request the Pope himself to send us his blessing, and always to remember us in his holy prayers; and to commend to him the Alans, our servants and his Christian sons. Also we desire that our messengers bring back to us horses and

In the letter of Alans, the Pope was asked to send a new archbishop after the death of John of Montecorvino (*Giovanni da Montecorvino*, 1247–1328), archbishop of Khanbalik (𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 *Qanbalīq*, 汗八里 *Hànbālǐ*, 元大都 *Yuán Dàdū*), the capital of the Yuan Dynasty, in 1307–1328, who “has died eight years before” (*qui tamen mortuus est ante octo annos, in quibus fuimus sine gubernatore, & sine spirituali consolatione*):

“[Epistola Alanorum ad Papam] *In fortitudine omnipotentis Dei, & in honore Imperatoris Domini nostri.*

Nos Futim Juens, Caticen Tungii, Gemboga Evenzi, Joannes Juckoy, sanctum Patrem Dominum Papam nostrum, capitibus ad terram positis, pedes osculantes, salutamus, petentes benedictionem suam & gratiam, & quod in orationibus suis Sanctis faciat de nobis memoriam, & numquam obliviscatur nostri. Hoc autem sanctitati vestrae sit notum, quod longo tempore fuimus informati in fide Catholica, & salubriter gubernati, & consolati plurimum per Legatum vestrum fratrem Joannem, valentem, sanctum, & sufficientem virum, qui tamen mortuus est ante octo annos, in quibus fuimus sine gubernatore, & sine spirituali consolatione, licet audierimus, quod providistis de alio legato, ille tamen nondum venit. Quare supplicamus Sanctitati Vestrae, quod mittatis nobis bonum, sufficientem, ac sapientem Legatum, qui curam habeat de animabus nostris, & quod cito veniat, quia male stamus sine capite, sine informatione, & sine consolatione, supplicamus etiam sapientiae vestrae, quod Domino nostro Imperatori respondeatis gratiose, ita quod aperiatur via, sicut & ipse petit, expedita & apta nunciis saepe mittendis a vobis ad ipsum, & ab ipso ad vos, & ad conferendam inter vos & ipsum amicitiam : quia si hoc feceritis magnum bonum subsequetur pro salute animarum, & pro exaltatione fidei Christianae, quia favor ejus in imperio suo facere potest innumera bona, & indignatio ejus innumera mala, & ideo recommendetis nos sibi, filios vestros, & fratres, & fideles alios, qui sunt in imperio ejus, quia si ita feceritis, bono maxima facietis, cum ita factum fuerit, quod ex parte vestra diversis temporibus tres vel quatuor nunc iverunt ad praefatum Imperatorem Dominum nostrum, a quo gratiose recepti fuerunt, & honorati & remunerati; & ex tunc dictus Imperator nullum a vobis, vel a Sede Apostolica responsum accepit, licet singuli promiserunt se a vobis responsa ad praefatum Dominum reportare. Quare provideat Sanctitas vestra, quod hac vice, & deinceps habeat certum a vobis responsum & nuncium, sicut decet Sanctitatem vestram, quia magna verecundia est Christianis in partibus istis, quando mendacia inveniuntur in ipsis. Scripta in Cambalec in anno Rati, mense sexto, tertia die lunationis” [23, p. 209–210]⁶.

other rarities from the sun-setting. Written in Cambalec, in the year of the Rat, in the sixth month, on the third day of the Moon” – Transl. by Henry Yule in [26, p. 181]. – The “Seven Seas” is a figurative term that can be traced back to ancient times referring to all the seas and oceans of the world. The Seven Seas was part of the vernacular of several nations long before some of the oceans named were known to the inhabitants of Europe and Asia. The Seven Seas are referred to in the literature of the ancient Hindus, Chinese, Persians, Romans and other nations. In each case, the term simply referred to different bodies of water. Sometimes it even referred to mythical seas. To the Persians, the Seven Seas were the streams forming the Oxus River; the Hindus used the term for the bodies of water in the Punjab. There is a group of salt-water lagoons near Venice, Italy, that the Romans called *septem maria*.

⁶ “*In the strength of the Omnipotent God, and in the honour of our Lord the Emperor! We, Futim Juens, Caticen Tungii, Gemboga Evenzi, Joannes Juckoy, with our heads in the dust salute our Holy Father the Pope. ... For a long time we received instruction in the Catholic faith, with*

By the coming of the Mongolian legation in Avignon in 1338, we are informed, among others, that the successor of John of Montecorvino, Nicolò di Calabria (*Nicholas de Botras, Nicolaus de Regio Calabrie*, † 1338), appointed in September 1333 by Pope John XXII, had never reached his destination, as well as the other succeeding archbishops to Khanbalik [22, n. 113, 120]⁷.

As regards the embassy of 1338 from the Great Khan, we find that it was graciously received by the Pope Benedict XII, one mark of his favour being to create one of the Tartar envoys sergeant-at-arms to himself [2, p. 242]⁸; that in due time the Pope delivered answers to the letters from Cathay, and that shortly afterwards he appointed legates to proceed on his own part to the court of Khanbalik, with a charge which combined the reciprocation of the Khan's courtesies with the promotion of missionary objects [26, p. 188].

Some months later the Pope named the legates, and addressed a letter to them under date II Kal. Novemb., in the fourth year of his Popedom, i.e., 31st October, 1338. Nicolas (*Nicholas, Nicolaus*) Bonet (b. around 1280, d. 1343), Nicolas Nolan (*Niccolò Nolano*), and Gregory of Hungary were sent to Khanbalik together with John of Marignola [26, p. 188]⁹. They reached Khanbalik (Dadu) in 1342, which year is attested by Luke Wadding (1588–1657), an Irish Franciscan friar and historian, in Vol. VII of his *Annales Minorum*¹⁰. He also observes: "*Magnus erat sub hoc tempore in Tartaria Christianorum numerus, & frequentes Fratrum missiones, quorum & domicilia multa, & opinio magna. Habebant domum prope magni Chami palatium...*" [23, p. 258]¹¹.

wholesome guidance and abundant consolation, from your Legate Friar John, a man of weighty, capable, and holy character. But since his death, eight years ago, we have been without a director, and without spiritual consolation. We heard, indeed, that thou hadst sent another legate, but he hath never yet appeared. Wherefore we beseech your Holiness to send us a legate, wise, capable, and virtuous, to care for our souls. And let him come quickly, for we are here a flock without a head, without instruction, without consolation.... And it has happened on three or four different occasions that envoys have come on thy part to the aforesaid Emperor our Master, and have been most graciously received by him, and have had honours and presents bestowed upon them; and although all of them in turn promised to bring back thine answer to our Lord aforesaid, never yet hath he had any reply from thee or from the Apostolic See. Wherefore let your Holiness see to it that this time and henceforward there may be no doubt about a reply being sent, and an envoy also, as is fitting from your Holiness. For it is cause of great shame to Christians in these parts, when their fellows are found to tell lies. Written in Cambalec, in the year of the Rat, in the sixth month, on the third day of the Moon" – Transl. by Henry Yule in [26, p. 181–183].

⁷ "*Fr. Nicolaus de Regio Calabrie electus est in archiepiscopum Cambaliensem*" [*Libri Chronicarum Fratris Elemosinae* (Bibl. Apostolica Vaticana, Chigiano I.VII.262, f. 103v)]. Cf. [20, n. 1037, p. 555].

⁸ "*Anno eodem quarto [1338] ejusdem pontificatus Grandis Dominus Tartarorum misit ambassiatores, litteras, & essenia ad dictum Dominum Papam Benedictum; quos dictus Papa habitis multis tractatibus cum Cardinalibus honorifice pertractavit, & unum scutiferum Tartarorum ipsorum ambassiatorum servientem armorum suorum creavit...*"

⁹ "*Dilectis filiis Nicolao Boneti sacrae Theologiae Professori, Nicolao de Molano, Joanni de Florentia, & Gregorio de Hungaria Ordinis Fratrum Minorum*" [23, p. 214].

¹⁰ "*Legati missi a Benedico ad magnum Chamum Imperatorem, qui a Principibus Orientis honorifice habiti, pervenerunt hoc anno ad civitatem Cambaliensem*" [23, p. 258].

¹¹ "*At the time there was a large number of Christians in Tartary, and frequent missions of fraters with many habitations and great opinions. They had a house near to the palace of the Great Khan...*" – Transl. by VL.

Marignola's mission was important – for Mongolian-Chinese written sources – not only with its spiritual message, but rather with an excellent choice of gift for the Great Khan. Western messengers brought with them, among the gifts from the Pope in Rome, a singularly auspicious present: a magnificent black horse with white hind hooves. Horses (known as *Horses of Heaven*, 天馬 *tiānmǎ*) from subjugate peoples were – since the times of Emperor Wu of Han (漢武帝 *Hàn Wǔdì*, 156 BC – 87 BC) – a particular sign of divine favour:

“Qua pertransita pervenimus in Cambalec, ubi est summa sedes imperii orientis, de cuius magnitudine incredibili et populo, ordine militum sileatur. Maximus autem Kaam visis dextrariis et donis pape et literis bullatis et regis eciam Roberti cum auro et nobis gavisus est gaudio magno, valde reputans bonum ymo optimum omne et summe nos honoravit” [7, p. 495]¹².

As Sir Henry Yule (1820–1889) notes, it is pleasing to find that though our legate has no place in the Chinese *Annals*, the “great horses” (*dextrarii*), which he took with him, have. Under the year of 1342 it is recorded that there were presented to the emperor horses of the kingdom of *Fulang* (拂郎國 *Fúláng Guó* = *Farang*, i. e. Europe), of a race till then unknown in China. This present was highly esteemed. The event was recorded both in official *Annals of the Yuan Dynasty* (元史 *Yuánshǐ*), and in *Outlines and details of the Comprehensive Mirror* (通鑑綱目 *Tōngjiàn gāngmù*):

是月，拂郎國貢異馬，長一丈一尺三寸，高六尺四寸，身純黑，後二蹄皆白。(《元史·本紀第四十·順帝三》)¹³

“Cette année, on offrit à l'empereur des chevaux du royaume des Foulang (des Francs), d'une race jusque-là inconnue à la Chine. Ils avoient onze grands pieds six pouces de long sur six pieds huit pouces de hauteur; leur poil étoit noir par-tout le corps, excepté aux deux pieds de derrière où il étoit blanc” [6, p. 579].

“On rapporte que cette année on offrit à l'Empereur un cheval du Royaume de Foulang, long de 11 pieds 6 pouces, haut de 6 pieds 8 pouces, le corps noir avec des taches de différentes couleurs, la corne des deux pieds de derrière étoit blanche. Le présent fut estimé” [9, p. 279].

Gaubil tells us in another work, *“Dans le palais de l'empereur, on conserve avec soin une peinture où Chun-ti, dernier empereur de la dynastie Yuen, est représenté sur un beau cheval dont on détaille toutes les dimensions. On marque*

¹² “After having passed it we came to Cambalec, the chief seat of the Empire of the East. Of its incredible magnitude, population, and military array, we will say nothing. But the Grand Kaam, when he beheld the great horses, and the Pope's presents, with his letter, and King Robert's too, with their golden seals, and when he saw us also, rejoiced greatly, being delighted, yea exceedingly delighted with everything, and treated us with the greatest honour”. – Transl. by Henry Yule in [30, p. 213–214]. – Cf. also Národní knihovna České republiky [National Library of the Czech Republic], sign. I.D.10 (*Chronica de rebus bohemicis gestis*, 15th century), f. 4r (facsimile online: <http://v2.manuscriptorium.com/apps/main/index.php?request=show_tei_digidoc&docId=set04042630&client=>>).

¹³ “In that month (i.e. in autumn, 7th lunar month of the 2nd year of 至正 *Zhìzhèng* era [= August 1342]) the kingdom of *Fulang* has tributed an exclusive horse. He was eleven feet six inches in length and six feet eight inches high, and was black all over, except the hind feet, which were white”. – Transl. by VL.

que le cheval fut offert à Chun-ti par un étranger du royaume de France. C'était sans doute ou un marchand ou un curieux voyageur" [10, p. 187]¹⁴.

This extraordinary gift to the emperor and his artistic representation were recorded by the scholar Ouyang Xuan (歐陽玄 *Ōuyáng Xuán*, 1283–1357) in his *Ode on the Heavenly Horse* (天馬頌 *Tiānmǎ song* or 天馬賦 *Tiānmǎ fù*)¹⁵.

But return back to the Christians at the Mongolian-Chinese court. Marignola, in his *Cronica Boemorum*, identifies the Christian dignitaries at the court of the Great Khan as the Alans. We know of them from earlier sources, but mostly under the generic name "Christians" or "Nestorian Christians"¹⁶.

Who were these Alans? The Alans (or *Alani*) were an Iranian nomadic pastoral people of antiquity. The first mentions of names that historians link with the *Alani* appear at almost the same time in Greco-Roman geography and in the Chinese dynastic chronicles. From Chinese early sources (*The Later Han Dynasty annals*, 後漢書 *Hòu Hàn shū*), covering the period of 25–220 AD, we know them under name of 阿蘭聊 *Ālánliáo* [13]. Their migrations, first to Central Asia in the first century AD and then, during the fourth and fifth centuries AD, to the West Europe and North Africa, are best known.

As the Alans, whose original area of settlement was north of the Caucasus, converted to Byzantine Orthodoxy in the first quarter of the tenth century, they were collectively mentioned as Byzantine-rite Christians in the thirteenth century. In the Northern Caucasus, roughly in the location of latter-day Circassia and modern North Ossetia–Alania, existed from the eighth or ninth century until its destruction by the Mongol invasion in 1238–1239, a medieval kingdom of Alania. Most Alans submitted to the Mongol Empire in 1239–1277. They participated in Mongol invasions of Europe and the Song Dynasty in Southern China.

In 1253, the Flemish Franciscan missionary and explorer William of Rubruck (*Ruysbroeck*, *Rubroek*, *Ruysbroek*, *Roebroek*, *Rubroek*, *Roebroek*, *Rubruck*, *Ruysbrock*, *Ruysbrok*, *Rubruquius* etc., c. 1220 – c. 1293) reported numerous Europeans in Central Asia [14; 15]. It is also known that 30,000 Alans formed the royal guard (*asud*)¹⁷ of the Yuan court in Dadu or Khanbalik (Beijing) [26, p. 184]. Marco Polo later reported their role in the Yuan Dynasty in his book *Il Milione* (see below).

John of Montecorvino (*Giovanni da Montecorvino*, 1247–1328), archbishop of Dadu (Khanbalik), reportedly converted many Alans (he did not mention their

¹⁴ A Ming copy of Yuan original painting of this horse by Zhou Lang (周郎: 天馬圖, 1342) has been recently rediscovered in Beijing and is exhibited in the National Palace Museum [1, p. 103–105].

¹⁵ An English translation by Lauren Arnold see [1, p. 103–104]. She erroneously states that it was published in the *Annals of the Yuan Dynasty* (元史 *Yuánshǐ*), however (as seen in the photo) the text was taken from *The Collected Works of Guizhai*, j. 1 (《圭齋文集》卷一). (<http://ctext.org/library.pl?if=gb&file=50372&page=34>) Guizhai was the pen name (號 *hào*) of Ouyang Xuan.

¹⁶ According to the present-day Franciscan historian and missionary Vincenzo Brocanelli, a total of 242 Friars Minor, among them 3 archbishops and 11 bishops, went to China in the years 1334, 1336, 1362 and 1369 [4, p. 16].

¹⁷ *Asud* (in Chinese sources mentioned as 阿速特 *āsùtè*, 阿速 *āsù*, 阿蘭 *ālán*, 阿思 *āsī*, 阿宿 *āsù*, 阿蘇特 *āsùtè*, 阿速惕 *āsùtì*) was a guard and military group of Alani origin.

The number and influence of Christians in China at the end of the thirteenth century may be gathered from the letter of John of Montecorvino [27, p. 46 *seqq.*], and in the first part of the following century from the report of the Archbishop of Soltania, who describes them as more than thirty thousand in number, and passing rich people [28, p. 102]. Probably there was a considerable increase in their numbers about this time, because Odoric of Pordenone (also known as Odoric of Udine, Odoric of Friuli etc.; ca. 1280/1286–1331), in about 1324, found (three) Nestorian churches in the city of Yangzhou (揚州 *Yángzhōu*)²¹, where Marco would probably have mentioned them had they existed in his time. That Christians continued to rise in influence during the short remainder of the Mongol reign appears probable from the position which we find the Christian Alans to occupy in the empire at the time of the visit of John of Marignola [29, p. 119].

Odoric several times mentioned “great barons” (*magni barones aspicientes solum ad personam regis*) at the court of the Great Khan, for example:

“Ego frater Odoricus ibi fui bene tribus annis in hac sua civitate et multotiens in istis suis festis presens fui, nam nos fratres minores in hac curia sua habemus locum deputatum, et nos semper sic oportet ire et dare sibi benedictionem nostram, unde diligenter petii et inquisivi a Christianis, Sarracenis cunctisque ydolatriis a nostris etiam conversis ad fidem, qui in ilia curia magni sunt barones aspicientes solum ad personam regis...” [32, p. 321]²².

Interesting is Odoric’s pleasant anecdote concerning his presentation of apples to Yesün Temür Khan (ᠶᠡᠰᠦᠨ ᠲᠡᠮᠦᠷ ᠬᠠᠨ *Yesüntemür qaγan*; 元泰定帝 *Yuán Tàidìngdì*, ruled 1323 to 1328) which reveals the easy acceptance of the Latin Christians by the emperor and his top generals – the hereditary Alan guards that protected Kublai’s descendants. The event happened apparently during Khan’s journey from the Summer Palace in Shangdu to Khanbalik. Shangdu (上都 *Shàngdū*, “Upper capital”), also known as *Xanadu* (from Mongolian ᠬᠠᠨ ᠳᠠ ᠳᠤ *Šandu*), was the capital of Kublai Khan’s Yuan dynasty in China, before he decided to move his throne to Khanbalik. According to the text known as *De reverentia magni Chanis* (On the respect of the Great Khan), Odoric and (four)²³ other Franciscans,

The first lord of the Tartars of the West was Sain, who was a great and powerful king. This King Sain conquered Russia, Cumania, Alania, Lac, Mengiar, Çic, Gutia, and Khazaria [Gaçaria]. All these provinces were conquered by King Sain [18, p. 213]. – The “Tartars of the West” are the khans of the Golden Horde; the “Tartars of the East” are the Ilkhans of Persia. “King Sain” means “good” Khan (ᠰᠠᠢᠨ ᠰᠠᠢᠨ *sain*), which was an epithet of Batu Khan (ᠪᠠᠲᠤ ᠬᠠᠨ *Batu Khan*, ruled 1227–1255), though here apparently attributed to Batu’s father Jochi (ᠵᠣᠴᠢ ᠬᠠᠨ *Jöci*, ruled 1225–1227). The French redactions omit this section on the Golden Horde entirely; the Tuscan redaction retains a much abbreviated version [5, p. 81].

²¹ “...ubi est locus fratrum minorum. In hac civitate eciam sunt ecclesie Nestorianorum”. – PRAHA, Knihovna Národního muzea [The National Museum Library], XVII.E.2., f. 8rb. – Only in some manuscripts it is stated that there were three Nestorian churches [29, p. 119].

²² “I, Friar Odoric, was full three years in that city of his, and often present at those festivals of theirs; for we Minor Friars have a place assigned to us at the emperor’s court, and we be always in duty bound to go and give him our benison. So I took the opportunity to make diligent inquiry from Christians, Saracens, and all kinds of idolaters, and likewise from our own converts to the faith, of whom there be some who are great barons at that court, and have to do with the king’s person only...” [31, p. 225]. – These great courtiers may have been some of the Christian Alans of whom we hear some years later in connection with the legation of Marignola.

²³ This number is mentioned only in some mss.

one of whom was a bishop, met the Great Khan on his way from Shangdu and saluted him by singing the hymn VENI CREATOR SPIRITUS²⁴. In this episode we know again on “four barons who go beside him” (*quatuor barones qui erant iuxta eum*), i.e. Christian Alan guards in the service of the Great Khan.

What happened to the multitude of converts that John of Montecorvino and others claimed for Rome, when the Ming dynasty took control in 1368? As Lauren Arnold writes in her *Princely Gifts and Papal Treasures*, no huge cataclysm took place in terms of Chinese Christianity during the change from the Yuan to the Ming dynasty, but the Christian communities founded by the Franciscans probably became very discreet in the outward manifestations of their faith. This was a period of intense anti-foreign feeling, when non-Chinese graveyards were despoiled and their stones incorporated into city walls, as they were in Yangzhou (揚州 *Yángzhōu*) and Quanzhou (泉州 *Quánzhōu*) [1, p. 143–144].

A recent study suggests that Christian worship, instead of dying out under this pressure, simply became more circumspect in its visible forms of worship. Bernward H. Willeke uncovered evidence that some fifteenth-century Christians migrated from the coast or other cities to smaller communities, in order to worship quietly as they wished [24, p. 64–70]. Latin Christianity in the beginning of the Ming dynasty might have hidden discreetly in the coastal cities and elsewhere, well into the early sixteenth century. It was slowly contracting from attrition, and suffering from lack of renewal. Very likely Latin Christians persisted in ever-smaller groups, as Nestorian enclaves did, until an official persecution caused by Muslim unrest (ca. 1543) violently ended all foreign-based religions in China [1, p. 145].

REFERENCES

1. Arnold L. *Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250–1350*. San Francisco, Desiderata Press, 1999. 239 p.
2. Baluzius St. (Étienne Baluze). *Vitæ paparum avenionensium: Hoc est Historia Pontificum Romanorum qui in Gallia sederunt ab anno Christi MCCCXV usque ad annum MCCCXCIV*. Stephanus Baluzius Tutelensis magnam partem nunc primum edidit, reliquam emendavit ad vetera exemplaria, Notas adjecit et collectionem actorum veterum Tome 1. Parisiis, Apud Franciscum Muguet Regis, Cleri Gallicani, & Illustrissimi Archiepiscopi Parisiensis Typographum, 1693. Cum Privilegio Regis. (In Latin)
3. Bretschneider E. *Mediæval Researches from Eastern Asiatic Sources: fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol II. With a reproduction of a Chinese mediæval map of Central and Western Asia. London, Trübner & Co., Ludgate Hill, 1888. 371 p.
4. Brocanelli Br. V., OFM. *Franciscans without frontiers*. [Strasbourg], Éditions du Signe, 2008. viii + 95 p.
5. Dashdondog B. Submission to the Mongol Empire by the Armenians. *Mongolian and Tibetan Quarterly*, 2009, 18 (3), pp. 76–103.

²⁴ VENI CREATOR SPIRITUS (“Come Creator Spirit”) is a hymn believed to have been written by Rabanus Maurus, a Frankish Benedictine monk, the archbishop of Mainz in Germany and a theologian, in the 9th century. When the original Latin text is used, it is normally sung in Gregorian chant. This hymn is sung in a variety of liturgical occasions.

6. De Mailla P. J.-A.-M. *Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire*; traduites du *Tong-kien-kang-mou*, par le feu Père Joseph-Anne-Marie de Moyriac de Mailla, Jésuite François, missionnaire à Pékin, publiées par M. l'Abbé Grosier, et dirigées par M. Le Roux des Hautesrayes, Conseiller-Lecteur du Roi, Professeur d'Arabe au Collège Royal de France, Interprète de Sa Majesté pour les Langues Orientales. Ouvrage enrichi de figures & de nouvelles cartes géographiques de la Chine ancienne & moderne, levées par ordre du feu Empereur Kang-Hi, & gravées pour la première fois. Tome neuvième. A Paris, chez Ph.-D. Pierres, Imprimeur du Grand-Conseil du Roi, & du Collège Royal de France, rue Saint-Jacques, & Clousier, Imprimeur-Libraire, rue Saint-Jacques, 1779. Avec approbation, et privilège du Roi. (In French)
7. Emler J. (ed.). *Kronika Jana z Marignoly. Iohannis de Marignola Chronicon. Fontes rerum Bohemicarum. Tom. III. Prameny dějin českých*, vydávané z Nadání Palackého péčí „Spolku historického v Praze“. V Praze 1882. Nákladem Nadání Františka Palackého. V komisi kněhupectví Dr. Grégr a Ferd. Dattel, pp. 485–604. (In Latin)
8. Epistolæ Fr. Iohannis de Monte Corvino. *Sinica Franciscana. Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum sæculi XIII et XIV*. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius van den Wyngaert O. F. M. Ad claras aquas (Quaracchi – Firenze), Apud Collegium S. Bonaventuræ, 1929, pp. 340–355. (In Latin)
9. Gaubil P. [Antoine]. *Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des Mongous, ses successeurs, conquérans de la Chine*; tirée de l'*Histoire chinoise*, et traduite par le R.P. Gaubil de la Compagnie de Jesus, Missionnaire à Péking. A Paris, Chez Briasson, Libraire, rue Saint Jacques et Piget, Libraire, sur le Quay des Augustins, 1739. Avec approbation et privilege du Roy. (In French)
10. Gaubil P. [Antoine]. *Traité de la chronologie chinoise, divisé en trois parties*; composé par le Père Gaubil, missionnaire à la Chine, et publié, pour servir de suite aux Mémoires concernant les Chinois, par M. Silvestre de Sacy. A Paris. Chez Treuttel et Würtz Libraires, ancien hôtel de Lauraguais, rue de Lille, no. 17; et à Strasbourg, même maison de Commerce, 1814. (In French)
11. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano. Tomo IV: Annali di Terra Santa dal 1333 al 1345*. Ad claras aquas (Quaracchi – Firenze), Apud Collegium S. Bonaventuræ 1923. v + 503 p. (In Italian, Latin)
12. Haw S.G. *Marco Polo's China: A Venetian in the Realm of Khubilai Khan*. London, Routledge, 2006. vii + 214 p.
13. Hill J.E. Annotated Translation of the Chapter on the Western Regions according to the *Hou Hanshu*. The *Xiyu juan* “Chapter on the Western Regions” from *Hou Hanshu* 88. 2nd Draft Edition, 2003 (online edition: <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html>)
14. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London, Longman, 2005. xxxiv + 414 p.
15. Jackson P. (ed. & trans.), Morgan D. (ed.). *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255*. London, Hakluyt Society 1990. xv + 312 p.
16. Liščák V. Marco Polo and Yunnan. *The Thai-Yunnan Project Newsletter* (Canberra), 1992, 17, pp. 20–25.
17. Marco Polo. *Il Milione. Le devisement dou monde, texte franco-venetien (proche de l'original). Il manoscritto della Biblioteca nazionale de France Fr. 1116, I. Testo*, a cura di Mario Eusebi, Roma-Padova, Antenore, 2010 («Biblioteca veneta. Poliana. Documenti per l'edizione integrale di Marco Polo», 1). Edizione digitale a cura di Mario Eusebi. Marcatura digitale a cura di Luigi Tassarolo. Available at: <<http://www.rialfri.eu/rialfriPHP/public/testo/testo/codice/milione.html>> (In Franco-Italian)
18. Marco Polo. *The Description of the World*. Translated, with an Introduction and Annotations, by Sharon Kinoshita. Indianapolis/Cambridge, Hackett Publishing, Inc. 2016. xxxi + 238 p.

19. Rockhill W.W. (ed. & trans.). *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–1255*. London, Hakluyt Society, 1900. 376 p.
20. Sbaralea J.H. [Sbaraglia G.G.], Eubel K. *Bullarium Franciscanum, sive, Romanorum pontificum: constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*, Tomus V, *Benedicti XI, Clementis V, Ioannis XXII Monumenta...* Romae, Typis Vaticanis, 1898. xlii + 643 p. (In Latin)
21. Sella P. *Il vangelo in Oriente: Giovanni da Montecorvino, frate minore e primo Vescovo in terra di Cina (1307–1328)*. Assisi, Edizioni Porziuncola, 2008. 150 p. (In Italian)
22. Sella P. Aspetti storici della missione di Giovanni da Montecorvino nel Cathay. *Antoniano* 77 (2002), pp. 475–502. Available at: <<http://laveja.blogspot.tw/2011/02/aspetti-storici-della-missione-di.html>> (In Italian)
23. Waddingus L., O.F.M. *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum* auctore A. R. P. Luca Waddingo Hiberno S. T. Lectore Jubilato, & Ordinis Chronologo. Tomus Septimus. Editio secunda, locupletior, & accuratior opera, et studio R.mi P. Josephi Mariae Fonseca ab Eborae S. T. Lect. Jubilati, S. & U. Inquisitionis Consultoris, S. C. Consistor. Votantis, Episcop. Examinatoris, & Ord. Min. in Cismont. Familia Commiss. Generalis. Romae: Typis Rochi Bernabò, 1733. Superiorum permissu. Cum privilegio Summi Pontificis. 632 p. (In Italian)
24. Willeke B.H. Did Catholicism in the Yuan Dynasty Survive until the Present? *Tripod* 47, 1988, pp. 64–70.
25. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). *Cathay and the Way Thither being a Collection of Medieval Notices of China*. Translated and edited by Colonel Sir Henry Yule, R. E., C. B., K. C. S. I. Corr. Inst. France. With a preliminary essay on the intercourse between China and the Western nations previous to the discovery of the Cape route. New edition, revised throughout in the light of recent discoveries by Henri Cordier, D. Litt., Hon. M. R. A. S., Hon. Cor. M. R. G. S., Hon. F. R. S. L., member of the Institute de France, professor at the École des Langues orientales vivantes, Paris. Vol. I–IV. London, Printed for the Hakluyt Society.
26. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). John de' Marignolli and his recollections of eastern travel. Biographical and introductory notices. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. III. London, Printed for the Hakluyt Society, 1914, pp. 177–208.
27. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). Letters and reports of missionary friars. No. I. First letter of John of Montecorvino. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. III. London, Printed for the Hakluyt Society, 1914, pp. 45–51.
28. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). Letters and reports of missionary friars. No. VIII. The book of the estate of the Great Caan, set forth by the Archbishop of Soltania, circa 1330. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. III. London, Printed for the Hakluyt Society, 1914, pp. 89–103.
29. Yule, Henry; Cordier, Henri, (eds. & trans.). "Preliminary essay." *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. I. London: Printed for the Hakluyt Society MDCCCXV.
30. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). Recollections of travel in the East, by John de Marignolli, Papal Legate to the court of the Great Khan and afterwards Bishop of Bisignano. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. III. London, Printed for the Hakluyt Society, 1914, pp. 209–269.
31. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). The Eastern Parts of the World Described, by Friar Odoric the Bohemian, of Friuli, in the Province of Saint Anthony. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. II. London, Printed for the Hakluyt Society, 1913, pp. 97–277.

32. Yule H., Cordier H. (eds. & trans.). Latin text of Odoric, from a MS. in the Bibliothèque Impériale. Descriptio Orientalium Descriptio orientaliū partium fratris Odorici Boemi de Foro Julii provinciæ Sancti Antonii. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. II. London, Printed for the Hakluyt Society, 1913, pp. 278–336. (In Latin)

About the author: Vladimír Liščák – Ph.D. (Ethnography), Research Fellow, Oriental Institute, Czech Academy of Sciences (Pod Vodárenskou věží 4, 18208 Praha 8-Libeň, Czechia); MOFA Taiwan Fellowship Visiting Scholar, **Researcher ID: E-1717-2014** (Center for Chinese Studies, National Central Library, No. 20, Zhongshan S. Rd., Taipei, Taiwan 100-01 R.O.C.). E-mail: vliscak@gmail.com

Received February 20, 2017

Accepted for publication May 2, 2017

Published June 30, 2017

ХРИСТИАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ ПРИ ДВОРЕ ВЕЛИКОГО ХАНА В ОПИСАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Владимир Лишчак

Институт востоковедения, Чешская Академия наук

Прага, Чехия

vliscak@gmail.com

Цель исследования: “*И важные государи его империи, которых называют аланами и которые правят всеми восточными землями империи (а их более тридцати тысяч этих аланов), – христиане как истинные, так и только по имени, и они называют себя рабами папы и готовы жизнь отдать за франков*”. Этими словами Джованни Мариньолли – известный путешественник XIV века на Дальний Восток и папский легат к Великому хану Катая – засвидетельствовал в своей *Богемской хронике* присутствие неких христианских аристократов аланского рода на службе у монголо-китайского императора. Непосредственным стимулом для миссии Мариньолли послужило то, что в 1336 году Великий хан Ухагату Тогон-Тэмур послал делегацию из шестнадцати “франков” (Franquis) – как монголы называли европейцев – к *pape, господину христиан, во Францию* (ad Papam, Dominum Christianorum in Franchiam). Они привезли два письма папе: одно, как заявлялось, было от самого императора, а другое – от неких принцев христианских аланов на службе у императора. В связи с прибытием монгольской делегации в Авиньон в 1338 году нам сообщается среди прочего, что преемник Джованни да Монтекорвино, первого архиепископа Ханбалыка, так и не смог достичь места назначения, как и все последующие архиепископы Ханбалыка.

Материалы исследования: миссия Мариньолли оказалась важна не столько в связи с привезенным им спиритуальным посланием, сколько с превосходным выбором подарка для Великого хана. Среди прочих подарков Авиньонского папы западные посланцы привезли особый подарок, сопутствовавший успеху их миссии: великолепного черного коня с белыми задними копытами. В своей *Богемской хронике* Мариньолли указывает, что христианские сановники при дворе Великого хана были аланами. Мы знаем о них из более ранних источников, но в основном под общим именем “христиан” или “неисторианских христиан”. Как сообщает Джованни да

Монтекорвино, он обратил многих аланов (не называя их поименно) в католическое христианство вместе с армянами в Китае. Согласно *Анналам династии Юань*, в 1229 и 1241 году, когда армия хана Угедея достигла Страны Аасов (аланов), их предводитель сразу же подчинился, и корпус из тысячи аланов содержался в качестве личной гвардии Великого хана. Хан Мунке зачислил в свои телохранители половину войск аланского принца Арслана, чей младший сын Николай принял участие в монгольской экспедиции против Караджанга (Юньнаня). Марко Поло упоминает *Аланию* среди стран, завоеванных монголами, и посвящает целую главу описанию бойни неких аланов, бывших христианами и составлявших отдельный корпус в армии Кубилая. Число и влияние христиан в Китае может быть установлено из письма Джованни да Монтекорвино для конца XIII века, а для первой половины следующего столетия – из отчета архиепископа Султании, сообщающего, что их было более тридцати тысяч и что они были чрезвычайно богатым народом. Рост влияния христиан в оставшийся короткий период монгольского правления кажется вероятным в связи с тем положением, в котором мы находим христианских аланов в империи к моменту визита Джованни Мариньолли. Также Одорик из Порденоне несколько раз упоминает “великих баронов” (*magni barones aspicientes solum ad personam regis*) при дворе Великого хана. Интересным представляется шуточный анекдот Одорика по поводу преподнесения им яблок хану Есун-Тэмуру, который показывает благоприятное отношение к латинским христианам со стороны императора и его верховных генералов, возглавлявших наследственную аланскую гвардию, охранявшую потомков Кубилая.

Результаты исследования: что случилось со множеством прозелитов, обращенных Джованни да Монтекорвино, как и со всеми другими, обратившимися ранее к папе, после того как династия Мин пришла к власти в 1368 году? Недавние исследования указывают на то, что вместо того, чтобы исчезнуть под этим давлением, христианский культ стал просто более осмотрителен в своих видимых формах поклонения. Некоторые христиане XV века переселились с побережья и больших городов в небольшие поселения, чтобы без лишнего шума исполнять свои ритуалы согласно своим пожеланиям.

Ключевые слова: религия в средневековом Китае, Юаньский Китай, христианство при дворе Великого хана, францисканские миссии, христианская аланская знать, западные средневековые источники

Для цитирования: Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 276–289. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289

Сведения об авторе: Владимир Лишчак – Ph.D. (этнография), научный сотрудник, Институт востоковедения, Чешская Академия наук (Pod Vodárenskou věží 4, 18208 Praha 8-Libeň, Czechia); MOFA Taiwan Fellowship Visiting Scholar, **Researcher ID: E-1717-2014** (Center for Chinese Studies, National Central Library, No. 20, Zhongshan S. Rd., Taipei, Taiwan 100-01 R.O.C.). E-mail: vliscak@gmail.com

Поступила 20.02.2017

Принята к публикации 02.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**РОЛЬ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО СОСТАВНОГО
В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО
«НАРОДА» УЛУСА ДЖУЧИ XIII–XIV ВВ.**

Д.М. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Цель: Исследование этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи (Золотой Орде) в XIII–XIV вв., которые остаются вне поля зрения историков.

Материалы исследования: Комплекс письменных исторических источников, материалы исторических, этнологических, лингвистических и археологических исследований.

Результаты и научная новизна: Точнее было бы сказать, что эти процессы трактуются в крайне упрощенных формах, суть которых сводится к «ассимиляции» монголов с численно преобладавшими половцами (кыпчаками). К этим недостаткам в отечественных исследованиях добавляются ещё другие, на этот раз возникающие под влиянием историков из Татарстана, стремящихся ликвидировать традицию отрицательной маркировки правящего «народа» Золотой Орды, именовавшегося в прежней литературе «татаро-монголами». В реальности для достоверного описания этнических процессов, происходивших в XIII–XIV вв. в рамках золотоордынского общества и закончившихся формированием этнии татар (средневековых татар), надо хорошо представлять этнические слагаемые данного «народа». Между тем, этот вопрос до сих пор разработан совершенно недостаточно, особенно плохо изучена роль восточных кыпчаков-кимаков, элита которых имела татарскую идентичность, в формировании средневековых татар. Кроме того, следует обратить внимание и на участие в этнополитических процессах, происходивших в Улусе Джучи, алтайских тюрок, а также тесно связанных с татарами уйгуров из бывшего Кимакского каганата. Изучение названных аспектов обширной проблемы становления взамен этнии «мэн-да» нового «народа» средневековых (золотоордынских) татар позволяет построить иную модель этнических процессов в Улусе Джучи, чем это было прежде.

Ключевые слова: этнические процессы, Улус Джучи, Улус Берке, Улус Тука-Тимура, Улус Шибана, татаро-монголы/монголо-татары, кланы, кимаки

Для цитирования: Исхаков Д.М. Роль тюрко-татарского составного в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 290–324. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.290-324

В предыдущей нашей статье, посвященной анализу этнического содержания понятия «мэн-да»/«монголо-татары», была отмечена необходимость отдельного разбора проблемы закрепления за государствообразующим этнополитическим ядром Улуса Джучи/Золотой Орды термина «татары» [24]. Действительно, как в отечественных, так и в зарубежных публикациях, посвященных изучению этой державы мирового уровня (общий обзор литературы см.: [13]), явно недостаточное внимание обращалось на происходившие в ее рамках этнические процессы, связанные как с социально-полити-

ческой структурой данного государства, так и с более ранней историей народа «мэн-да» Великого Монгольского государства. То, что этот аспект изучения истории Улуса Джучи упускается из виду и зарубежными историками, видно по работам таких известных исследователей, как П.Голден, Т.Барфилд, Т.Мэй [47; 5; 51].

В результате такая важная для понимания исторической динамики золотоордынского общества XIII–XIV вв. проблема, как установление предпосылок, механизмов и конечных итогов формирования из этнополитического объединения «мэн-да» эпохи становления Еке Монгол Улуса нового этносоциального организма «татар», точнее, средневековых или золотоордынских «татар» эпохи Улуса Джучи, отчетливо фиксируемых в большом числе исторических источников, до сих пор остается до конца невыясненной.

Именно поэтому возникла парадоксальная ситуация, особенно характерная для ряда современных отечественных работ, включая и учебную литературу, посвященную курсу истории России, когда в них под воздействием нескольких факторов, в числе которых надо отметить и реакцию на труды историков Татарстана, стремящихся ликвидировать традиционную для России сугубо отрицательную коннотацию периода так называемого «татаро-монгольского ига», начали избегать привычной двойной маркировки Золотой Орды как «татаро-монгольского» государства, переключившись на ее обозначение как «монгольской» державы или этнически неопределенной «Орды». Это привело к тому, что стало трудно понять, как в результате деконсолидации во второй половине XIV – начале XV вв. государствообразующего этнополитического ядра данного «монгольского» государства образовалось целое созвездие тюрко-татарских политий, чье население летописцами Московского великого княжества, находившегося в обширных контактах с ними, однозначно фиксировалось как «татары».

Обозначенная выше маркировка Золотой Орды вызвана не только политическими причинами (о них см.: [21]), но и сугубо научными – подобная трактовка зиждется на неизученности этнических, точнее, этнополитических процессов, происходивших в рамках Улуса Джучи со времени его образования. Кроме того, в историографии, не только в отечественной, но и в зарубежной, бытует в корне неверный подход о сложении золотоордынских «татар» в результате «ассимиляции» пришлых «монголов», численно преобладавших над местным кыпчакским населением [7, с. 127; 54, р. 73]. При этом, во-первых, упускается из виду, что политически доминировавшая в Золотой Орде группа состояла вовсе не из одних «монголов», а была «татаро-монгольской» общностью; во-вторых, судя по проведенному нами ранее анализу, у кыпчаков, точнее, у их восточной части – кимаков, – обнаруживается собственное «татарское» составное, позволяющее взглянуть на проблему становления в Улусе Джучи средневековых татар и татарской идентичности иначе, чем это было принято до сих пор.

В этих условиях очевидна целесообразность обращения к истории Золотой Орды под особым углом зрения, а именно, исходя из задачи описания становления в этом государстве взамен прежних этний «мэн-ва» и «мэн-да» нового «народа татар». При этом следует обратиться и к ранней этнополитической истории владения Джучи, начавшегося формироваться еще в рамках Еке Монгол Улуса и включавшего в свой состав тюркские группы зоны Ал-

тая и более западных территорий, на что следует обратить особое внимание из-за того, что это усилило тюркское составное населения данного улуса. Хотя эта тема и привлекала ранее наше внимание [22], она заслуживает повторного рассмотрения в связи с отмеченным в предыдущей статье выявлением особой роли татаро-кимакского населения в процессе формирования средневековых (золотоордынских) татар.

Если обратиться к вопросу об истоках Улуса Джучи, то обнаружится, что его начало надо искать в решениях Чингиз-хана о выделении своим четверым сыновьям от старшей жены – Джучи, Чагадаю, Угэдею и Толую, согласно монгольской традиции имевшим преимущественное право на наследство, в том числе и политическое, – отдельных уделов, вначале в виде всего лишь частей «монгольского народа», а затем уже и как крупных уделов, включающих не только монгольское ядро, но и многочисленные покоренные народы. Так как формирование таких владений занял о довольно длительный период, мы солидарны с мнением В.В. Трепавлова, критиковавшего тех исследователей, которые основание Улуса Джучи (Золотой Орды) пытались датировать лишь временем возвращения монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г. [13, с. 172]. На самом деле выделение собственного удела Джучи на основе решения Чингиз-хана произошло значительно раньше и началось около 1206–1207 гг., другое дело, что затем в результате дальнейших завоевательных походов монгольской армии это владение к 1240-м гг. расширилось, достигнув огромных размеров, а через некоторое время и вовсе став самостоятельным государством.

Согласно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, около 1207 г. Чингиз-хан принял решение «выделить» своим ближайшим родственникам «уделы». Тогда Джучи были выделены 9000 юртов (семей) и «приставлены» к нему три нойона – Хунан, Мункеур и Кете [41, с. 120; 33, с. 186]. По всем данным, это владение состояло из собственно «монголов» и имело свою территорию кочевания, которая, однако, остается точно не известной.

Сообщение монгольских источников подкрепляется Рашид ад-дином. Так, он отмечает, что когда Чингиз-хан «делил эмиров и войско между царевичами», то дал Джучи четырехтысячное войско, состоявшее из 4-х тысячных подразделений: первое – из *сиджиутов* во главе Мунгур/Мунгеур (Мунгэде) – нойоном, второе – из *кингитов* во главе с Кутан-нойоном, третье и четвертое – из *хушинов* во главе с Хушитай-нойоном и Байку (не исключено, что это – одна личность: Хушидай-Байку – см.: [38а, с. 172]). Также см. более полную информацию: [15а, с. 177–178, 183; 15б, с. 274]). Хотя допустимо предположить, что эти тысячные подразделения собирались за счет указанных выше 9 тыс. юртов (семей), полной уверенности в этом нет, да и о самом числе этих юртов в источниках есть некоторые разночтения, о чем ещё скажем далее. Тем не менее, имена двух нойонов (Хунан/Кутан и Мункеур/Мунгур) из собственно монгольских источников и из Рашид ад-дина частично совпадают, что подтверждает получение Джучи своего народа-войска. Дополнительно эта информация подкреплена и другим известием, содержащемся в монгольских источниках, рассказывающих о распоряжении Чингиз-хана темнику-нойону Хунану «во главе своих [сородичей] кенигесцев» перейти в подчинение к Джучи [41, с. 105; 33, с. 150]. Несомненно, тут подразумевается воинское подразделение из клана *кингит* во главе с Хунан-

нойоном. Сам же этот клан относился к «изначальным» монголам ветви *нирун*, как и племя сиджиут; к старым монгольским кланам Рашид ад-дин относил и группу хушин, хотя ее нет среди тех, кто восходил к ветви нирун [38а, с. 78]. Таким образом, в данном случае удел Джучи состоял еще только из кланов «монголов», но затем ситуация начала меняться, что случилось после похода этого Чингизида на «Лесные народы».

Согласно сведениям источников, в «год Зайца» (1207) по повелению Чингиз-хана Джучи во главе «войска Правой руки» был послан подчинить «Лесные народы», до которых надо было пройти и земли западных монголызычных племен (ойраты, буряты и др.), ещё не присоединенных к владению Чингиз-хана. По мнению одних исследователей этот поход предполагал выход на Саяно-Алтайское нагорье и прилегающую зону [9, с. 163], по мнению других – продвижение значительно дальше – в бассейн Иртыша, на старую родину кимаков [42, с. 49–51]. Думается, что верна последняя точка зрения, но она требует дополнительной аргументации.

Заметим, что ко времени начало похода Джучи отрядами Субэдея уже были рассеяны меркиты, а отрядами Джэбе – разбиты найманы во главе с Кучлуком [41, с. 118; 33, с. 182–183]. В последнем случае надо принять во внимание, что «места», где найманы «сидели», включали не только «Большой» [Еке] Алтай, но и «Кок Иртыш» (там обитало «племя *канглы*») и «Иртыш-мурэн» (Иртыш), а также «горы», которые лежали «между той рекой (т.е. Иртышом – Д.И.) и областью киргизов» [38а, с. 136–137]. Бассейн р. Иртыша был знаком монголам и раньше – в 1205 г., когда разбитые монголами отряды меркитов бежали в направлении «реки Эрдыш», уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов» переправившись через нее [41, с. 39], монголы их преследовали. Об этом сообщает и Джувейни, указавший на бегство меркитов в «Каракум, место обитания канглы» [8, с. 200]. Так что не исключено появление монголов в бассейне Иртыша уже в ходе преследования меркитов и найманов в 1205 г. (другая дата – в 1208 г.). Поэтому поход Джучи скорее всего был частью названных выше действий монголов против меркитов и найманов.

Как доказывает Б.Р. Зориктуев, общий маршрут движения войск Джучи был по западной стороне о. Хубсугул, по долине р. Шикшик (юго-восточная Тува), далее по территории Тувы и Хакасии с выходом в зону верховий р. Енисея [9, с. 162–163]. Однако, этот поход имел и продолжение в юго-западную Сибирь, что этим исследователем не акцентируется, но предполагается В.В. Трепавловым [42, с. 50–51]. Ко времени названного похода, возможно уже в 1201 г., «в силу ярлыка» Чингиз-хана было подчинено племя *баргут*, жившее в местности Баргуджин-Токум, локализуемой Рашид ад-дином «на той стороне р. Селенги», на «самом краю земель, которые населяли монголы» [38а, с. 121; 9, с. 146]. Так как покорение баргутов тогда было проделано с опорой на клан кунграт, в дальнейшем баргуты, бывшие тюрками [35], оказались с ними «близки и соединены» (через брачные связи – Д.И.) [38а, с. 118, 184–185]. Как гласят источники, по ходу продвижения войск Джучи его войска вышли на местность «Шихшит» (в Туве) и ему вначале добровольно покорились *ойраты*, *буряты* (*бурийаты*), *бурхаты* (*баргуты?*), *урсуты* (*убсуты*), *хабханасы* (*хабсаги*), *хангасы*, *тубасы*, затем и *кыргызы* [41, с. 119; 33, с. 184; 38а, с. 150]. После этого были покорены группы, относившиеся к собственно «Лесным народам»: *шибир* (*шибер*), *кэсдэм* (*кесдин*),

баид (баит), тукас, тенлек (тэлэнг), тоелес (тогулас), тас (тан), бичигэт (бачжиги) [41, с. 119; 33, с. 184]. Джучи, завершив поход, забрал с собой в ставку Чингиз-хана князей (нойонов) покоренных народов, при описании состава которых в источниках есть некоторая разница – в «Тайной истории монголов» говорится только о «нойонах Лесных народов» и «киргизских темниках и тысячниках», между тем в «Алтан Тобчи» первая группа нойонов оставлена так же, а вторая группа описана несколько иначе – как «нойоны киргизские, туматские и мингатские» [41, с. 119; 33, с. 184]. Эти детали нужны для того, чтобы разобраться в дальнейшем в этническом составе покоренных в 1207 г. Джучи, кланов. Но до этого скажем, что после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингиз-ханом Джучи [41, с. 119; 33, с. 184].

Итак, речь надо вести о начале оформления в 1207 г. у Джучи более обширного владения, включавшего в свой состав не только «коренных» монголов, но и немонгольские этнические группы, расселявшиеся в Саяно-Алтайском нагорье и на прилегающих территориях, а также в юго-западной Сибири. То, что данный удел в указанных границах (они еще будут уточнены) действительно был закреплен за Джучи, может подтвердить одно сообщение Рашид ад-дина, относящееся к 1218 г. [38б, с. 256]. Там говорится, что после восстания туматов (оно случилось в 1217 г.) для их повторного покорения монголы пытались привлечь киргизов, а когда те отказались и также восстали, Чингиз-хан «послал к ним своего сына Джучи с войском», приведшем в ходе похода в покорность туматов и киргизов [38а, с. 151]. Отсюда вытекает, что именно Джучи нес ответственность за регион, где жили туматы и кыргызы, а это – Саяно-Алтайское нагорье и прилегающие зоны, включая и юг Западной Сибири, о чем будет сказано ниже подробнее. Теперь, когда факт расширения границ удела Джучи после 1207 г. в северном направлении установлен, попытаемся разобраться с этнической принадлежностью тех племен, в особенности принадлежавших к «Лесным народам» и отданных Джучи. Это позволит нам определить границы владения Джучи в первых двух десятилетиях XIII в.

Относительно этнической принадлежности киргизов, чье вхождение в состав удела Джучи не вполне ясно, хотя показательно то, что в 1218 г. именно Джучи их покорил повторно, споров нет – это были тюрки, населявшие «две области», составившие «одно владение» – «Киргиз» (Хакасо-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува). Одна «сторона» этого владения «соприкасалась» с р. Анкара-мурэн, доходя при этом «до пределов области *Ибир-Сибир*», а та часть, которая именовалась «Кэм-Кэмджиут», «соприкасалась с местностями и горами, где сидят племена найманов». Согласно Рашид ад-дину, к этой области была «близка» и «местность Баргуджин-Токум», где жили «племена кори, баргу, тумат и байаут» [38а, с. 150]. Кто же были по этнической принадлежности эти последние кланы? Хотя не ясно, вошли ли они все во владение Джучи, одна из этих групп – *баид (баит/байаут)*, – точно относилась к «Лесным племенам» (см. выше). Так вот, Рашид ад-дин отмечает, что племена баргут, кори (хори) и тулас «близки друг с другом», и их «называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находясь] на той стороне Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [38а, с. 127]. Тут надо отметить, что группа «кори» – это туматы, так как в

«Тайной истории монголов» она названа «хори-туматским племенем» [41, с. 119]. Когда Рашид ад-дин пишет, что «племена кори, баргу, тумат и байаут, из которых некоторые суть монголы» [38а, с. 150], это вряд ли относится к первым трем группам, в которых достаточно обоснованно исследователи видят тюркоязычные кланы [27, с. 227; 9, с. 164–180 и др.]. Уже отмечалось, что наименование клана тумат может быть возведено к древнему тюркскому этнониму *дубо* (*тума/дубо*) [31, с. 141]. Как полагает Л.Р. Кызласов, туматы (т.е. дубо/тубо) первоначально жили в Тувинской котловине, откуда в XII в. были вытеснены ойратами в «пределы страны киргизов» [31, с. 138]. Действительно, Рашид ад-дин видит в племени тумат (следовательно, и в группе кори/хори) «ответвление от баргутов», указывая, что они жили в «пределах страны киргизов» [38а, с. 122]. Несомненно, некоторое смешение перечисленных, родственных баргутам кланов с монголами имело место, в частности, Рашид ад-дин сообщает о брачных связях представителей монгольского клана мангыт с баргутами [38а, с. 184]. Однако это вряд ли привело к быстрой ассимиляции тюркоязычных групп баргутской линии монголами.

Сейчас обратимся к другим группам, упоминаемым среди «Лесных народов». Относительно урсутов, которых Рашид ад-дин помещает «в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» или «по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» [38а, с. 123], у персидского историка можно найти два мнения. Согласно одному, группа *урасут* (*урсут*), наряду с кланами *теленгут* и *хушители*, были «монголами из лесного племени», а согласно другому, эти племена были лишь «подобны монголам» [38а, с. 122–123]. Современные исследователи склоняются к заключению о тюркском происхождении урсутов, как и групп теленгут и кушители, обитавших в верховьях Енисея [9, с. 153]. Недалеко от них жили хабханасы, чье наименование совпадает с хакасским этнонимом *хапхын* (это у них сеок, т.е. род), т.е. мы опять имеем дело с тюркским кланом. *Тубасы* и *тухасы*, обитавшие в районе о. Хубсугул (Тува), также являлись тюрками. Насчет клана *баит* (*байаут*), расселявшемся на входе в Саяно-Алтайское нагорье на водоразделе р. Селенги, есть некоторые сомнения, не были ли они монголами [9, с. 162]. Но это спорно – группа байаут известна и среди кимаков, что уже было отмечено. А вот насчет кланов *тэлэнг* (*тенлек*), *тоелес* и *тас* сомнений нет – это тюрки, так как данные этнонимы хорошо известны среди родов (сеоков) тувинцев и алтайцев [9, с. 162]. Можно, видимо, согласиться и с выводом Б.Р. Зориктуева относительно тюркоязычности группы *бачжи* (*байджигит*) [Там же]. Детальнее обо всех этих кланах см.: [9, с. 153–162].

Дискуссионным является мнение Б.Р. Зориктуева о наименовании «шибир» / «шибер», причисленным им к топонимам, как он полагает, отражающим название упоминающейся у Рашид ад-дина при описании «области» киргизов смежной с ней «области Ибир-Сибир» [38а, с.150], как считает данный исследователь, находившейся в «районе слияния Ангары и Енисея» [9, с. 161]. Так как этот вопрос прямо связан с определением западных пределов, достигнутых войсками Джучи в ходе похода 1207 г., он требует отдельного анализа.

Что касается собственно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи», то в них «шибир/шибер» – это этноним, так как за ним скрывается один из кланов из числа «Лесных народов». Далее, согласно названным источникам, при перечислении «народов», входивших в эту группу, клан *шибер* был отнесен к са-

мым отдаленным от собственно монгольских земель племенам [41, с. 119]. Несмотря на то, что имеется соблазн сопоставить это этноним с названием «Ибир-Сибир», вопрос о наименовании «шибир/шибер» не так прост.

Начнем с того, что у персидского историка локализация указанной выше «области» произведена по отношению ко второй «области» киргизов – к Кэм-Кэмджиуту (последняя, несмотря на то, что один раз названа рекой, в остальных случаях у него все-же признана «областью» [38а, с. 150; 38б, с. 112, 250]). Если вчитаться в текст этого историка, то окажется, что там речь идет в целом о территории, находившейся к северу или даже к северо-западу от области Кэм-Кэмджиут (см.: «одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир» [38а, с. 150]). А так как еще одна «сторона» Кэм-Кэмджута, на этот раз, скорее всего, её юго-западная часть, по Рашид ад-дину, соприкасалась с «местностями и горами, где сидят племена найманов» [38а, с. 150], то получается, что речь в последнем случае идет об алтайском направлении, севернее, точнее северо-западнее которого и должна быть локализована «область Ибир-Сибир». На самом деле она упоминается в XIV – начале XV вв. у ал-Омари, ибн Арабшаха, в «Анониме Искандера» в составе Золотой Орды, но без точной локализации (в последнем источнике, правда, отмечено, что эта «область» относилась к «правому крылу» государства) [17, с. 52]. Полагаем, что местонахождение этой «области» помогают определить русские летописи, в которых применительно к 1480-м годам фигурирует понятие «Сибирская земля», обозначающее территорию в бассейне р. Иртыш, находившуюся где-то в районе г. Чимги-Тура (Тюмень) [16]. К сказанному следует добавить, что сибирским татарам был известен и «низкорослый народец» (иногда отмечалось его родство с «остяками») – предшественник татар, именовавшийся «сыпыр». К тому же у сибирских татар в прошлом существовала и волость Супра, чье название отражает этноним «*супыр/сыпыр*» [17, с. 53]. Поэтому, хотя наименование «*Ибир-Сибир/Сибир-Ибир*» (в среднем диалекте татарского языка, кстати, есть фразеологизм *ыбыр-чыбыр* со значением «мелкий, незначительный, детвора») ко времени Рашид ад-дина и являлось названием «области», оно все-же напоминает этникон (*ибир*, в данном случае, это всего лишь вариант понятия *шибир*), восходящий к этнониму *шибир*, в период похода хана Джучи в начале XIII в. обозначавший конкретную этническую группу. В этой связи заметим, что нам уже ранее приходилось писать о том, что группа *шибер/шибир* (*сыпыр*) может быть увязана с хорошо известным среди гунно-болгарских племен кланом *савир/сабир/сувар* [17, с. 53]. (Об этом клане более подробно см.: [52]). В таком случае действительно получается, что войска Джучи не только дошли в 1207 г. до Западной Сибири, оказавшись в бассейне р. Иртыш, но и покорили там «народ *шибир*».

Ранее В.В. Трепавлов высказал мнение [42, с. 505] о том, что Джучи в Западной Сибири подчинил и кимаков, продолжавших частично находиться на Иртыше. Его гипотеза опирается на работу Б.Б. Кумекова, утверждавшего, что после массовой миграции кыпчаков в XI в. «одна часть кимаков удержалась на своей древней земле – Иртыше» [29, с. 128–129]. Однако из монгольских источников мы этого не видим, они говорят только о подчинении в этом регионе Джучи «народа *шибир*». Но можно согласиться с данным исследователем в том, что из завоеванной Джучи в 1207 г. территории у него впоследствии оста-

лась только часть: Южная Сибирь (Тува и прилегающая зона) в конце концов отошла к Коренному юрту, перейдя затем к младшему сыну Чингиз-хана Толую. Вопрос, однако, в том, когда это произошло, ибо до окончательного решения Чингиз-хана о наследнике престола Джучи еще являлся претендентом на владение Коренным юртом, который фактически был слит с имперским центром. Территория Алтая, не очень богатая, но престижная (древнетюркский юрт!), отошла к Угэдею скорее всего после его вступления в 1229 г. на престол Монгольской империи, будучи также включена в состав Коренного юрта, возможно, не полностью [42, с. 47–51]. Однако в последнем случае следует иметь в виду, что основная зона Алтая могла быть завоевана вовсе не Джучи в 1207 г., а присоединена в ходе походов Субэдея и Джэбе против меркитов и найманов в 1215–1216 гг., если не раньше. Но надо иметь в виду, что в походе на меркитов, бежавших в последнем случае к кыпчакам, мог участвовать и Джучи [38а, с. 116; 38б, с. 128]. Заметим, что весной 1220 г., когда Чингиз-хан отправился в поход на Государство хорезмшахов, он «лето провел в долине Иртыша, чтобы лошади [до осени там] откормились» [38а, с. 197, 256]. Как видим, и в данном случае зона Западной Сибири выступает как территория, которая была подконтрольна монголам. Но частичный переход удела Джучи в состав центрального владения не мог произойти до того, как был определен наследник престола Монгольской империи, что произошло не ранее 1219 г., а, возможно, даже окончательно лишь в 1226 г. [38а, с. 197, 258], ибо Джучи, как уже было отмечено, являлся одним из претендентов на это место. Поэтому не удивительно, что в 1218 г. Джучи пришлось заново подчинять туматов и киргизов – речь шла о его собственном владении.

В целом можно сказать, что после 1207 г. в уделе Джучи появились новые тюркские группы, возможно, в некоторых случаях (например, в случае с киргизами), достаточно многочисленные, что в данном владении усилило вес «тюрко-татарского» составного его «народа». В дальнейшем оно должно было увеличиться еще больше, ибо Джучи был назначен на завоевание кыпчаков. Но до этого случился ряд драматических событий, на которых необходимо остановиться потому что с ними связана дальнейшая территориальная трансформация удела Джучи.

Накануне похода Чингиз-хана в 1219 г. на «саратульский народ», т.е. против Государства хорезмшахов, одна из его жен подняла вопрос о престолонаследии, в ходе обсуждения которого возник конфликт между Джучи и Чагадаем, при разрешении которого представители «Алтын Урука» во главе с ханом пришли к выводу, что наследником станет Угэдей. При этом Чингиз-хан сказал Джучи и Чагадаю, что тем следует править «отдельно друг от друга» над «иноземными народами», причем «широко раздвинув отдельные кочевья» [41, с. 128–132]. В ходе ссоры между Джучи и Чагадаем, последний нанес тогда своему старшему брату смертельную обиду, назвав его «наследником меркитского плена» [41, с. 128], т.е. поставив под сомнение его генетическое происхождение от Чингиз-хана. Хотя отец и сделал за такой проступок серьезное порицание Чагадаю, его выбор в качестве наследника Угэдея кроме прочих причин был явно связан и с его личными сомнениями относительно происхождения старшего сына. В реальности именно двое старших сыновей Чингиз-хана были «лишними», так как Угэдею предстояло занять престол империи, а младшему Толую – править Коренным юртом, где

пока сидел младший брат Чингиз-хана Отчигин, впоследствии переживший своего старшего брата. Действительно, перед уходом в названный выше поход, Отчигин-нойону было доверено управление «Великим Аурухом» или «Великой ставкой» [41, с. 132; 33, с. 225]. Старшинство Угэдея, которому должны были подчиниться и его старший брат Джучи, и Чагадай, четко фиксируется в монгольских хрониках в 1221 г., когда в них говорится, что, направив на завоевание г. Ургенча, столицы Государства хорезмшахов, Джучи, Чагадай и Угэдея со своими воинами из Правого крыла [33, с. 226], Чингиз-хан предупредил, что двое первых «должны повиноваться словам Угэдея» [33, с. 226; 41, с. 133].

Параллельно этим боевым действиям, в 1221 г. отряд во главе с Субэдей-багатуром был, согласно монгольским хроникам, вроде бы отправлен «на север», где он должен был завоевать 11 стран и народов: *канглы (канлин), кыпчак (кибчаут), бачжигит (башикир), оросут, мачжарат, асут, хасут, сасут (сангут), серкесут, болар (буляр), кэрэл (рарал/лалат)* [41, с. 135; 33, с. 228], что предполагало выход на «Идил» (*Иджил*) и «Джасайхан» (*Аях*), дойдя затем до города «Кивамен-кермена» (Хий-э). Но все дело в том, что эта общая задача – она была явно поставлена тогда Чингиз-ханом – была оставлена на более поздний период, так как в реальности Джэбе-нойону и Субэдей-нойону пришлось срочно заняться погоней за Мухаммад-хорезмшахом по территориям Хорасана, Ирана и Азербайджана (затем оттуда они вышли на просторы Дешт-и Кыпчака) [38б, с. 257]. В данном случае показательно то, что к 1221 г. ещё только ставилась задача завоевания кыпчаков и канглы. Следовательно, последние, жившие в бассейне Кок-Иртыша [38а, с. 137], в ходе предыдущих походов монгольских войск ещё не были завоеваны, хотя мы уже видели, что весной 1220 г. Чингиз-хан временно находился в районе Иртыша. Следует обратить внимание и на то, что в обозначенном выше списке «стран» и «народов», подлежащих подчинению, йемеки (кимаки) не указаны; не исключено, что они скрываются под общим наименованием «кыпчаки». Но это не означает, что зона Иртыша не входила в состав удела Джучи; входила, что далее станет яснее.

В ходе завоевания среднеазиатских владений хорезмшахов, когда монгольские войска в 1220 г. осаждали г. Отрар (там находился и сам Чингиз-хан, а с ним были его сыновья Чагадай и Угэдей), Джучи был с другой группой отправлен на захват Янгикента и Дженда, а также Барчинлигкента с окрестностями [38б, с. 198, 257]. После завоевания Янгикента одна группа из войск Джучи ушла на захват ставки тюрок-канглы [38б, с. 200]. Затем по распоряжению Чингиз-хана, Джучи, Чагадай и Угэдей были посланы на захват Хорезма (зима 1220/1221 гг.) [38б, с. 257; 38в, с. 78], откуда двое последних Чингизидов весной 1222 г. вернулись к отцу, а вот Джучи «ушел в свое становище и улус» [38б, с. 257]. Где же они были? Об этом сообщает Рашид ад-дин, уточняющий: «Джочи-хан... направился в сторону Иртыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам» [39в, с. 77]. Так окончательно выясняется, что центр владения (улуса) Джучи к 1222 г. несомненно находился в «стороне Иртыша», что подтверждает вхождение этой территории в его удел ещё в 1207 г. Наконец, вот что говорит Рашид ад-дин в своем «повествовании о Джучи-хане»: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Иртыша и Алтайских гор (так! – Д.И.), летние и зимние кочевья тех ок-

рестностей, Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включил в свои владения области Дашт-и Кыпчак и находящиеся в тех краях государства» [39в, с. 78]. На самом деле в этом сообщении содержатся два известия: первое – об уделе Джучи к 1222 г. (результат похода 1207 г.), второе – относительно плана дальнейшего его расширения в общеимперских интересах, но не без выгоды самому Джучи. Что касается границ его удела к 1222 г., то показательно, что он ещё включал пределы «Алтайских гор», но вряд ли район Енисея, так как из «Алтан Тобчи» видно, что в числе туменов, подчинявшихся лично Чингиз-хану, в составе трех «западных» подразделений назван тумен под названием «двенадцать туматов» [33, с. 244]. А туматы, как мы уже видели, жили в «стране киргизов». Поэтому можно полагать, что южносибирские земли, территория Тувы, уже отошли к Коренному юрту.

Но информация о возложении Чингиз-ханом на Джучи задачи нового завоевательного похода требует разбора. Прежде всего, у Рашид ад-дина есть следующее высказывание: «...[Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев» [39в, с. 78]. В принципе, это распоряжение Чингиз-хана частично повторяет приведенное выше известие о планах, возложенных в 1221 г. на Субэдея, но оставшихся тогда не реализованными. Скорее всего, такой приказ действительно существовал, так как, во-первых, Рашид ад-дин отмечает, что «воссевший на трон» Угэдей-каан задачу «покорения северных областей» поручил «членам рода Джучи-хана», но на «основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану» [39в, с. 74]; во-вторых, похожие сообщения есть и в других источниках (см. данные Джувейни, Казвини [10, с. 257, 274]). Но когда же Джучи все-таки получил это распоряжение? Для ответа на этот вопрос – а без него трудно будет понять логику дальнейших действий Джучидов после смерти Джучи – обратимся к другим данным.

Известно, что после возвращения из победоносного похода на владения хорезмшаха, в 1225 г. – «год Курицы» – Чингиз-хан занялся обустройством завоеванных территорий, в ходе которого в его ставке было принято решение «отделить Джочи, назначив его главным правителем кыпчаков» (тогда же Чагадаю была дана «страна сартагчинов», т.е. Мавераннахр). Как рассказывает Лубсан Данзан, Чингиз-хан «отправил [тогда] Джочи главным даругачи над кыпчаками» [33, с. 229–230]. Как мы далее увидим, это сообщение подкрепляется и другими источниками. Согласно Лубсан Данзану, после названного решения Чингиз-хан для управления «землею оросутов и черкисутов» выделил уже знакомого нам Хукин-нойона, ранее стоявшего во главе кингитов, но сейчас он был сделан ответственным за «западную половину владения» Джучи, ему Чингиз-ханом были также выделены 8000 людей [33, с. 232], что свидетельствует о его статусе темника. Как сообщает эта же хроника, после того, как Хукин-нойон «дошел до места», был «также [отправлен] Мунгэту-багатур», стоявший во главе сиджиутов [33, с. 233]. Данные Рашид ад-дина подтверждают сказанное: он указывает, что Мунгэде-нойон «в эпоху Бату... ведал войском», указав, что у Токты один из старших эмиров (Черкес) был «из его рода» [38а, с. 183]. Он же отмечает, что эмир по имени Хушидай-Байку, которого «Чингиз отдал... Джочию вместе с войском...», командовал

правым крылом войск Бату» [38а, с. 172]. Тут возможны разные трактовки: или эти известия относятся к уделу Джучи безотносительно к конкретному времени, или все же такая передвижка воинских подразделений, вверенных Джучи, произошла после принятого в 1225 г. решения о расширении удела Джучи. В его уделе в новых границах уже могли присутствовать и кыпчаки, ибо ему были пожалованы северная часть Хорезма (низовья Амударьи) и восточный Дешт-и Кыпчак [13, с. 171], включавшие восточных кыпчаков-йемеков и канглы.

Но остальных кыпчаков ещё только предстояло завоевать. По образному выражению ан-Нувейри, Чингиз-хан «назначил» Джучи «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [10, с. 80]. А до «Саксина и Булгарских пределов» в 1223 г. отряды Субэдея и Джэбе действительно доходили. При этом, судя по указанному выше высказыванию Рашид ад-дина, Джучи удалось сохранить в своем владении бассейн р. Иртыш и частично «Лесные народы», о чем может свидетельствовать указание персидским историком вхождения в его удел зоны «Алтайских гор».

Однако, после решения о передаче Джучи в качестве дополнения к его прежнему владению «кыпчаков», что-то произошло между ним и Чингиз-ханом, ибо Рашид ад-дин рассказывает, что Джучи «уклонился» от завоевания «северных стран», на приглашения отца прибыть к нему, отказывался, сказавшись больным. Дело дошло до того, что рассерженный Чингиз-хан якобы приказал, чтобы «войско выступило в поход в его (Джучи – Д.И.) сторону, и чтобы впереди всех отправились Чагадай и Угэдей». Вслед за ними он сам также собирался выступить против своего старшего сына [39в, с. 79]. Джучи от карательного похода спасла только его внезапная кончина, как предполагают, возможно, он был убит в феврале 1227 г. по распоряжению отца, подозревавшего его в сепаратизме [13, с. 171]. Некоторые основания для подобных заключений действительно имеются, в особенности, если иметь в виду его особую любовь к «Кыпчакской земле». Как сообщает Джузджани, когда тот «увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»... Как рассказывает этот автор, «в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам». Джузджани даже отмечает, что Чингиз-хан «послал доверенных лиц своих отравить и убить» своего старшего сына [10, с. 250–251]. Как бы то ни было, Джучи на котором висело «меркитское проклятье», оказавшись в плотном тюркском окружении из сибирских тюрок, йемеков, канглы, возможно и найманов, мог захотеть обособиться от имперского центра, что еще не означает реализацию данного плана при его жизни. Но завоеватель мира пережил Джучи всего на полгода, однако, судя по всему, успев передать удел Джучи его сыну Бату, которому пришлось заняться теми завоеваниями, от которых его отец «уклонялся». Мы на этих завоевательных походах детально останавливаться не будем, но некоторые сюжеты, необходимые для выяснения

особенностей этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в дальнейшем, вкратце рассмотрим.

Началу походов монгольских войск в направлении «северных стран» предшествовала интронизация Угэдея в 1229 г, признанного «каганом» (каан), т.е. ханом ханов. Согласно «Тайной истории монголов», в «год Мыши (1228/1229 г.) в Келуренском Кдеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевицы Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевицылевой руки; Толуй и прочие царевицы Центра; царевицы, зятья, нойоны и тысячники» [41, с. 138]. Это был курултай, происходивший 19 сентября 1229 г., но сбор знати начался еще весной 1228 г. (в «первых днях весны»). Он происходил в «старинном юрту и Великой ставке», находившемся «в местности Келурен», куда «из Кыпчака» прибыли сыновья Джучи-хана (Урдада, т.е. Орда, Бату, Шибан, Берке, Беркечар и Бука (Тука) – Тимур, «из Каялыга» Чагадай «со всеми сыновьями и внуками», «из Имиля и Кунака» – Угэдей с сыновьями и «родом своим», «с востока», т.е. из Коренного юрта – Отчигин, Бильгутаи-нойон, двоюродный брат Ильджидай – нойон и сын Качиун. К приходу последних там уже находился Тулуй-хан, «глава дома и Коренного юрта», известный как Еке/Улуг-нойон. Рашид ад-дин отмечает, что «все царевицы и эмиры направились со [всех] сторон и краев» в ту местность [39в, с. 18–19]. Данное событие важно с нескольких точек зрения. Во-первых, как отмечает «Юань ши», на этом «большом сборе всех князей (*ваанов*) и всех чинов... посмертным рескриптом Тай-цзу (Чингиз-хана – Д.И.) император (*каан* Угэдей – Д.И.) был возведен на престол» [45, с. 478]. Во-вторых, на этом курултае были подтверждены пожалования, в том числе и связанные с выделением уделов, сделанные Чингиз-ханом. В третьих, именно после этого события – решение вероятно было принято на курултае – «Кокошай (видимо, сын второго – Д.И.) и Субэдай-бахадур» были посланы «с войском (речь идет о 30 тыс. воинов – Д.И.) в сторону Кыпчака, Саксина и Булгара» [39в, с.21]. Джувейни пишет то же самое: «В землю кыпчаков, саксинов и болгар он (Угэдей-каан – Д.И.) послал Кокетейя и Субутая-бахадурас... войском [8, с. 127]. Об этом не датированном походе, оставшемся малоизвестным из-за того, что он оказался «перекрытым» последующим гораздо более масштабным событием – начатым весной 1235 г. общеимперским наступлением «на западные страны» [45, с. 486]; есть намек и в «Тайной истории монголов», где сказано: «Субетай-багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингизхане» [41, с. 138]. Показательно, что с этим рейдом был отправлен Субэдей, которому названный регион был уже знаком. Не исключено, что тогда был запланирован выход на волжские рубежи. Но удивительно, что Бату, уже «воссевший в своем улусе на ханский престол в качестве преемника отца» [39в, с. 79] и явно успевший в 1229 г. получить подтверждение своих прав, в отмеченном походе не принимал участия. Возможных объяснений тут два: или он тогда был занят обустройством собственного владения, или ему пришлось подавлять сопротивление покоренных народов. Не исключено, что тогда Бату был недоволен тем, что у него отняли Алтай [13, с. 138].

Два независимых друг от друга источника дают возможность определения даты названного выше рейда 30-тысячного отряда монгольских войск: арабский хронист конца XIII в. Ибн Васил под 627 г.х. (1229/1230) приводит

известие о том, что «вспыхнуло пламя войны между татарами и кыпчаками» [10, с. 49]; сообщение Лаврентьевской летописи, датированное 1229/1230 гг., дает некоторые детали происходившего: «... Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и Сторожеве Болгарьским прибегоша бьени от Татар, близ реки, ей имя Яик» [37, с. 453]. Ясно, что данная акция была направлена прежде всего против кыпчаков и болгар. В случае с кыпчаками скорее всего речь надо вести об их объединении во главе с кланом *алпарлы* (*олбурлик*) под предводительством Бачман-султана, чья столица – г. Актюба – находилась в бассейне р. Яика в районе современного г. Оренбурга [15]. Похоже, что этот поход был подготовкой к более крупному политическому событию, которое вскоре и случилось.

Несмотря на некоторые успехи войск Субэдея-бахадур – не исключено, что зимой 1231/1232 гг. они подошли к «Великому городу» (Биляр) [13, с. 140] – из-за сильного сопротивления «народов», которые было предписано завоевать, ему на «помощь» [41, с. 133] понадобились новые войска. Как сказано в «Тайной истории монголов», Угэдей-каан решил весной 1235 г. ему в поддержку отправить «Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей» [41, с. 138]. По данным Джувейни, оно было принято на специальном курултае, где «состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [10, с. 258]. Угэдей-каан намеревался даже лично отправиться в поход «в Кыпчакскую степь», но его сын Менгу отговорил его [39в, с. 35]. В итоге каан «остановился на том, чтобы царевичи... с... многочисленным войском отправились в области кыпчаков, русских, булар, маджар, башгирд, асов, в Судак...; и они занялись приготовлением» [39в, с. 36]. Это было общеимерское мероприятие, так как распоряжение о нем гласило: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья – царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковы... не имеют. Нойоны – темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправляют на войну и царевны и зятья» [41, с. 138]. Состав высшего звена войск Монгольской империи из Чингизидов по Рашид ад-дину выглядел так: сыновья Джучи – Бату, Орда, Шибан, Тангут; дети Чагадай – Бури и Байдар, брат Кулкан; дети Тулуя-Менгу (Менку) и Бучак; сыновья Угэдея-Гуюк и Кадан [39в, с. 37; см. также: 10, с. 258]. В войсках находились и «почтенные эмиры», т.е. нойоны, из которых мы знаем Субэдея-бахадур [10, с. 258], о некоторых скажем позже. Известно, что на царевича Бури было возложено «начальствование» над «частями из Центрального улуса» [41, с. 138]. Общее руководство, похоже, было возложено на Бату, ибо, по Рашид ад-дину, «все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» [39в, с. 72; 41, с. 141]. Поход начался между февралем и мартом 1235 г. и «царевичи» выступив из своих мест пребывания... в пределах Булгара соединились (с Джучидами – Д.И., см.: [39в, с. 327]); от множества войск земля стонала и гудела». Столица Волжской Булгарии была взята штурмом, при этом, как рассказывает Джувейни, погибли 270 тыс. болгар [10, с. 256–259].

Так начался великий поход по завоеванию «северных стран», продолжавшийся до марта 1242 г., о котором нет необходимости подробно расска-

зывать, так как об этом уже многократно писалось [13, с. 137–168]. Нас же будут интересовать некоторые детали, которые позволяют раскрыть особенности этнополитических процессов, происходивших позже на завоеванных в ходе похода 1235–1242 гг. землях. Прежде всего отметим, что Гуюк и Менгу в конце 1240 г. – начале 1241 г. покинули армию, находившуюся в западном походе, согласно Рашид ад-дину, «по приказанию каана» [39в, с. 39–40; см. также: 45, с. 492]. Согласно же «Тайной истории монголов», с ними уехал и Бури, причем этому отъезду предшествовала крупная ссора Гуюка и Бури с Бату, что видно из секретного донесения последнего Угэдей-каану [41, с. 141]. Прибывшие в имперский центр Гуюк и Бури попали в опалу каана, который распорядился отправить последнего для наказания к своему отцу Чагадаю, а Гуюка (о Менгу информации нет) – на «суд» Бату [41, с. 142]. Это «полевое дело» навсегда испортило отношения Бату с Гуюком, ставшем вскоре во главе Великого Монгольского государства и предопределило нежелание Бату иметь с ним дело, а следовательно, и с неугодным себе имперским центром. Далеко не случайно, что в дальнейшем Бату в престолонаследных делах поддерживал Толуидов, а не Угэедедов.

Заслуживают внимания и подробности, связанные с составом войск Джучидов, а также районов их действия в ходе похода 1235–1242 гг., ибо они позволяют высказать некоторые соображения об этнической и клановой принадлежности подчиненных им групп и территории их проживания. Начнем с того, что в сообщении Рашид ад-дина о приходе осенью 1236 г. царевичей «в пределы Булгар» вначале говорится о выступлении «Бату с Шейбаном, Бурулдаем и войском в поход против буларов и башгирдов», а затем, в связи с дальнейшими событиями, отмечается: «Шейбан, составлявший авангард с 10000 людей, послал известие [Бату] ...» [39в, с. 37]. Упомянутый тут Бурулдай не только назван «эмиром», но и отмечен далее в сражении, происходившем во главе с Шибаном [39в, с. 37]. Так как в совершенно самостоятельных русских летописях «Бурандай/Бурондай богатырь» фигурирует среди «первых воевод» Бату в боевых действиях против «Болгарской земли», Владимиро-Суздальского княжества, при завоевании Киева [19], информация Рашид ад-дина должна быть принята к сведению, тем более, что она частично перекликается с данными Джувейни [8, с. 185–186] и «Истории Вассафа» [10, с. 268]. Далее, у Утемиша-хаджи сообщается, что перед походом Шибана «в вилайаты Крыма [и] Кафы» в конце 1230-х годов к имевшимся у него «тридцати тысячам человек» ему были ещё приданы «десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев» [43, с. 94–95]. Речь, как видим, идет о выделении Шибану 4-х туменей, в последнем случае состоявшем из 10000 кыйатов во главе с Бурундай-нойоном (йуралдаи – испорченные от Бурулдай). Похожее сообщение есть и в «Умдет ал-ахбар» Абд ал-Гаффара Кырыми [19, с. 25]. Этнический состав других воинских подразделений, подчиненных Шибану, позволяет расшифровать «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», в котором есть известие о том, что «Шейбан-хан проявил большую доблесть при завоевании Булгара, Руссов, Асов и в сражении с Башгирдами. За это ему были пожалованы сорок тысяч человек». Далее в источнике сказано: «... имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кыйат Бурулдай бик, затем дед (предок) [Гали] бика из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [цит. по: 19, с. 25].

Таким образом, мы узнаем о нахождении в ведении Шибана 4-х туменей, очевидно приданных ему решением Угэдей-каана, состоявших из клановых войск групп *кыйат*, *кунгурат*, *буркут*, *тюмен*. Ясно, что состав этих групп отличается от состава тех клановых войск, которые имелись у Джучи. Но эти группы были не совсем чужды для той территории, которая первоначально находилась в уделе Джучи (кроме клана кыйат; тюмен – это, надо полагать, уже знакомая нам группа тамат/тама/тува). В связи со сказанным отметим также, что мать Бату происходила из «рода кунгурат» [39в, с. 71]. Старший сын Джучи, Орда, также происходил от матери-кунгуратки [39в, с. 66]; в свою очередь он был женат на Джеке-хатун из «рода кунгурат», как и его внук Баян, родившийся от «Нукулукан-хатун из рода кунгурат» [39в, с. 67].

После того, как монгольские войска дошли «до города Великого (Биляра – Д.И.) и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили покориться», и «тамошние вожди Баян и Джикун изъявили покорность», им было разрешено вернуться обратно, но они «опять возмутились», и Субэдей-бахадур пришлось подчинять их заново [39в, с. 37–38]. Вслед за тем разные группы монгольских войск пошли «каждый со своим войском облавой», при этом Менгу «с левого крыла» двинулся «по берегу моря» [Каспийского]; в итоге этого похода он пленил «одного из тамошних эмиров, из народа кыпчаков, из племени олбурлик» по имени Бачман, а «из племени асов» Качира-укулэ [39в, с. 38]. Далее персидский историк приводит довольно длинный рассказ о том, как Бачман был пленен, заключив его сообщением, что он и глава «асов» были затем убиты [39в, с. 38]. Похожий рассказ есть и у Джувейни [8, с. 399–400]. Сообщение о том, что Менгу «ходил походом на кыпчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана», есть и в «Юань ши» [45, с. 490]. Он фигурирует и в другом сообщении из «Юань ши», когда речь идет о том, что Угэдей «приказал [Субэдею – Д.И.] быть в авангарде и сразиться с Бачманом», причем тут про Субэдея сказано, что он был назначен «командовать главной армией» [45, с. 503]. Очевидно, эти «кыпчаки», населявшие Нижнее Поволжье и бассейн р. Яик, были серьезной силой, если против них был отправлен сам Субэдей, что следует принять во внимание при обращении к проблеме становления средневековых татар в Улусе Джучи.

Так как в нашу задачу не входит описание политических и социальных процессов, происходивших в Золотой Орде, сосредоточим внимание на становлении в рамках этой державы его политически господствовавшего «народа» – средневековых татар, сложившихся на основе первоначального «монголо-татарского» ядра удела Джучи. В связи с тем, что данная проблема весьма обширна, главным образом далее следует остановиться на основных предпосылках превращения «монголо-татар» в новую этнополитическую общность собственно «татар», для чего нам в том числе придется ещё раз вернуться к вопросу об этническом составе «народа» Джучи и его наследников, а также к проблеме раннетатарского наследия у кыпчаков и кимаков, с ним тесно связанного, что исследователями обычно упускается из виду.

Несомненно, собственный «народ» Бату-хана, унаследованный им от своего отца, был «монголо-татарским». Но о его клановом составе, позволяющем уточнить вопрос об этническом облике этого государствообразующего ядра Улуса Джучи, на удивление мало информации. Поэтому её нам придется собирать по крупицам.

О том, что во время Чингиз-хана Джучи получил от отца «народ-войско» из 9000 юрт (семей) или 4000 воинов из кланов сиджиут, кингит и хушин, уже говорилось. Остались ли они в уделе Джучи после его смерти? Полагаем, что остались. Так, Рашид ад-дин отмечает, что глава клана хушин Хушидай-Байку «командовал правым крылом войска Бату» [38а, с. 172]. Он же сообщает о потомке Кутан-нойона из клана кингит по имени Хуран, находившемся в «улусе Кунджи... из потомков Урадэ (Орда – Д.И.)... из рода Джочи» и бывшем там «известным и великим из эмиров того улуса» [38а, с. 178]. Упомянутый тут Кунджи – это Куинджи, внук Орды, являвшийся «долгое время правителем улуса Орды» [38в, с. 67]. Согласно «Алтан Тобчи», Хукин-нойон (т.е. Кутан-нойон) был отправлен по распоряжению Чингиз-хана «[для управления] землею оросутов и черкесутов», и ему была «отдана западная половина владения Джучи» [33, с. 232]. Персидский историк также указывает, что Мунгэду – нойон из клана сиджиут, который был передан Джучи Чингиз-ханом, – «в эпоху Бату... ведал войском». Далее он делает следующее примечание: «В настоящее время старший эмир, который у Токта (1270–1312 гг. – Д.И.), по имени Черкес, – из его рода» [38а, с. 183]. Получается, что первоначальные «тысячи» Джучи в Золотой Орде сохранились и позже. Но некоторые из них перед отправкой с Джучи, назначенным Чингиз-ханом «главным правителем кыпчаков» [33, с. 229], были усилены людьми, возможно, с повышением их статусов до темников; в частности, как уже отмечалось, в «Алтан Тобчи» сказано, что перед отправкой Хукин-нойону для управления «западной стороной» удела Джучи, были выделены 8000 людей, очевидно, воинов [33, с. 232].

Теперь перейдем к рассмотрению судьбы тех туменей, которые в ходе похода 1235–1242 гг. находились у Шибана б. Джучи. Напомним, что у него тогда находились также четыре 10000-х воинских подразделений из кланов кыйат, кунгурат, буркут и тюмен. Так вот, имеющаяся информация явно свидетельствует о том, что эти группы впоследствии также остались в Улусе Джучи. Так, при описании поездки египетских послов к хану Берке (1256–1266) около 1263/1264 г. через Крым – от Судака и далее в степь, – там отмечается «начальник» по имени Тукбуга, «начальствовавший над десятком тысяч [воинов]» и бывший «правителем всего этого края» [10, с. 92]. Как видим, имя и должность этого «начальника» – а он был темником – совпадают с именем и должностью предводителя кланового войска из группы *тюмен* из отряда Шибана периода завоевания в 1237/1238 г. Крыма. Хотя с тех пор до описываемого ал-Муфаддалем события прошло уже около четверти века, Тукбуга вполне мог быть еще жив и дееспособен. То, что группа тюмен осталась в районе Крыма, доказывается и наличием там такого топонима, как Тамань (полагаем, что этноним *тюмен* звучал как *тамйан*). Заслуживает внимания и информация русских летописей об участии «Бурундая безбожного», занявшего около 1256/1257 г. «места Куремьсине», т.е. земли на западе, по соседству с Галицко-Волынским княжеством – на правом берегу Днепра, – во главе «множества полков татарских» в ходе похода на Литву (1258 г.) и в Польшу (1259–1260 гг.). Тогда, после взятия Сандомира, он «возвратился назадъ въ своа вежи» [6, с. 136, 138–139; 36, с. 846–847, 849, 855]. Именно в связи с этим сообщением надо обратить внимание на интересный пассаж Абуль-Гази Бахадур-хана, рассказывающем о наделении Шибана, кроме прочего, «юртом Карел/Корел», находившемся далеко от его основного владе-

ния. По мнению хивинского хана, Шибан переселил туда одного из своих «угланов и хороших беков», и затем это владение из поколения в поколение оставалось в руках Шибанидов [56, с. 134]. Поэтому вряд ли случайно, что в XIV в. клану кыйат принадлежал Крым, а его предводители имели статус темников [22, с. 150–151]. То, что крупное воинское подразделение из клана кунгурат, находившееся в составе войск Шибана, осталось в Улусе Джучи, доказывается упоминанием у Рашид ад-дина Салджидай-гургена, женатого на дочери Хутухту б. Тулуй-хана [39в, с. 104, 105]. Про него и еще одного нойона по имени Эбуген, живших при хане Токте, этот историк прямо указывает, что они одной «кости» и «владеют всем войском [племени] кунгурат [состоящим из] из пяти тысяч» [38а, с. 162, 271]. Присутствие в Улусе Джучи четвертого подразделения из войск Шибана – буркутов, – в ранних источниках не обнаруживается. Зато в Приуралье сохранились генеалогии и исторические предания, повествующие о «Буркут/Буркат (*Бөркет*)-бие», «жившем во времена Чингиз-хана», один из сыновей которого поселился «в земле по Агидели», прибыв туда «из Крыма» [17, с. 28–29]. Показательно также, что в «Дефтер-и Чингиз-наме», источнике позднем, но сохранившем ранние сведения, среди беков Чингиз-хана фигурирует «Боркит би» [50, р. 58]. Наряду с другими данными, относящимися к XV–XVI вв. и фиксирующими клан буркут в составе владения Шибанидов [19, с. 28–29], эти данные позволяют говорить о том, что буркуты также остались в XIII в. в Улусе Джучи.

Внимание на сведениях, не выходящих за пределы XIII в. (за исключением буркутов), было сосредоточено потому, что использование более поздних данных, например, XV–XVII вв., при кажущейся их информативности, несет риск искажения картины этнополитической ситуации в раннем Улусе Джучи [22, с. 165]. Думается, что если дополнить уже приведенные данные другими материалами, относящимися к XIII в., то можно достаточно уверенно судить об этническом облике народа «монголо-татар», осевшего на территории Улуса Джучи после его расширения, последовавшего между 1235–1242 гг. Обратимся к этим сведениям.

Нами уже привлекались материалы о брачных связях Чингизидов (об этом также см.: [53, р. 90–92]). Сейчас их дополним. Анализ труда Рашид ад-дина показывает, что Джучиды в XIII – начале XIV вв. «черпали» невест из кланов *кунгурат*, *меркит*, *огулан*, *джаджират*, *йисут*, *кереит*, *татар* (*алчи-татар*), *найман*, *кыпчак*, *аргунан*, *ушын* (*уйшин/хушин*), *ойрат*, *сулдус*, *тулас* (*туклан*) [39в, с. 66–76]. Хотя ценность этой информации не абсолютна – пока существовала единая Монгольская империя, Чингизиды могли привозить невест и из Коренного юрта, а также из других уделов – все же из-за того, что «брачный рынок» в Золотой Орде был связан с социально-политическим устройством этого государства [53; 22], мы должны ее принять к сведению, хотя и с возможными уточнениями. К примеру, вовсе не исключено, что невеста сына Орды из клана джаджират была привезена из Улуса Чагадая [39в, с. 67]. Но все же в большинстве случаев названные выше кланы, скорее всего, действительно входили в Золотую Орду. В этой связи показательно, что кунгураткой была не только одна из жен Бату-хана, но и из этого клана были жены двух его внуков – Менгу-Тимура и Тула-Менгу, один из сыновей Бату-хана – Туклан – был женат на женщине из племени ойрат, а у

названных выше двух его внуков имелись еще жены из племен уйшин и алчы-татар [39в, с. 72–73].

Разбросанная в труде Рашид ад-дина информация позволяет сделать предварительное заключение и о распределении отмеченных кланов по западной (крыло «Правой руки», *Ак Урда*) и восточной (крыло «Левой руки», *Кок Урда*) половинам Улуса Джучи в XIII в. Но вначале об этом самом деле. Рашид ад-дин о нём сообщает: «...из войск Джучи – хана одной половиной ведал [Орда], а другой половиной – Бату» [39в, с. 66]. Как было уже установлено, к Правому крылу Улуса Джучи относились территории к западу от среднего течения р. Иртыш до Дуная, включая область между реками Или и Сыр-Дарья (нынешний Центральный и Северный Казахстан), Северный Хорезм с Ургенчем (нижняя Аму-Дарья), тогда как к Левому крылу государства относились территории от верховьев Иртыша и Тарбагатай (через Северное Семиречье, среднюю Сыр-Дарью и нижнюю Аму-Дарью) к плато Мангышлак [26, с. 193–200]. Согласно Рашид ад-дину, в состав Левого крыла государства кроме владения Орды входили и владения его братьев Удура, Тука-Тимура, Шингкума [39в, с. 66]. В состав Правого крыла Улуса Джучи относились владения Бату, Шибана и других Джучидов, расположившихся западнее р. Яик [26, с. 199].

В итоге, если исходить из клановой принадлежности жен Чингизидов «Левой руки», то в восточной половине Улуса Джучи могут оказаться кланы найман, кыпчак, меркит, тулас, кереит, огунан, татар (алчи-татар), аргуан, сулдус. Неясным остается ответ на вопрос о принадлежности к этому крылу клана кунгурат. Конечно, у Рашид ад-дина есть фраза, гласящая, что «юрт Салджида», т.е. Салджидай – гургена из клана кунгурат, находился «вблизи Хорезма» [39в, с. 84], а этот район входил в состав Правого крыла. Но с другой стороны, персидский историк указывает на присылку в Хулагуидский Иран в самом начале XIV в. от правнука Орды Баяна, бывшего правителем Улуса Орды, двух эмиров из «родов» кунгурат и йисут во главе своих «нукеров», т.е. войсковых подразделений [39в, с. 68]. Если эта информация позволяет добавить клан *йисут* к приведенному выше списку кланов из восточной половины Улуса Джучи, то проблема территориальной принадлежности клана кунгурат в XIII в. не находит решения; возможно, он был разделен между двумя крыльями государства. Из приведенных ранее данных можно заключить, что к Правой (западной) «руке» Улуса Джучи могли относиться кланы кыйат, буркут, туман, уйшын, кингит, сиджиут и, не исключено, часть кунгуратов. Насчет клана кыйат Рашид ад-дин замечает: «... у Токтая ...[их] один туман (как было у Бурундая-багатура – Д.И.) и большинство других киятов ... из их потомства» [38б, с. 270]. Также важно упоминание в продолжении «Сборника летописей» Рашид ад-дина, составленном неизвестным автором, Ак-Буки «из кости кыйат», прибывшем в 1315 г. в г. Тебриз как «великий посол» из Золотой Орды [10, с. 323–324]. В данном случае это сообщение еще раз подтверждает вхождение названного клана в Улус Джучи. К списку кланов из западной половины государства следует добавить и племя *хадаркин*, так как Рашид ад-дин отмечает тысячника Мукур-Курана, жившего во времена Чингиз-хана (он принадлежал тогда к эмирам-нойонам Правого крыла Великого Монгольского государства), со следующим дополнением: «... большинство того войска (т.е. тысячи из клана хадаркин – Д.И.) было в Дешт-

и-Кыпчаке вместе с Нокаем» [38а, с. 190], что предполагает нахождение этой группы на самом западе Золотой Орды. Наконец, персидский историк, рассказывающий об уже знакомом нам «старшем эмире» Хушидай-Байку из клана уйшын, указывает, что тот (а он, как уже говорилось, «командовал» Правым крылом войск Бату) «привел» [с собой] Элдэкэ из племени джурьят, на матери которого он некогда женился» (но не был отцом Элдэкэ), «сделав его своим помощником», а затем и «заместителем» [38а, с. 172]. Хотя в данном случае мы и не знаем точно, пришли ли вслед за ними в Улус Джучи сородичи этих двоих из клана джурьят, исключить возможность их переселения туда нельзя.

Таким образом, применительно к территории Улуса Джучи XIII в. можно говорить о нахождении там значительного числа клановых подразделений, ядровые части которых находились в районе Коренного юрта Чингизидов или поблизости от него. Эти группы, составлявшие первоначальную основу главного «народа» Золотой Орды, в большинстве своем состояли из собственно монгольских этнических формирований, но с включением значительного числа «татарских» (тюрко-татарских) подразделений (татар/алчи-татар, керейт, найман, туман/тумат, баргут/буркыт, тулас, кыпчак). Не исключено, что к ним следует добавить и клан уйшын(хушин), бывший явно немонгольского происхождения – он, скорее всего, происходил из юечжи-уйсуней [32, с. 68–100], возможно, первоначально тюркизированный ещё в среде гуннов. В плане сказанного заметим, что Р.Г. Кузеев предлагал искать истоки племени табын (от тама/таба/дубо), чьим предком считался уйшын Майкы-бей, среди усуней, у которых существовало племя *та-ма уй-сунь* [28, с. 113]. Между тем, в генеалогических преданиях «башкир» клана кара-табын, ведущих свое происхождение от «уйшын Майкы-бея», последнему в родословной предшествует звено «Тюмень-бия», не исключено, являющееся эпонимом, отражающем этноним туман/тумат [14, с. 50–52]. Кстати, у Рашид ад-дина есть известие о Борангул-нойане из племени хушин, вначале бывшем тысячником, а затем – темником-заместителем главы Правого крыла войск Монгольской империи, убитом в ходе похода на племя тумат в 1217 г. [38а, с. 171; 38б, с. 267–268], за что семье убитого нойона были отданы «сотня туматов» [41, с. 120]. Этот факт свидетельствует о взаимосвязанности групп уйшын и тумат (т.е. тума/туба/табын). Показательно также, что потомки названного выше Майкы-бея из клана табын (ответвления кара-табын) выводили своих предков со «стороны Алтая» [14, с. 52].

На самом деле после того, как состоялось решение Чингиз-хана о присоединении к владению Джучи кыпчаков – а ему предшествовал доклад Субэдея-бахадур «трону», представленный им после возвращения в 1224 г. из похода, где произошло столкновение с западными кыпчаками, – начиная с 1225 г. восточные кыпчаки – кимаки (йемеки), у которых отчетливо был представлен татарский этнический компонент, – оказались в подчинении у Джучи, усилив собственно татарское составное «народа» расширяющегося территориально Улуса Джучи. То, что этот этнический компонент действительно существовал, но не принимается во внимание исследователями, подтверждают данные XIII в., к которым мы сейчас и обратимся.

Прежде всего необходимо указать на то, что в названном выше докладе Субэдея, который был одобрен Чингиз-ханом, прославленный полководец, чей

совместный с Джэбе-нойоном рейд, прошедший и через западнокыпчакские владения, оценивался имперским центром как «карательный поход, [направленный на] усмирение кыпчаков», перед новым наступлением на Дешт-и-Кыпчак предложил создать «единую армию», состоящую из «тысяч», включавших «обоки» кланов меркит, найман, кирей (киреит), канглы и кыпчак [45, с. 500–501, 513]. Как видим, речь идет о формировании крупного воинского контингента, состоящего из тюркских подразделений («тысяч»), причем расселенных в зоне восточных кыпчаков-кимаков. И этот шаг не был случайным, ибо монголо-татарским войскам в дальнейшем предстояло вплотную столкнуться с кыпчакским миром, обладавшим большим демографическим потенциалом. К тому же тюркские подразделения в случае необходимости были способны общаться с местным населением на понятном ему языке. Ясно, что названный выше состав тюркских клановых войск был характерен прежде всего для Улуса Джучи. Так как доклад Субэдея-бахадур был одобрен Чингизханом, есть основания думать, что последовавшие после 1225 г. завоевания происходили при самом активном участии тюркских контингентов, особенно хорошо представленных в подчиненных Джучидам армейских группировках.

Дополнительную информацию о роли восточных кыпчаков-кимаков, бывших носителями татарской идентичности, во всяком случае, в их элитной страте, можно получить при изучении этнического состава населения отдельных уделов (улусов) ближайших потомков Джучи, в первую очередь, его сыновей Берке, Тука-Тимура и Шибана.

Традиционная точка зрения относительно местонахождения улуса Берке исходит из того, что при жизни Бату-хана он находился «где-то в степях Северного Кавказа» [44, с. 58]. Она основывается на следующем высказывании Рубрука: «У Бату есть... брат... Берка (Jeга), пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции». Далее он замечает, что при его «возвращении» из далекой поездки на востоке, Бату «приказал ему [Берке], чтобы он передвинулся с того места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [40, с. 115]. Как видим, тут мы уже имеем дело с двумя районами расположения улуса Берке – один, более ранний, находившийся в «направлении к Железным воротам», а другой, более поздний, оказавшийся к востоку от Волги. Так как из описания путешествия Рубрука видно, что перемещение улуса Берке в Заволжье произошло при его «возвращении» из поездки в Каракорум [40, с. 115], что имело место около 1255 г., то дату изменения дислокации данного владения надо определять именно этим временем. Однако однозначному заключению относительно первого района нахождения улуса Берке как «степей Северного Кавказа» мешает то, что Плано Карпини, проезжавший между 1245–1246 гг. фактически по тому же маршруту, что и через десятилетие Рубрук [25а, с. 72–73], вообще не упоминает владения Берке, которое, как бы казалось, должно было находиться у него на пути. Возникает вопрос: а не находился ли первоначальный удел Берке не к северу от Дербента (=«Железных ворот» / «Тимер капка»), а к югу от него, контролируя часть Закавказья? Дело в том, что ещё в ходе операции Джэбе и Субэдея 1220–1223 гг., согласно Джувейни, когда те переправились через Дербент, армия Джучи «располагалась в Кыпчакской степи и рядом с ней» [8, с. 99]. Затем, в 1230/1231 гг., в ходе завоевательных походов

против Государства хорезмшахов, по Ибн ал-Асиру, «татары из стран Мавераннахра (а как мы помним, Джучиды в этот период находились именно в тех пределах – Д.И.) пришли в Азербайджан» [10, с. 34]. Следует также принять во внимание, что в 1237–1238 гг. в ходе «западных походов», когда монгольские отряды действовали южнее русских земель, Менгу и Кадан наступали на черкесов, Шибан, Бучак и Бури – «в сторону Крыма», а Берке наступал «на кыпчаков», захватив трех предводителей клана «Беркут» [39в, с. 39], что происходило также где-то поблизости от района действия названных выше Чингизидов, возможно, в Предкавказье; а через год – в 1239/1240 гг., ещё один отряд во главе с Кукдаем, был послан «к Тимур – кахалка [капка]», чтобы «он занял и область Абир» [39в, с. 39]. Вскоре после этого, осенью 1242 г., монгольские отряды «прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кыпчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону», т.е. в Закавказье. Как видно из Рашид ад-дина, эти войска, в целом тогда находившиеся под руководством Бату, 1242 г. «закончили в тех краях», а в следующем (1242/1243 гг.), «освободившись от завоевания того царства», находившегося в Закавказье, «ушли обратно», прибыв «в свой улус» в 1244/1245 гг. [38б, с. 46].

Эти данные показывают, что Джучиды по праву завоевания могли претендовать на часть территории Закавказья. Джузджани на это указывает прямо: «в каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему [Бату] принадлежала определенная часть её, и над тем округом, который [в иранской зоне] составлял его удел, были поставлены его управители» [10, с. 251]. Отдельные места из ал-Омари, Ибн Касира, Ибн Халдуна подтверждают сказанное Джузджани [10, с. 112, 123, 170]. К тому же следует учесть, что некоторые Джучиды (сын Шибана Балакан, внук Бувала Татар, сын Орды Кули) принимали участие в общеимперском походе под предводительством Хулагу, когда первые двое Джучидов двинулись на юг пройдя через «Дербент Кыпчакский», а Кули – «через Хорезм» прибыл «в Дехистан и Мазандеран» [39в, с. 69, 81–82; 39г, с. 54]. Вследствие этого до начавшегося в 1260 г. или несколько раньше конфликта между Берке и Хулагу, определенная часть территории Закавказья явно принадлежала Улусу Джучи, что отчетливо видно из ал-Омари, который, отметив «претензии» на «владение Тавризом и Марагою» со стороны «царей Кыпчакских», т.е. ханов Улуса Джучи, объясняет, что по просьбе Хулагу имперский центр ему на помощь приказал послать людей «из войска каждого из царей Чингизхановичей», в результате Хулагу пришлось «отвести каждому отряду... в содержание одну из [завоеванных] областей». Ал-Омари уточняет, что «то, что было отведено войску... властителя земель Кыпчакских [и] Хорезмийских, заключалась в Тавризе и Мераге» [10, с. 107]. Очевидно, что этот район и ранее контролировался Джучидами, поэтому есть основания думать, что после 1242 г. вначале Берке контролировал именно названную выше территорию в Закавказье.

В связи с этой территорией следует отметить, что тут имелись кыпчаки. Так, Джувеини, рассказывая о походе Джелал ад-Дина б. Мухаммада-хорезшаха в 1228/1229 г. в Грузию, сообщает, что против него там действовали «20 000 отборных воинов с кыпчакскими знаками и знаменем» [8,

с. 311]¹. О сообщении Рашид ад-дина по поводу захвата бежавших в Закавказье кыпчаков войсками Илавдура уже было сказано. Показательно также, что Рашид ад-дином Дербент называется не только «Хазарским», но и «Кыпчакским» [39в, с. 72, 81]. Хотя в данном случае речь больше должна идти о западных кыпчаках-кунах, куманах (половцах), в их составе имелись и группы выходцев из среды восточных кыпчаков [48, р. 303–332].

Поэтому уже в первом владении Берке среди тюркской части населения его удела могли находиться носители татарской идентичности. Скажем, далеко не случайно Ибн Халдун о знатном племени токсоба, входившем в состав западных кыпчаков, делает замечание, что оно «из Татар» [10, с. 240–241]. Хотя некоторые исследователи известную фразу, произнесенную со стороны войск Субэдея и Джэбе накануне битвы на Калке в адрес кыпчаков, тогда действовавших в союзе с аланами: «Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших» [10, с. 26], – пытаются объяснить исходя из старых монгольско-татарских брачных связей (отношения «анда-куда») [30, с. 39–40], она, по нашему мнению, скорее отражает существование в составе западных кыпчаков татарских этнических групп, как мы уже отмечали [24], находившихся и в Коренном юрте монголов, и вошедших в состав «народа» Чингиз-хана в самом начале его формирования.

Сейчас о втором уделе Берке, где кыпчаков, имевших татарское происхождение, было значительно больше. Где же это владение, помещенное Рубруком «к востоку от Этили», находилось? По всей видимости, в районе г. Сыгнака. Об этом может свидетельствовать намек, содержащийся у Утемиша-хаджи относительно места воспитания Берке. Хивинский историк XVI в., рассказывая, что Берке уже «с рождения матерью был мусульманином», ибо не хотел сосать молоко женщин-немусульманок, из-за чего его кормилицей было велено сделать мусульманку, добавляет: «...через несколько лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он (т.е. Берке – Д.И.) пришел в город Сыгнак, не будучи в состоянии находиться среди неверных». Судя по рассказу Утемиша-хаджи, ко времени смерти Бату-хана Берке ещё пребывал в Сыгнаке или в той области [43, с. 96–97]. Хотя эта информация и легендарна, она согласуется с некоторыми другими данными. Так, Джузджани указывает, что к Берке, «по достижению срока обучения и наставления, собрали нескольких мусульманских имамов», определив «одного из них для обучения [его] Корану», что по данным «некоторых заслуживающих доверия», сообщает Джузджани, происходило «в Ходженде». Далее Джузджани рассказывает, что Берке было сделано обрезание, а «по достижении им возмужалости, в войско его были назначены все мусульмане, ... находившиеся в стане Туши-хана». После того, как Бату сел «на место отца», он «утвердил» за Берке «командование [армией], свиту (атба) и уделы (икта)» [10, с. 252]. Как видим, в данном случае говорится о нахождении Берке в Ходженде. То, что Берке мог находиться в 1230-х годах где-то в Средней Азии, проистекает также из приводимого Джузджани известия о том, что в 631 г.х., т.е. в 1233/1234 г., от него было состоявшее из мусульман посольство к первому государю из шемсийской династии в Индии Ильтутмышу (1210–1236) [10, с. 252, 256]. В этом же плане заслуживает внимания и один из рассказов, приводимых Джузджани, согласно которому Сар-

¹ О кыпчаках в Грузии см. также: [49].

так, ездивший к Менгу-каану, на обратном пути из Коренного юрта «приближаясь к своему дяде Берке-хану..., отказался [от посещения его], свернул с дороги и не пошел к своему дяде» [10, с. 252]. Так как тут мы имеем дело с указанием о возвращении Сартака из поездки в Коренной юрт, то получается, что владение Берке находилось на пути двигавшегося в Поволжье с востока Сартака, что подкрепляет указание Рубрука. Ещё одна сюжетная линия, рассказывающая о связи Берке со Средней Азией, прослеживается у ряда авторов. Джузджани, например, говорит о том, что уже выросший Берке «из земли Кыпчакской» отправился в «город Бухару», а после возвращения оттуда «отправил доверенных людей к халифу». При этом он отмечает, что контакты этого Чингизида с халифом имели место ещё при жизни Бату. Затем, в ходе этого сообщения, данный автор добавляет, что войско Берке состояло из 30 000 мусульман и в войсках его «была установлена пятничная молитва», а также введены другие исламские нормы [10, с. 253]. На самом деле аналогичные сообщения есть и у других авторов. В частности, ал-Дзехаби говорит о поездке Берке «... в 40-х годах (1240-х – Д.И.)... в Бухару», в результате чего вместе с ним ислам приняли и «многие из его эмиров» [10, с. 99]. В другой версии этого хрониста Берке был отправлен Бату во главе «100 тыс. всадников» для сопровождения Хубилая и Хулагу, чтобы посадить на трон Менгу, а уже при возвращении оттуда, «проходя мимо Бухары», он «сошелся с шейхом Шемсуддином Эльбахерзи» и принял ислам «из рук его». Тот и посоветовал Берке «вступить в переписку с халифом» [10, с. 111]. По Ибн Халдуну, живший в Бухаре Шемседдин Эль-бахерзи «послал к Берке с предложением принять ислам». При этом хронист замечает, в ислам Берке был обращен уже при Бату. Попутно рассказывается о повторном приезде Берке к названному шейху [10, с. 170]. Ал-Айни сообщает примерно то же самое: из Бухары Сейфиддином Эльбахирзи к Берке отправляется ученик шейха, от рук которого он и принимает ислам, но затем почему-то лично прибывает в Бухару, где, «повторив свой ислам», т.е. символы веры, он затем «вернулся в свою землю» [10, с. 220]. В позднем источнике – «Шаджарат ал-атрак» – речь идет фактически о том же, но после того, как Берке прибыл «к куполу ислама Бухаре», где он долгое время находился «у порога» шейха Сейф-ад-дина Бахарзи, он затем «отправился в Дешт-и Кыпчак через Хаджитархан с небольшим войском», сразившись на «на берегу реки Итиль» с «бесчисленным войском Хулагу» и одержав победу над ним [10, с. 388].

Короче говоря, во всех этих случаях, когда Берке приходит «в Бухару» или до того пребывает «в Сыгнаке» или «Ходженде», подразумевается его нахождение в бывших владениях хорезмшахов, скорее всего на северо-восточной его окраине, там, где расселялись кимаки и канглы, а также другие группы восточных кыпчаков, многие из которых к тому времени уже были исламизированы. И тут нам следует принять во внимание большое войско – не менее 3-х туменов – из мусульман, которое, как было отмечено, находилось при Берке. Известное сообщение Рашид ад-дина об отправке по распоряжению Бату своего сына Сартака в сопровождении Берке с 3 туменами войск для обеспечения интронизации Менгу, может относиться к этой же «мусульманской» армии [386, с. 80]. На самом деле, эти войска могли начать организовываться ещё по уже отмеченному нами проекту Субэдей-бахадур, после 1224 г. подавшего на имя Чингиз-хана доклад относительно создания

отдельной «армии», в составе которой должны были находиться и «тысячи» из канглов и кыпчаков [45, с. 501]. На тот момент в лице последних речь могла идти только о подразделениях из восточных кыпчаков, т.е. из носителей татарской идентичности. Хотя нам и неизвестно, какие кланы входили в состав личного владения Берке, без сомнения состав его «народа» был, в том числе и из-за его пребывания в бывших владениях восточных кыпчаков, «татаро-монгольским». В частности, в династийной хронике кунгуратов упоминается Салджидай-гурген, живший во время правления хана Токты и, согласно Рашид ад-дину, бывший нойоном из клана кунгурат [38а, с. 162]. Но в данной хронике он определен как выходец «из племени уйгур» [46, р. 367], что свидетельствует о существенном смешении кунгуратов с кимако-уйгурскими группами, что могло иметь место именно при нахождении Берке «восточнее Итиля». В данном плане показательно замечание Абуль-Гази Бахадур-хана относительно основного государствообразующего «ядра» Хивинского ханства: «...Началом...эля были уйгуры и найманы из рода татар» [56, с. 137]. Эти смешанные с монголами восточно-кыпчакские группы, носители татарской идентичности, после восхождения Берке на золотоордынский престол и возвращения его в Поволжье могли частично, например, в составе мусульманских войск, последовать за ним. Вряд ли случайно уже упоминавшееся «сопровождение» кунгуратов многочисленными «тюрками», похоже, кыпчаками, судя по некоторым местам династийной хроники кунгуратов, оказавшимися в конце концов в Поволжье [46].

Далее мы перейдем к уделу Тука (Тукай)-Тимура, о котором известно только из относительно поздних источников, например, из «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда б. Вали (XVII в.). Как явствует из этого сочинения, Бату выделил своему младшему брату (он являлся тринадцатым сыном Джучи) в удел «вилаят-и ас и земли Мангышлака». Согласно источнику, это произошло после смерти Джучи и утверждения Бату-хана «на троне правления... в Дашт-и Кыпчаке», при этом были учтены заслуги Тукай-Тимура в «знаменитом семилетнем (западном – Д.И.) походе в земли асов, русов, болгар и башкир» [1, с. 56]. В другом месте «Бахр ал-асрар» сообщает, что потомкам Тукай-Тимура, «согласно воле Бату», была также дана власть над Хаджи-Тарханом [26, с. 196]. Однако, скорее всего первоначальное владение данного Джучида ограничивалось «областью асов и Мангышлаком». Как мы помним, Мангышлак входил в состав Государства хорезмшахов и был населен кыпчаками-кимаками. А вот кем были «асы», и где они жили? Несмотря на то, что обычно в них видят кавказских аланов, думается, что это не так. Во-первых, в ряде источников по Золотой Орде аланы и асы фигурируют как разные этнические группы. Так, Джувейни, говоря о том, что Менгу был отправлен на «овладение областями Булгара, асов, Руси и племен кыпчакских», отдельно от них упоминает аланов [10, с. 259]. Такое же различие этих двух групп можно увидеть у ан-Нувеири [12, с. 139]. Ряд арабских источников XIV в. (Абу'л Фида, Ибн Баттута, ал-Омари) также различают аланов и асов, указывая, что последние были тюрками (qaum min al-Turk), исповедовали ислам и жили в степных районах, а также в г. Сарае [4, с. 328, 341, 359]. Следует также напомнить о схваченном наряду с предводителем племени альбурлик (ильбари) Бачманом эмире племени ас Качир-укули [38б, с. 38], предполагающем, что эта группа находилась не так далеко от низовьев

р. Волги. Неслучайно поэтому «вилайят-и ас» был выделен Тукай-Тимуру наряду с Мангышлаком: по-видимому, эта «область» территориально находилась именно там. Судя по всему, речь идет о потомках тех асов, которые к X в. жили в окрестностях Хорезма и исповедовали ислам, называясь «al-Arsiyah» (Aorsi>As). Их язык во времена Бируни состоял из смеси хорезмийского и печенежского, что предполагает начальный среднеиранский (хорезмийский) язык с сильным тюркским влиянием [4, с. 348–349, 333] с завершившейся в XIII–XIV вв. тюркизацией этой группы под кыпчакским влиянием. То, что «вилайят-и ас», населенная «племенем ас», действительно существовала, доказывается и тем, что один из четырех личных элей – клан ширин – хана Токтамыша, отец которого как потомок Тукай-Тимура владел Мангышлаком, возводился к «племени ас» [19, с. 44].

Но кроме местного населения из владения Тукай-Тимура – а оно нам полностью не известно – у него ещё был собственный «народ», состоявший из четырех клановых подразделений (*каучин*), выделенных ему Бату-ханом. Это были группы *минг*, *ушун*, *тархан* и *ойрат* [26, с. 208; 1, с. 56]. Несмотря на то, что эти сведения относятся к числу поздних, они частично перекликаются с данными о клановом составе Улуса Джучи XIII в. Скажем, присутствие групп уйшын и ойрат в ранней Золотой Орде мы уже видели. Клан минг, по-видимому, соответствует упоминаемым в «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана «мингатам», чьи предводители были приведены Джучи к Чингиз-хану после завоевания «Лесных народов». Так как у Тукай-Тимура оказался и клан ойрат, покоренный тогда же (см. выше), то это вполне допустимо. В результате получается, что личные эли этого Джучида, оказавшегося в районе Мангышлака, были не вполне «монгольскими», в частности, группа минг могла быть тюркским образованием, близким к киргизам и туматам. Да и клан уйшын, как уже говорилось, не был чисто монгольским этническим образованием. На Мангышлаке этим «монголо-татарам» пришлось взаимодействовать с местным тюрко-иранским (асским) населением, испытывавшем вначале печенежское, а затем и кыпчакское влияние. Причем кыпчаки – а это кимаки, – скорее всего, были тут представлены племенами уран и ильбари, после завоевания обобщенно именовавшихся «кыпчак».

Пристального внимания в связи с обсуждением проблемы татарской составной у восточных кыпчаков заслуживает и имевший матримональные контакты с элитой из клана уран клан ильбари. Дело в том, что он мог быть тем самым племенем «неверных татар» из 10000 кибиток, согласно Ибн ал-Асиру, делавшим «набеги на края Баласагуна и Кашгара», которое в 1043/1044 гг. приняло ислам [11, с. 211]. При этом группа ильбари хотя и «зимовала в краях Баласагуна», лето однако проводила «в краях Булгара» [11, с. 211]. Имея в виду, что в 1184 г. «половцы Емяковы» там действительно фиксируются [36, с. 389], а пребывание клана ильбари по соседству с территорией Волжской Булгарии – в бассейне р. Яика – известно также из легендарных данных, да и один из его предводителей – Бачман-султан, – как известно, погиб в низовьях Волги, подобное вполне возможно, тем более, что и один из родоначальников предводителей племени ильбари – Абар-хан, – согласно Джузджани, как раз являлся «ханом 10000 семейств» [556, р. 791, 800–801]. А это означает, что знатная часть данного клана, исламизированного ещё в домонгольский период, также могла быть носителем татарской иден-

тичности. Этот клан, позже известный как эль «кыпчак», как мы знаем, входил в число личных элей Тука-Тимурида Токтамыш-хана, уделом отца которого был Мангышлак [43, с. 115–118].

Что касается владения Шибана, нас будет интересовать не столько политическая история этого удела, а сколько этнический состав населения, входившего в этот юрт. Если сказать кратко, то к уделу этого Джучида (он являлся пятым сыном Джучи), обычно относят зону между реками Или и Сыр-Дарьей, а также территорию нынешнего Центрального и Северного Казахстана [26, с. 197]. Плано Карпини, проезжая мимо владений хорезмшахов (он называет города Орнас/Ургенч, Янгикент, Бархин/Барчинлигкент), замечает, что «поблизости от их границ» живут Бури (очевидно, внук Чагатая – Д.И.) и Кадан (сын Угэдея – Д.И.), а «с севера же прилегает... часть земли черных [кара] китаев и океан», далее закончив: «...там (т.е. к северу – Д.И.) пребывает Сыбан, брат Бату» [25, с. 74–75]. Так как удел старшего брата Бату-хана Орды, состоявший из 10 тыс. «домов» [56, с. 133] с неизвестным клановым составом находился около земель «черных китаев», после г. Омыл (Эмил/Имил), где-то в районе «некоего не очень большого моря», предположительно поблизости от о. Алакуль, там где пребывала «орда его отца» и находился его «двор» [25, с. 75, 392], речь должна идти, как это видно по Абуль-Гази Бахадур-хану, о районе верхнего течения Иртыша, именуемого последним «Кок Ордой» [56, с. 127], то удел Шибана оказывается западнее, точнее северо-западнее от Кок-Орды. Действительно, Абуль-Гази Бахадур-хан, сообщив, что Шибану был дан удел («ил») из 15 тыс. «домов» («ой»), далее уточняет, что он должен был весной кочевать по рекам Иргиз (*Оргыз*), Орь, Илек, по левой стороне Яика вплоть до отрогов Уральских гор, спускаясь на зиму в Аракум и Каракум», к «Сыру и нижнему течению (*аяк*) Аму [-Дарьи]» [56, с. 134]. Если принять во внимание, что Шибану могли подчиняться и часть территории Волжской Булгарии (восточнее ее домонгольской столицы г. Биляра), а также Южное Приуралье (об этом более подробно см.: [14; 23]), то получается, что удел Шибана занимал ту территорию, где ранее расселялись кимаки и канглы, включая и их часть – клан ильбари [15].

Что же мы можем сказать о собственном «народе» Шибана? Кроме уже приводившихся сведений о нахождении в период «западного похода» под его ведением войск из четырех клановых подразделений (групп кыйат, кунгурат, буркут и тюмен/туман), не так много. В первую очередь, в данном случае заслуживают внимания данные из «Шеджереи тюрки» Абуль-Гази Бахадур-хана (XVII в.), хотя и достаточно поздние, но из-за того, что этот хан происходил из рода Шибана, представляющие интерес. Так вот, он отмечает, что после возвращения из известного «западного похода», Бату-хан выделил Шибану из элей «наследственных родов» (*насел-ыруг иленнан*) 4 родовых элей – *кушчы* (*кошчы*), *найман*, *карлук* и *буйрак* (*бөйрек*) [56, с. 134]. Эти сведения отчасти подкрепляются другими источниками, скажем, в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» содержится следующее примечание относительно клана кушчи: «Кушчи... со [времени] Шейбан-хана были атаке (т.е. аталык – Д.И.) и кукельташами» [34, с. 20]. Есть основания полагать, что рассматриваемый клан, входивший в состав народа-войска Шибана, происходил от группы *кушители*, наряду с кланами *урасут/урсут* и *теленгут/теленгит* отнесенных Рашид ад-дином к числу «монголов лесного племени» или к «по-

добным монголам», на самом деле являвшимися тюркскими группами, жившими в верховьях Енисея. То есть, клан кушчи был в числе старых подразделений, вошедших еще в число первоначального удела Джучи.

Найманов также надо отнести к их числу. А вот насчет кланов карлук и буйрак этого сказать нельзя. Дело в том, что Утемиш-хаджи отмечает, что эти два подразделения были выделены «огланам Шайбан-хана» в период правления Узбек-хана, когда они, в отличие от других Джучидов, из-за их поведения вызвавших немилость этого хана, были наделены, учитывая былые заслуги предка, данным «двусоставным элем», и «предоставлены... самим себе, ... в юрте, определенном [им] Саин-ханом» [43, с. 92]. Ясно, что тут речь идет о наделении Шибанидов в период укрепления Узбека на троне какой-то южной территорией, где имелись карлуки. В связи с группой буйрак отметим, что она не зря была частью «двусоставного эля» с карлуками, ибо, скорее всего, её необходимо сопоставить с известным ещё у Махмуда Кашгари племенем буляк, входившем в состав карлукского союза [3, с. 175]. А так как по Рашид ад-дину карлуков, как и кыпчаков, можно было рассматривать как разновидность уйгуров [38а, с. 146], что связано с переходом после 840 г. власти от Тюркского каганата к карлукам во главе с кланом Ашина [47, р. 11; 48, р. 53], а также со старыми политическими и этническими связями уйгуров, карлуков, басмылов и татар [47, р. 303–332], карлукский компонент собственного «народа» Шибанидов можно рассматривать как дополнение к тем восточным кыпчакам, которые, наряду с другими тюркскими группами, в том числе, южно-сибирского происхождения, оказались в данном юрте.

Из приведенных данных видно, что в уделе Шибана также были как собственно монгольские подразделения (кунгурат, кыйат), так и тюркские (буркут, найман, карлук, буйрак, возможно, тюмен [14, с. 49–50]), причем, с частичной «татарской» маркировкой (найманы, карлуки). Отсюда можно заключить, что «народ» Шибана был «татаро-монгольским» изначально.

Теперь нам осталось в целом определить этнический состав раннего Улуса Джучи, во многом уже рассмотренного.

Несмотря на то, что в таком позднем источнике, как «Бахр ал-асрар» Ибн Вали, есть список кланов, входивших в «войско кыпчаков», подчинявшихся самому Бату-хану (это 12 кланов: аргун, огуз, кунгурат, кереит, барлас, минг, усун, уйрат, кошчи, найман, карлук, буйрак – см.: [4, с. 163; 26, с. 207], этот список, источники которого неизвестны, полного доверия не вызывает. Поэтому для раннего периода Улуса Джучи (XIII в.) мы можем реконструировать клановый состав «народа-войска» Джучидов лишь по уже проанализированным источникам, что позволяет выявить в этом государстве до 26 кланов (аргунав, кунгурат, кереит, минг, уйшын, ойрат, найман, карлук, буйрак, меркит, огунан, джаджират, йисут, татар или алчи-татар, сулдус, тулас, кыйат, буркут/баргут, туман, кингит, сиджиут, хадаркин, кошчи, тархан, кыпчак, огуз). Некоторые из этих подразделений имеют «обобщающие» наименования (кыпчак, огуз), свидетельствующие о том, что они фактически были составлены из покоренных народов, чьи родо-племенные деления были ликвидированы. А это могло случиться только с течением времени. В других случаях (например, с группами карлук и буйрак) мы имеем дело с ранними этническими группами, существовавшими задолго до монгольского завоевания, но приданными Джучидам, скорее всего, лишь после 1312 г. В реальности в

Улусе Джучи клановых подразделений, составлявших «народ» Джучидов в XIII в., могло быть больше, ибо мы ничего не знаем о клановом составе населения владения ряда Джучидов [22, с. 165–167], но ненамного. Хотя в дальнейшем могли появиться и новые клановые подразделения, например, из первоначального «племени ас» могло возникнуть подразделение ширин, в целом уже собранные данные позволяют делать достаточно обоснованное заключение о тюрко-монгольском или татаро-монгольском характере «народа» Джучидов, с течением времени, из-за многочисленности в Улусе Джучи тюрок, в особенности кыпчаков, становившемся все более тюрко-татарским (см. анализ проблемы: [13, с. 338–342]). Это происходило, во-первых, из-за татарского этнического составного у восточных кыпчаков (частично и западных), во-вторых, из-за функционирования в рамках Улуса Джучи особых этносоциальных механизмов (о них детальнее см.: [22]), способствовавших закреплению у правящего «народа» этого государства этнонима «татар», вытеснившего в конце концов у этой этнии прежнюю двойную этническую маркировку «монголо-татары».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 229 с.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Изд-во «Менеджер», 2003.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989.
4. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
5. Барфилд Томас. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова; науч. ред. и предис. Д.В. Рухлядева. СПб.: Нестор-История, Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 248 с.
6. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарии. Исследования. СПб.: Алетейя, 2003.
7. Голден П. Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СОРАН, 2004. С. 103–110.
8. Джувейни Ата-Мелик. История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.
9. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит-ра, 2011.
10. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. М., 2003.
11. Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
13. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.

14. *Исхаков Д.М.* Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

15. *Исхаков Д.М.* Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи Северной Евразии. Материалы VI Международного симпозиума и VIII Международной школы-семинара «Экологические проблемы степных регионов» / Под ред. чл.-корр. РАН А.А. Чибилева. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. С. 319–321.

16. *Исхаков Д.М.* «Сибирская земля» и «сибирский князь» в последних десятилетиях XV века // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Сб. науч. трудов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 16–19.

17. *Исхаков Д.М.* Введение в история Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006.

18. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009.

19. *Исхаков Д.М.* О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 24–30.

20. *Исхаков Д.М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.

21. *Исхаков Д.М.* Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Сборник материалов Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики». (Казань, 18–19 апреля 2007 г.). Казань, 2007. С. 293–301.

22. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

23. *Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* О шибанидском «следе» в булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.

24. *Исхаков Д.М.* Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. №2. С. 420–442.

25. *Карпини Плано Дж. Дель.* История монгалов (3-е изд.). / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны (3-е изд.) / Книга Марко Поло (4-е изд.). Вступ. ст., комментар. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.

26. *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

27. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингиз-хана. М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.

28. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.

29. *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.

30. *Кумеков Е.Б.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РІАС). Ташкент, сентябрь, 1986. I. История, литература, искусство. М., 1986. С. 39–40.

31. *Кызласов* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

32. *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во «Вост. лит-ра», 1961.

33. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. X. М., 1973.
34. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.
35. Парунин А.В. Клан баргут / буркут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 131–143.
36. ПСРЛ. Т. 2. Игнатъевская летопись. М., 2001.
37. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962.
38. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1(а)-2(б). М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
39. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II(в). III(г). М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
40. Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов (3-е изд.) / Гильом де Рубрук (3-е изд.) / Книга Марко Поло. (4-е изд.). Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. С. 88–198.
41. Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. Изд-во, 1990.
42. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.-ра», 1993.
43. Утемши-хаджи. Чингиз-наме. Факс., перев., транскрип., текст. прим., и исследование В.П. Юдина. Подготовка к изд. Ю.Г. Баранова. Коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992.
44. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973.
45. Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингизхана. М.: ООО «Издательства АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.
46. Bregel J. The tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. 1982. vol. 16. P. 357–398.
47. Golden B.P. Ethnicity and state formation in pre-Činggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001.
48. Golden B.P. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
49. Golden P.B. Cumanica I. The Qipčaq in Georgia // AEMA. Vol. IV. 1984. P. 45–87.
50. Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftäri Čingiz-namä). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles) / Studia Uralo-Altaica 44. Szeged, 2002.
51. May T. The Mongol conquests in World history. London: Reaktion Books LTD, 2012.
52. Pritsak O. From Sabirs to Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honor of Julius Németh. Ed. by Kaldy Nagy. Budapest: Lokánd Eötvös university, 1976. P. 17–30.
53. Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986. (Ph. D. dissertation).
54. The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age. Ed. by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. Cambridge university press, 2009.
55. Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziāni]. Vol. I (a)–II (б). New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.
56. Әбелгазый Баһадир хан. Шәжәрәи төрек. Казан, 2007.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевеич Исхаков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 11.01.2016

Принята к публикации 5.05.2017

Опубликована 30.06.2017

THE ROLE OF THE TURKIC-TATAR CONSTITUENT PEOPLE IN THE FORMATION OF THE STATE-FORMING “PEOPLE” OF THE JOCHID ULUS IN THE 13TH–14TH CENTURIES

D.M. Iskhakov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Research objectives: Study of ethnic processes that took place in the Jochid ulus (Golden Horde) in the 13th–14th centuries, which remain out of the sight of historians.

Research materials: A complex of written historical sources, materials of historical, ethnological, linguistic and archaeological research.

Results and novelty of the research: These processes are treated in extremely simplified forms, the essence of which is reduced to the “assimilation” of the Mongols with numerically predominant Polovtsians (Kypchaks). In addition to these shortcomings, domestic research suffers from other shortcomings under the influence of historians from Tatarstan who seek to eliminate the tradition of negative labeling of the ruling “people” of the Golden Horde, which was called the “Tatar-Mongols” in the old literature. In reality, one must well conceive the ethnic components of the given “people” for a reliable description of ethnic processes that took place in the 13th–14th centuries within the framework of the Golden Horde society, which ended with the formation of ethnic medieval Tatars. Meanwhile, this issue has not yet been fully developed. The role of the eastern Kypchaks-Kimaks in the formation of medieval Tatars is particularly poorly understood: their elite had a Tatar identity. In addition, we should pay attention to the participation of the Altai Turks in the ethnopolitical processes in the Jochid ulus, as well as of the Uighurs from the former Kimak Kaghanate closely associated with the Tatars. The study of these aspects of the extensive problem of the formation of a new “people” of medieval (Golden Horde) Tatars makes it possible to construct a different model of ethnic processes in the Jochid ulus, different from the previous one.

Keywords: ethnic processes, Jochid ulus, ulus of Berke, ulus of Toqai Temür, ulus of Shiban, Tatar-Mongols / Mongol-Tatars, clans, Kimaks

For citation: Iskhakov D.M. The Role of the Turkic-Tatar Constituent People in the Formation of the State-Forming “People” of the Jochid Ulus in the 13th–14th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 290–324. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.290-324

REFERENCES

1. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Toqai Timurids: Based on the Materials of the Persian Historical Work Bahr al-asrar]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)
2. Alemany A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in Ancient and Medieval Written Sources]. Moscow, Menedzher Publ., 2003. (In Russian)
3. Akhinzhanov S.M. *Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1989. (In Russian)
4. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow, 1965. (In Russian)
5. Barfield T. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. – 1757 g. n.e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China 221 B.C. to AD 1757 (Studies in Social Discontinuity)]. Per. s angl. D.V. Rukhlyadeva, B.V. Kuznetsova; nauch. red. i predis. D.V. Rukhlyadeva. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, Fak-t filol. i iskusstv SPbGU, 2009. 248 p. (In Russian)
6. *Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentarii. Issledovaniya* [The Galich-Volhynian Chronicle. Text. Commentaries. Study]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. (In Russian)
7. Golden P. Kipchaki srednevekovoy Evrazii: primer negosudarvennoy adaptatsii v stepi [The Qipchaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation in the Steppes]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude, Izd. Buryatogo nauch. tsentra SORAN, 2004, pp. 103–110. (In Russian)
8. Juvayni Ata-Malik. *Istoriya Zavoevatelya mira* [The History of the World Conqueror]. Moscow, Magistr-Press Publ., 2004. (In Russian)
9. Zoriktuev B.R. *Aktual'nye problemy etnicheskoy istorii mongolov i buryat* [Actual Problems of Ethnic History of the Mongols and Buryats]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011. (In Russian)
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. *Arabskie i persidskie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arabic and Persian Sources]. Moscow, 2003. (In Russian)
11. Ibn al-Athir. *Al-kamil fi-t-tàrikh (Polnyy svod istorii)* [The Complete History]. Tashkent: Uzbekistan, 2006. (In Russian)
12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. Vol. I. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 1: History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. (In Russian)
13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars from the Most Ancient Times. Vol. III: The Jochid Ulus (Golden Horde). The 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. *Mezhdru Bulgarom i Kazan'yu: etnopoliticheskie protsessy v Bulgarskom / Kazanskom vilayyate v 60–70-kh godakh XIV – 40-kh godakh XV vekov* [Between Bolgar and Kazan: Ethnopolitical Processes in Bolgar / Kazan Wilayat in the 1360–70s – 1440s]. Kazan, Fen Publ., 2013. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Tyurkskie istoricheskie predaniya o kypchakakh (kimakakh) Orenburzh'ya [Turkic Historical Legends about the Kypchaks (Kimaks) of the Orenburg Region]. *Stepi Severnoy Evrazii. Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma i VIII Mezhdunarodnoy shkoly-seminara «Ekologicheskie problemy stepnykh re-gionov»* [Steppes of Northern Eurasia. Proceedings of the VI International Symposium and the VIII International School-Seminar “Ecological Problems of the Steppe Regions”]. Pod red. chl.-

kor. RAN A.A. Chibileva. Orenburg: IPK «Gazprompechat» ООО «Orenburggazpromservis», 2012, pp. 319–321. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. «Sibirskaya zemlya» i «sibirskiy knyaz'» v poslednikh desyatiletiyakh XV veka [“Siberian Land” and “Siberian Prince” during the last decades of the 15th century]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii. Sb. nauch. trudov* [Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia. Collected studies]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2011, pp. 16–19. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriya Sibirskogo khanstva* [Introduction to the History of the Siberian Khanate]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2006. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan, Fen Publ., 2009. (In Russian)

19. Iskhakov D.M. O klanovom sostave pervonachal'nogo udela Shibana [On the Clan Composition of the Original Shiban's Appanage]. *Zolotoordynskoe nasledie*. Is. 1. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»*. Kazan', 17 marta 2009 g. [Golden Horde Heritage. Iss. 1: Proceedings of International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–14th centuries)”. Kazan, March 17, 2009] Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 24–30. (In Russian)

20. Iskhakov D.M. Ob otrazhenii nekotorykh zolotoordynskikh realiy v tatarsko-bashkirskom dastane «Tulyak i Susylu» [On the Reflection of Some Golden Horde Realities in the Tatar-Bashkir Dastan “Tulyak and Susylu”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 4. Kazan, ООО «Foliant»; Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 119–127. (In Russian)

21. Iskhakov D.M. Ulus Dzhuchi: tatarskaya ili mongol'skaya derzhava? [The Jochid Ulus: Was It the Tatar or the Mongol State?]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kongressa «Rossiyskaya istoricheskaya nauka na sovremennom etape: perspektivy issledovaniya i realizatsii natsional'noy obrazovatel'noy politiki»*. (Kazan', 18–19 aprelya 2007 g.) [Proceedings of International Congress “Russian Historical Research at the Present Stage: Perspectives of Research and Implementation of the National Educational Policy”. (Kazan, April 18–19, 2007)]. Kazan, 2007, pp. 293–301. (In Russian)

22. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical History of Tatars (3rd – mid-16th centuries)]. Kazan, RITs «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)

23. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. O shibanidskom «slede» v bulgarskom vilayate Ulusa Dzhuchi [On the Shibanid “Trace” in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. No 2, pp. 128–145. (In Russian)

24. Iskhakov D.M. Termin «tataro-mongoly/mongolo-tatary»: ponyatie politicheskoe ili etnicheskoe? Opyt istochnikovogo i kontseptual'nogo analiza [The Term of the “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: The Ethnic or Political Concept? An Experience of the Source Study and Conceptual Analysis]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. No. 2, pp. 420–442. (In Russian)

25. Plano Carpini J. de. *Istoriya mongalov* (3-e izd.) [History of the Mongals]. Guillaume de Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnye strany* (3-e izd.) [Itinerarium]. *Kniga Marko Polo* (4-e izd.) [Book of Marco Polo]. Vstup. st., kommentar. M.B. Gorunga. Moscow, Mysl' Publ., 1997, pp. 192–380. (In Russian)

26. Klyashtorny S.G., Sultanov G.I. *Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Ancient Times and Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. (In Russian)

27. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Izd. Firma Vostochnaya literatura Publ., 2006. (In Russian)

28. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
29. Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The State of the Kimaks in the 9th–11th centuries according to Arabic Sources]. Alma-Ata, «Nauka» Kazakhskoy SSR Publ., 1972. (In Russian)
30. Kumekov E.B. Etnokul'turnye kontakty kypchakov i tatar (po arabo-persidskim istochnikam) [Ethno-Cultural Contacts between Kypchaks and Tatars]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altayskoy yazykovoy obshchnosti. Tez. dokl. XXIX sessii Postoyannoy mezhdunarodnoy altaisticheskoy konferentsii (PIAC). Tashkent, sentyabr', 1986. I. Istoriya, literatura, iskusstvo* [Historical and Cultural Contacts of the Peoples of the Altaic Language Group. Proceedings of the XXIX Session of the Permanent International Altaic Conference (PIAC). Tashkent, September, 1986. History, Literature, Art]. Moscow, 1986, pp. 39–40. (In Russian)
31. Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Essays on the History of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1992. (In Russian)
32. Kyuner N.V. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese Information about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961. (In Russian)
33. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi (Zolotoe skazanie)* [The Golden History]. Per. s mong., vvedenie, komment. i prilozh. N.P. Shastinoy. Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. X. Moscow, 1973. (In Russian)
34. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials for the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. (In Russian)
35. Parunin A.V. Klan bargut / burkut v politicheskoy istorii chingizidskikh gosudarstv XIII–XVI vv. [The Clan Bargut / Burkut in the Political History of Chinggisid States of the 13th–16th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012. Is. 4., pp. 131–143. (In Russian)
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypatian Chronicle]. Moscow, 2001. (In Russian)
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1962. (In Russian)
38. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I, kn. 1(a) – 2(b). Moscow, NITs «Ladimir», 2002. (In Russian)
39. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II(v) – III(g). Moscow, NITs «Ladimir», 2002. (In Russian)
40. Rubruk Guillaume de. *Puteshestvie v Vostochnye strany* [Itinerarium]. Plano Carpini J. de. *Istoriya mongalov* [History of the Mongals] (3-e izd.). *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. (4-e izd.). Vstup. st., komment. M.B. Gorunga. Moscow, Mysl', 1997, pp. 88–198. (In Russian)
41. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Per. S.A. Kozina. Ulan-Ude: Buryatko kn. Izd-vo, 1990. (In Russian)
42. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: Problema istoricheskoy preemstvennosti* [The State System of the Mongol Empire of the 13th century: The Problem of Historical Continuity]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1993. (In Russian)

43. Ötemish Hajji. *Chingis-name*. Faks., perev., transkrip., tekst. prim., i issledovanie V.P. Yudina. Podgotovka k izd. Yu.G. Baranova. Komment. i ukaz. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata: Gylm Publ., 1992. (In Russian)
44. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordyy* [The Social System of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. (In Russian)
45. Yüan-shih (Ofitsial'naya khronika dinastii Yuan') [Yüan-shih (Official Chronicle of Yüan Dynasty)]. in Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military Power of Chinggis Khan]. Moscow, OOO «Izdatel'stva AST»: OAO «VZOI», 2004, pp. 432–540. (In Russian)
46. Bregel J. The tribal tradition and dynastic history. *Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society*. 1982. Vol. 16, pp. 357–398.
47. Golden B.P. *Ethnicity and state formation in pre-Chinggisid Turkic Eurasia*. Indiana university, 2001.
48. Golden B.P. *Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
49. Golden P.B. Cumanica I. The Qipchaqs in Georgia. *AEMA*. Vol. IV. 1984, pp. 45–87.
50. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftäri Čingiz-namä)*. I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Studia Uralo-Altaica 44. Szeged, 2002. (In German)
51. May T. *The Mongol conquests in World history*. London, Reaktion Books LTD, 2012.
52. Pritsak O. From Sabirs to Hungarians. *Hungaro-Turcica. Studies in Honor of Julius Németh*. Ed. By Kaldy Nagy. Budapest: Lokánd Eötvös university, 1976, pp. 17–30.
53. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Columbia University, 1986. (Ph. D. dissertation).
54. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age*. Ed. by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. Cambridge university Publ., 2009.
55. *Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziāni]*. Vol. I (a)–II (b). New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.
56. Əbelgazzy Bahadır khan. *Shəxəərəi terek*. Kazan, 2007. (In Tatar)

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication May 5, 2017

Published June 30, 2017

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

THE IMPACT OF THE BLACK DEATH ON THE GOLDEN HORDE: POLITICS, ECONOMY, SOCIETY, CIVILIZATION

Uli Schamiloglu

*University of Wisconsin-Madison
Madison, USA
uschamil@wisc.edu*

Research objectives and materials: This essay offers an overview of the political, economic, social, and cultural consequences of the Black Death (the epidemic of bubonic plague caused by the bacteria *Yersinia pestis*) in the territories of the Golden Horde in the 14th–15th centuries. It considers the framework which has been developed for medieval Europe and the Middle East. It considers whether there was a medieval growth in population in the Golden Horde prior to the arrival of the Black Death in the mid-14th century. It considers the level of depopulation and how it led to political instability. It notes how bubonic plague was used as a weapon by the Mongol armies. It considers economic consequences such as the decline in certain professions and crafts, the threat to the food supply, and the rising cost of labor which led to inflation. It also considers the social crisis brought about by the sudden death of substantial portions of the population.

Results and novelty of the research: The rise in urbanization in the 13th to mid-14th century was followed by a collapse in the population and decline in urban centers beginning in the second half of the 14th century. The Black Death also led to population pressure as most sedentary centers declined, while at the same time certain sedentary areas escaped the plague, as could many nomadic populations who were less susceptible to disease. It also examines the decline in literary languages and the growth in religiosity. Finally, it considers the recovery in the population beginning in the mid-15th century.

Keywords: Black Death, depopulation, political instability, economic crisis, social crisis, deurbanization, literary languages, religiosity

For citation: Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

This essay considers the question of the political, social, economic, and cultural transformations in Central Eurasia as a result of the Black Death during the time of the Golden Horde (13th–14th centuries). The Black Death was the second of three major waves of deadly pandemic caused by the bacteria *Yersinia pestis*. The first wave was the Plague in the Time of Justinian from the mid-6th to the mid-8th centuries [see my: 37]. The third wave was modern plague beginning in the late 19th century [for studies of modern plague see: 23]. The geographic point of origin of the plague is now believed to have been the Qinghai-Tibet Plateau. The plague, transmitted by rodents and fleas feeding on both rodents and humans, reached Lake Issyk-köl in 1338–1339. Arab writers in the Middle East inform us that the disease had begun in Central Asia and had been raging there for 15 years. The Russian sources indicate that it struck the cities of the Golden Horde, including Saray and Astrakhan. The disease then appeared in the Crimea in 1346 [for the sources see my: 43; 52, p. 686–690; and 41]. From there the disease spread to Constantinople,

and from there to Alexandria in Egypt and Sicily in Italy [on the Black Death in Constantinople see my: 42]. The disease spread widely across the Middle East, Europe, and beyond. It ravaged these world regions in multiple waves for many years, with waves of the Black Death continuing in the territories of the Golden Horde apparently until the 15th century. In this essay I will take as my starting point some of the topics considered by David Herlihy and other scholars for medieval Europe and the Middle East [see 18; 6; 13; and 9]¹ and explore additional topics based upon my own research on the Golden Horde in order to offer some thoughts in an attempt to provide a general overview of the political, economic, social, and cultural legacy of the Black Death in the territories of the Golden Horde and its successor states.

1. Earlier population growth vs. Black Death-era depopulation?

It is believed that in Western Europe population was on the rise prior to the arrival of the Black Death in the mid-14th century. According to Herlihy, by 1300 many communities in medieval Europe had attained a large size: the population of the region of Tuscany, for example, reached about two million inhabitants. Scholars also believe that high prices for cereals and occurrences of famine in this period also offer indirect evidence of overpopulation. In Languedoc there were 27 years of adequate food supply but 20 years of scarcity during the period 1302–1348. In Northern Europe the period 1314–1317 was a period of famine known traditionally as the “Great Hunger”. There was also famine in Florence in 1346–1347 on the eve of the arrival of the Black Death: only 20% of the population had access to bread, with the rest foraging in the countryside. Indeed, as Herlihy points out, some scholars have considered what was to transpire upon the arrival of the Black Death as a “Malthusian crisis” of overpopulation [see 18, p. 31–33. On the crisis of the early 14th century see also the essays in 10].

Can we describe a parallel situation for the territory of the Golden Horde, namely that it, too, was experiencing overpopulation in this period before the arrival of the Black Death? It is difficult to make such a blanket statement. It does appear that there was some significant nomadic population which arrived in the western part of Central Eurasia from areas further to the east with the Mongol conquests in the first half of the 13th century. Given the rich pasturage along the lower Volga River and other river systems, perhaps this enabled a better-nourished population to grow in number. We also have a sense of the growth of urban centers, probably representing an expanding population as well.

With the arrival of the Black Death in the territories of the Golden Horde in the 1340s – the precise chronology and paths of which may never be fully elucidated – we must assume that there were very high levels of mortality in many regions. If we consider the effects upon Western Europe, it will help us to imagine what its impact might have been on Central Eurasia. As noted above, on the eve of the Black Death the population of Tuscany had reached about two million inhabitants. After the Black Death and everything else transpiring after its arrival, Tuscany would not reach the level of population it had once had at the beginning of the 14th century until after 1850. The demographic impact of the Black Death is somewhat controversial, since in some areas there could have been mortality up to

¹ Clearly there is a larger body of historical and interdisciplinary research on the Black Death which I cannot cite here in full.

90% while other areas nearby could have escaped its ravages altogether [see the discussion in: 6, p. 245 ff.]. Many scholars believe that the population of Europe declined by one-third in the initial period of roughly 1346–1350 [26, p. 149–150]. A higher estimate is offered by Benedictow, according to whom mortality from plague reached 60% across Europe, with many communities wiped out completely [see 6, p. 380–384].

It will prove next to impossible to find similar direct evidence for the territories of the Golden Horde, but we can look for additional indirect evidence to give a broader picture. A few Arabic sources I have already cited elsewhere give some of the only estimates to be found in the sources for population dying during the outbreak of the Black Death in the territory of the Golden Horde. The account of Maqrīzī mentions depopulation in the steppe region prior to the arrival of the Black Death in the Middle East [24, ii/3, p. 773–774; and 13, p. 40–41]. Ibn al-Wardī writes that when the outbreak of disease arrived in the “land of Özbek” (*bilād Uzbak*) in Racab 747/October–November 1346, the villages and towns were emptied of their inhabitants. He also cites a report from a *qādī* in the Crimea estimating 85,000 dead [14, especially p. 448]². Additional supporting evidence comes from the neighboring Russian territories to the west, with the Russian chronicles reporting numerous occurrences of plague in cities throughout Russia accompanied by a high rate of mortality [on the Black Death in Russia see: 50; 2; 22, especially p. 55–61; and 21; and 3, p. 12–15]. Indirect evidence is also provided by the spike in the number of gravestones bearing Nestorian Turkic inscriptions in the Syriac alphabet near Lake Isıq-köl and by a parallel spike in the number of gravestones bearing Muslim Turkic inscriptions in the Volga Bulğarian in Arabic script in the Middle Volga region (see below).

Based upon everything we know about Europe and the Middle East in this period, the population lost must have been substantial – perhaps even extreme – and it would not be until the mid- to late-15th centuries that we can see the outlines of a rebound in population. Nevertheless, it is not clear whether the population crisis of the 14th–15th centuries was strictly one of mortality (so death), or whether it also involved a question of factors affecting fertility [see 18, p. 2].

2. Depopulation and political instability

The most visible and dramatic result of the rapid depopulation associated with the Black Death was a disruption in the political system of the Golden Horde. The political system of the Golden Horde was based upon a system of political and marital alliances between a khan descended from Chinggis Khan and the leaders of four high-status tribes. The leaders of these four “ruling tribes”, the four *ulus beks* (known in the time of the khanates of the Later Golden Horde of the 15th–18th centuries as the four *qaraçı beys*), formed a council of state involved in the selection and sometimes the removal of the Chinggisid khan, as well other matters of state [on this system see my: 46; 45; and 39]. The pattern of succession was originally based upon “collateral succession”, with there being an expectation that the sons of the first generation descended from Chinggis Khan might rule in descending order based upon age. It is clear that in the succeeding generations this principle (or cultural expectation) based upon genealogy endured to one degree or

² For a reference to the original text of the *Risāla* in Ibn al-Wardī's *Dīwān* see: [14, p. 446 n. 16]; and the discussion of Ibn al-Wardī's works in my: [43, p. 455 n. 17].

another, but in the Golden Horde it is clear that over time the tribal élite selected the khan without adhering strictly to the original principle of succession. As a result the line of succession appears to have shifted back and forth between lines of descent more than once. Within the tribes themselves there was also a hereditary leadership which appears to have passed from father to son (though it is not certain whether it was also based upon the same principle of collateral succession).

What would have been the result of the waves of plague in the territory of the Golden Horde beginning in the early 1340s? I must say that the most remarkable aspect of the political system of the Golden Horde in the 1340s–1350s was the unlikely extent to which it was actually politically stable. I would have expected that the political system would have collapsed sometime earlier during the 1340s–1350s. It is surprising for me that it was only after the death of Berdibek that the political order in the Golden Horde seems not just to have collapsed, but to have collapsed completely. Under what circumstances did both Canibek (d. 1357) and Berdibek (d. 1359) really die? Could they have fallen victim to the Black Death, as had Grand Duke Simeon several years earlier? It is hard to be sure, but what follows the death of Berdibek is the utter and complete collapse of political stability in the territories of the Golden Horde.

Until 1359 it appears that there was an orderly, stable, well-functioning political system in the territories of the Golden Horde. After 1359, with the collapsed of centralized authority, the only word one can use to describe what is going on in the territories of the Golden Horde is “anarchy”. We see in the sources a succession of dozens of names in competition with one another such as Qulpa, Nevruz, Xizr, Temür Xoca, Ordu Melik, Keldibek, Murad, Pulad, Aziz, Abdullah, Hasan, and many, many others. Although the historiography is not clear on this, it is clear that while some of them are Chinggisids, others are tribal leaders vying for control of the Golden Horde in the west, so the *ulus* of Jöchi also known as the White Horde. (As is well known, the term “Golden Horde” is a later term, probably first used in the 16th century, which becomes the most widely-used appellation for this state in modern scholarship.) At the same time figures from the eastern Blue Horde would also vie for control over the White Horde.

How can we explain the mechanism by which the Black Death had such an impact on the Golden Horde? The explanation for this lies in the system for orderly succession which forms the basis of the political organization of the Golden Horde. As noted above, the system of collateral succession formed the original basis of the method for determining succession among the first generations of Chinggisids after the death of Chinggis Khan. (Was the system of four *ulus beks* also underlying the earliest *quriltays* choosing the successors to Chinggis Khan? We will never know.) In succeeding decades it is clear that the same system of a khan plus four tribal leaders was involved in choosing and removing the Chinggisid khans of the Golden Horde. The most famous of these tribal leaders was Emir Noğay (d. 1299), though he was certainly not the only tribal leader about whom we have knowledge based on the sources. As waves of bubonic plague swept across the territories of the Golden Horde – but especially beginning in 1359 – the political system of the Golden Horde was disrupted. It appears that with the death of Berdibek – which coincided with a period of a number of years in which the Black Death was very active in the territories of the Golden Horde in the late 1350s–early 1360s – orderly succession became impossible. Trying to acquire objective, current information

about the proper genealogical order of succession between Chinggisids was probably a hopeless task, since if one died before becoming khan his successors could lose the right to become khan. But who knew who was alive and who was dead? Each of the tribes also had its own internal leadership which must have faced the same crisis of leadership as the Chinggisids. As a result, with the breakdown of the political order, one person after another became selected and raised as khan, and either died or was overthrown. It is possible that the four chief tribes could no longer come together and function as a council of state. If the true power of the khan rested in the marital relationships between the khan and his offspring and the tribal leaders and their offspring, then this system was also disrupted for a long period of time.

As a result, the western *ulus* of Jöchi (the White Horde) fell deeper and deeper into anarchy. For some reason, the eastern *ulus* of Orda (the Blue Horde) seems to have been affected less by the Black Death (possibly because it was more nomadic), or else it simply was fortunate to have avoided the worst effects of successive waves of bubonic plague. Another possibility is that it experienced bubonic plague earlier and had already begun to recover demographically. What we can see is that they were in a position to dominate the western territories until those territories would begin to recover themselves in the mid-15th century.

In contrast, even though Grand Duke Simeon and other members of the ruling élite also died of the Black Death in Moscow in 1353, we cannot say that Muscovy and the other Russian principalities collapsed into anarchy. Quite the opposite. Since the basis of the state was estates, not genealogy, the foundation of the Russian principalities was not undermined. To the extent that depopulation characterized the Russian principalities from the second half of the 14th century until the later 15th century, the response was a centralization of political authority in the hands of fewer individuals, culminating ultimately in the “gathering of the Russian lands” under Ivan III (r. 1462–1505) [see especially the discussion in 2, p. 37–38]. This meant an increasingly stronger Russian state confronting a series of khanates in the 15th–16th centuries which were much smaller and weaker than the earlier Golden Horde prior to its collapse in 1359.

3. Bubonic plague as biological warfare

An episode connected with the arrival of the Black Death in Kaffa is often cited as the earliest example of the use of biological weapons in human warfare³. After reaching the land of Özbek and striking the cities of the Golden Horde, *Yersinia pestis* finally reached the Crimea, where the Italian commercial centers of the Crimea became the point of transmission of the Black Death to the Middle East and Europe. Italian merchants had been expelled from Tana (Azaq) in 1343, and they were besieged in the fortified city of Kaffa in 1343 and again in 1345–1346. According to one of the best known sources on the Black Death in Kaffa, the *Historia de Morbo* by Gabriele de’ Mussis [see 17, p. 45–57; and the revised translation in 7, especially p. 17–18, 20], countless numbers of Tatars (“Tartars”) and Saracens became afflicted in 1346 with an illness that resulted in sudden death. Large portions of these provinces, kingdoms, towns, and settlements were soon stripped of their inhabitants. The illness spread among the Tatars while they were

³ On the development of a biological weapons program by the USSR utilizing smallpox and other biological agents (including *Yersinia pestis*), see: [1].

holding under siege the Genoese colony of Kaffa (modern Feodosiya) in Crimea. At that time Kaffa also included Italian merchants who had fled Tana, an Italian colony on the mouth of the Don River. Unexpectedly thousands of Tatar soldiers began to die with the sudden swelling of the armpit or groin followed by a fever. Although the Tatar soldiers soon abandoned their siege, they began to place the corpses onto catapults and launch the bodies of their comrades who had fallen victim to the disease into the Genoese fortress of Kaffa. The Italians tried to dump as many of the bodies as possible into the Black Sea, but the rotting corpses filled the air with a stench and poisoned the water supply. Through their strong resistance, and perhaps due to the weakened state of the blockading army, the Genoese were able to lift the siege. Many Genoese then fled to Constantinople, taking the infection with them. I have outlined elsewhere the equally catastrophic effects of the Black Death on Anatolia and have proposed that the rise of the Ottoman Empire can be explained as a consequence of the Black Death [see my 42]. By 1347, the plague had reached Italy and Egypt from Constantinople. Soon the Black Death was raging throughout Europe and the Middle East.

4. Economic crisis

The sudden demographic crisis experienced by medieval European society had profound economic consequences [for an overview of these consequences see for example 5; 13, p. 255–280; 18, p. 39–57; and 9]. David Herlihy differentiates between short-term and long-term effects of the Black Death. He sees the short-term repercussion as a shock which was very disruptive for regular economic life and interrupted routines of work and service⁴. Not only did the positions of those who died in a wide range of jobs and professions remain unfilled because of the deaths of the holders of these positions, others fled the town to the safety of the countryside – as in Boccaccio's *Decameron* – because people felt that they had no better option for saving themselves. This led to many towns being emptied of their population either because of the death of the population or flight. Those who remained behind sometimes refused to carry out their jobs, choosing instead to enjoy what they could of life before their turn to die arrived. In the countryside, as described by Guillaume de Machaut in 1349, because of a huge loss in the population (according to him, ninety-nine out of one hundred), there were not enough people remaining to tend to large farms, nor could sufficient laborers be found even at many times the pre plague salary. Fields went untilled, harvests remained ungathered, and herds were left untended, resulting in feral herds.

The high rates of mortality led to a sudden increase in the demand for certain professions. Gravediggers came into high demand. It is possible that prior to the arrival of the Black Death gravediggers in Florence may not have been paid, whereas after the arrival of the Black Death this was a paid job for which there was a high demand. Physicians were also in high demand to treat the ill, as were clergy to perform the rituals for the burial of the dead. As these professions were also losing many highly-trained members to epidemic disease, their ranks were joined by those who were less well trained or not trained at all. The Black Death similarly cut short the careers of many skilled artisans and craftsmen whose ranks needed to be replenished. Over the longer term, the skilled professions needed to bring in

⁴ I refer the reader to [18, p. 40 ff.] for a more complete discussion and references to the sources.

new members at a higher rate than before the Black Death, since the average length of one's career was now shorter. The rise in wages was a part of a general period of inflation, with grain prices rising until they finally begin to diminish after 1375 or 1395. Meanwhile, as wages rose, agricultural rents fell. Herlihy suggests that cheap land was substituted for expensive labor, leading for example to the expansion of pasturage at the expense of cultivated fields.

How might we apply these insights on the economic impact of the Black Death on medieval Europe to the history of the Golden Horde? We may safely assume that the sedentary regions of the Golden Horde also experienced a similar fate. The report estimating that 85,000 dead were dead in the Crimea suggests that the other towns of the Golden Horde also suffered shock from high rates of mortality. We have direct reports of other cities being struck, such as the report on the wave of 1364 originating in Saray [22, p. 57]. The kind of abundant detailed information available for medieval Europe is simply not available, however, for the Golden Horde. Yet there are some intriguing pieces of indirect evidence which fit the same pattern as for medieval Europe.

I have noted that flight from cities was a common response to outbreaks of plague in Europe. While in the Golden Horde we do not have direct evidence of flight, the curious case of Gülistan may pose indirect evidence for disruption caused by the Black Death. Mellinger believes that two types of Golden Horde coinage, the first minted in Saray in the year 746/1345–6 (and continued from 752/1351–2 to 754/1353) and the second minted in 749/1348–9, reflect the havoc caused by the Black Death in the Golden Horde. He also suggests that the establishment of Gülistan as a mint site in 752/1351–2 might have been a response to plague (a conclusion which both Mellinger and I have reached independently from each other) [see 27, especially p. 178–180]. In such a case Gülistan, which literally means “Rose Garden” (and the name of a popular romantic epic perhaps first translated into Turkic in the Golden Horde)⁵ could be seen as a refuge parallel to Boccaccio's refuge in the countryside away from Florence.

The shock of the waves of Black Death in various years would have meant that, as elsewhere in Europe, the tending of fields, the harvesting of crops, and the taking care of herds could have been neglected. This would have affected the food supply of the urban population and perhaps of the nomads as well. It should not come as a surprise, therefore, that there are many reports of famine in this period in the Russian sources [see the table in 22, p. 58–61]. In the towns we can also expect that there would have been a need for more gravediggers, as well as pressure on healers and Muslim clerics. The number of craftsmen and artisans would have diminished greatly, too. While we do not have direct evidence for this, the fact that Volga Bulğarian ceased to be written as a literary language after 1358 (see below) suggests that the people who knew that language, or the scholars or clergy who could write the texts for the grave markers on which these inscriptions were written, or perhaps the stone carvers who would physically carve the stone grave markers were no longer in adequate supply. Perhaps with the demand for labor, which was in short supply, there were other urgent tasks which were tended to instead, or perhaps wages rose too high for people to be able to afford grave markers.

⁵ This work is known from the translation by Seyf-i Serayi (a native of Saray) produced in Mamlūk Egypt in 1391, see: [47].

At the same time it is not clear whether a comparison of the Golden Horde with medieval Europe is more apt, or whether a comparison with medieval Egypt would be more appropriate. In Europe high wages resulted in cheap land and an increase in capital investment, as in oxen and seed being provided to agriculturalists to make it more attractive for laborers to cultivate the land. In contrast, medieval Egypt had a centralized landholding system with absentee landlords living in the cities. The Egyptian system could not adapt to massive depopulation and continued in crisis, while in England the localized rural landholding system had recovered fully by 1500 [see 9]. Was the Golden Horde system more like a centralized landholding system with absentee landlords, or was it a more localized landholding system? This is a question which requires further investigation.

Although we expect inflation, there are not many direct sources for this. Future researchers may be able to reconstruct the history of prices in the territory of the Golden Horde over the course of the 13th–15th centuries with a view to understanding the impact of the Black Death on prices. This will prove notoriously difficult, however, since the most abundant data is for the Italian colonies in the Crimea, where the markets – which were subject to influences from all over the Mediterranean – showed tremendous seasonal variation. According to Balard more is known about the grain trade after 1350, which makes it more difficult to evaluate the price of this commodity before and after the onset of the Black Death [on the commerce in wheat in the Black Sea region and elsewhere, see 4, ii, p. 749–768]. The idea of inflation in the territories of the Golden Horde is, however, supported by the numismatic evidence. I have proposed, with the assistance of my colleague Leonard Nedashkovsky, that the lighter standard for the silver *dirham* introduced as a part of the monetary reform of Toqtamış in 782/1380–1381 (which was first put into effect in the Lower Volga region) can be considered direct evidence of inflation in this period [see 36].

We should not forget that one of the big differences between the states of Western Europe and the Golden Horde is that, even though it had significant amounts of agricultural exports to the Italian maritime republics, the territory of the Golden Horde was home to vast herds of horses, sheep, and other livestock which were tended by nomadic herders. It is certainly a principle that nomads are less susceptible to epidemic disease (though not immune to it), which is why we should not be surprised after the collapse of the urban centers of the Golden Horde (see below) there were still strong nomadic confederations. At the same time, if Western Europe is to serve as a guide, the decline in the rural agricultural population would have meant that less land was cultivated. This could have led to a greater exploitation of formerly-tilled agricultural land by herds of animals tended by nomadic herdsmen, or by local sedentarists for whom it was less labor-intensive to tend to herds of animals than to cultivate large fields now laying fallow (see below).

5. Social crisis

There is no question that in medieval Europe the Black Death created a major social crisis the likes of which had not been seen since the 6th–8th centuries⁶. As the ravages of the Black Death continued, people stopped treating the sick and dying as

⁶ I refer the reader to [18, p. 59 ff.] for a more complete discussion and references to the sources.

human beings. The sick were treated “no better than dogs” or were sent to pesthouses. There was a fear of transmission of disease from corpses and local administrations punished those who hid the sick. The dead became an overwhelming crisis, since towns and communities had difficulty dealing with the large numbers of dead or even the expense of digging their graves. The diminishing number of clergy meant that it was more difficult to offer the dead a proper burial. The numerous corpses ended up being treated no better than goat carcasses. In the longer term, the fact that in some parts of Europe the demographic structure of the population changed, meant that an unusual number of younger persons and older persons were left alive. This meant that the ratio of dependents to productive workers increased, putting additional pressure on the main providers in the family. Clearly some children must have been orphaned, while some elderly must have been left without family members to care for them.

It is nearly impossible to document this range of issues for the territories of the Golden Horde. It is clear, as with the report from the Crimea, that there were large numbers of dead. The “weaponization” of the dead by the Mongols (see above) seems to fit with the notion of corpses being treated like goat carcasses, but of course this may reflect more on Mongol military tactics than on their becoming inured to the death of civilians around them. As noted above in the section on the economy, the end of gravestones with inscriptions in Volga Bulğarian could also be linked to the inability of the Muslim population in the Middle Volga region to properly bury its dead in the way it had been accustomed. At a higher level, namely the level of the *élite*, the anarchy in the traditional political system of the Golden Horde meant that the lines of the ruling families and the family lines of the tribal leadership were disrupted, as we see in the sources (see above).

6. Urbanization and deurbanization

Although medieval Europe experienced a substantial decline in its population as a result of the Black Death, we do not speak of the deurbanization of medieval Europe, even though it appears that many villages were abandoned following the Black Death [see 49, p. 52; and https://en.wikipedia.org/wiki/Abandoned_village]. Clearly villages, towns, and urban centers were characteristic features of Europe’s economy based upon a sedentary way of life and agriculture. In the Eurasian steppe zone, however, it is clear that before the modern era this zone was not characterized by villages, towns, and urban centers; rather this zone was characterized by pastoral nomadism. Urban centers were characteristic of the Crimea, Khwarezm, and the Middle Volga region, but the grasslands of the steppe in which nomadic confederations dominated probably could not afford sufficient security for the establishment of agricultural settlements. It is only with the expansion of the Russian Empire in the modern period that we see the complete agricultural colonization of this zone.

I argue elsewhere that the establishment of the Mongol World Empire created a secure environment of merchants to travel across Eurasia. This is very clear from the account of William of Rubruck, for example [28]. The Golden Horde also provided security for the trade network known popularly in modern times as the “Silk Road”. The communication network of the Mongol World Empire (*cam*) required a regular network of manned stations for changing horses [see 29, p. 103–107]. Merchants also had a need for regular stations or caravanserais, too. This

probably led to the development of a series of towns along transportation and trade routes. With the ever-increasing volume in trade the Golden Horde elite beginning with Batu Khan began to establish fixed cities at the southern and northern edges of the annual migration route of his flocks, Saray Batu and probably Ükek, respectively [see my 38]. Saray Batu and later Saray Berke became important political, commercial, and cultural centers. An important description of various urban centers in the Golden Horde in the 1330s is provided by Ibn Baṭṭūṭa, less than a decade before the initial outbreaks of bubonic plague on the territories of the Golden Horde in the early 1340s. With the increase in the export of grain to the Italian maritime republics there was an expansion of agricultural production, probably including in the steppe zone around Ükek, thanks to the security provided by the Golden Horde. This necessarily meant an increase in the number of agricultural settlements in this zone. Nedashkovsky also studies the towns established in the region around Ükek (a suburb of present-day Saratov) [55; 30; and 54]. This is also seen from a map of settlements established in the 13th–14th centuries offered by Egorov [51, p. 232–233 (maps are between these pages)].

Given the paucity of sources for Golden Horde following the outbreak of the Black Death, we can only state that there is direct and indirect evidence for the Black Death visiting Khwarezm, the Crimea, Saray, Volga Bulğaria, and more generally the towns and cities of the Golden Horde, as noted elsewhere. It is difficult to be more specific, since our sources do not offer any more information about a wide range of settlements, towns, and cities in the steppe zone. It is clear that settlements, towns, and cities continued to exist in the traditional areas of sedentary habitation. In the Middle Volga region, however, we do see is that 70 years after the apparent decline or demise of Volga Bulğaria ca. 1358 (judging by the end of the Volga Bulğarian inscriptions, see below), the Khanate of Kazan is established almost 100 km to the north of the site of the town known today as Bulgar. It is quite possible that this is a case of the abandonment of the site of the former Volga Bulğarian town as a political center for the region. It is not to be excluded that the reason for this was that it was somehow “marked” as a place of death. In this case it would be comparable to the settlements abandoned in medieval Europe.

In the steppe zone, itself, we can probably speak of destruction and deurbanization, too. The great 17th century Ottoman traveler Evliya Çelebi offers us a survey of the towns he visited during one of his visits to the territories of the former Golden Horde in 1664 [16, vii, p. 473 ff.; and 15, vii, p. 368 ff.]. He often repeats that Toqtamış had leveled whichever town he was describing at the moment [16, vii, p. 479, 485, 488, 490, 492, 522, 566; and 15, vii, p. 371, 376, 378, 380, 402, viii, 23]. In his account Saray (probably Saray Batu, given its proximity to the Caspian Sea) is still not very developed (*hâlâ o kadar imar değildir*) and is a poor town of 9,000 ill-fated houses of wood with (thatched) rooves of rushes and reeds (*hepsi dokuz bin tahta, saz ve kamyş ile örtülü uğursuz evlerden ibarettir*). Moreover they speak so many different languages that they must communicate through interpreters, which also suggests that many of them had arrived there only recently [16, vii, p. 479–480; and 15, vii, p. 372]. We also learn from his description that significant numbers of nomads or semi-nomads live among what Evliya Çelebi refers to as the “ruins” (*harabeler*) of this region. The general impression one gets is that – considering that this is a period of time in which the population has already recovered significantly – it is not a robust urban population.

Even if we may question at times the reliability of Evliya Çelebi's description, the extent to which the urban tradition of this region declined compared to the time of the visit of Ibn Baṭṭūṭa in the 1330s or indeed was disrupted is certainly a topic which merits further study based upon the later sources.

7. Population pressure and migration

With the substantial depopulation across the territories of the Golden Horde (which may not have been uniform, of course), we can see several phenomena related to the movement of people to areas which were suddenly depopulated, or at least politically and militarily weakened. The first example can be the expansion by Lithuania to the south as far as the Black Sea. As Pelenski has demonstrated (though without mentioning bubonic plague), Lithuania expanded its territories dramatically in the 2nd third of the 14th century. It expanded into Belorussia and five Ukrainian lands (the conquest of Chernigov in three stages beginning in 1345, Siveria, the conquest of Kiev and the Kievan land by 1361–1363, Pereyaslav following Kiev, and major parts of Podolia in the first half of the 1360s) [32, especially p. 308]. Lithuania scored a major victory over the forces of the Golden Horde at the Battle of the Blue Water (*Sinyaya voda*) in 1362 [32, p. 309–311]. Lithuania even established control over the northern coast of the Black Sea under Witold (r. 1392–1430) [32, p. 318]. This territorial expansion corresponds to the period of the ravages of the bubonic plague, which certainly led to substantial depopulation and political instability in the period which Pelenski calls the “Time of Troubles” in the Golden Horde following the death of Canıbek Khan. It is possible that the Black Death may not have affected Lithuania as profoundly as it did the territories of Russia and the Golden Horde⁷. This is a topic meriting further consideration.

It is also possible that the territories of the eastern half of the Golden Horde (so the Blue Horde) were not affected as profoundly as the western territories (so the White Horde), or possibly that the eastern territories began to recover more rapidly. The now-weakened Golden Horde begins to experience a series of attacks from the east as Urus Khan and then later Toqtamış lead campaigns against the territories of the western half of the Golden Horde [for a discussion of the sources for this section see my 45, p. 179–204; 52, p. 690; 41, p. 113–114; and 39, p. 16–17]. Let us leave aside for the moment the question of the origins of Toqtamış. As I have argued elsewhere, we see from a later source that when Toqtamış is playing the role of *de facto* or *de jure* ruler in the western territories in the 1380s and part of the 1390s, he is supported by a confederation of four “ruling tribes” consisting of the Şirin, Arğın, Barın, and Qıpçaq. It is significant that these four tribes migrated to this territory at the end of the 14th century along with Toqtamış. The same four tribes will later form the basis of the xanates of the Crimea, Kazan, and part of the xanate of Kasimov. In order to appreciate the significance of this information, we should consider that according to one source the four tribes of the nomadic “Great Horde” of the 15th century were the Qıyat, Mangıt, Sicivut, and Qongrat. If we may consider the nomadic Great Horde to be the last remnant of the earlier Golden Horde (more accurately, the western White Horde) and its direct continuation, then these four tribes (the Qıyat, Mangıt, Sicivut, and Qongrat) must also have been the earlier tribes of the western territories of the Golden Horde (so the White Horde).

⁷ Benedictow suggest that the Black Death may have spread more slowly in the Baltic region, see: [6, p. 209–210].

This allows us a second example of population moving to an area depopulated by the bubonic plague [cf. 26, p. 170–171].

The third and final example I would suggest would be the later movement of Kipchak Turkic-speaking population into the Middle Volga region. If we may take the Volga Bulğarian inscriptions as any indication, the dominant population of the Middle Volga region spoke Volga Bulğarian, which belongs to the Western or Bulğar branch of the Turkic languages whose sole modern relative is Chuvash. I have noted elsewhere that it is also possible that Volga Bulğarian served the purpose of a “religious” language for speakers of Kipchak Turkic languages and perhaps even speakers of Turkic languages belonging to other branches of the Turkic languages [44]. (We will never know for sure.) The fact that over the course of the 15th–16th centuries we see the rise of a strong Kipchak Turkic-speaking population, based upon the Kipchak Turkic language (Old Kazan Tatar) used in the gravestones from this period and the official diplomatic correspondence of the Khanate of Kazan, we can see that there was an in-migration of Kipchak Turkic population, probably including nomadic Noğays. Not only would this be our third example of a population moving into a region depopulated by bubonic plague, it can also serve as an example of the phenomenon described by Herlihy of the expansion of pasturage at the expense of cultivated fields. Of course, any nomadic population moving to the Middle Volga region eventually sedentarized.

8. Cultural and technological regression

As I have argued elsewhere, I believe that we see the end of several Turkic literary languages in the mid-14th century because of the Black Death. At the far eastern edge of the territories of the Golden Horde, around Lake Isıq-köl there was a community of Christian Turks using the Syriac alphabet to write funerary inscriptions. The gravestones of the Nestorian gravesites around this site record that an outbreak of plague took place there in 1338–1339 [for a description of these inscriptions and further bibliography see 48]. During these two years there is an unusually high number of gravestones, with some of the gravestones recording that the person buried there had died of plague [see 58, especially p. 305–305; 12; 11, p. 31–38]. There is a second peak in the number of gravestones in 1341, which probably reflects a second wave of plague, even though this fact is not mentioned in the gravestones [this is pointed out by 11, p. 39–40]. I have proposed that the fact that the Syriac Turkic inscriptions largely disappear after this period is a result of plague [see my 44, especially p. 161–162]. The corpus described by Xvol’son for the years 1226–1373 included at least 37 inscriptions for the period 1338–1339, while for the period 1342–1373 there was only one recorded for 1347, after which the next and final inscription is from 26 years later [see 58, p. 306]⁸. According to Thacker, the earliest of these inscriptions dates from 1186 and the last from 1345 [48, p. 99]. Taking more recent finds into account, Klein states that the gravestones date from 1250–1342, except in Almalıq (along the Kazakh-Chinese border in the region of Taldıqorğan), where the last inscriptions are from the 1370s [20, especially p. 214].

The second language to disappear as a result of the Black Death was Volga Bulğarian, a Western Turkic language whose sole surviving relative is Chuvash. Volga Bulğarian is known from the inscriptions on gravestones from the Middle

⁸ A large portion of the corpus is undated.

Volga region beginning in the 13th century [on these inscriptions see 35; and 57. On the relationship between Volga Bulgarian and Chuvash see also 34, p. 13–123; and 33]. The earliest inscription in Volga Bulğarian in the city of Bulğar itself dates from 1271, while the last ones date from 1356 [53, p. 120]. In addition to inscriptions in Volga Bulğarian there were also funerary inscriptions in a Standard Turkic dialect which may be considered as a precursor of the modern Kazan Tatar language in the Middle Volga region [see 56, p. 5–15]⁹. In a parallel to the situation a number of years earlier near Lake Isıq-köl, there is a peak in the number of gravestones with inscriptions in Volga Bulğarian and Standard Turkic in 1357 and 1358¹⁰. After 1358 there are no new inscriptions or any other text written in Volga Bulğarian, with only a limited number of inscriptions in Standard Turkic in the years following this date [see for example the two inscriptions dated 1382 and 1399 in 56, nos. 18, 19]. There is furthermore a general decline in the number and variety of gravestones in this region after 1358 [see the discussion in 53, p. 120–126].

I will offer one final example, namely the disruption in the literary language of the Golden Horde after 1358. The last work in the literature of the Golden Horde was the *Nehc ül-feradis*. Already in the 19th century Şihabeddin Mercani described a manuscript of the *Nehc ül-feradis* (now lost) copied in Saray in 749/1358. That manuscript attributed the work to one Mahmud born in Bulğar, who found refuge in Saray, and whose family name (*nisba*), Kerderī, linked him with the city of Kerder in Xwarezm. Another manuscript says that the author died three days after March 25, 1360. The manuscript edited by Eckmann et al. was completed on 6 Cumādā I, 761/March 25, 1360, indicates the various sources on which it was drawn, and finally refers to the author as Muhammad b. Muhammad b. Xusrev el-Xorezmi [8, p. 95; and 31, p. 309. See also 25, p. 8]. After the death of this author in 1360, we do not see another literary or religious work produced in the language of the Golden Horde, only funerary inscriptions. Instead, we do not see new literary or religious works until those written in Chaghatay and produced in Central Asia in the early 15th century.

All of this may be taken as evidence to suggest that, as is the case of the Latin literary language in Europe, bubonic plague led technological regression disrupting the development of multiple Turkic literary languages in the territories of the Golden Horde [I have argued this in 40, i, p. 501–507].

9. Increase in religiosity

The next result of the Black Death which I will consider here is increased religiosity. People living in the time of plague were frightened by the arrival of plague as an indication of God's displeasure with them. They concluded that they were poor Muslims and sought to atone for their sins. Some people gave away their possessions or performed pious acts. This was equally true of the Muslim Turks of the Golden Horde. As noted (above), a work of Islamic Turkic religious literature was produced in the Golden Horde in 1358 (a plague year) with the Arabic title *Nehc ül-feradis* and bearing the Turkic subtitle *Uştmaxlarnıñ açuq yolu*, meaning 'The Clear Path to Heaven'. This work is a handbook of the Islamic religion, with

⁹ For a map of the distribution of both kinds of inscriptions see: [57, p. 21].

¹⁰ These eight inscriptions are: [35, 1357: nos. 24, 25, 52; 57, 1357: no. 23, and 1358: nos. 24, 25; and 56, 1357: nos. 16, 17]. Cf. [57], in which no. 26 is read as "1361?", while the same inscription is read by [35, no. 26] as "1353–4?".

the title suggesting that if one reads this book (and, perhaps, we might add, if one writes such a book), one is guaranteed entry to heaven. Why else would a devout Muslim be concerned unless there is clear evidence of God's impending punishment? [for parallel evidence from Anatolia see 42, p. 268]. It also appears that this work was also copied just before the author himself died. I would argue the production of such religious literature and its copying were pious acts performed to regain God's favor in order to ward off disease. This is buttressed by the subtitle of the work: Why else would they be concerned with getting to heaven? There is at least one parallel example to this in Anatolia as well, namely Süleyman Çelebi's early 15th century religious poem in honor of the birth of the Prophet Muhammad (*mawlid*) entitled *Vesilet ün-necat* or "Path to Salvation"¹¹.

There was yet another consequence of the Black Death for religion and religiosity, namely the dramatic strengthening of the relationship between the ruler and the religious class. Of course it is the case that earlier rulers such as Özbek Khan already had a close relationship with the religious elite [19, ii, p. 482 ff.]. Later, upon the collapse of the Golden Horde state, the clear lines of succession in the dynastic and tribal leadership as well as the four-bey system were disrupted. Many individuals competed for the right to be elevated as xan. From this time on, descent from Chinggis Khan was no longer sufficient to guarantee political legitimacy. The leaders of Sufi orders, which had been active throughout the 13th–14th centuries, were now in a position to offer Islam as a second source of political legitimacy. The Black Death ushered in a new era in which Chinggisid political leaders were now allied even more closely with Islamic religious leaders. Individual Sufi *shaykh* offered candidates for khan Islamic legitimacy to supplement their Chinggisid descent. In return, a candidate for xan, once successful, could offer the Sufi *şeyx* who supported him and his order tremendous prestige and, as in Central Asia, wealthy estates. In this regard, the Black Death was certainly a factor in the dramatic increase in the importance of Sufi orders after the second half of the 14th century.

10. Rise in population after the Black Death

Even though the Black Death evidently contributed to large-scale depopulation in the territories of the Golden Horde, eventually the population would begin to grow again. In Europe this recovery was certainly in evidence by the second half of the 15th century. For example, Cohn notes a surge in the number of surviving publications (*incunabula*) in Europe in the 1470s, which we may take as a possible reflection of the rising population in this period [see 18, p. 11]. Perhaps we can see in the foundation of the Khanate of Kazan in the late 1430s, the Crimean Khanate in the 1440s, the Khanate of Kasimov in the 1450s, and the Siberian Khanate in Tüman at the end of the 15th century as indirect evidence of sufficient recovery of the population to make governance of isolated regions of the western territories of what was once a vast state possible. After all, when Uluğ Muhammad moved north to Kazan, he needed to also take a certain number of forces with him, which would only be possible with a rise in the population. We need to look for more evidence of a rising population by the mid-15th century in the territories of the Later Golden Horde. The Kipchakization of the Middle Volga region must also be seen as a

¹¹ See my forthcoming articles on the Turkish *mevlid* tradition and its later history among the Muslim Turks of the Russian Empire.

result of Kipchak Turkic speakers migrating into the region after the reversal of the decline in population (see above), though we may certainly expect that the decline in the nomadic population was less severe compared to the decline in the sedentary population.

11. Conclusion

It is clear that the primary sources for the territories of the Golden Horde in the 14th–15th centuries do not provide the kind of detailed on the Black Death and its political, economic, social, and cultural consequences which we find in ample supply for Europe. Even the Middle East has much more detailed information than we can find for the territories of the Golden Horde. Nevertheless, I hope that I have been able to show that the political, economic, social, and cultural transformations in these territories from the mid-14th to the mid-15th centuries are consistent with what we might expect to find from a territory and population living through successive waves of bubonic plague. Regarding some of the consequences I rely more on speculation than hard data, to be sure. It is my firm conviction, however, that once we become aware of the Black Death and its well-documented consequences for Europe and the Middle East in this same period, it becomes possible to find some direct and substantial amounts of indirect evidence for studying the shadow cast by the Black Death over this state and its population. If we take these and other theorized consequences to be an agenda for research, I believe that future researchers will be able to marshal much more evidence in support of the consequences outlined here.

REFERENCES

1. Alibek K., Handelman S. *Biohazard: The Chilling True Story of the Largest Covert Biological Weapons Program in the World – Told from Inside by the Man Who Ran It*. New York, Random House, 1999. xi + 319 p.
2. Alef G. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 15. Wiesbaden, Harrassowitz, 1970, pp. 15–58 [reprinted in *Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy* (London, 1983), V].
3. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. *Public Health & Urban Disaster*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1980. xvii + 385 p.
4. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, i–ii. Rome, École française de Rome, 1978. (In French)
5. Bean J.M.W. The Black Death: The Crisis and its Social and Economic Consequences. *The Black Death: The impact of the 14th-century plague. Papers of the 11th annual conference of the Center for Medieval & Early Renaissance Studies*, ed. Daniel Williman. Binghamton, NY, Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1982, pp. 23–38.
6. Benedictow O.J. *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge, Suffolk, Boydell, 2004. xvi + 433 p.
7. *The Black Death*, ed.–trans. Rosemary Horrox, Manchester Medieval Sources Series. Manchester–New York, Manchester University Press, 1994, pp. 14–26.
8. Bombaci A., trans. I. Mélikoff, *Histoire de la littérature turque*. Paris, Klincksieck, 1968. viii + 437 p. (In French)
9. Borsch S.J. *The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study*. Austin, University of Texas Press, 2005. xii + 195 p.

10. Campbell B.M.S. *Before the Black Death: Studies in the 'Crisis' of the Early Fourteenth Century*. Manchester, Manchester University Press, 1992. viii + 232 p.
11. Chwolson D. *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge*. St. Pétersbourg, Académie Impériale des Sciences, 1897. 62 p. (In German)
12. Chwolson D. *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg*. Vol. VII, 37:8. St.-Pétersbourg, Académie Impériale des Sciences, 1890, pp. 129–130. (In German)
13. Dols M. *The Black Death in the Middle East*. Princeton, Princeton University Press, 1977. xvii + 390 p.
14. Dols M. Ibn al-Wardī's Risālah al-naba' can al-waba', A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East. *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honor of George C. Miles*, ed. D.K. Kouymjian. Beirut, American University of Beirut, 1974, pp. 443–455.
15. Evliya Çelebi, trans. Seyit Ali Kahraman and Yücel Dağlı. *Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. Istanbul, Yapı ve Kredi Yayınları, 2011. (In Turkish)
16. *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*, ed. Mehmed Zillioğlu, i–x. Istanbul, Üçdal Neşriyatı, 1985. (In Turkish)
17. Henschel A.W. *Document zur Geschichte des schwarzen Todes. Repertorium für die gesammte Medicin*, ed. Heinrich Haeser, ii. Jena, Druck und Verlag von Friedrich Mauke, 1841. (In German)
18. Herlihy D., Cohn S.K. Jr. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1997. 117 p.
19. Ibn Baṭṭūṭa, Rihla, trans. H.A.R. Gibb, *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354*, i–iii. Works Issued by the Hakluyt Society. Cambridge, 1958–1971.
20. Klein W. Syriac Writings and Turkic Language According to Central Asian Tombstone Inscriptions. *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. Vol. 5:2. Washington, DC, Syriac Computing Institute, 2002, pp. 213–223.
21. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries. *Canadian-American Slavic studies*. Vol. 10. Pittsburgh, Pa., University Center for International Studies, University of Pittsburgh, 1976, pp. 351–368.
22. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor. *Russian History*. Vol. 2. Leiden, Boston, Brill, 1975, pp. 53–67.
23. Little L.K. Plague Historians in Lab Coats. *Past and Present*. Vol. 213. Oxford, Past and Present Society, 2011, pp. 267–290.
24. Maqrīzī. *As-sulūk li-macrifat duwal al-mulūk*, ed. M.M. Ziada, Cairo, 1958. (In Arabic)
25. Mäxmüd äl-Bolgari, ed. Fänüzä Nurieva, *Nähcel-färadis*. Kazan, 2002. (In Tatar)
26. McNeill W.H. *Plagues and Peoples*. Garden City, N.Y., Anchor Press, 1976. viii + 369 p.
27. Mellinger G. The Silver Coins of the Golden Horde: 1310–1358. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 7. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1987–1991, pp. 153–211.
28. *Mission to Asia*, trans. A Nun of Stanbrook Abbey, ed. C. Dawson. London, 1955/Toronto, University of Toronto Press in association with the Medieval Academy of America, 1980. xxxix + 246 p.
29. Morgan D. *The Mongols*. New York, Basil Blackwell, 1987. xviii + 238 p.
30. Nedashkovsky L.F. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery. An analysis of the written, numismatic and artefactual evidence for the city of Ukek and the Jochid state on the Volga, 12th to 15th centuries*. British Archaeological Reports S1222. Oxford, England: Archaeopress, 2004. i + 253 p.
31. *Nehcü'l-ferādīs. Uştmahlarning açuq yolu (Cennetlerin açık yolu)*, ed. János Eckmann et alia, ii: Metin, Türk Dil Kurumu Yayınları 518. Ankara, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1995. x + 312, 444 + xiv p. (In Turkish)

32. Pelenski J. The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1982, pp. 303–320.
33. Róna-Tas A. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History. *Chuvash Studies*, ed. A. Róna-Tas. Budapest, 1982, pp. 113–169.
34. Róna-Tas A. *Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1978. 480 p. (In Hungarian)
35. Róna-Tas A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica: a volgai bolgár-török feliratok. *Studia Uralo-Altaica*. Vol. 1. Szeged, Universitatis Szegediensis de Attila József nominata, 1973. 189 p. (In Hungarian)
36. Schamiloglu U., Nedashkovsky L. Coins Tell Their Own Story: Numismatic Evidence and the History of the Golden Horde and the Later Golden Horde. *Proceedings of the 2nd International Conference on the Golden Horde and Its Successor States (Istanbul, 22–24 April 2005)*, ed. Timur Kocaoğlu and Uli Schamiloglu (forthcoming).
37. Schamiloglu U. The Plague in the Time of Justinian and Central Eurasian History: An Agenda for Research. *Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden*, ed. Osman Karatay and István Zimonyi, *Turcologica* 104. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2016, pp. 293–311.
38. Schamiloglu U. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek. *Proceedings of the conference on the Historical and Archeological Heritage of the Golden Horde on the Territory of Saratov's Volga Region: Uvek – Past, Present and Future*. Saratov, Russia, June 2015.
39. Schamiloglu U. The Origins of Kazakh Statehood: From the Golden Horde to the Kazakh Khanate. *Qazaq xandığıny qurılıny 550 jıldıǵına oray uyymdastırılǵan “Qazaq xandığı: tarix, teoriya jáne búgingi kün” attı xalıqaralıq ǵılmi-teoriyalıq konferentsiya Materialdarı. 5–6 mausım 2015 jıl, Almatı qalası*. Almatı, Qazaq universiteti, 2015, pp. 15–18.
40. Schamiloglu U. Ortaçağ Dillerinden Modern Dillere: Avrupa ve Türk Dünyasında Yeni Edebi Dillerin Varlığa Gelmesi. IV. *Dünya Dili Türkçe Sempozyumu Bildirileri. 22–24 Aralık 2011*, Muğla, i–ii, ed. Mehmet Naci Önal. Ankara, 2012. (In Turkish)
41. Schamiloglu U. The Black Death in the Golden Horde and the Later Golden Horde and its Consequences. *Natsional'naya istoriya tatar: Teoretiko-metodologicheskie problem* [National History of the Tatars: Theoretical and Methodological Problems]. Vypusk 2, Bibliotheca Tatarica. Kazan', Institut istorii AN RT, 2011, pp. 98–117.
42. Schamiloglu U. The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and its Impact on Turkish Civilization. *Views From the Edge: Essays in Honor of Richard W. Bulliet*, ed. Nequin Yavari, Lawrence G. Potter, and Jean-Marc Oppenheim. New York, Columbia University Press, 2004, pp. 255–279.
43. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. Vol. 12:4. Oxford, Oxford Microform Publ., 1993, pp. 447–457.
44. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian. *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna Tas*. Szeged, Dep. of Altaic Studies, 1991, pp. 157–163.
45. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1986. 286 p.
46. Schamiloglu U. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, Harrassowitz, 1984, pp. 283–297.
47. Seyf-i Sarayî, ed.–trans. A. Bodrogligeti, *A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dî's Gulistân (Sayf-i Sarâyî's Gulistân bi't-turkî)*. Budapest, 1969.
48. Thacker T.W. A Nestorian Gravestone from Central Asia in the Gulbenkian Museum, Durham University. *The Durham University Journal*. Vol. 59. Durham, Durham University Geographical Society, 1967, pp. 94–107.

49. Wunderli R. *Peasant Fire: The Drummer of Niklashausen*. Bloomington. Indiana University Press, 1992. xii + 156 p.

50. Derbek F.A. Istoriya chumnykh epidemiy v Rossii s osnovaniya gosudarstva do nastoyashchego vremeni [The History of Plague Epidemics in Russia since the State Foundation to the Present]. *Seriya doktorskikh dissertatsiy, dopushchennykh k zashchite v Imperatorskoy voenno-meditsinskoy akademii v 1904–1905 uchebnom godu* [A Series of Doctoral Dissertations Accepted for Defense in the Imperial Military Medical Academy in the 1904–1905 academic year]. No. 14. St. Petersburg, 1905, pp. 14–25. (In Russian)

51. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 245 p. (In Russian)

52. *Istoriya Tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*: III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars since the Ancient Times in Seven Volumes. Vol. III: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)

53. Mukhametshin D.G., Khakimzyanov F.S. *Epigraficheskie pamyatniki goroda Bulgara* [Epigraphic Monuments of the Town of Bolghar]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1987. 128 p. (In Russian)

54. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga* [The Golden Horde Towns of the Lower Volga Region and Their Districts]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010. 351 p. (In Russian)

55. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde Town of Ukek and Its Districts]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2000. 224 p. (In Russian)

56. Khakimzyanov F.S. *Epigraficheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk* [Epigraphic Monuments of the Volga Bulgaria and Their Language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 191 p. (In Russian)

57. Khakimzyanov F.S. *Yazyk epitafiy Volzhskikh Bulgar* [Language of the Volga Bulgars' Epitaphs]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 205 p. (In Russian)

58. Khvol'son D. Predvaritel'nye zametki o naydennykh v Semirechenskoy oblasti siriyskikh nadgrobykh nadpisyakh [Preliminary Notes on the Syriac Funerary Inscriptions Found in the Semirechensk Area]. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva* [Notes of the Oriental Division of the Imperial Russian Archaeological Society]. No. 1. St. Petersburg, 1886, pp. 84–109, table (following 160), 217–221, 303–308. (In Russian)

About the author: Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor, Department of German, Nordic, and Slavic, University of Wisconsin-Madison, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0658-1267> (1220 Linden Drive, Madison, WI 53706, USA). E-mail: uschamil@wisc.edu

Received February 20, 2017

Accepted for publication May 3, 2017

Published June 30, 2017

**ВЛИЯНИЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ НА ЗОЛОТУЮ ОРДУ:
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ****Юлай Шамильоглу***Висконсинский университет в Мадисоне
Мадисон, США
uschamil@wisc.edu*

Цель исследования: данное исследование представляет обзор политических, экономических, социальных и культурных последствий Черной Смерти (эпидемии бубонной чумы, вызванной бактерией *Yersinia pestis*) на территориях Золотой Орды в XIV–XV веках. В исследовании рассматриваются условия, сложившиеся в средневековой Европе и на Среднем Востоке. Его автор рассматривает вопрос, наблюдался ли в Золотой Орде рост средневекового населения до прибытия Черной Смерти в середине XIV века. В исследовании рассматривается степень уменьшения населения, и его влияние на политическую дестабилизацию. Автор отмечает, как бубонная чума была использована в качестве оружия монгольскими армиями. Исследование рассматривает такие экономические последствия, как упадок определенных профессий и ремесел, угроза продовольственному снабжению и подорожание трудовых ресурсов, приведшие к инфляции. Оно также рассматривает социальный кризис, вызванный внезапной смертью существенной части населения.

Результаты исследования: за ростом урбанизации с XIII до середины XIV века последовало резкое уменьшение населения и упадок городских центров начиная со второй половины XIV века. Черная Смерть также привела к перенаселенности, поскольку большинство центров оседлого населения пришли в упадок, в то время как некоторые оседлые регионы избежали чумы, как это случилось и со многими кочевническими группами населения, менее уязвимыми по отношению к эпидемии. Автор также анализирует упадок литературного языка и рост религиозности. Наконец, данное исследование рассматривает восстановление уровня населения, начиная с середины XV века.

Ключевые слова: Черная Смерть, уменьшение населения, политическая дестабилизация, экономический кризис, социальный кризис, деурбанизация, литературные языки, религиозность

Для цитирования: Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

Сведения об авторе: Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор, департамент немецкого, скандинавских и славянских языков, Висконсинский университет в Мадисоне, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0658-1267> (1220 Linden Drive, Madison, WI 53706, USA). E-mail: uschamil@wisc.edu

*Поступила 20.02.2017**Принята к публикации 03.05.2017**Опубликована 30.06.2017*

SUCCESSION TO THE THRONE IN THE GOLDEN HORDE: REPLACEMENT OF THE BATUIDS BY THE TUQAI-TIMURIDS

I.M. Mirgaleev

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru*

Research objectives: To find out both the principle of succession to the throne in the Golden Horde after the extinction of Batuid family – the ruling dynasty line of the Jochids – and the reasons for the rise of the Tuqai-Timurids.

Research materials: In his analysis, the author is based on the genealogical sources and compares them with the Arab-Persian historical works and chronicles.

Results and novelty of the research: After the death of Berdibek, the principle of succession in the Golden Horde was disrupted since the Batuid family ceased to exist. The remaining Jochid families had to decide whose line will have had the right to sovereignty. The Time of Troubles of the 1360–70s ended with a Tuqai-Timurid Tokhtamysh's victory. Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids was in effect only during the reign of khan Tokhtamysh and therefore it can not be regarded as definitive and generally accepted solution to the problem. In addition to the Tuqai-Timurids, also representatives of the Shibanids will have become khans in the Turko-Tatar yurts in the future. It was precisely the process of disintegration of the Golden Horde and the unsolved problem of succession that led to the fact that hereinafter “any” Jochid could lay claim to the throne in post-Golden Horde yurts.

Keywords: Golden Horde, succession to the throne, Tuqai-Timurids, Batuids, Jochids

For citation: Mirgaleev I.M. Succession to the Throne in the Golden Horde: Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 344–351. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.344-351

We can often find the statement in the academic literature that allegedly all the Chinggisids had a right to the throne. Somebody can justify this assertion quoting the statement pronounced by Chinggis Khan himself in the family council after Ögedei had asked a question regarding the future descendants and heirs. According to the “Secret History”, Chinggis Khan replied that someone would always found among his descendants, who would be able to run the country: “Can it be true that no suitable heir to be born among my descendants?” [12, p. 138]. However, although Chinggis Khan had also other sons from other wives and concubines (whose number amounted to as much as 400), already during his lifetime only sons from Borte, his first wife, became “khans” [10, p. 106a; 11, p. 677]. In addition, Chinggis Khan appointed Ögedei his only heir on the family council: Jochi and Chagatai should have served Ögedei [12, p. 137]. Neither all the sons of Chinggis Khan's firstborns could for the future occupy the throne in their uluses. As it is known, from fifteen Jochi's sons [8, p. 60] only the descendants of Batu became khans. Perhaps, if Berke had children, his descendants would have become the ruling dynasty. But even in this case, other Jochids would not have been able to claim the throne. In turn, by the middle of the 14th century the only Jochids who

possessed political power were the descendants of the Jochi's sons Shibani and Tuqai-Timur. It is quite possible that there were also descendants of other Jochids since it is unlikely that among the numerous sons of Jochi only Shibani and Tuqai-Timur had offspring. However, they were not able to lay claim to the throne, and perhaps they did not have the right to do so. The winner must always be one. Representative of the Jochi younger son's, Tuqai-Timur's family, Khan Tokhtamysh could ascend after both Batu family's extinction and the political turmoil that followed that, where enthronement of Khan, which would be recognized by all, became a major issue of political struggle.

Tuqai-Timurids' ascension's issue remains complex and related to Uzbek Khan's reform of succession principle in the Golden Horde, when Uzbek attempted to transform the generic inheritance of the supreme power in the dynastic one [7]. This question was also related to political turmoil that plagued the Jochid ulus in the 1360–70s, when the Tatar elite faced a difficult choice whether to return to the generic principle of succession or continue to adhere to the tradition of dynastic succession introduced by Uzbek Khan. For this it was necessary that all the Jochids would have recognized the right of one among their lines to a supreme power: to replace the Batuids with the Tuqai-Timurids or the Shibaniids. It is also possible that the right of other lines was taken up for consideration. Despite the fact that their presence raises doubts, according to indirect data and some historical writings, descendants of Orda Ichen and, possibly, descendants of Jochi's son Tangut might have been among the contenders for power [9, p. 209].

However, since a natural succession by the Batuids was disrupted with both Batuid family's extinction after Berdibek's death and the recognition of this fact by other Jochids, the remained Jochids faced a question: whose line will be eligible for the supreme power? In spite of the rise to power of some "youths" from the Batuids after Berdibek's death, during the first two years, the political elite did not realize these questions completely. That is, the country was not ruled by the Jochids but by emirs. Only the rulers of the left wing were the exception. Khyzr Khan from the Shibaniids, the Ordaids or the Tuqai-Timurids was the last Khan of the united Golden Horde, who was recognized by all the emirs [5, p. 37; 14, p. 130]. In turn, the Jochid ulus was divided into two parts after the murder in 1362 of Kildibek Khan [6, p. 35]. That is, the intensity of the struggle for power reached its peak and, at least, the strong Jochid families reclaimed their rights to the throne. After the Kildibek's death, the need to replace the Batuids, who had already ceased to exist, by another Jochid family became obvious to all. From that time many Jochids became "legitimate" contenders to the throne, as the rulers of the left wing and Ak Horde and Saray emirs were unable to confirm the right to the throne for a specific Jochid. After Khyzr Khan's death, everybody joined the struggle for succession: both the influential head of the clans and the descendants of Jochi. In order to secure the Golden Horde throne for one of the Jochid families, one of these families now had to emerge victorious from this struggle.

During the turmoil that followed the death of Berdibek, representatives of the Tuqai-Timurids certainly were among the contenders for power [14, p. 61]¹. Emirs

¹ A.Gaev's assertion supported by V. Kostyukov, that the khans of Mamai Horde were from the Tuqai-Timurids (as well as the assertion that Ordu-Melik was a Tuqai-Timurid), requires a serious analysis of their arguments [3; 4]. In my opinion, these claims can not be accepted as a proven yet and needs further study.

of Ak Horde nominated the “youths” from the Batuid line who certainly had some kinship with the Batuids (perhaps through the female line), but their legitimacy was still in question. Also the Shibanids and the Tuqai-Timurids advanced their claims to the throne. In addition, representatives of these families were the ulusbeks. Moreover, these two families supported each other. For example, it became evident at the time of a Tuqai-Timurid Toktamys̄h’s rise, who was actively supported by the Shibanids.

Why it were the Tuqai-Timurids who ascended? We believe that it is possible to put forward a few suggestions. Undoubtedly, the Tuqai-Timurids were influential and had their own ulus and family connections with the leading clans: the Kungrats, the Shirins, the Kypchaks, etc. Perhaps, the Tuqai-Timurids came to the defense of greatness and unity of the Golden Horde during the political turmoil of the 14th century following the death of Berdibek, because in addition to their native ulus they represented a kind of support of the ruling family – the house of Batu – may be, on the rights of the descendants of Jochi’s youngest son. As is known, Jochi had many wives and concubines. Tuqai-Timur was the youngest among his brothers or was considered as such according to his mother’s rank. For example, although Ögedei became the Mongol Empire’s Kaghan after Chinggis Khan, however Tolui as the youngest son of Chinggis Khan, was the keeper of the Chinggisid family hearth. When Ögedei was declared the Chinggis Khan’s heir and his older brothers Jochi and Chagatai should have “serve” him while remaining the rulers of their own uluses, then their younger brother Tolui said that “I will dwell near that of an older brother indicated by our father-Emperor. I will remind him that he will have forgotten. I will wake him if he would sleep for a long time. I will be his echo. I will be a whip for his red horse. I will not delay to obey him and will not violate the order” [12, p. 137–138]. That is, functions of the youngest son were identified in the family council in accordance with the Turko-Mongol customs: youngest son always remained in his father’s house and became the custodian of a family. In turn, when the “youngest son’s” functions were applied to the entire state, then he became the custodian of order, tradition and dynasty. If we assume the existence of such functions in the “family of Jochi” as well, then it may explain why the Shibanids provided full support to the Tuqai-Timurids, although, at first glance, the Shibanids enjoyed a superior position according to their hierarchical status within the Jochid dynasty. In our opinion, the Tuqai-Timurids were the keepers of the “Jochi’s hearth” and therefore they should not be considered as mere ulusbeks, as were, on the contrary, both the early Ordaids and Shibanids as well as the other Jochids. Of course, they also had their own ancestral ulus located close enough to Saray. Undoubtedly, their relations with Saray were not only close but embodied with something outstanding and indicating their special position in relation to the whole house of Jochi.

Judging by the fact that Tokhtamys̄h sought to restore the unity of the Golden Horde of Uzbek Khan’s times and he succeeded in this, it becomes clear that also in the dynastic issue, he and his entourage sought to assert the right to the throne of one of the Jochid families. Perhaps, by doing this, he pointed out that the Tuqai-Timurids were the “keepers of the Jochid family (or the state)”. That is, they set about to establish the order in the state. In this way they strengthened their position compared with the other Jochids.

The accession to power and, most importantly, securing of the throne for one of the Jochid families for many years became possible only thanks to the constant support of the clans. Only those of the Jochid families who had in their service strong and functioning *els*-clans, would have been able to assert their authority throughout the territory of the state. The fact that the Tuqai-Timurids were able to affirm their *els* throughout the state, explains their success and victory over the rest of the Jochids.

While reinforcing their influence, the Tuqai-Timurids also strengthened their *els* in every possible way. The Kiyats and the Kungrats, the main operating clans before and during the turmoil, left the political scene, and new clans – the Shirins, the Argyns, the Kypchaks, and the Baryns – took their place thanks to Tokhtamysh. The Mangyts already became, essentially, a tribal union, as they remained among the nomads. In turn, the Kungrats and the Kiyats were completely exhausted during the turmoil and war with Aksak Timur. Of course, they remained present, but in order to be at the top of the political elite, several preconditions are required. After all, in the very days of Chinggis Khan, these clans were given the right to marry the representatives of the Golden Family. In our opinion, there were several reasons for their weakening.

Firstly, there were no strong representatives of these clans among the winners – supporters of a Tuqai-Timurid Tokhtamysh (this applied particularly to the Kiyats), since many of them were killed in internecine collisions during the political turmoil and, particularly, during the decade-long war with Timur (the latter applied especially to the Kungrats).

Secondly, new contenders for power were in need of permanent servicemen and khans, therefore, surrounded themselves with members of other clans who received immense allotments of land and immune rights in exchange for the service of khan. Before Tokhtamysh, the Golden Horde khans bestowed tarkhan privileges mainly on the clergy. But after liquidation of kurultais in the reign of Uzbek Khan and establishment of khan's hereditary power, a ruler was in need of more and more people who would have dedicated themselves to the service of the head of state receiving for exchange land in fief and a variety of immune rights. According to G. Fedorov-Davydov, before Tokhtamysh, tarkhan grants were not very common throughout the state [16, p. 125].

The pace of political change was enormous and former elite clans deprived of their leaders, were unable to reproduce new powerful and, most importantly, capable personalities. Although the clan structure depends on the individuals, however, in order that direct clan leaders were influential and successful, *el* must be strong and be ruled by several strong personalities – by brothers and cousins of the clan leader, etc. That is, the clan must not only be ready to serve the Khan, but also be large enough.

Given the fact that the clans formed the army, it becomes clear that in order to comply with the above requirements, there was need of sufficiently strong functioning clan system.

The Tuqai-Timurids came to power relying on their *els*. In turn, at first the Kungrats greatly supported Tokhtamysh² both in the 1370s during his struggle for

² “Anonymous of Iskander” and Muhammad Ghaffari report that Kui-Kichik (according to “Anonymous of Iskander” – Kutan-Kunchek) from Kungrat tribe was Tokhtamysh's mother [14, p. 132, 211]. Undoubtedly, such a kinship was very helpful for Tokhtamysh.

the throne against the other contenders as well as in time of war with Timur, where they lost the bulk of their clan. For their part, after Mamai's death, the Kiyats took no action against Tokhtamysh either independently, or at the time of Bek-Bulat's rebellion, nor during Tokhtamysh's struggle with Edigu. Their clan was captured by Timur and destroyed [14, p. 115], whereupon they were not able to revive. For example, in the late Golden Horde and the Tatar khanates they were not already represented in *divan*.

In turn, in the late Golden Horde Tatar khanates new *els*-clans – the Shirins, the Argyns, the Kypchaks, and the Baryns – took the lead of the former Golden Horde Karachi-beys' system³. The western part of the Golden Horde was more urbanized and was based on the rich previous Turkic foundation in the Volga region. As a result, it became an area of the active formation of the new nation of medieval Tatars. Exactly this part was able to preserve the cultural and political tradition of the Golden Horde.

We believe that Tokhtamysh's ideology – ideology of the unity and greatness of the country as well as purely dynastic and governmental one – last but not least, contributed to his victory. However, further Tokhtamysh was forced to rely primarily on his ancestral *ulus* system. Tuqai-Timurid *ulus* was not extensive and strong. However, Tokhtamysh would not have been able to find active supporters without relying on his ancestral *ulus* system. As is known, *ulusbek* relies on his *els*. Tokhtamysh likewise relied on his *els*, but throughout the entire state. If previously the Batuids relied on the Kiyats and the Kungrats, then Tuqai-Timurids relied on the *els* of their ancestral *ulus*.

Uzbek Khan introduced a new principle of succession of power from father to son. Uzbek's reform was aimed at strengthening the central government. However, this system could function successfully only if the ruling dynasty had a direct descendant in the male line. The crisis, in turn, arose after the death of khan Berdibek. Theoretically, other Jochid families could replace the reigning one if necessary. In practice, however, the usual enthronement even in the capital Saray could not cease the turmoil due to the emergence of more and more candidates. Political instability in the Jochid *ulus* of the 1360–70s was caused by internal dynastic struggle for the right to the throne.

Undoubtedly, already in the early period of the Jochid *ulus* many lines of the Jochid dynasty lost the right to the throne. This, of course, was in compliance with the norms of Turko-Mongol law. The Ordaid (?), Tuqai-Timurid and Shibanid families that strengthened during the turmoil ruled their *uluses* and had at their disposal the human and financial resources, which enabled them to fight for power. Tokhtamysh's relations with the Kungrat clan and influential emirs of Saray, Khwarezm and Kok Horde as well as support of the Shibanids and the skillful use of the capacity of his own ancestral *els* ensured Tokhtamysh's victory over the other contenders.

³ Generally, in various Tatar khanates Karachi-beys represented several clans, such as: the Shirins, the Baryns, the Argyns, the Kypchaks, the Mangyts, the Jalays, the Mansurs, the Sejiuts, etc. [1, p. 209; 2, p. 411–420; 17, p. 674–675; 18, p. 45]. Most of these *els* belonged to the original Tuqai-Timurid *ulus* or they were the Tokhtamysh's supporters. Ötemish Hajji says in his "Chinggis-name" that "since the time of the ancestors, the Shirins, the Baryns, the Argyns, and the Kipchaks were the old Oglan Tokhtamysh's *els*", and when Tokhtamysh began "raiding the *el*" of Urus Khan, "bayards and dashing fellows from these *els* joined him as *nökers* and began to support him" [15, p. 115].

After defeat from Aksak Timur, the Tuqai-Timurids who seemingly approved their right to the throne, were unable to retain the throne of Jochi. All of Tokhtamysh's sons were killed. Both the Shibanids and many Tuqai-Timurids began to contest the power. As a result, while not being able to unite under their command the entire Jochid ulus, these clans began to establish themselves as independent rulers creating thereby new states.

REFERENCES

1. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches]. Part I. St. Petersburg, IAN Publ., 1863. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches]. Part II. St. Petersburg, IAN Publ., 1864. (In Russian)
3. Gaev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov. K vyyasneniyu rodosloviya numizmaticheskii zafiksirovannykh praviteley Ulusa Dzhuchi [Genealogy and Chronology of the Jochids. To Clarify the Genealogy of the Jochid Ulus' Rulers Recorded Numismatically]. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov. Numizmaticheskii sbornik* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions. Numismatic Collection]. Is. IV. Vol. 3. Nizhny Novgorod, 2002, pp. 9–54. (In Russian)
4. Kostyukov V.P. Shibanidy i Tukatimuridy vo vtoroy polovine XIV v. [The Shibanids and the Tuqa-Timurids in the second half of the 14th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 28 (166). *Istoriya*. Is. 34 [Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 28 (166). History. Iss. 34], Chelyabinsk, pp. 39–43. (In Russian)
5. *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV – XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Sostaviteli: S.K.Ibragimov, N.N.Mingulov, K.A.Pishchulina, V.P.Yudin. Almaty, «Nauka» Kazakh. SSR Publ., 1969. 652 p. (In Russian)
6. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Tokhtamysh-khana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)
7. Mirgaleev I.M. Problema prestolonaslediya v period smuty v Zolotoy Orde (60–70-e gody XIV veka) [The Problem of Succession to the Throne during the Period of Turmoil in the Golden Horde (the 1360–70s)]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora MGU G.A. Fedorova-Davydova 30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2008 goda*. Azov, 2009 g. [Dialogue between Urban and the Steppe Cultures on the Eurasian Space. Proceedings of the IV International Conference dedicated to the memory of Professor of Moscow State University, G.A. Fedorov-Davydov, 30th September – 3rd October, 2008. Azov, 2009]. *Donskie drevnosti* [The Don River Antiquities]. Is. 10, pp. 348–358. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhghana» Rashid ad-dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i Pandjghana": Research Perspectives]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no 1, pp. 57–64. (In Russian)
9. Pochekaev R.Yu. *Mamay: Istoriya «antigeroya» v istorii (630-letiyu Kulikovskoy bitvy posvyashchaetsya)* [Mamay: Story of "Anti-Hero" in History (dedicated to the 630th anniversary of the Battle of Kulikovo)]. St. Petersburg, EVRAZIYa Publ., 2010. 288 p. (In Russian)

10. Rashid al-Din. “*Shuab-i pandzhgana*”. *Faksimile* [“Shu’ab-i Panjganah”. Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M.Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 460 p. (In Persian)
11. Rashid al-Din. *Shuab-i pandzhgana*. 2. *Mongoly i tyurki* (1) [Shu’ab-i panjganah. 2. The Mongols and Turks (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 668–680. (In Russian)
12. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Perevod S.A. Kozina. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2002. 156 p. (In Russian)
13. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Tom I. *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. I. Extracts from Arab Writings]. St. Petersburg, IAN Publ., 1884. 564 p. (In Russian)
14. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. II. *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy sobrannye V.G.Tizengauzenom i obrabotannye A.A.Romaskevichem i S.L.Volinym* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II. Extracts from Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhausen and Processed by A.A.Romaskevich and S.L.Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
15. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name* [Chinggis-name]. Per. V.P. Yudina. Almaty, Gylym Publ., 1992. 296 p. (In Russian)
16. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordyy* [Social System of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 180 p. (In Russian)
17. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy... (iz opyta obrazovaniya i raspada imperiy X–XVI vv.)* [At the Crossroads of Continents and Civilizations ... (from experience of formation and collapse of empires in the 10th–16th centuries)]. Moscow, Insan Publ., 1996, pp. 527–764. (In Russian)
18. Schamiloglu Yu. «Karachi bei» pozdney Zolotoy Ordyy: Zametki po organizatsii mongol'skoy mirovoy istorii [“Karachi-Beys” of the Late Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World History]. *Iz istorii Zolotoy Ordyy* [From the Golden Horde History]. Kazan, Fond im. M. Sultan-Galieva, 1993, pp. 44–60. (In Russian)

About the author: Il’nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, **Researcher ID : J-9533-2017** (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Received March 12, 2017

Accepted for publication May 27, 2017

Published June 30, 2017

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: ЗАМЕНА БАТУИДОВ НА ТУКАЙТИМУРИДОВ

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru*

Цель: выяснить принцип престолонаследия в Золотой Орде после прекращения рода Батуидов, правящей линии династии Джучидов, и причины возвышения Тукайтимуридов.

Материалы исследования: в своем анализе автор основывается на генеалогических источниках в сопоставлении с арабо-персидскими историческими сочинениями и хрониками.

Результаты и научная новизна: после гибели Бердибека принцип престолонаследия в Золотой Орде был нарушен, так как род Батуидов прекратил свое существование. Остальным Джучидским родам было необходимо решить: чья линия будет иметь право на верховную власть? Смута 60–70-х годов XIV века закончилась победой Тукайтимурида Токтамыш-хана. Замена Батуидов на Тукайтимуридов функционировала только во время правления Токтамыш-хана и поэтому не может рассматриваться как вопрос решенный и общепринятый. В будущем ханами в тюрко-татарских юртах кроме Тукайтимуридов становились и представители Шибанидов. Именно процесс распада Золотой Орды и нерешенность престолонаследия привели к тому, что в дальнейшем «любой» Джучид мог претендовать на трон в постзолотоордынских юртах.

Ключевые слова: Золотая Орда, престолонаследие, Тукайтимуриды, Батуиды, Джучиды

Для цитирования: Mirgaleev I.M. Succession to the Throne in the Golden Horde: Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 344–351. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.344-351

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, **Researcher ID : J-9533-2017** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Поступила 12.03.2017

Принята к публикации 27.05.2017

Опубликована 30.06.2017

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ – ПОИСК МАРКЕРОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С.Ф. Татауров

*Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук
Омск, Российская Федерация
TatSF2008@rambler.ru*

Цель: выделить несколько блоков археологических материалов, которые позволяют объединить все тюрко-татарское население лесостепной полосы Западной Сибири не только по социально-экономическим связям, но и по принципам существования государственных образований.

Материалы исследования: в основе работы – анализ археологического материала (керамика, оружие и погребальный обряд воинов, перстни-печати и атрибуты верховной власти – шлемы и тамги).

Результаты и научная новизна: тюрко-татарские государственные образования в настоящее время остаются одним из самых слабоизученных вопросов средневековой истории Западной Сибири. К небольшому объему письменных документов добавляется несформированная база археологических источников и, как результат, научное сообщество не имеет возможности сделать полную характеристику конкретных ханств – их границ, административного деления и управления, уровня развития государственных институтов и т.д. Более того, нет хронологической шкалы культурных слоев ни одного археологического комплекса этого времени, включая и города-столицы ханств – Чимги-Туры и Искера. Для рядовых памятников – поселений и могильников – не определены признаки (культурные явления) которые позволили бы объединить все эти комплексы в одно целое, стать маркерами сибирской государственности. В данной работе предлагается выделить несколько блоков археологических материалов, которые на наш взгляд позволяют объединить все тюрко-татарское население лесостепной полосы Западной Сибири не только по социально-экономическим связям, но и по принципам существования государственных образований. В статье в качестве этих признаков выступают керамика, оружие и погребальный обряд воинов, перстни-печати и атрибуты верховной власти – шлемы и тамги. Вполне возможно, что в ходе исследований этот круг источников может быть увеличен, поэтому эта работа служит скорее импульсом для развития научных изысканий в этом направлении.

Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, государство, класс, система, создание

Для цитирования: Татауров С.Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

Введение

В археологии средневековья Западной Сибири памятники, соотносимые с тюрко-татарскими государственными образованиями, занимают некое промежуточное место – между археологическими древностями, оставленными предками современных народов Сибири, и Российским государством, занявшим эти земли в конце XVI в. и основавшим на этой территории свои города и сельские

поселения. Такое положение создает ряд серьезных трудностей для выделения этих комплексов и их изучения. Для предстоящих по времени древностей есть датировка, опирающаяся на более ранние хронологические пласты археологических культур. Для русских памятников есть документальные свидетельства их основания и функционирования. А вот для тюрко-татарских комплексов, начиная с момента образования Улуса Джучи и заканчивая памятниками финала существования Сибирского ханства, до настоящего времени нет никаких критериев, которые позволяли бы их датировать в пределах хотя бы одного века и соотносить их с конкретными государственными образованиями.

В.И. Соболев в своей докторской диссертации впервые очертил территорию распространения археологических памятников, связанных с западносибирскими тюрко-татарскими государствами [13, с. 62–63]. Около двухсот археологических комплексов были объединены им скорее по природно-хронологическим признакам, а не по собственно археологическим материалам. Исследователь руководствовался границами лесостепной зоны Западной Сибири и общей датировкой памятников в пределах XIV–XVI веков. Естественно, что на этом этапе речь не могла идти о соотношении этих поселений и могильников с конкретными ханствами. Можно сказать, что не было выделено культурно-государственных маркеров, которые с одной стороны позволили бы объединить Западно-Сибирский тюрко-татарский государственный мир, а с другой стороны разделить его по времени и в пространстве. Тем не менее, это была первая попытка рассмотреть всю лесостепь Западной Сибири, как единую территорию развития тюрко-татарской истории. Его исследования охватывали практически всю территорию тюрко-татарских государственных образований и рассматривали археологические материалы, как один из компонентов для воссоздания истории этого государственного образования. «Задачи исследовательско-аналитического характера... сводятся к воссозданию хозяйственно-культурной, этнической и социально-политической истории государственных объединений Западной Сибири середины II тыс.н.э.» [13, с. 19–20]. Спустя почти двадцать пять лет его исследования позволяют сделать дальнейшие шаги в плане изучения сибирской средневековой государственности. В данной работе мы выделим несколько категорий археологических находок, которые позволяют нам объединить весь лесостепной регион Западной Сибири в единое целое.

Методика

В отличие от изучения археологических древностей предшествующих эпох, когда наиболее распространенным является принцип выделения ареала распространения определенного культурного элемента, например, керамики конкретной формы и орнамента, набора оружия или особенностей погребального обряда, изучение государственных образований должно строиться по принципу выделения маркеров государственности, которые несут его символику. Примерно такую функцию выполняют современные монеты государственных банков. Еще одним условием должна быть легенда этого государства, прописанная в письменных источниках. Как бы ни были скудны эти сведения, только они позволяют выйти археологу на сопоставление его материалов с конкретным государственным образованием и его правителями-лидерами. Именно эти сведения позволяют вплетать в историческую канву археологические комплексы, позволяют интерпретировать их в государственной иерархии – от столиц до сторожевых городков. Поэтому изучение любого археологиче-

ского памятника, который, по мнению ученого, относится к какому-то государственному образованию, должно начинаться со сбора легенды по его истории. Да, это обычные вещи для известных исторических памятников, но в нашем случае речь идет о рядовых поселениях и могильниках, для которых чаще всего сведений практически нет, и для воссоздания этой легенды и необходимо привлечение археологических материалов – маркеров государственности. Сейчас быстро развивается целая серия новых научных направлений, существенно расширяющих возможности информативности археологических источников, как, например, генетика, поэтому есть надежда что количество и информативность материалов, по которым будет воссоздаваться история средневековых государств Западной Сибири, будет увеличиваться.

Обсуждение

На подавляющем количестве археологических поселений Западной Сибири культурным и археологическим маркером является керамика. Именно по ее форме и орнаменту археолог определяет время и культурную принадлежность данного памятника – не являются исключением и памятники XIV–XVII вв. При всем разнообразии посуды, которая была распространена в этот период в лесостепной зоне Западной Сибири, в керамике есть общие черты, позволяющие поставить эту категорию находок на первое место в качестве идентификационного фактора отношения данного комплекса к сибирским государственным образованиям.

В настоящее время, благодаря археологическим раскопкам серии памятников второй половины XVI в. в Тарском Прииртышье – Екатерининское V (Ананьинское), Кошкуль IV, Надеждинка VII (Тунуский городок), Надеждинка IV и т.д., датированных по русским письменным документам, – нам удалось выделить комплекс керамики, который объединяет практически все памятники, оставленные тюркоязычным населением Западной Сибири. За все время раскопок археологических комплексов XIV–XVII вв. собрано достаточно большое количество коллекций керамики почти по всей лесостепной и южнотаежной полосе Западной Сибири. Исключение составляют только Курганская и юг Тюменской и Челябинской областей, где археологические исследования позднесредневековых комплексов практически не проводились. Однако раскопки в последние годы Чимги-Туры позволили нам частично восполнить этот пробел [12, с. 95–99; 13, с. 11–15]. Начатые в последние годы археологические изыскания по р. Исети в Курганской области также подтверждают наши выводы. Естественно, что на этой посуде есть некоторые отличительные моменты, связанные с местными технологическими и орнаментальными традициями, но они определенно занимают второстепенное положение.

Это круглодонные сосуды (разной степени – от чисто круглодонных до уплощенных или, наоборот, приостренных), с отсутствием или очень слабой профилировкой верхней части сосуда. Тесто содержит довольно значительное количество шамота. Обжиг неравномерный, вероятнее всего, костровой. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда – это горизонтальные ряды глубоких подтреугольных насечек или вдавлений, иногда двух- и трехзубым гребенчатым штампом. По верху венчика, как правило, идет ряд ямок. В некоторых случаях имеются черты геометрического орнамента – крупный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом. Наиболее известны сосуды такого типа из раскопок могильников Кыштовка 2 и Абрамово 10 [7, Рис. 32–33].

В то же время следует отметить, что данная керамика далеко не всегда занимает первое место в археологических коллекциях. Характерна ситуация городища Надеждинка VII (Тунуский городок), где в культурном горизонте XVI в. керамика разделена на три комплекса – неорнаментированная толсто-стенная «тюркская» посуда, «лесная» керамика с элементами фигурного орнамента и описанные нами выше «татарские» сосуды [14, с. 28–30]. При всей вольности использования терминов, очевидно, что именно выделенный нами комплекс посуды является объединяющим для населения лесостепной полосы Западной Сибири. Для нас также важен факт ее наличия в могильных комплексах в качестве погребальной посуды, что повышает в определенной мере ее статусность на всей исследуемой нами территории.

В настоящее время, основываясь на доступных нам материалах, мы можем с определенной уверенностью говорить о том, что керамика с археологических комплексов, соотносимых с тюркоязычным населением этого времени, имеет сходные черты как по форме сосудов, так и по их орнаментации. Более того, очень близка техника изготовления керамики – состав теста, обжиг и технология нанесения орнамента. Если орнаменты и формы могли быть заимствованы, то технология более устойчива к новациям, и поэтому для проявления единства этой традиции (этого явления) на значительной территории необходимы устойчивые и достаточно интенсивные социально-экономические отношения. Распространение однотипной керамики за сравнительно небольшой период времени практически по всей лесостепной зоне Западной Сибири могло произойти только в среде моноэтнического населения и при наличии интенсивных социально-экономических отношений, но в данном случае мы этих условий не имеем и можем предположить в качестве движущей силы распространения данной керамики государственный фактор.

Анализ погребальных комплексов XVI–XVII вв. позволяет выделить еще один объединяющий для лесостепного населения Западной Сибири момент – это воинский обряд захоронения. Практически во всех могильниках этого времени в Прииртышье, Приобье, Барабе мы фиксируем погребения, которые выделяются из общего ряда комплектом оружия и дополнительным инвентарем – конской сбруей, котлами и т.д. Погребенные достаточно четко разделяются по своей воинской специфике от простого легковооруженного (лук и кинжал) до доспешного воина с полным комплектом оружия и снаряжения (копье, сабля или палаш, кинжал, лук, конная сбруя). Одно из таких захоронений было исследовано В.И. Матющенко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево [4, с. 36–37]. Это погребение представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспех с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются могилы простых воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260). Подобные захоронения мы зафиксировали на могильнике Бергамак II [3, Рис. 52]. Такие же комплексы мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-10 выделяются погребенные с наборами оружия [7, с. 138–160]. Наличие таких захоронений и их определенная «стандартизация» позволяет говорить о наличии вооруженных формирований, созданных по одному образцу и входящих в единую систему вооруженных сил Сибирского ханства. В погребениях могильников и на поселениях одной из самых распространенных находок являются наконечники стрел – железные и костяные. При довольно большом ассортименте форм наконечников, так же как и в «стандартизации» оружия в погребениях,

наблюдается определенная функциональность наборов – от узко специализированных, которые состоят только из бронебойных четырех и трехгранных наконечников, до наборов с большим диапазоном наконечников от узких боевых до стрел с листовыми наконечниками и срезнями.

В коллекциях наконечников стрел выделяются большие по размерам металлические наконечники стрел с фигурными «декоративными» элементами. Использование таких стрел в боевых действиях невозможно, поэтому, вероятнее всего, они имели другое назначение. В Сибирских летописях и в книге Г.Ф. Миллера упоминается старинный татарский способ оповещения о войне путем рассылки стрелы: «Царь же Кучюм... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людям своим, дабы вскоре к нему без всякого слушания собрались, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтоб другой посылки не дождались, понеже де идет на нас неведомо какой лютый неприятель» [5, с. 662–663]. Наибольшее количество подобных наконечников обнаружено учеными при обследовании столицы Сибирского ханства – Искера. Несколько единиц таких наконечников из сборов И.М. Бутакова в 1896 г. и А.Ф. Палашенкова в 1938 г. хранятся в Омском историко-краеведческом музее [16, с. 82–83]. Подобные наконечники находил и В.Н. Пигнатти [9]. Из приведенного описания следует, что эти стрелы служили символом, в определенном смысле, Сибирского ханства или, по крайней мере, являлись частью системы оповещения и управления.

В ходе раскопок погребальных и поселенческих памятников, относящихся или связанных с историей сибирских тюрко-татарских государственных образований, была получена коллекция предметов, которые с полным основанием можно отнести к маркеру этих государственных образований – это перстни или вернее перстни-печати. В общем массиве украшений они выделяются своими размерами и символикой. Они значительно больше и массивнее и на щитке имеют либо стилизованное изображение тамги, личину, воина на лошади и т.д. Подобные перстни были достаточно широко распространены в эпоху средневековья среди тюркских правителей [8]. Из письменных источников нам известно, что печати были элементом культуры государственного существования практически всех поздnezолотоордынских государств. В шертной грамоте хана Кучума (1571 г.) приводится следующая запись: «...а на утверждение... яз Кучюм ц'р печать свою приложил...». Печати были двух форм – перстневые (миндалевидные) и квадратные. Эти печати, являющиеся наследием джучидской традиции, по своему содержанию (титлатура, имя владельца, герб) являлись элементом государственной власти [2]. На настоящий момент мы имеем только несколько находок подобных украшений в Тарском Прииртышье (на могильнике Сеитово IV), в Томском Приобье (могильник «Тоянов городок»), в коллекциях из раскопок столицы Сибирского ханства Искер и т.д. Эти перстни мы можем атрибутировать как печати, то есть изображения на них можно в определенной мере трактовать как государственную символику. Семантику этих изображений еще предстоит изучить, но уже сейчас очевидно, что они имеют определенную связь с родовыми или тугумными символами – тамгами. Тамги, если они принадлежат правящему роду, имеют государственную нагрузку. Подобный пример приводит В.В. Трепавлов, когда кучумовичи Аблай и Тауке в доказательство того, что они живы, передали послам Девлет-Гирея «изображение родовой тамги (типичный позднеджучидский тарак – «гребень»), нарисованное им на

бумаге, а Тауке – прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу... один из вариантов «герба» клана Кучумовичей» [17, с. 101]. В связи с этим к маркерам сибирских тюрко-татарских государств вполне возможно отнести и изображения тамг на различных находках.

Д.М. Исхаков, основываясь на материалах других позднезолотоордынских татарских государств, говорит об определенной государственной символике в Сибирском ханстве. Крымский хан Гирей восседал «на троне, на синих подушках, лежат: на правой стороне – закон... а по левой... – тарак (тамга Гиреев), принятый в символическую тамгу или герб» [1].

Для сибирских тюрко-татарских государственных образований следует признать и наличие предметов, связанных с атрибутами верховной власти. Шансы встретить их в ходе археологических раскопок обычных памятников ничтожно малы, но при дальнейших изысканиях городов – административных центров Искера, Чимги-Туры, Кызыл-Туры, Тоянова городка и других – наличие таких предметов вполне возможно. К ним следует относить головные уборы правителей и их ближайших приближенных. В коллекциях российских музеев есть несколько шлемов, которые историки связывают с сибирскими ханами. Прежде всего это шлем хана Кучума. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государевой казны именовался «шапкой ерихонской кучумовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом, шлем имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. При Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума, сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу. В фондах Екатеринбургского областного краеведческого музея хранится «шлем Илегея». По преданию, он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети [10]. О существовании сибирской короны писал казанский историк Г.Л. Файзрахманов [18, с. 145].

В сибирских тюрко-татарских государственных образованиях было относительно слабо развито ремесленное производство, поэтому их правители были вынуждены компенсировать дефицит продукции ремесленников развитием торговых отношений, прежде всего со Средней Азией. Наличие среднеазиатского импорта фиксируется в той или иной мере на большинстве археологических памятников исследуемого нами времени. Как мы уже отмечали, В.А. Могильниковым при определении местоположения города в устье р. Ишим – Кызыл-Туры – из двух городищ сделал выбор в пользу того, на котором было больше предметов среднеазиатского импорта [15, с. 58]. При анализе торговых отношений в сибирских тюрко-татарских государственных образованиях необходимо учитывать то, что эти торговые связи были полностью под контролем и управлением сибирских правителей, поэтому любой предмет, изготовленный среднеазиатским ремесленником, на территории Сибири нес в себе определенный признак государственной власти. В данный момент мы не можем определенно говорить о наличии собственных денег у сибирских ханов, но наличие среднеазиатских монет в коллекциях Искера и Чимги-Туры свидетельствует о достаточно высоком уровне торговых отношений и о контролируемости сибирского рынка. Поэтому предметы импорта из Бухары, Ургенча и других среднеазиатских городов на археологических памятниках лесостепной полосы

Западной Сибири XIV–XVII вв. являются не только датирующим элементом (как и для периода развитого средневековья) но и показателем наличия определенных государственных отношений.

Теперь несколько слов о том, что «не надо» находить на археологических памятниках, которые мы соотносим с сибирскими тюрко-татарскими государственными образованиями. К сожалению, в последнее время стала прослеживаться тенденция «открытий» тех или иных новаций – культурных, религиозных и пр., которые, оказывается, были у населения нашего региона в исследуемое время. Прежде всего это касается распространения ислама. Да, общеизвестен факт приглашения правителем Сибирского ханства ханом Кучумом духовной миссии из Бухары и его деятельности по распространению этой религии среди населения его государства. Да, действительно в период его правления часть населения приняла ислам. Но нельзя каждое захоронение, ориентированное головой на северо-запад и не содержащее инвентаря, относить к погребениям, совершенным по канонам ислама, и уж тем более «выдергивать» эти могилы из общего пространства некрополей. Подобная ориентация умерших в погребениях является традиционной у населения этой части Западной Сибири на протяжении нескольких исторических эпох. Что касается безинвентарности захоронений, то это может трактоваться скорее как признак социального положения умершего, нежели его вероисповедания. В.А. Могильников в свое время отмечал, что «присутствие данных вещей в подкурганных захоронениях и единичных грунтовых (трех из тридцати), как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени» [6, с. 53]. Следует признать тот факт, что мусульманских могильников для периода существования средневековых тюрко-татарских государств на настоящий момент не обнаружено и, естественно, не исследовано.

Не стоит искать на археологических памятниках нашего периода и архитектурных сооружений, которые можно было бы связать с государственной волей или правилами. Анализ материалов раскопок городов, укрепленных городков и поселений, которые связаны с сибирскими тюрко-татарскими государственными образованиями, показывает практически полное отсутствие собственно тюрко-татарской архитектуры. В Тарском Прииртышье для проживания повсеместно использовались более ранние городища (от поздней бронзы до раннего средневековья), и оборонительные системы только обновлялись. Как исключение мы находим элементы фортификационных систем, заимствованных в Средней Азии или Поволжье, при обследовании укрепленных пограничных городков, построенных татарами с учетом их стратегического положения – Кошкуль IV, Надеждинка VII (Тунуский городок и т.д.); но это опять-таки привнесенные элементы.

Такая же ситуация с храмовой и дворцовой архитектурой. Раскопки Искера, Чимги-Туры, Вознесенского городища и других административных центров не дали нам никаких доказательств наличия подобных сооружений – мечетей, дворцов, государственных хранилищ и т.д. Нет оснований и для выделения «типовых» зданий в пограничных городках, что можно было бы, как и оружие привязать к определенной государственной системности. На Надеждинке VII (Тунуский городок) в ходе раскопок трех жилищ одно оказалось юртой, углубленной в землю, второе имело каркасно-срубную наземную прямоугольную конструкцию, а третье – полуземлянкой. В связи с этим при-

ходится констатировать, что за период существования сибирских тюрко-татарских государственных образований государственных или общих для всей территории строительных традиций ни в фортификационном искусстве, ни в храмовой или домостроительной архитектуре не сложилось.

Заключение

Археологические материалы, относящиеся к истории сибирских тюрко-татарских государственных образований, в настоящее время позволяют сделать несколько первых шагов по систематизации данных и выйти на определение датировки комплексов и их отношения к конкретному государственному образованию. Помимо собственно находок, которые могут стать основой для временной характеристики памятника (монеты, украшения, оружие и т.д.), очень важным является создание дендрохронологических шкал для лесостепных территорий Западной Сибири. Раскопки русского города Тары на Иртыше позволили создать шкалу, которая полностью покрывает вторую половину XVI в., тем самым появилась возможность более точно установить датировку исследованных нами городков, которые были взяты штурмом русскими отрядами в конце XVI в. и, таким образом, получить датированный вещевой комплекс.

В целом, подводя итог, можно говорить о назревшей необходимости создания археолого-исторического атласа сибирских тюрко-татарских государственных образований. Этот труд позволил бы объединить как имеющиеся археологические материалы, так и все научные наработки по археологическому изучению этого периода истории Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исхаков Д.М.* Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами (Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 2007. № 1.
2. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.
3. *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.
4. *Матющенко В.И.* Могильный обряд татарского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 64 с.
5. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
6. *Могильников В.А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 51–54.
7. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.
8. *Мухамадиев А.Г.* Древние Монеты Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 200 с.
9. *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186–226.
10. *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург: (б.и.), 1906. 21 с.

11. Рафикова Т.Н. К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища) // Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения» (Тюмень, 18–19 мая 2010 г.) Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. С. 95–99.
12. Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 11–15.
13. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
14. Татауров С.Ф. Последняя крепость хана Кучума на Иртыше // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 23–31.
15. Татауров С.Ф. Бухара-Искер – союзничество, зависимость или вассалитет // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 57–60.
16. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №2(33). С. 77–85.
17. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: «Восточная литература» РАН, 2012. 231 с.
18. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. 488 с.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Поступила 27.02.2017

Принята к публикации 20.05.2017

Опубликована 30.06.2017

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE SIBERIAN KHANATES: SEARCH OF THE MARKERS OF THE STATEHOOD

S.F. Tataurov

*Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
TatSF2008@rambler.ru*

Research objectives: To identify several sets of archaeological materials, which allow to unite all the Turkic-Tatar population of the forest-steppe zone of Western Siberia not only on the basis of socio-economic relations, but also on the principles of the existence of state entities.

Research materials: Archaeological material (ceramics, weapons and funeral rite of warriors, ring-seals and attributes of supreme authority – helmets and tamgas).

Results and novelty of the research: At present, the Turkic-Tatar state formations remain one of the most poorly studied issues in the medieval history of Western Siberia. An

unformed base of archaeological sources could be added to a small amount of written documents. As a result, academic community is not able to make a full description of specific khanates – of their boundaries, administrative division and management, the level of development of state institutions, etc. Moreover, we do not have a chronological scale of cultural layers of any archaeological complex of this time including the capitals of khanates – Chimgi-Tura and Isker. Ordinary settlements and cemeteries remain with indefinite characteristics (cultural phenomena), which could allow to combine all these complexes into one whole, to become markers of the Siberian statehood.

The author proposes to identify several sets of archaeological materials, which allow to unite all the Turkic-Tatar population of the forest-steppe zone of Western Siberia not only on the basis of socio-economic relations, but also on the principles of the existence of state entities. The author presents as these features ceramics, weapons and funeral rite of warriors, ring-seals and attributes of supreme authority – helmets and tamgas. It is possible that in the course of research this range of sources can be increased. Therefore, this work serves as an impulse for the development of scientific research in this direction.

Keywords: Western Siberia, Tatars, archaeology, history, state, class, system, creation

For citation: Tataurov S.F. Archaeological Monuments of the Siberian Khanates: Search of the Markers of the Statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. Byt' vernym s druž'yami i pritivorno ravnodushnym s vragami [To Be Faithful with Friends and Pretend to Be Indifferent to Enemies (culture of state life in the Turkic-Tatar societies of the 15th–16th centuries)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 2007. No. 1. (In Russian)
2. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar States in the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 142 p. (In Russian)
3. Korusenko M.A. *Pogrebal'nyy obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i soderzhaniya* [Burial Rite of the Turkic Population of the Lower Reaches of the Tara River in the 17th–20th centuries: Experience in Analyzing the Structure and Content]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003. 192 p. (In Russian)
4. Matyushchenko V.I. Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov [Burial Ground on the Tatar Uval near the Village of Okunevo (OM VII). Excavations of 1998, 1999]. *Novoe v arkheologii Priirtysh'ya* [New in Archaeology of Cis-Irtysh Region]. Is. 3. Omsk, Omsk State University Publ., 2003. 64 p. (In Russian)
5. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. Vol. II. 796 p. (In Russian)
6. Mogil'nikov V. A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pamyatnikov u der. Okunevo v Tarskom Priirtysh'e (k probleme proiskhozhdeniya tarskikh tatar) [Late Medieval Materials from a Complex of Monuments near the Village of Okunevo in Tara Cis-Irtysh Region (to an origin problem of the Tara Tatars)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 1997. No. 1, pp. 51–54. (In Russian)
7. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 260 p. (In Russian)
8. Mukhamadiev A.G. *Drevnie Monety Kazani* [Ancient Coins of Kazan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2005. 200 p. (In Russian)
9. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo ancient settlement)]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker: The Capital of the Siberian Kha-

nate]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 186–226. (In Russian)

10. Plotnikov G.S. *Opisanie muzhskogo Dalmatovskago Uspenskago monastyrya* [Description of the Male Dalmatovsky Assumption Monastery]. Ekaterinburg: (b.i.), 1906. 21 p. (In Russian)

11. Rafikova T.N. K voprosu ob etnogeneze sibirskikh tatar (po materialam Tsareva gorodishcha) [To a Question of Ethnogenesis of the Siberian Tatars (based on the materials of Tsarev ancient settlement)]. *Suleymanovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Suleymanovskie chteniya» (Tyumen', 18–19 maya 2010 g.)* [Suleymanov Readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Suleymanov Readings” (Tyumen, May 18–19, 2010)]. Tyumen, «Ekspress» Publ., 2010, pp. 95–99. (In Russian)

12. Rafikova T.N. Rezul'taty izucheniya Tsareva gorodishcha (2007–2009 gg.) [Results of the Study of Tsarev Settlement (2007–2009)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2011 g.)* [History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2011, pp. 11–15. (In Russian)

13. Sobolev V.I. *Istoriya sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of the Siberian Khanates (based on archaeological materials)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. 356 p. (In Russian)

14. Tataurov S.F. Poslednyaya krepost' khana Kuchuma na Irtyshe [The Last Fortress of Kuchum Khan on the Irtysh]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2016, no. 8, pp. 23–31. (In Russian)

15. Tataurov S.F. Bukhara-Isker – soyuznichestvo, zavisimost' ili vassalitet [Bukhara-Isker – Alliance, Dependence or Vassalage]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2011 g.)* [History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 57–60, 74–78. (In Russian)

16. Tataurov S.F., Tataurov F.S. Arkheologicheskie kollektsii s Iskera: novyy vzglyad na pamyatnik [Archaeological Collections from Isker: A New View on the Monument]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. No. 2(33), pp. 77–85. (In Russian)

17. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichy v bor'be za revansh* [Siberian Yurt after Yermak: Kuchum and Kuchumoviches in the Fight for Revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2012. 231 p. (In Russian)

18. Fayzrakhmanov G.L. *Istoriya sibirskikh tatar (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [History of Siberian Tatars (from the most ancient times to the beginning of the 20th century)]. Kazan, Fen Publ., 2002. 488 p. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Archaeology, Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, korp. 1, K. Marks Ave., Omsk 644024, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Received February 27, 2017

Accepted for publication May 20, 2017

Published June 30, 2017

УДК 94(470.5)"15-17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

**ТЮРКСКИЕ ГРУППЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XV–XVII ВВ.:
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ,
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ, ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ***

Д.Н. Маслюженко¹, Г.Х. Самигулов²

¹ *Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

² *Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Цель: реконструкция расселения и хозяйственного использования территории тюркского населения Южного Зауралья.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы, данные археологии и т.д.

Результаты и научная новизна: традиционно мы воспринимаем административное деление Урала и Зауралья как некую естественным образом сложившуюся структуру. Анализ источников позволил прийти к выводу, что система разделения на уезды, введенная Российским государством, не была обусловлена расселением местных групп и не учитывала способ их хозяйствования. Скотоводство местных тюрков определяло специфику организации пространства хозяйствования. Многие волости (родовые земли) различных племен были сложными и включали в себя две части: зимнюю и летнюю. Эти две части одной волости могли находиться на значительном расстоянии друг от друга, разделенные Уральскими горами, и после включения территории в состав Русского государства оказывались в составе разных уездов. Например, одна часть Терсякской волости оказалась в Верхотурском уезде, а вторая в Тюменском; западная составляющая Мякотинской (бакатин) волости располагалась в Уфимском уезде, а восточная – в Тюменском, в низовьях Исети и Пышмы. Таким образом, к моменту вхождения в состав Русского государства южная часть Зауралья и часть Приуралья, включая земли в верхнем течении рр. Уфа и Чусовая, по рр. Пышма, Исеть, частью Тура, а также Тобол между устьями Миасса и Туры, представляли собой территорию комплексного хозяйствования местного тюркского населения. Данная традиция сформировалась еще в эпоху позднего средневековья, что тесно связано с претензиями Шибанидов, правивших в Тюменском и Сибирском ханствах, не только на территории юга Западной Сибири, Приаралья и присырдарьинского региона, но и на приуральские земли. Это могло выражаться как в стремлении занять казанский престол или собирать ясак с Приуралья, в том числе Булгара, так и в оформлении прямого правления над Башкирским Приуральем. Значимым фактором этого могло быть не только единство политического пространства и ведение кочевого образа жизни, аналогичного рядовым группам местных тюрков, но и объединенность земель торговыми путями. Это же облегчало и возможности переселения значительных групп из Зауралья и юга Западной Сибири в Приуралье, как это произошло с племенем табын.

* Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011.

Ключевые слова: Сибирские Шибаниды, Южное Зауралье, тюркские племена, волостное деление

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

В позднее средневековье Шибаниды, правившие на юге Западной Сибири, неоднократно претендовали на земли Южного Урала и Приуралья, часто разделяя их со своими ногайскими родственниками и союзниками. Представляется, что эти претензии были связаны не только с политическими причинами, но и залегали в области экономики и даже в самом образе жизни кочевых и полукочевых тюркских племен Южного Зауралья, которые признавали власть этой династии. Для того чтобы правильно понимать эту ситуацию необходимо показать ее развитие в исторической преемственности от периода формирования Тюменского и Сибирского ханств до вхождения их территории и тем более населения в состав Российского государства. При этом понять специфику власти Сибирских Шибанидов в Приуралье можно, лишь разобравшись с ситуацией в Южном Зауралье, в том числе в XVII веке. Важным замечанием является то, что для этого столетия можно говорить именно и только о тюркских группах (кланах или племенах), в то время как для более раннего времени источники в основном дают нам информацию о деятельности политических лидеров. При этом мы и понимаем, что она была невозможна без соответствующей поддержки их улусов, то есть власть Шибанидов на какой-либо территории, с одной стороны, подразумевала наличие у них достаточной поддержки для организации этой власти, а с другой – возможность налаживания для этого взаимоотношений с местным населением. Таким образом, рассуждая о политических лидерах, мы в той или иной степени пытаемся пойти по пути понимания желаний и возможностей тех групп, лидеры которых на курултаях или подобных советах выражали им свою поддержку.

В начале XIV в. брат Иоганка Венгр писал, что «когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь» [3, с. 93]. Его современник египетский энциклопедист Ибан Фадлаллах ал-Омари ад-Димашхи при описании границ Улуса Джучи в конце указывал: «области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман», и далее «Страны Сибирские и Чулыманские... прилегают к Башкырдам» [14, с. 106–107], тем самым рассматривая их окраинными по отношению к Золотой Орде. По всей видимости, для авторов XIV века они были частью одного внутренне связанного пространства. Это было оправдано и еще двумя факторами: расположением здесь в разное время владений отдельных представителей династии Шибанидов и сложившимися торговыми отношениями по речным путям из Приуралья в Зауралье. Известно, что Шибан мог участвовать в подчинении Булгарского государства [24, с. 47–50; 18, с. 28–29], что и могло создать здесь основу для владений его наследников. При этом он сам в поздних источниках именуется в качестве владельца «народа болгарского» [19, с. 139].

По мнению А.В. Матвеева, к середине XV века при Абу-л-Хайре на западном направлении важнейшее значение для Тюменского ханства имела Казань

ская дорога как часть трансевразийского широтного торгового пути, шедшая из Казани через башкирские степи до Чимги-Туры. Этот же путь продолжал использоваться «для передвижения крупных воинских контингентов и посольств» и в конце XVI века. Для Сибирского ханства реконструируются следующие пути сообщения, ведущие от Тюменских ворот г. Казани, через Уральские горы до Чимги-Туры и Искера: 1) Вишерско-Лозьвинский путь (с Вычегды или Камы до г. Чердыни, по Вишере, Велсу, Лозье по Тавде и Тоболу в Искер); 2) Дорога по Сылве и Чусовой через Урал, Тагильский волок по Тагилу и Туре до г. Чимги-Туры; 3) Казанская дорога по р. Каме через уфимские степи на верховья Исети в Чимги-Туру и Явлы-Туру [31, с. 139, 144–145]. Эти пути могли быть использованы не только с торговыми, военными и посольскими целями, но и для перекочевков и миграций тюркских групп, причем их маршруты могли сложиться еще в период раннего средневековья. Очевидно, что контроль над этими трансуральскими путями был важной частью внешнеполитической концепции тюменских и сибирских правителей.

Вопрос о распространении власти туранских ханов из династии Шибанидов, основавших на юге Западной Сибири в 1430-е гг. Тюменское и затем в 1563 г. наследующее ему Сибирское ханства, в целом на Приуралье практически не рассматривался в литературе в качестве отдельной проблемы, исключением являются лишь исследования Д.М. Исакова [например: 18, с. 28–30; 19, с. 128–145]. В последнее время указание на наличие здесь западных владений Шибанидов становится все более общепринятым. Наиболее полное описание кочевий младшего брата Бату Шибана было сделано в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала...» [1, с. 104]. В.П. Костюков, соглашаясь с предположениями других исследователей, писал, что летники Шибанидов могли выходить в горно-лесных и лесостепных районах Урала к кочевьям башкир [25, с. 97]. Таким образом, Шибан и его потомки с самого начала формирования Золотой Орды имели возможность кочевать в Южном Приуралье, причем это решение Бату сохранялось и в последующее время. Так, потомки Шибана в пятом и шестом поколениях – Пулад и его дети Ибрахим и Араб-шах – продолжали летом кочевать у вершин реки Урал [1, с. 105]. Г.Н. Гарустович на основании Брик-Алгинского и ряда других кладов предполагает, что в период Великой Замятни, в частности в 1370-е гг., торговые караваны шли из Булгарского улуса в Западную Сибирь по территории Южного Приуралья, видимо, в дальнейшем поднимаясь по Тоболу и его притокам. При этом Араб-шах и его двоюродный брат Каан-бек могли совершать походы на лесостепную периферию Западного Приуралья [10, с. 166, 194–195].

По сути, единство этих земель, закрепленное во владениях Шибана, опиралось не только на общность торговых маршрутов, но и на близость местных групп в этнокультурном плане. Следует признать, что хотя в основе владений Шибана и его потомков лежали группы тюркских племен преимущественно центральноазиатского и южно-сибирского происхождения, здесь могли и должны были сохраниться и значительные местные анклавы. Потомки представителей этих коллективов позднее могут быть обнаружены как в окружении шибанидских ханов, так и в числе участников этногенетических процессов по

обеим сторонам Уральских гор. Применение современных этнических понятий «башкиры» и «татары» по отношению к этим племенам рискует модернизировать достаточно сложный в историческом плане процесс этногенеза этих народов в период позднего средневековья. Для рассматриваемого времени, как, видимо, и для последующего XVII века, эти термины носили в большей степени сословный (этносословный в историческом плане) характер. При этом на уровне личного самосознания гораздо более важным было соотнесение с племенем или кланом, а также с династией местных правителей. Кроме того, однозначная опора на современные этнонимы и обращение к отражению этнической памяти в шежере не учитывают сложных миграционных процессов монгольского, ордынского и постордынского времени, в ходе которых коллективы могли распадаться на отдельные географически удаленные группы, при этом могущие и не осознавать своего былого единства.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема распадается, по своей сути, на два отдельных вопроса: сохранение и наследование власти Шибанидов в Приуралье, имея в виду как отдельные земли Башкорта, так и Казанского ханства, в период существования сибирской государственности в XV–XVI вв. и формирование некоторых приуральских групп населения под воздействием этого процесса. При этом первая проблема отчасти увязывается с попытками установить границы Тюменского и Сибирского ханств в том виде, в каком они вообще могли существовать у кочевого государства. Именно западная граница вызывает при этом наибольшие затруднения, поскольку она связана еще и с отдельным аспектом определения зоны влияния шибанидских ханов, позволявшей им собирать ясак с местных групп населения.

В начале XV века, по данным Продолжателя Утемиша-хаджи, земли Башкурта вместе с территориями Алатыря и Мокши контролировал представитель сибирской ветви династии Шибанидов хан Хаджи-Мухаммад, правивший в 1421–1426(7) гг. в Туринском вилайете. При этом отмечается, что он стал ханом после сына Араб-шаха хана Кыдыра (Хызра) [37, с. 65]. Новый перевод текста, предложенный И.М. Миргалеевым, не позволяет однозначно согласиться с предположением Д.М. Исакова со ссылкой на А.-З. Валиди-Тогана о том, что Хаджи-Мухаммад также правил и в Булгаре [17, с. 102]. Хотя в одном источнике указывается, что Хаджи-Мухаммад встретил мангытского лидера Идегея, когда шел в «народ куральский» [6, с. 230–231], сам вопрос о том, что это за народ не имеет однозначного ответа. Под ним чаще всего понимают население и территорию центральноевропейской страны, управлявшейся королем и подчиненной еще при Шибане, однако источники позволяют высказывать и иную точку зрения о том, что это была территории Волжской Булгарии [подробнее см.: 28, с. 95; 24, с. 47–50]. С учетом времени жизни Хаджи-Мухаммада сомнительно, чтобы в условиях первой четверти XV века представитель Шибанидов мог совершить значительную перекочевку в европейские владения, то есть речь, скорее всего, должна была идти о каких-то приуральских территориях. А. Валиди-Тоган предполагал, что в Башкorte могли править также сын Каан-бека Махмуд-Ходжа [7, с. 39], который был ханом в Туринском вилайете около 1428–1431 гг. Таким образом, в источниках по ордынской истории фиксируется связь Шибанидов с Южным Приуральем, в частности Башкортотом, а также весьма косвенная информация о возможной власти над Булгаром.

Однако, после воцарения в 1430 г. на тюменском престоле хана Абу-л-Хайра, правнука Пулада, он уже однозначно претендует на сбор ясака и с территории Булгара [68, с. 74], что требует определенного объяснения. В качестве рабочей версии можно высказать предположение о том, что это могло быть связано не только с предшествующей традицией, но и с захватом «трона Саин-хана», который и мог дать дополнительное основание Абу-л-Хайру для власти над этим вилайетом, причем, возможно, не сразу после воцарения. Мухаммад Шейбани, предполагаемый автор «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», писал в начале XVI в. о том, что внук Идегей Ваккас-бий «дважды стал для хана [Абу-л-Хайра – Д.М.] причиной того, что он овладел троном Саина» [33, с. 17]. Второй раз произошел в конце 1440-х гг., когда ханом в Казани уже был Махмуд б. Улуг Мухаммад. Первый случай не имеет однозначной датировки в литературе, но И.А. Мустакимов предположил, что в 1440-е гг. переход власти в Казани от Шибанидов к Улуг Мухаммадовичам произошел на основании определенной договоренности, «согласно которой Шибаниды формально сохраняли влияние на казанские дела» [38, с. 188].

В январе 1481 г. тюменский лидер Ибрахим, бывший противником потомков Абу-л-Хайра, захватил ордобазар хана Ахмада, что дало ему в руки «саинский стул» и значительно увеличивало степень политического влияния. В 1489 г. он пытался заступиться за попавшего в русский плен казанского хана Али (Алегама) [46, с. 18]. В ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [46, с. 21]. Пребывание казанских аристократов из сторонников независимости этого ханства в ставке Ибрахима, видимо, привело к его интронизации около 1490 г. на казанский престол и наименовании в некоторых летописях «казанским царем» [63, с. 101]. В 1491 г. Ибрахим под влиянием казанцев совместно с ногайским бием Ямгурчи даже пытались организовать поход на Казань [47, с. 47].

Отметим, что уход в сибирские земли был, видимо, одним из традиционных способов «бегства от власти» для казанцев. Известна легенда, что еще во времена взятия эмиром Тимуром Булгара сын правившего там хана Абдуллы Алим-бек, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-туру... держал (там) юрт» [51, с. 579]. С.У. Ремезов связывал появление Тобол-Туры с мифологическим ханом Тоболаком, которого считал братом основателя сибирской княжеской династии Тайбуги [59, с. 71]. Деревня Тобол-тура (Тобол-Туринские юрты), видимо, на месте старого татарского городка, указывается в актовых документах в Тобольском уезде еще в 1638 и 1640 гг. [35, с. 524, 544]. Сохранялся этот способ ухода и позднее. Так, с 1632 на территории татарских юртов и волостей по Исети появляются переселенцы из Приуралья, в частности в зверовьях вместе с тюменскими татарами на Тоболе фиксируются казанские татары и новокрещены [35, с. 463].

После смерти Ибрахима в 1495 г. в Тюменском ханстве начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [61, с. 183]. Военные действия на казанском направлении во многом вновь были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальметом, Ураком и другими [21, с. 9]. В ре-

зультате Казань была взята осенью 1496 года. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» [44, с. 242–243]. Однако выбор претендента был весьма неудачен: Мамук не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюменского ханства. Кроме того, он, видимо, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже своим бывшим союзникам [44, с. 243]. Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком [69, с. 570], который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака. По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [44, с. 243].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего неизвестно. Уже в марте 7007 (1498) года в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань [21, с. 15]. В результате, согласно разрядным книгам, в августе 1498 (7007) г.: «Тово же году в августе... послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Руси х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих» [49, с. 57]. Исходя из этого, в походе могли участвовать и иные царевичи из числа Шибанидов. В Разрядных книгах говорится, что уже в «лета 7007-го (1498) сентября... прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом царевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана» [50, с. 29]. Скорее всего, речь шла лишь о возможной («...хочет быть...») угрозе похода. А.В. Парунин предположил, что и Мамук, и Агалак могли совершить не по одному, а по два похода на Казань [42, с. 104–108], с чем и связана определенная путаница в источниках. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «... прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих... Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша во-сваяси, а воеводы великого князя возвратишася к Москве» [44, с. 249–250]. По мнению А.В. Парунина, данный поход представлял скорее набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича» [48, с. 273; 51, с. 107].

В 1505 году хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского ханства и оказываются в ногайских кочевьях. Личность Ак-Курта может быть идентифицирована как двоюродный брат хана, сын Сайи-дека б. Хаджи-Мухаммада [33, с. 37]. При поддержке ногайских мирз они ведут в период с 1505 по 1508 гг. безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием II, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-

Амина, Агалак реально рассматривался в качестве возможной кандидатуры, которая могло бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 гг., а сам Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не были сильными политическими фигурами, хотя последний в конце концов и оказался на московской службе [29, с. 62–68].

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [9, с. 264]. В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года [45, с. 99]. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети [45, с. 99].

Таким образом, на протяжении XV века Шибаниды из двух ветвей (потомки братьев Пулада и Бекконди) не только сохраняли свои кочевья в Южном Приуралье, но и постепенно расширяли к северу и укрепляли здесь свою власть. Четыре тюменских хана в период с 1490 по 1505 г. претендовали на казанские и прикамские земли и пытались отстаивать свои интересы как военным, так и политическим путем. При этом по мере поражений Шибанидов и роста могущества Ногайской Орды, формальными сюзеренами которой некоторое время выступали представители различных ветвей этой династии, их реальное присутствие здесь сокращается. Кочевья при этом концентрируются на юге Западной Сибири, а также в Приаралье и на Сырдарье. Именно ногайским биям они уступили часть своих родовых владений вблизи Уральских гор в период формирования этого политического объединения (предположительно уже Эдегей мог контролировать г. Сарайчук [62, с. 586]). В первой четверти XVI в. эти земли «между реками Камой, Яиком и Ра» находились под контролем сына Мусы Хаджи-Мухаммада [11, с. 179], а позднее, видимо, перешли к его брату Шейх-Мамаю. Резонно предположить, что это создало основу для расширения в Приуралье власти именно ногайских лидеров, а сами Шибаниды будут здесь действовать чаще всего именно при их поддержке. При этом возникает немаловажный вопрос о том, почему Шибаниды, свободно передвигавшиеся в XV веке в рамках большого пространства от Арала и Сырдарьи до Поволжья и таежной зоны Западной Сибири, в начале XVI века постепенно утрачивают интерес к приуральским землям. Спектр ответов здесь может быть довольно широк: от договоренности с ногаями или расширения московского влияния до климатического фактора в рамках «Малого ледникового периода», что требует дополнительного анализа.

Фактически только Продолжатель Утемиша-хаджи пишет, что при сыновьях тюменского хана Ибрахима б. Махмудека б. Хаджи-Мухаммада, султанах Сары и Муртаза были вновь подчинены земли между рек Инрек и Сувнак [37, с. 65], что схоже с «Иргиз-Сувак», притоком Урала, в описании Абу-л-Гази. В каких условиях и в какое время это могло произойти? Следует признать, что фигура Муртазы, отца сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума, является одной из самых недооцененных фигур сибирской истории позднего средневековья. Резонно предположить, что он мог активизировать свою деятельность после переворота Шейх-Мамая в Ногайской Орде в 1541 г. Шейх-

Мамай, будучи сыном ногайского бия Мусы и одной из дочерей тюменского хана Ибрахима, выступал в отношении своих знатных родственников в качестве покровителя. В.В. Трепавлов предположил, что еще до переворота Шейх-Мамай, будучи наместником восточных кочевий, управлял башкирами. При его дворе находились указанные выше сыновья Муртазы, дочь которого, скорее всего, была замужем за казанским ханом Сафа-Гиреем [20, с. 90]. Скорее всего, в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Ахмад-Гирей мог быть наместником Башкорта, информация о чем сохранилась и в известном рассказе Кидряса Муллакаева [62, с. 199, 208–210; 54, с. 182]. Возможна и иная трактовка этого сюжета с учетом того, что Ахмад-Гирей и Кучум, оба по очереди, занимали сибирский престол. В таком случае в памяти башкир могла сохраниться информация именно о ханской власти, а не о ногайском наместничестве.

Память о былой власти сибирских султанов и позднее ханов Ахмед-Гирея и Кучума над Башкуртом сохранялась у башкир Уфимского уезда даже в начале XVIII века. При этом башкиры Ногайской дороги упоминали о юрте «Гарая» в Уфе. В 1709 г. башкиры нескольких волостей Казанской, Сибирской и Осинской дорог ссылались на то, что «деды и отцы нынешнего государства обещали сохранить ясак и веру башкир, как то было при тобольском Кучуме царе...» [32, с. 259, 265]. В связи с этим вполне правомочно замечание А. Валиди-Тоган, который называет Кучума «ханом Западной Сибири и Башкурдистана» [7, с. 39]. Известна точка зрения, высказанная еще в XIX в., о том, что русский город Уфа в 1586 г. был построен именно для защиты вновь приобретенных владений от набегов Кучума, который «пришедъ въ государеву отчину въ Казанской уездъ въ башкирцы» [43, с. 20] и явно отстаивал интересы своего рода на этих территориях. При этом Продолжатель указывает, что во время правления старшего сына Кучума Али (1601–1608 гг.) «их государство расстроилось и распалось, и некоторые территории Башкурта... были захвачены русскими» [37, с. 65]. При этом для части башкир именно Кучумовичи, причем иногда явно самозванные, выступали лидерами и символами антирусского сопротивления в XVII – первой половине XVIII века. Несмотря на воцарение Кучума в Сибири спустя несколько лет после русского завоевания Казани, известно, что в его владениях были чуваша, возможно, приведенные именно с этих земель, где они были ясачным или черным населением [15, с. 80–101], а сам он был женат на дочери неизвестного казанского хана [34, с. 197].

Таким образом, источники фиксируют практически постоянное присутствие шибанских династов с начала формирования их владений в 1243 г. как на территории Южного, так и Западного Приуралья, входившего в состав Булгарского вилайета и затем Казанского ханства, до их окончательной утраты в начале XVII века при Али б. Кучуме. Гораздо более сложным является второй из поставленных вопросов, поскольку в значительной степени при его рассмотрении необходимо опираться на весьма сложную и во многом позднюю информацию шежере, а также информацию о существовании на территории Приуралья и Западной Сибири родственных и схожих племен и кланов. При этом невозможно дать однозначный ответ на вопрос о том, осознавали ли их представители это родство.

А. Валиди-Тоган писал, что часть племен ордынского времени, относившихся к карачинским и оставшихся в Башкортостане, вошли в состав уфимских

татар под названием «тюменских». К ним относились катый, салжавут, табын, барын, минг, меркит, дюрмен, чураш и ногай [7, с. 52]. Значительную часть этих родов можно обнаружить не только в составе зауральских волостей Уфимского езда, где они доминируют, но и в Приуралье. При этом о мингах А. Валиди Тоган пишет как об опоре Абу-л-Хайра [7, с. 53]. По наблюдениям Д.М. Исакова, одного из главных специалистов по шибанидскому «следу» в Булгарском вилайете, в различных районах Западного Приуралья имеются следы присутствия таких кланов и племен как кыйаты, буркуты, кунграты, уйшины, кушчи [18, с. 28–30; 19, с. 130–139], которые вошли в дальнейшем в состав башкир и пермских татар. При этом, по данным И.А. Мустакимова, именно тумыны кыйатов, кунгратов, буркутов и тюменей были переданы Шибану после завершения Западного похода [39, с. 231]. Представители всех этих племен фиксируются в Западной Сибири в окружении тюменского хана Абу-л-Хайра как в период его казначества, так и при восшествии на престол, а также в качестве даруг Чимги-Туры. При этом они на протяжении 1430–1457 гг. упоминаются среди первых 10 племен ханства, входя чаще всего в почетное левое крыло и обеспечивая хана женами (конграты, буркуты). Их представители занимают должности беклярибеков (кыйаты, буркуты), аталыков, кукельташей, ичкиев и руководителей дивана (кушчи), а также выступают как военные предводители [33, с. 143–144, 146, 149, 153–154, 156–157, 159, 164, 168]. Значительное сходство кланового и племенного состав татар Западного Приуралья и юга Западной Сибири действительно может быть косвенным фактором, подтверждающим значительные связи этих территорий, если и не прямое их вхождение в состав ханств Шибанидов.

Необходимо обратить внимание и на возможные случаи перемещения групп населения из Тюменского ханства в Приуралье, то есть навстречу имевшей место локальной миграции казанской аристократии. Наиболее известным случаем является переселение к Чулыману (Каме), «где потом был основан г. Пермь», части племени табын, фиксировавшегося в новое время на северо-западе Башкирии как племя ирэкте. По материалам шежере подразделения кара-табын становится ясно, что вынужденная миграция с берегов Мисаса состоялась в период борьбы ханов Ибрахима и Шейбани [16, с. 177–178], то есть в 1480-е годы. В родословной также указывается, что потомки основателя табынцев Майкы-бия Асади-бий и Шикарли-бий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала» [65, с. 81]. В Приуралье табынцы осели как в низовьях Белой и Ика, центральных районах Казанского ханства, так и по Каме и ее притокам, то есть в Перми Великой, образовав здесь большой анклав населения, связанного происхождением именно с западно-сибирскими территориями [15, с. 129]. Именно на этих территориях в отношении местных татар и башкир встречается этноним «иштяк», который встречается и в подвластных Шибанидам сибирских землях. При этом понятие «иштяк» было равнозначным русскому «остяк», которое могло использоваться не только в отношении угров. Известно, что в русский язык это название попало из тюркских языков, где служило для обозначения инородческого языческого населения. Так, И.Е. Фишер пишет: «Юштяк есть Татарское слово и значит тоже самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека ...» [66, с. 85]. В русских документах слово «остяки»

встречается с 1499 г., хотя в отношении населения Западной Сибири, в частности хантов, видимо, фиксируется не ранее 1580-х годов [40, с. 74–75]. Таким образом, оно могло использоваться как в отношении пришельцев, так и в целом потомков смешанного тюрко-угорского населения.

По шежере, все рода племени табын, в частности основные носители этого этнонима кара-табын, возводят свое происхождение к Майкы-бию, его отцу Тюмен-бию или потомку (от второго до пятого поколения в разных шежере) Кара-Табын-бию. В шежере рода кара-табын говорится, что «во времена Чингиз-хана Майки-бий, живя в местности Миядак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майки-бий» [5, с. 157, 163, 165]. Таким образом, шежере связывает табынцев с племенами уйшинов и тюменов, которые хорошо известны в ордынской истории. Племя хушин (уйшин) было составной частью тех «тюркских племен, прозвание которых было монголы», которые также называются дарлекин. По сути, дарлекины и нируны образовывали собственно монголов периода становления Монгольской империи [26, с. 159–164]. Близкими к ним по происхождению были барыны (барин, бахрын) и дурбаны (дуваны), которые были родственными и являлись частью нирунов, как и кийяты [52, с. 187–189]. В легендах табынцев указывается, что их родиной был Алтай, откуда Майкы-бий увел их к Иртышу [27, с. 242–248], а после его смерти они откочевали на Миасс. В дальнейшем табынцы имели тесные связи с шибанидскими династиями. Более 10 представителей племен уйшин и тюмень, а также явно связанных с ними дурман и тубай, были в окружении первого тюменского хана Абу-л-Хайра, причем как в период его казначества, так и при восшествии в 1431 г. на престол [33, с. 16–17, 96–97, 143–144]. Интересно то, что именно среди представителей этой группы в источниках часто взаимно меняются клановые обозначения, что говорит об их явном родстве. Судя по шежере, после смерти Абу-л-Хайра и интронизации нового хана Ибрахима в Чимги-Туре они оставались некоторое время на территории его ханства. В Приуралье при этом они явно ушли не в полном составе, поскольку именно в Южном Зауралье затем будет сформирована «самая дальняя» Кара-Табынская волость. Это могло способствовать и дальнейшим связям между табынцами через горы.

В свете этого абсолютно по-иному выглядит известная информация С. Герберштейна о том, что «За Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими» [11, с. 181]. Аналогичную ситуацию иллюстрирует карта Московии Баттисты Аньезе, изготовленной в 1525 г. на основе материалов русского посла в Ватикане Дмитрия Герасимова, на которой область к востоку от впадения Камы в Волгу обозначена как «Sciabani Tartari», то есть шайбанские татары [67, с. 188, рис. 9]. По всей видимости, несмотря на имевшийся конфликт с Ибрахимом, его наследники, в частности правивший в Казани хан Мамук, видимо, смогли наладить отношения с многочисленными табынами в Западном Приуралье. Известно, что табынские бии служили казанским ханам [27, с. 301]. Остававшиеся в Зауралье представители этого племени, в частности кара-табынцы, были как при хане Кучуме, так и поддерживали его сыновей Али, Каная и Азима в борьбе против русских с 1601 по 1608 гг. [35, с. 197–198, 226]. В 1623 г. их стремился вернуть из Уфимского уезда брат Али Ишим,

причем он именовал их «старых своих людей табынцев» [35, с. 342]. Фактически последний раз они указываются в 1632 г. уже вместе с калмыками в окружении сына Ишима Аблая, причем они спасли от грабежа пленных тюменских татар и приказали им предупредить тюменского воеводу о грядущем нападении калмыков [35, с. 463]. По предположению А. Валиди Тогана поддержку Кучумовичам оказывали и табынцы Западного Башкорта [7, с. 47].

Вопрос о западных границах влияния Сибирского ханства в районе рек Сылвы и Чусовой, а, следовательно, и о связи местных татар с Шибанидами, остается не совсем ясным. Есть основания полагать, что в период 1570-х гг. большая часть территорий по Чусовой, Сылве, Ирени, Яйве, вплоть до строгановских острожков, могла находиться под контролем Сибирского ханства Ахмад-Гирея и Кучума. В 1570 г. Строгановы ставят Сылвенский и Яйвенский острожки для контроля над путями прохода сибирских и ногайских воинских людей и «для утеснения Сылвенских и Иренских Татар и Остяков и Чюсовских и Яйвинских и Инвинских и Косвинских Вогулич» [57, с. 4]. В источнике речь идет не о сборе ясака, то есть не контроле над подданными русского царя (пусть даже и формальными подданными), а об «утеснении», то есть ограничении в свободе действий. Это, видимо, способствовало переходу некоторых группы местных татар в русское подданство. Однако, как и в дальнейшем, контроль над ясачным населением был принципиален для сибирского хана Кучума. Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву своих данщиков из числа остяков, вогулов и югричей: «А иных данщиков наших Сибирской имеет, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати». В 1573 г. «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели». Само указание «дорог проведывати» говорит о том, что пришедшее из Сибири войско, видимо, не имело местных проводников. В то же время следует понимать, что на сбор здесь ясака мог претендовать не только Кучум, но и ногайские лидеры. В частности, в 1574 г. Кучум «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи» [34, с. 332–333]. Тахчеи, видимо, находились на реке Чусовой, где могла проходить граница формального влияния Сибирского ханства. В посольских и актовых документах 1570-х гг. неоднократно указывалось, что ногаи «ходили для ясыку в ыстеки» (в Башкорт, Казанский уезд и верховья Камы), потому что так было заведено «по старине»: «ещо деи при казанскомъ царе мы владели иштеками» [64, с. 101; 43, с. 20]. В 1570-е гг. Кучум и его сыновья породнились с большим количеством ногайских аристократов, что приводило к значительному пересечению интересов этих государств. Ясак с иштеков в 1570-е гг. собирали и бий Урус, и нурадин Динбай и его племянник Саид-Ахмед, при этом с первыми двумя породнились Кучум и его сыновья Али и Канай [62, с. 373–375]. Длительное политическое взаимодействие и проживание на близких территориях привели к тому, что интересы сибирской и ногайской аристократии могли совпадать, причем Шибаниды чаще выступали «ведомыми» в этом союзе. В актовых документах, представленных П.П. Пекарским и В.В. Трепавловым, все-таки больше заметны именно ногайские претензии в Западном Приуралье во второй половине XVI века.

В 1581 г. пелымский князь напал на Пермь Великую «подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирския ж земли со множеством вои, он же злый по неволе взя с собою Сылвенских и Косвинских и Иренских и Инвинских и Обвинских татар и Остяков...» [57, с. 12]. Хотя в летописи проговаривается вынужденный характер участия сылвенских и иренских татар в походе вогульского князя, их можно было бы считать скорее сибирскими подданными, чем российскими. Однако известно, что в 1578 и 1586 гг. именно ногайский бий Урус выражал недовольство по поводу запрета ему собирать ясак с башкиров и остяков, а также стремления русского правительства поставить в Приуралье города [64, с. 103].

Осенью 1581 – зимой 1582 года отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек во главе с Ермаком зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов [71, с. 30–31]. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом, ногаями и угорскими князьями как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 года, то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно Вычегодско-Вымской летописи походом руководил сам Кучум. В наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета... пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [9, с. 267].

Как выясняется из текста той же Строгановской летописи, иноверцы, жившие по Сылве, Ирени, Яйве и прочим рекам, не платили ясак русскому царю и были приведены к шерти лишь после похода Ермака и поражения Кучума: «...кои бусормене живуще близ их городов и острожков по Каме и по Чусовой и по Сылве и по Яйве и по Обве и по Инве и по Косве и по иным рекам, и тех все бусормен приведоша к шерти, что им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси служить без измены и во всем ему государю прямити и добра и добра хотити и ясаки с себя им давати. И оттоле начаша Семен и Максим и Никита из городков и из острожков своих того ясашного ради збору по рекм в тотарские [и в остяцкие] и в вогульские улусы людей своих посылати и ясак с них бусормен собирать... И потом повелением государевым... с тех бусормен ясашные зборы начаша збиратися по городам от воевод, где те языцы живаху в разных местех, в Чердынь и на Уфу и на Верхотурье...» [57, с. 45]. В летописи говорится не о возобновлении ясачных сборов, а именно о том, что сборы «начаша».

П.Н. Буцинский пишет, что до 1599 г. сылвенские и иренские татары платили ясак «в Пермь» [6, с. 6, прим.], но не совсем понятно, что он понимает в данном случае под Пермью – вполне возможно, что уплата ясака Строгановым точно так же воспринималась как пермский ясак. В одной своей челобитной 1623 (октябрь 7132) г. сылвенские и иренские татары писали, что «прошлых годех ... Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича Всеа Руси и Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси по грамотам, собирали с них ясак из Перми и от Соли Камской» [2, № 125]. В другой челобитной, поданной чуть позже (7134 г. от сотворения мира, то есть 1624–1625 гг.) через верхотурских воевод Дмитрия Пожарского и Игнатъя

Уварова, написано: «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского»¹.

Таким образом, после похода Ермака население, жившее по рекам Чусовая, Сылва, Ирень, Яйва, Обва и Иньва, было приведено к шерти и начало платить ясак. Поначалу сбором ясака занимались люди Строгановых, но постепенно, по мере формирования новых уездов (Уфимского и Верхотурского) происходило перераспределение территорий. С большой долей уверенности можно предположить, что в состав Верхотурского уезда были включены те территории, которые прежде входили в состав Сибирского ханства (южная и западная часть уезда). Передача сылвенских и иренских татар и остяков в ведение Верхотурского уезда лишь в 1599 г. объясняется просто – г. Верхотурье был заложен в 1597 г. и построен в 1598 г. [23, с. 18–19]. Фактически, земли по Сылве и Ирени (а также по Чусовой) вошли в состав Верхотурского уезда сразу после его создания. Сам факт того, что земли, пожалованные Строгановым в 1568 г. (Чусовая с притоками) [57, с. 4], в итоге оказались переданы в состав вновь созданного уезда, можно считать косвенным подтверждением того, что Строгановы эти земли так и не смогли «освоить». Скорее всего, до похода Ермака они находились под совместным управлением Сибирского ханства и Ногайской Орды. Во многом это было связано с длительной предшествующей традицией, которая на данный момент воссоздается лишь на основании разобранных косвенных источников.

В тесной связи с рассмотренными вопросами находится и тема землепользования тюркского населения, подвластного сибирским ханам из потомков Шибана, к моменту вхождения их территории в состав русского государства. Рассматривая историю тюрков Зауралья конца XVI – XIX в., в том числе историю их хозяйства и расселения, мы поневоле воспринимаем ситуацию преломленной через призму границ уездов и волостей Российского государства, зачастую забывая, что это деление очень слабо связано с ситуацией предшествующего периода. Иначе говоря, мы воспринимаем границы уездов как реально существовавшие разделители и полагаем, что в Тюменском уезде жили татары, в Уфимском – башкиры, а в Верхотурском – вогулы. Подобному восприятию способствуют, помимо разделения на уезды, еще несколько факторов: 1. Обозначение в XVII–XIX вв. ясачного населения разных уездов с помощью этнонимов. Иначе говоря, ясачных людей Верхотурского уезда обозначали как «вогулов», вне зависимости от их этнической принадлежности; в Тюменском и Туринском уезде ясачных людей называли «татарами», а в Уфимском – «башкирами». 2. Если в Уфимском уезде ясачные волости обозначались по названиям родовых или племенных подразделений, составлявших эти волости, то в Верхотурском, Тюменском и Туринском уездах волости, в подавляющем большинстве, назывались по географическим привязкам (Верх-Уфимские, Пышминская и Исетская, Киньрская и т.д.).

Эти обстоятельства сформировали в нашем сознании устойчивые стереотипы, которые достаточно сложно преодолевать. С.У. Таймасов на примере населения Ногайской дороги Уфимского уезда показал, насколько сильно отличаются привычные схемы от реального положения дел. Со ссылкой на ар-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф.21. Оп.4. Д.2. Л.137.

живные материалы он продемонстрировал, что башкиры разных волостей Ногайской дороги имели вотчины на рр. Иргиз, Эмба и вплоть до северного Приаралья [58, с. 43–51]. Этот пример хорошо показывает, насколько реконструируемая на основе источников картина может отличаться от схем, сложившихся в предыдущий период исследований. Хотя, как показал С.У. Таймасов, его открытие было открытием хорошо забытого старого, поскольку практически о том же самом писал более века назад А.И. Добросмыслов [12, с. 3–4].

Мы постараемся реконструировать ситуацию, по мере возможности абстрагировавшись от системы административного деления территорий в рамках Российского государства конца XVI – XVII вв.

Основной тип организации податного населения в России рассматриваемого периода – волость. В нашем случае, это ясачная волость. Многие исследователи сегодня трактуют ясачную волость как некое статичное территориальное (административно-территориальное) образование. Представляется, что такое восприятие для зауральской (и не только) действительности ошибочно и мешает при интерпретации документов XVII, да и XVIII вв. Исследовательница феномена башкирской волости Ф.А. Шакурова выделяет как минимум три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода [70, с. 41–44]. В идеале все три значения должны были совпадать. Сошлемся также на мнение Л.И. Шерстовой о социальной организации кыргызов Южной Сибири XVII в.: «Социальная структура кыргызского общества была вполне четкой и определенной. В основе ее понятие «улус», т.е. *держанье*, состоящее из зависимых людей, населенное *податными людьми*, и лишь затем и только вкупе с ними – территорией, на которой *те в каждый данный момент обитают*» [72, с. 26]. Это очень точное определение. Таким образом, основой формирования и существования ясачной волости служила не территория, а податное население. Соответственно, территория была вторична в определении ясачной волости.

Фактически, речь идет о тех образованиях (улусах), которые после включения территорий в административную систему Российского государства стали обозначаться словом «волость». Наблюдение о синонимичности (в определенной степени) слов улус и волость есть и в работе Ф.А. Шакуровой [70, с. 28–34]. Есть этому и подтверждения, пусть немногочисленные, в письменных источниках. По выявленным материалам в Государственном архиве Пермского края, по писцовым книгам Михаила Кайсарова значились татары и остяки Карьевского и Иштеряковского улуса, в более поздних документах вместо слова «улус» использовалось понятие «волость»².

Сказанное выше вовсе не означает, что территория ясачной волости не имела значения – любое население нуждается в земле для обеспечения своей жизнедеятельности. Потребности в угодьях ясачного населения были достаточно велики, поскольку их определял тип хозяйства – полукочевое скотоводство, – а также необходимость выплачивать ясак.

Волость как территориальная единица далеко не всегда была монолитна. Иногда она объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.65. Оп.1. Д.1485. Л.164–167.

друга. Причем объединяла эти территории в одну волость именно конкретная группа населения (племя, род), использовавшая эти земли. Мы можем выделить целый ряд волостей, которые имели как минимум две части. Часть таких ясачных коллективов и территорий достаточно легко прочитывается, но большую часть приходится вычислять достаточно сложным путем. Причины этого описаны выше. Попытаемся представить краткие разыскания о территориальной организации (или организации землепользования) тюркского населения преимущественно Южного Зауралья конца XVI – XVII вв. Для реконструкции буду использованы и материалы более позднего времени. Рассматриваемая территория – юг Верхотурского, восток Уфимского, запад Тюменского и часть Туринского уездов.

Начнем с Терсякской волости. «Татары (башкиры?) образовывали волости “вверх Чусовой” (они же ‘верхние терсяки’)... Входили татары (терсяки) и в волость “в поле над Аятом озером”» [13, с. 21]. Есть версия, что терсяки Верхотурского уезда ушли в 1630-х гг. к своим соплеменникам в Тюменский уезд, но обозначение «Терсяцкая волость» за их бывшими землями сохранилось. «После ухода терсяков с запада (от района р. Уктус – Г.С.) коренными жителями остались “Чусовские вогуличи”, относящиеся к Верхотурскому уезду» [4, с. 8]. Другой исследователь полагает, что терсяков на Чусовой не было уже в конце XVI в.: «Согласно данным башкирских исследователей, верховья реки Чусовой принадлежали башкирскому племени терсяк. Именно в XVI в. терсяки покинули свои родовые земли» [73, с. 142]. Точно так же констатируется, что население Аяцкой волости, куда также входили терсяк, ушло после поражения восстания 1662–1665 гг. «История Аятской волости на этом закончилась, а на ее месте в 1670 г. была поставлена Аятская слобода» [4, с. 13].

Во-первых, представляется, что разделение на Терсякскую и Аятскую волости Верхотурского уезда было чисто административным, а в действительности это был один Терсякский улус/волость. Во-вторых, выкладки об уходе терсяков со своих территорий по Чусовой не подтверждаются документами. В 1651 г. ясачные люди Терсякской волости Верхотурского уезда участвовали в «сыске» по поводу основания Чусовской слободы [36, с. 340–341]. В начале 1730-х гг. Н. Демидов купил у башкир Терсятской волости земли под Ревдинский и Сергинский заводы³ [56, с. 30], а позже, в 1755 г., терсяки продали Е.Я. Яковлеву землю, граничившую с отводами Полевского, Нязепетровского и Сергинских заводов⁴. В начале 1720-х гг. башкиры Сибирской дороги утверждали, что «По Чусовой-де реке и которые речки [в]пали во оную Чусовую – вотчина-де исстари их, Челжеутской, да Терсятской, да Сениренской волостей башкирцев» [22, № 7]. В одном из документов 1765 г. имеется описание части земель Терсякской волости на Чусовой, которая еще не была продана к заводам: «А напредь де сего владеющуюся исстари вотчинную Терсяцкой волости землю, имеющуюся ж по течением Ревды, Ливалиды и Ика, Большой Арши и Зязялге-речкам»⁵. Надо обратить внимание на то, что расположение Терсякской волости Верхотурского уезда Б.О. Долгих определил не совсем верно. На его карте она показана в самом верхнем тече-

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп.7. Д.115.

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-172. Оп.1. Д.7. Л.205–206.

⁵ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1798. Л.335.

нии р. Чусовой, а по нашим данным она находилась ниже Чусовской ясачной волости и Чусовской слободы.

Вторая часть территории этой же волости находилась на Исети. Б.О. Долгих описывает ее так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк» [13, с. 47]. Переход терсяков из Верхотурского уезда в Тюменский и обратно не был чем-то из ряда вон выходящим. 1632 г., царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезде, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [2, с. 313]. В 1663 г. «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татаровя Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмамиев, а тот Бекмурза преже сего был тюменской ясачной татарин»⁶. Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детми от Верхотурья вверх по Режу»⁷.

Катайская волость состояла из северо-западной части: нынешний Белокатайский район республики Башкортостан, часть современного Нязепетровского района и т.д.⁸, и юго-восточной части в Приисетье. Для локализации расположения юго-восточной территории волости можно обратиться к опубликованным документам: «...приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи – Г.С.) от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Катайские волости» [35, с. 468] (Билягиль – оз. Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области); 1651 г., в розыске о нападении на Далматов монастырь сказано: «те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» [36, с. 348–349]. То есть к 1651 г. в Приисетье уже существовала топонимика, связанная с племенным названием «катай».

В значительной степени связанная с Катайской – Салзаутская (Сальютская) волость. Очень приблизительно расположение северной ее части обозначено в документе 1721 г.: «А между своим вотчинам сказывают по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского озера на Арамилскую вершину и ниже Курганской деревни» [28, № 2]. Есть документ 1673 г., где границы описаны гораздо подробнее, но к нему мы обратимся позже. И выписка из грамоты 7203 (1694–1695) г., где обозначены также и южные земли Салзаутской и Улу-Катайской волостей: «по реке Синару, Багаряке, по озеру Савайку, по речке Марамке, по озеру по Иляму, по речке по Цечех, по озеру Чухояку, по озеру Аледи, по озеру Авельге, по реке Миясе, по реке Каразылке, да по озеру Меяну»⁹.

Территории катай и сальют по Исети и между Течей и Синарой мы можем интерпретировать как летние пастбища (летовки), в то время как горные

⁶ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.216.

⁷ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.219об.

⁸ ОГАЧО. Ф.И-172. Оп.1. Д.6. Л.180; Оп.1. Д.8. Л.2.

⁹ ГАПК. Ф. 177. Оп.2. Д.127. Л.37.

территории служили зимовками. Еще в XVIII в. существовала так называемая «кошевая» дорога, которая вела из горной части Урала на равнинную территорию Зауралья. Шла она как раз из района северной (горной) Катайской волости, проходила через Мякотинскую (Бакатинскую) волость и уже в равнинной части раздваивалась – одна ветвь шла на юг, к Ую и Тоболу, а другая на восток, к Исети, к равнинной части той же Катайской волости. На карте, составленной в 1741 г. Ф. Санниковым, эта дорога в районе озер Наного и Иртяш подписана как «Дорога большая которою башкирцы ездят в Уральские горы кочевать», небольшой обзор этих дорог был сделан в недавней статье [55, с. 75–87].

То, что Салзавская волость на Чусовой и таковая же на Синаре и Тече суть две части одной волости, подтверждается данными источников, в том числе и процитированным выше документом 1694–1695 гг. Есть и другие свидетельства: «пожалованы прадедам их в Уфимском уезде Салжауцкою волостью, которая межи имеет между Сыгрянской и Мякотинской волостями. И потом деда, и отцы их, и они оною вотчиною и в ней звериными и рыбными промыслами владели по сей 1735 год»¹⁰.

В отличие от прочих упомянутых тюркских волостей, Исетская и Пышминская волость Тюменского уезда названа по географическим привязкам. Эта волость локализовалась, согласно данным Б.О. Долгих, в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети и упоминается в документах с 1631 г., причем Борис Олегович утверждает, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» [13, с. 42, 48]. Его выводы подтверждаются данными документов. В 1663 г. в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Баишев сообщил, что «те де Пышминские волости татаровя, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Аритяша (Аретяша) озера з башкирцы вместе»¹¹. Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать как Иртяш, а это озеро входило в вотчинные владения бекатин. В 1734 г. старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: ««В Уфимском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера»¹². Есть и еще одно обстоятельство: в начале XVIII в., видимо, в период восстания 1705–1709 гг. сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее 10 лет, а затем вернулся в д. Редяшеву (она же Иртяшская)¹³. А Б.О. Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи [13, с. 42, 48].

В одной из работ авторы предположили, что Пышминская и Исетская волость была образована при переселении в низовья Исети и Пышмы тех представителей бекатин, которые до какого-то времени кочевали с Кучумовичами, а затем решили уйти от них и «осесть» [30, с. 64–65]. Относили созда-

¹⁰ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.569. Л.252.

¹¹ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.215об.–216.

¹² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1092а. Л.11об.

¹³ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1092а. Л.277.

ние этой волости годам к 1610-м. Причиной этому было преобладание в нашем осознании стереотипов и смутном представлении о распределении вотчинных земель и реальной системе землепользования тюрков Зауралья. Сейчас мы понимаем, что Мякотинская (Бакатинская) волость Уфимского уезда и Пышминская и Исетская волость Тюменского уезда, это две части одного улуса – Бакатин. В декабре 1673 г. тобольский служилый татарин Азбакей Кулмаматов в Сибирском приказе сообщил о тех местах, где хотел кочевать тайджи Дундук: «Ис Тобольска де езду до Черного, где стоит острог Абашской, зимним и летним путем 2 дни, а от Абашского острогу до Бекетина – день, а на Бекетине живут тобольские захребетные ясачные татаровя. А от Бекетина до Капканы – день, а тут живут тобольские кречатьи помыкальщики, а от Капканы до Ика-речки – полтора дни» [53, № 134]. Казалось бы, если территория Бекетин действительно соотносится с Пышминской и Исетской волостью (точнее в данном случае – с частью этой волости), то ее население должно платить ясак на Тюмень, а не в Тобольск. Но выясняется интересная деталь: Авазбакей Кульмаматов купил землю у служилого татарина Шугура Майтмасова и ясачных татар Иртычко Чюрина с товарищи. Точная дата покупки не известна, но произошло это до 1683 г., поскольку в переписных книгах Льва Поскочина эти угодья числились уже за Авазбакеем. Но, скорее всего, покупка этих земель произошла гораздо раньше¹⁴. В допросе ясачных людей Тюменского уезда 1671 г. в качестве есаула Пышминской и Исетской волости упоминается Юртайко Чюрин. Точнее, в документе перечислены сначала волости, а потом есаулы, но Пышминская и Исетская волость последняя среди перечисленных, так же, как и имя Юртая Чюрина приведено последним из имен есаулов¹⁵. Мы не можем гарантировать, что Юртайко и Иртычко – это один и тот же человек; но, как минимум – это братья, поскольку отчество Чюрин в документах этого периода нам больше не встретилось. То есть Авазбакей Кульмаматов купил у жителей Пышминской и Исетской волости часть их вотчинных земель и населил основанную им деревню Авазбакееву своими людьми¹⁶. А поскольку он был головой служилых и захребетных татар Тобольска, то и поселил он в своей деревне татар, подведомственных Тобольску. Мы не знаем, как соотносились с бекатин Мякотинской и Пышминской, и Исетской волостей селения бикатин, живших на Иртыше, Вагае и по Уватским болотам [60, с. 38–39].

Есть и другие примеры таких двойных волостей. В 1651 г. слободчики Чусовской слободы писали: «на Верхотурье в съезжей избе подали подали Соли Камской уезду на сылвинского татарина на Мамайку Турсунбаева з братьею челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем де во 159-м году в Петров пост приезжал к ним вверх Чюсовые реки в новую слободу тот Мамайко с братом своим с Тихоном и с воровскою черемисою человек с 50, з боем и с грабежом, и их, Сеньку и Афонку, с того места из новой слободы разогоняли» [36, с. 346]. Казалось бы – написано про сылвенских татар Соликамского уезда, которые пришли с разбоем на чужие территории; тем более, что и свидетельства ясачных «вогулов» окрестных волостей такую точку зрения подтверждают. Но следующий документ, уже 1660 г., ставит под сомнение эту версию. Гово-

¹⁴ ГАПК. Ф.316. О.1. Д.9. Л.72.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.245об.

¹⁶ ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.109. Л.72.

рится в нем об окольной (мимо таможни) дороге «мимо Чюсовскую слободу к Тихонку Турсунбаеву в юрты, а приезжают де к нему, Тихонке, многие известные татары, и бухарцы, и черемиса с торгами, и тех людей он, Тихонко, к вам, Петрушке с целовальником, в Чюсовскую слободу не отсылает, торгует де он с ними, татары, втай и отпускает их от себя в Сибирь окольную дорогою» [36, с. 346]. А в 1670 г.: «бьют челом сироты ваши Верхотурского уезду Чюсовской волости ясачные татаровя и черемиса Бишко Тихонков Пахоско Шакшияров и все Чюсовской волости ясачные татаровя и черемиса а в прошлых Государей годов по вашим Великих Государей указам селились мы сироты ваши вновь в Чюсовской волости от Чюсовской слободы 10 верст»¹⁷.

Очевидно, эта ситуация может быть реконструирована следующим образом: речь идет о тюрках (сылвенских татарах), имевших летовки на Сылве, а зимовки на Чусовой. После похода Ермака и приведения к шерти населения по Сылве и Чусовой это население сначала платило ясак Строгановым (точнее, русскому царю, но правом сбора обладали Строгановы), а затем в Соли Камскую [57, с. 45]. С созданием Верхотурского уезда волости сылвенских и иренских татар и остяков были переведены в его состав [6, с. 5, прим.], а в начале XVII в. по просьбе части ясачных людей их вернули в ведение Соли Камской [2, № 125]. Таким образом, период до 1608 г. (года передачи сылвенских и иренских волостей в ведение Соли Камской) вопрос о двух частях волости с административной точки зрения не возникал. До создания Верхотурского уезда деления быть и не могло, после возникновения Верхотурья и его уезда обе части волости находились в его составе, и только после передачи сылвенско-иренских территорий в Соликамский уезд сылвенская и чусовская «половины» оказались разведены по разным административным образованиям. Кстати, в челобитной 1623–1624 (7134) гг. жители сылвенских и иренских волостей объясняли, что в соликамский ясак они перешли неправильно и «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского»¹⁸. Скорее всего, попытка вернуться в верхотурский ясак была вызвана комплексом причин, но разделенность территории волости между уездами вполне могла быть одной из этих причин.

И еще пример – Сызгинская волость: северная ее часть располагалась в верхнем течении р. Уфа и по ее притокам – Саране, Сардаге, Юве¹⁹; а вторая – на восточном склоне Уральского хребта к северо-востоку от оз. Аргазии и р. Миасс²⁰.

Можно предположить, что так же две составляющих одной волости представляли Сырянская волость в верховьях Исети по Синаре и Багаряку и Киньрская волость в низовьях Туры. Как и с прочими волостями Тюменского уезда (кроме Терсякской), мы испытываем большие затруднения в интерпретации племенной принадлежности населения Киньрской волости (Киньрского городка), поскольку практически нет упоминаний о принадлежности населения к какому-либо родовому или племенному подразделению. Само название Киньрского городка (как и Иленского и Обуховского) происходит от имени Киньр, как об этом писал Б.О. Долгих [13, с. 44–45]. Но в одном из ранних доку-

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1111. Д.51. Л.62.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.2. Л.137.

¹⁹ ГАПК. Ф. 297. Оп.2. Д.88. Л.1; ГАСО. Ф.59. Оп.15. Д.16.

²⁰ ГАСО. Ф.59. Оп.3. Д.2236.

ментов 1601 г. встречаем следующее сообщение: «Нынешнего, господине, 109-го году июня в 16 день приехали к нам в Тюменский город Тюменского уезда Балкурские волости ясачные татарове Ахкоза Янчатов, Абжитемир Тохташев, да Козыбай Янчеров, да Кизылбай Усенгильдеев, да Кошбархан Болтин, 5 человек, а в распросе нам сказали: приезжал де из Киньрские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к татарину к Мангуту с сыном свататься на дочь...» [35, с. 198]. Разумеется, одно упоминание не может служить основанием для выводов, но, исходя из ситуации Катайской, Терсякской, Мякотинской волостей, мы можем предположить, что Киньрская волость является восточной «половиной» волости Сыррянской. Подтвердится это предположение или нет – покажет время.

Были и волости, размер которых позволял почти весь хозяйственный цикл обеспечивать за счет единой территории. Самым ярким примером, пожалуй, является нераздельная Каратабынская и Барынтабынская волость (либо земля двух этих волостей, находящаяся в нераздельном пользовании). Граница этой волости по документу 1692 г. проходила в Зауралье следующим образом: «на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгуруя, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миясу и горе Укне-Имякне и на озеро Идрязи; поворот от оного на речку Тикюс и по оной до брода Кармали, со оного по речке Сумляне и до брода Буракая лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея и от оного до вершины реки до Черного тока и до местечка Акиар-Гиргу, от коего поворот до Чюрика-Икая» [32, с. 80]. Если перевести на современные названия ориентиров, то от р. Ай по р. Миасс до озера Аргазы, затем, очевидно, до р. Теча, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения р. Чумляк (Сумляне) в р. Миасс и далее на устье р. Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (р. Урал). Эта огромная территория позволяла жителям вести хозяйство, используя размеры и ландшафтное разнообразие. Так, когда в январе 1735 г. крестьяне Багарякской слободы приехали на оз. Чебаркуль, чтобы договориться с башкирами об аренде озера, то оказалось, что те на зиму откочевали в верховья р. Уй²¹. В то же время Таймас Шаимов со своими людьми зимовал на оз. Аргазы, а на летовку откочевывал на р. Уй или на р. Тобол. В апреле 1736 г. толмачу И. Дуракову башкиры сказали, что Т. Шаимов «ушел де со всеми жителями, с женами и с детьми на реку Уй»²². П.С. Паллас, описывая деревню Таймас-аул, полагал, что «жители со своими стадами убрались в прохладнейшие горы» [41, с. 157], поскольку, по его описаниям, башкиры «...в июне месяце, избегая комаров и оводу, кои тогда в сих странах почти воздух наполняют, с своими стадами в холоднейшие горные места переходят... опять в степь возвратится в конце июля и начале августа, к своим зимовьям» [41, с. 96]. Очевидно, здесь речь идет о сочетании разных вариантов полукочевого хозяйства – яйлажного и равнинного.

И Каратабынская волость, точнее, обеспеченность документами по более позднему периоду ее истории, является своеобразным ключом к пониманию того, как выходили из ситуации жители небольших по территории волостей,

²¹ РГАДА. Ф.248. Кн.1525. Л.47об.; ОГАЧО. Ф.Р-481. Оп.1. Д.97. Л.66об.

²² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.626«а». Л.566об.

не имевшие второй «части» угодий для летнего или зимнего выпаса скота. Ярким примером значительной группы башкир, проживавших на территории не своей волости являются айлинцы. Помимо части этого родового подразделения башкир, проживавших в Айлинской волости, крупные группы их жили на территории Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости, видимо, еще с конца XVII в., если не с более давних времен. В документе 1753 г. говорится: «ездил де он (землемер – Г.С.) для размежевания башкирских земель в Баратабынскую и Каратабынскую волости у которых де одна вотчина старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева и с ними дв(о)е Айлинской волости команд, старшин – Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева в той волости живущие по припуску... а что же де, в той вашей вотчине имеются вышеписанные изстари припущенные прапрадедами и дедами двух айлинских волостей башкирцы команды старшины Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева, по договорным данным им угодьям, от прадедов и дедов ваших владеть яко то селением, санными покосами, пахотной землей, почему и ныне вы, Таймас с товарищ, им, айлинцам, жить в той вашей волости во обществе по тем договорам позволяете»²³. Несколько позже число айлинцев в Каратабынской и Баратабынской волости еще увеличилось, и вотчинники попытались отправить домой хотя бы часть из них. На что айлинцы команд старшин Кужи Левашева и Адилши Муртазина в 1793 г. сообщили в земский суд: «...Айлинской волости башкирцы на принадлежащую как им Каратабынской так и Барынтабынской волости башкирцам вотчинную землю никогда самовольно не заселялись ..., а живут единственно с самых давних лет от прапрадедов по полюбовному между собой соглашению и припуску...», «на собственной нашей земле, пожалованной ото великих государей прапрадедам, дедам и отцам нашим, которая простирается от Уральских гор до реки Аю... ис которой прадедами и дедами нашими продано под бывшей во владении заотчика Масалова, а ныне Лугининых Златоустовской и вновь строящийся Кусинский заводы немалая часть. За тем же оставшею владеют той же Айлинской волости старшина Абдулкарим Кулбаков с подкомандующими, но и то состоит большею частию в одних Уральских горах, каменистых и болотистых местах, к поселению, хлебопашеству и скотоводству неудобное...»²⁴.

Описанная выше ситуация относится к XVIII в., точнее, к его середине и второй половине, то есть к периоду, когда значительная часть вотчинных земель тюркского населения была выведена из их хозяйственного оборота – забрана под земли крепостей, «куплена», или «арендована» для обеспечения потребностей металлургических заводов. Земли стало просто не хватать, и это хорошо прослеживается в рассматриваемой ситуации. Башкиры Каратабынской и Барынтабынской волостей так и объясняли, что айлинцы жили на их земле с давних пор, «когда еще оной у них каратабынцев довольно было»²⁵. А к 1780-м гг. значительная часть владений Каратабынской волости была забрана под нужды Челябинской, Миасской, Чебаркульской, Уйской, Троицкой, Еткульской и других крепостей. Причем отводы земель этих крепостей смыкались между собой, т.е. из землепользования табынцев была ис-

²³ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.18–19об.

²⁴ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.18–19об.

²⁵ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.3.

ключена огромная территория. Впоследствии они продали часть земель под нужды заводов, что еще больше уменьшило оставшуюся территорию их вотчинных угодий. Восточную часть их волости отвели ичкинским татарам, служилым сартам, аюкинским калмыкам, катаяцам и служилым мешерякам [74, с. 38–50]. В этой ситуации происходит дополнительный приток айлинцев, а кроме них еще и сызгинцев – и у тех и у других проблемы с землей были гораздо серьезней, чем у табынцев. По заявлению старшин Каратабынской волости, на ее территории (разделенной между Троицким и Челябинским уездами) проживало до 700 дворов припущенников²⁶.

Но одним из самых важных моментов, отмеченных в процитированном документе, было изменение характера использования земель Табынской волости припущенниками. Чтобы проиллюстрировать это, приведем большой фрагмент документа: «...с начала припущения на ту их Каратабынской волости вотчинников землю... тогда показанные айлинцы на той земле не всегдашнее имели житие, а только времянно, яко то зимою. С начала лета уходили на жалованную их Айлинскую собственную землю ... где и проживали по полугоду и более, а по наступлении зимы приезжали на их Каратабынские земли со скотом, на малое только время. И тем самым тогда оным каратабынцам от них айлинцев дальняго притеснения не происходило. Но ныне де те айлинцы оставляя таковыя их прежния положения, в тех каратабынских дачах загораживая великими поскотинами и захватывая их самые нужные к продовольствию оных каратабынцев лутчие хлебопахотные, сенокосные и сему подобные выгодные места и для прокормления как летом, так и зимою скота, всего онаго их каратабынцев лишают...»²⁷. Очевидно, первоначально припуск носил частичный характер. Иначе говоря, в XVII в. те группы тюрок, которые не располагали обширными вотчинными угодьями, решали проблему сезонных перекочевов за счет территорий соседних волостей, как это видно на примере айлинцев и табынцев.

Подобная ситуация не была исключением, и такие перемещения групп ясачного населения между волостями, в том числе и между волостями соседних уездов, не были редкостью. Приведем лишь несколько примеров. В документе 1606 г. сообщается: «посылал де тюменский новокрещеной Олеша Алимов в Уфинский уезд в свою вотчину для бобровые ловли тюменского ясачного татарина Исенка Бетикова и сказывал де тот Исенка ему Мотмасу: был де он Исенка в Уфинском уезде в волости в Челзеуте у ясачного татарина у Ендоски [35, с. 226]. В 1650 г.: «ездили де они в Уфинской уезд, и, едучи, у тотар про воинских людей проводывали и татар спрашивали, и в Катайских волостех им сказали уфимской татарин Кулмаметко, а чей сын, того не упомянут, да тюменские ясашные татаровя, которые живут в уфинских волостях, Кызабай, да Бееулы, да Англыч...» [37, с. 336]. «Видел де он Бекмаметко у Тимошки Иткулова в юртах епанчинского татарина Кузюбайка, и тот де Кузюбайка сказывал ему Бекмаметку: жил де он, Козюбайко на пашне, з женою и детьми, вверх по Исете речки повыше Теньчи реки...» [35, с. 468]. В 1635 г. кучумович Аблай приходил на Исеть «и взял на Исете уфинского ясаку с татар 24 семьи, да тюменсково ясаку татар 3 семьи ... тот Бекенейко ту-

²⁶ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.1.

²⁷ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.3–3об.

ринского ясаку, а живет на Исете...» [35, с. 493]. В 1633 г. Девлеткирей напал на селения Уфимского и Тюменского уезда, в Бачкурской волости разорил Баишевы юрты «и татар всех из тех юрт, тюменских и уфинских з женами и з детьми в полон взял и животы их все пограбил» [35, с. 474]. То есть процесс был взаимным – тюменские ясачные люди жили в Уфимском уезде, уфимские – в Тюменском уезде.

Для завершения картины необходимо добавить еще одну важную деталь: помимо зимних и летних угодий существовали еще угодья охотничьи. Для тюрков Зауралья в качестве таковых выступали земли в верхнем течении Тобола, по Ую, Убагану, по Ишиму, в нижнем течении р. Миасс (Илецкий бор). Мы можем убедиться в этом на материалах большого количества опубликованных документов, которые свидетельствуют о том, что и башкиры Уфимского уезда, и тюрки Верхотурского уезда, и ясачные и служилые татары Тюменского и Туринского уездов воспринимали в качестве охотничьих угодий описанные выше территории. В 1603 г. татары Терсяцкой волости Верхотурского уезда вместе с ясачными татарами Башкурской волости Тюменского уезда зверовали за р. Уй «по речке по Тузаку (Таузаку – авторы)» [35, с. 212]. В 1616 каратабынцы зверовали по обеим сторонам Миасса, переехав Тобол к Арал Карагаю [35, с. 274]. В 1620 г. тобольский воевода М.М. Годунов отписывал, что по всему Тоболу «ездят на зверовья ясачные люди» [53, с. 101]. В 1623 г. катайцы зверовали «верх Тобола река на Илет Карагае», а ясачные татары Тюменского города – на Среднем Юртыке (Утыке), притоке Тобола [35, с. 341, 348]. В 1628 г. тюменские татары находились на зверовьях у р. Черной, притоке Тобола [35, с. 398]. В 1630 и 1632 гг. ясачные татары Терсяцкой и Тарханной волости были на зверовьях на оз. Медвежьем и Кушкуле за Миассом [35, с. 449, 455]. В том же году на притоке Тобола, Среднем Утеке (Утыке) были тюменские ясачные татары Пышминской волости [35, с. 455]. Тогда же киньрыцы были на охоте на р. Кизыке (Кизаке), притоке Емуртлы, которая входит в водную систему Тобола, а тюменские татары – на рыбной ловле и зверовьях на Тоболе недалеко от впадения Исети [35, с. 462]. В 1645 г. тюменские (племенные и клановые названия с 1640-х гг. практически не встречаются в источниках) юртовские служилые татары зверовали за Тоболом на Нижней Алабуге [35, с. 591], а в 1647 г. – за Тоболом в верховьях Суери [35, с. 609]. В 1649 г. тюменские ясачные татары зверовали в бору на Миассе [36, с. 330], а также на урочищах за Тоболом [35, с. 380; 36, с. 329]. В 1653 г. ясачные люди разных волостей Тюменского уезда объясняли, что «кочуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата Тюменского уезду блиско, днища в дву и в трех, и зверуют по которым местам преж сего они, ясачные люди, зверовали и ясак добывали – по Ишиму, и по Тоболу, и по Исете, и по иным речкам, и в степе, и по лесом»²⁸.

В отношении использования охотничьих угодий по Тоболу, Ишиму и их притокам интересно то обстоятельство, что охотится сюда ходили и ясачные, и служилые люди из тех волостей, связь которых с известными нам волостями Южного Зауралья не прослежена (или пока не прослежена, – уже упоминавшихся выше Иленской и Шикчинской и Каскаринской волостей Тюменского уезда, а также Таржанской волости Тобольского уезда, которая распо-

²⁸ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.170.

лагалась по Тоболу, рядом с устьем Туры, и фактически находилась на стыке Тобольского и Тюменского уездов. Жители этой волости упоминаются вместе с ясачными татарами Тюменского уезда [35, с. 449, 474].

В рассказах тюменских ясачных людей середины XVII в. и позже есть одна очень важная деталь: «ясашные ж люди Кынырсково городка, и Бачкурской и Терсяцкой волостей, и Ленсково городка, и Пышминской и Искцкой волости допрашиваны: Для чего они, ясашные люди, в прошлых и в нынешнем во 162 году в ясак белки илети, и бобров, и ярцов, и кошлоков приносили мало, а иные и не сполна? И ясашные люди сказали, что от погрому калмыцких людей и Кучюмовых внучат они бедны ... по которым местам ясашные люди преж сего белку илет по бором добывали, и бобры, и ярцы, и кошлоки по вотчинным своим землям, а лисицу на зверовье в степе промышлял, и ныне по тем местам зверуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата, и им, ясашным людям зверовать не дают. И Илецкие боры по вся годы выжигают...»²⁹. Последний штрих – о выжигании боров, т.е. пускании пала – очень хорошо показывает разницу в использовании земель по Тоболу с притоками, низовьям Миасса и Ишиму ясачным населением и калмыками. Для ясачных это были охотничьи угодья, и пал был бедствием, так как наносил огромный ущерб промысловому зверю (пал обычно пускается ранней весной, чтобы выжечь старую траву и стимулировать рост новой травы). Для кочевников пал был обычным способом улучшения качества пастбищ.

В качестве небольшой ремарки можно добавить, что и в этом случае вотчинники Каратабынской и Барынтабынской волостей находились в исключительном положении, поскольку часть традиционных охотничьих угодий тюрок Зауралья практически входила в состав их волости, по крайней мере, к концу XVII в.

Подытоживая эту часть статьи, посвященную системе землепользования тюрок Южного Зауралья, можно сделать следующие выводы: к моменту вхождения в состав Русского государства Южное Зауралье и прилегающие территории, включая земли в верхнем течении рр. Уфа и Чусовая, то есть Приуралья, по рр. Пышма, Исеть и, частью, Тура и Тобол между устьями Исети и Туры, представляли собой территорию комплексного хозяйствования местного тюркского населения. Очевидно, что эта система была сформирована на протяжении предшествующих столетий и тесно связана с политическими претензиями Шибанидов на приуральские территории, где хозяйствовали связанные с ними племена. При этом многие из волостей, которые традиционно описывались в отечественной историографии как самостоятельные (единичные) ясачные волости Верхотурского, Уфимского и Тюменского уездов, при ближайшем рассмотрении оказываются частями «сложных» (двухкомпонентных) волостей, разделенных, после включения территории в административную систему российского государства, между различными уездами. Так, одна часть Терсяцкой волости оказалась в Верхотурском уезде, а вторая – в Тюменском; западная составляющая Мякотинской (бакатин) располагалась в Уфимском уезде, а восточная – в Тюменском, в низовьях Исети и Пышмы и т.д. Такая «двухкомпонентность» волостей объясняется спецификой полукочевого скотоводческого хозяйства, подразумевавшего

²⁹ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.171об.–172.

наличие летних и зимних пастбищ. Кроме того, важным признаком, показывающим сложившийся единый культурно-хозяйственный комплекс тюркского населения указанной территории являлась общая охотничья территория, включавшая земли в верхнем течении Тобола и по Ишиму, – Илецкий бор. Как показывают документы XVII в., эти территории использовались в качестве охотничьих угодий тюрками зауральских волостей уфимского уезда, южных волостей Верхотурского уезда и юго-восточных волостей Тюменского уезда. Очевидно, что такая ситуация сложилась в период, предшествовавший русскому завоеванию Сибири, то есть относится ко времени существования Тюменского и Сибирского ханств. При этом непоясненным остается вопрос о том, что было первичным в сложившейся системе: политические претензии и пространство, торговые связи или же именно специфическая система землепользования тюркских групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С.Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. III. 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
3. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Исторический архив*. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
4. *Байдин В.И., Грачев В.Ю., Коновалов Ю.В., Мосин А.Г.* Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнеры», 2011. 68 с.
5. Башкирские шежере / сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960. 304 с.
6. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. 345 с.
7. *Валиди Тоган А.* История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
8. *Валиханов Ч.Ч.* Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // *Собрание сочинений*. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1984. С. 228–254.
9. Вычегодско-Вымская летопись // *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
10. *Гарустович Г.Н.* След Великой Замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.
11. *Герберштейн С.* Записки о Московии / под ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 420 с.
12. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Ч. 3 // *Известия Оренбургского отдела Русского географического общества*. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 257–524.
13. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Академии наук СССР, 1960. 622 с.
14. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.
15. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.

16. *Исхаков Д.М.* К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГУ, 2002. С. 173–181

17. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. 196 с.

18. *Исхаков Д.М.* К вопросу о западных пределах Улуса Шибана и его потомков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2014. С. 28–30.

19. *Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.

20. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

21. Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Вестник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850. I–IV+1. 148 с.

22. *Корепанов Н.С.* «Горная власть» и башкиры. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (дата обращения 29.09.2015)

23. *Корчагин П.А.* История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 180 с.

24. *Костюков В.П.* «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43–97.

25. *Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

26. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингиз-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 159–164.

27. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2010. 560 с.

28. *Маслюженко Д.Н.* Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 88–101.

29. *Маслюженко Д.Н.* Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 62–68.

30. *Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.* Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.

31. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

32. Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Часть I. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.

33. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

34. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.

35. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

36. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература РАН, 2005. 598 с.
37. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
38. Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ им.Ш.Марджани, 2009. С. 185–189.
39. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит, 2011. С. 228–248.
40. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. 268 с.
41. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1786 Ч. 2. Кн. 2. 424 с.
42. Парунин А.В. Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 102–109.
43. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1872. 29 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
46. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.
47. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
48. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т.VII. М.-Л., 1951. С. 254–299.
49. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 617 с.
50. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
51. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 555–594.
52. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 187–189.
53. Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. М.: Восточная литература РАН, 1996. 560 с.
54. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. XXX, 295 с.
55. Самигулов Г.Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Научный диалог.: История, социология, этнография. № 6 (18). 2013. С. 75–87.
56. Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Областной дом печати, 2007. 224 с.
57. Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. СПб.: типография И.Н.Скороходова, 1907. XXXVIII+425 с.

58. *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
59. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
60. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1992. 271 с.
61. *Трепавлов В.В.* Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн.2. М.; Иркутск; Тэгу: Иркутск. гос. пед. универс., 1997. С. 180–186.
62. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
63. *Трепавлов В.В.* Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.
64. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
65. *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. 335 с.
66. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.
67. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII вв. М.: Индрик, 2007. 408 с.
68. *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Т. 1. М.: Наука, 1983. 155 с.
69. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. С. 531–758.
70. *Шакурова Ф.А.* Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 136 с.
71. *Шайков А.Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
72. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
73. *Шумилов Е.Н.* О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 141–143.
74. Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д.Н.Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2012. 102 с.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (640020, ул. Советская, 63, корпус 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (454081, пр. Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила 27.02.2017

Принята к публикации 30.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**TURKIC COMMUNITIES IN SOUTH TRANS-URALS
IN THE 15TH–17TH CENTURIES:
NATIONAL, ADMINISTRATIVE, TERRITORIAL,
ETHNOSOCIAL TRANSFORMATIONS**

D.N. Maslyuzhenko¹, G.Kh. Samigulov²

¹ *Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

² *South-Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Research objectives: The article reads on the settlement on and the economic use of the south Trans-Urals territories by Turkic communities.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, archaeological data, etc.

Results and novelty of the research: Traditionally, administrative divisions of Ural and Trans-Urals are considered to be a sort of a naturally emerged structure. Having analyzed the sources, we may conclude: the system of counties' (uyezd) division, as introduced by the Russian state, did not consider the allocation of the communities and their economic management mode. Cattle breeding practices of the local Turks determined the specificity of their economic activities. Many Turks' volosts (ancestral territories) were compound and consisted of two parts: the winter part and the summer one. These two parts could be quite long-distance, divided by the Urals and upon being included into the Russian state they were designated to different uyezds. For instance, one part of Tersyak volost was assigned to Verkhoturkiy uyezd and the second – to Tyumensky uyezd; the western part of the Myakotinskaya (Bakatin) volost was located in Ufimsky uyezd and the eastern – in Tyumensky uyezd, which was in the lower reach of the Iset and Pyshma rivers. Consequently, by the moment of being merged into the Russian state, the territories indicated below were economically managed by the local Turks: South Trans-Urals and a part of Cis-Urals, including the territories in the upperstreams of the Ufa and Chusovaya rivers, along the Pyshma and Iset rivers, partially the Tura river, and Tobol between the outflows of the Miass and Tura. The given practice arose in the late Middle Ages and was intimately connected with Shibaniids' claims who ruled in Tyumen and Siberian Khanates. They claimed not only to the territories in the south of West Siberia, Aral Sea region and Syrdarya region, but also to the Cisuralian area. This was reflected as in their ambition to take the Kazan throne or to collect yasak from the Cisuralian area including Bulgar, so in introduction of their direct rule on the Bashkir Cis-Urals. The political space unity and nomadism similar to common local Turkic groups' living could become a significant factor for that, as well as the territories united by trading routes. The same factors facilitated the migration of sizable groups from Trans-Urals and the south of West Siberia to Cis-Urals, as it happened to Tabyn tribe.

Keywords: Siberian Shibaniids, South Trans-Urals, Turkic tribes, volost division

For citation: Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic Communities in South Trans-Urals in the 15th–17th centuries: National, Administrative, Territorial, Ethnosocial Transformations. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

REFERENCES

1. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnoe drevo tyurkov [The Genealogical Tree of the Turks]. In Ioakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the

First Four Khans from the Chinggis Khan's House]. Moscow, Tashkent, Baku, 1996, pp. 3–186. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissii* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 3. St. Petersburg, 1841. 538 p. (In Russian)

3. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh v Vostochnoy Evrope [Information of the Hungarian Missionaries of the 13th–14th centuries on the Tartars in Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, vol. III, p. 71–112. (In Russian)

4. Baydin V.I., Grachev V.Yu., Konovalov Yu.V., Mosin A.G. *Uktus, Uktusskiy zavod i ego okrestnosti v XVII–XVIII vv.* [Uktus, Uktusky Plant and Its Surroundings in the 17th–18th centuries]. Ekaterinburg, 2011. 68 p. (In Russian)

5. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir Shejeres]. Kuzeev R.G. [sost.]. Ufa, 1960. 304 p. (In Russian)

6. Butinskiy P.N. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee naseel'nikov* [The Settling of Siberia and the Life of Its First Inhabitants]. Kharkov, 1889. 345 p. (In Russian)

7. Validi Togan A. *Istoriya bashkir* [History of Bashkirs]. Ufa, Kitap Publ, 2010. 352 p. (In Russian)

8. Valikhanov Ch.Ch. Izvlecheniya iz Dzhami at-tavarikh. Sbornik letopisey [Excerpts from the Jami al-Tawarikh. Compendium of Chronicles]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. 1984. Vol. I, pp. 228–254. (In Russian)

9. Vychegodsko-Vymskaya letopis' [Vychegda-Vym Chronicle]. *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical-Philological Collection of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. Syktyvkar, Komi knizhnoe Publ., 1958, is. 4, pp. 241–270. (In Russian)

10. Garustovich G.N. *Sled Velikoy Zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga)* [The Trail of the Great Zamyatnya (location in the 14th century near the village of Brik-Alga)]. Ufa, Gilem Publ., 2012. 222 p. (In Russian)

11. Herberstein S. von. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)

12. Dobromyslov A.I. Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgay Oblast. Historical Sketch]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of Orenburg Department of Russian Geographical Society]. Tver, 1902, part 3, is. 17, pp. 257–524. (In Russian)

13. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Generic and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 622 p. (In Russian)

14. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in Sources. Arab and Persian writings]. Comp., introductory article and comments by R.P. Khrapacheskiy. Moscow, 2003, vol. 1. 448 p. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnicheskii vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From Medieval Tatars to Tatars of New Times (ethnic view of history of Volga-Ural Tatars in the 15th–17th centuries.)]. Kazan, Master-Line, 1998. 276 p. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. K probleme etnicheskikh i politicheskikh svyazey tyurok Zapadnoy Sibiri i Volgo-Ural'skogo regiona v XV v. [To the Problem of Ethnic and Political Relations of the Turks of Western Siberia and the Volga-Ural Region in the 15th century]. *Tyurkskie narody. Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (9–11 dekabrya 2002 g., Tobol'sk)* [The Turkic Peoples. Proceedings of the 5th Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia” (December 9–11, 2002, Tobolsk)]. Tobolsk, Omsk, Omsk State University Publ., 2002, pp. 173–181. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo hanstva. Ocherki* [An Introduction to the History of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2006. 196 p. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. K voprosu o zapadnykh predelakh Ulusa Shibana i ego potomkov [To the Question about the Western Limits of the Ulus of Shiban and His Descendants]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the Second all-Russian Research Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 28–30. (In Russian)
19. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. O shibanidskom «slede» v Bulgarskom vilayate Ulusa Dzhuchi [On the Shibanid “Trace” in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
20. *Kazanskaya istoriya* [The Kazan Story]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1954. 195 p. (In Russian)
21. *Kniga, glagolemaya Letopisets Fedora Kirillovicha Normantskogo* [The Book Called the Chronicler of Fedor Kirillovich Normantsy]. *Vestnik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Bulletin of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1850, book 5. I–IV+148 p. (In Russian)
22. Korepanov N.S. «Gornaya vlast'» i bashkiry [“Mining Power” and the Bashkirs]. Available at: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (accessed 29.09.2015) (In Russian)
23. Korchagin P.A. *Istoriya Verkhotur'ya (1598–1926). Zakonomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arkhitekturno-istoricheskoy sredy goroda* [History of Verkhotur'ye (1598–1926). Patterns of Socio-Economic Development and Formation of Historical and Architectural Environment of the Town]. Ekaterinburg, Bank of cultural information, 2001. 180 p. (In Russian)
24. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy Batuidov» (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [The “Iron Dogs” of the Batuids (Shiban and his descendants in the wars of the thirteenth century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana=Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan*, 2008, no. 1, pp. 43–97. (In Russian)
25. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ord'y v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Kazan, Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)
26. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2006. 557 p. (In Russian)
27. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Ufa, Dizayn Poligraf Servis, 2010. 560 p. (In Russian)
28. Maslyuzhenko D.N. Khany Makhmud-Khodzha i Khadzhi-Mukhammed, ili «Ulus Shibana» v pervoy chetverti XV v. [Khans Mahmud Hoja and Haji Muhammad or the “Ulus of Shiban” in the first quarter of the 15th century]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ord'y: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Papers in Memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet Publ., 2011, pp. 88–101. (In Russian)
29. Maslyuzhenko D.N. Politicheskaya deyatel'nost' Sibirskikh Shibanidov v pervoy chetverti XVI veka (po perepiske Ak-Kurta s Moskvoy) [Political Activity of the Siberian Shibanids in the first quarter of the 16th century (based on correspondence of Ak-Kurt with Moscow)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of International Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2011, pp. 62–68. (In Russian)
30. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Tyurskie yasachnye volosti v Priiset'e v pervoy polovine XVII veka [Turkic Yasak Volosts in Cis-Iset Region in the first half of the 17th century]. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2017, no. 1, pp. 57–72. (In Russian)

31. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: Political and Military Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
32. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Moscow, Leningrad, Academy nauk SSSR Publ., 1936, part I. (In Russian)
33. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)]. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 655 p. (In Russian)
34. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2005. 630 p. (In Russian)
35. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2000. 796 p. (In Russian)
36. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. III. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2005. 598 p. (In Russian)
37. Mirgaleev I.M. Soobshchenie Prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnykh Shibanids [Information of the Continuator of “Chingiz-nama” of Ötemish-Haji on the Late Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the Second Russian Research Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66. (In Russian)
38. Mustakimov I.A. K voprosu ob istorii nogayskogo prisutstviya v Kazanskom yurte [To the Question about the History of the Nogai Presence in the Kazan Yurt]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National History of Tatars: a Theoretical-Methodological Introduction]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 185–189. (In Russian)
39. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” on the Domains of Some Jochids]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248. (In Russian)
40. Napol'skikh V.V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to the Historical Uralic Studies]. Izhevsk, Udmurt Institute of history, language and literature, 1997. 268 p. (In Russian)
41. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Journey through Various Provinces of the Russian State]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1786, part 2, book 2. 424 p. (In Russian)
42. Parunin A.V. Pokhody Sibirskikh Shibanidov na Kazan' v kontse XV v. [Campaigns of the Siberian Shibanids against Kazan in the end of the 15th century]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordyy: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Papers in memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2011, pp. 102–109. (In Russian)
43. Pekarskiy P.P. *Kogda i dlya chego osnovany goroda Ufa i Samara?* [When and Why the Towns of Ufa and Samara Were Founded?]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1872. 29 p. (In Russian)
44. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

45. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th–18th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 37. 228 p. (In Russian)
46. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [Ambassadorial Book on Russian Relations with the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1984. 87 p. (In Russian)
47. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Book on Russian Relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
48. *Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda* [Continuation of the Chronograph according to the Edition of 1512]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, 1951. Vol. VII, pp. 254–299. (In Russian)
49. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Book of Official Orders in the Russian State: 1475–1598]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 617 p. (In Russian)
50. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Book of Official Orders in the Russian State: 1475–1605]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 1. Part 1–2. 406 p. (In Russian)
51. Rakhim A. *Novye spiski tatarskikh letopisey* [New Copies of Tatar Chronicles]. *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzglyad* [Problems of the History of Kazan: a Modern View]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 555–594. (In Russian)
52. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. Vol. 1. Part 1, pp. 187–189. (In Russian)
53. *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. A Collection of Documents]. Moscow, Eastern literature, 1996. 560 p. (In Russian)
54. Rychkov P.I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* [The History of Orenburg after the Establishment of Orenburg Province]. Ufa, 2001. XXX+295 p. (In Russian)
55. Samigulov G.Kh. *Doroga: chast' i tseloe: osmyslenie dorogi v raznykh masshtabakh vospriyatiya* [Road: The Part and the Whole. The Understanding of Road at Different Scales of Perception]. *Nauchnyy dialog: Istoriya, sotsiologiya, etnografiya – Scientific Dialogue: History, Sociology, Ethnography*. 2013, no. 6 (18), pp. 75–87. (In Russian)
56. Svistunov V.M., Men'shenin N.M., Samigulov G.Kh. *Pervye demidovskie zavody na Yuzhnom Urale* [First Demidov's Factories in Southern Urals]. Chelyabinsk, Regional house of the press, 2007. 224 p. (In Russian)
57. *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. St. Petersburg, typography of I.N.Skorokhodov, 1907. XXXVIII+425 p. (In Russian)
58. Taymasov S.U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke* [Bashkir-Kazakh Relations in the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 344 p. (In Russian)
59. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [Turkic Population of the West Siberian Plain in the end of the 16th – the first quarter of the 19th centuries]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1980. 276 p. (In Russian)
60. Tomilov N.A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI – nachala XX v.* [Ethnic History of the Turkic Population of the West Siberian Plain of end of the 16th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 271 p. (In Russian)
61. Trepavlov V.V. *Sibirsko-nogayskie otnosheniya v XV–XVIII vv. (osnovnye etapy i zakonomernosti)* [Siberian-Nogai Relations in the 15th–18th centuries (the main stages and patterns)]. *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost': Doklady II mezhdunarodnoy konferentsii* [Relations of the Peoples of Russia, Siberia and the Eastern Countries: History and Modernity. Proceedings of the Second International Conference]. Moscow, Irkutsk, Tagu, Irkutsk State pedagogical University, 1997, book 2, pp. 180–186. (In Russian)

62. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
63. Trepavlov V.V. Moskovskoe i kazanskoe «poddanstvo» Sibirskogo yurta [Moscow and Kazan "Allegiance" of the Siberian Yurt]. *X Suleymanovskie chteniya. Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Tenth Suleymanov Readings. Proceedings of Russian Research Conference]. Tyumen, City Press, 2007, pp. 101–102. (In Russian)
64. Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii. Izbrannye trudy* [The Turkic Peoples of Medieval Eurasia. Selected Works]. Kazan, Foliant Publ., 2011. 252 p. (In Russian)
65. Usmanov A.N. *Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Voluntary Joining of Bashkiria to the Russian State]. Ufa, Bashkir book publishing house, 1982. 335 p. (In Russian)
66. Fisher I. E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Proper Discovery of Siberia to the Conquest of This Land with Russian Weapons]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1774. 631 p. (In Russian)
67. Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII vv.* [The Image of World in Ancient Portolani. The Black Sea Region. The end of the 13th – 17th centuries]. Moscow, Indric Publ., 2007. 408 p. (In Russian)
68. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf -name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [The Book of Shah's Glory]. Moscow, Nauka Publ., 1983. Vol. 1. 155 p. (In Russian)
69. Khudyakov M. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy* [At the Crossroads of Continents and Civilizations]. Moscow, Insan Publ., 1996, pp. 531–758. (In Russian)
70. Shakurova F.A. *Bashkirskaya volost' i obshchina v seredine XVIII – pervoy polovine XIX veka* [The Bashkir Volost and Community in the middle of the 18th – first half of the 19th centuries]. Ufa, BNTs UrO RAN, 1992. 136 p. (In Russian)
71. Shashkov A.T. Nachalo prisoedineniya Sibiri [The Beginning of Siberian Joining to Russia]. *Problemy istorii Rossii. Evraziyskoe pogranichie* [Problems in the History of Russia. Eurasian Borderland]. Ekaterinburg, Volot, 2001, is. 4, pp. 8–51. (In Russian)
72. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [The Turks and Russians in Southern Siberia: Ethno-Political Processes and Cultural Dynamics in the 17th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2005. 312 p. (In Russian)
73. Shumilov E.N. O mestonakhzhdenii Takhchei [About the Whereabouts of Takhchei]. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2008, no. 9, pp. 141–143. (In Russian)
74. *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Safakulevskogo rayona (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [Ethnic and Cultural History of the Population of Safakulevsky District (from earliest times to the beginning of the 20th century)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2012. 102 p. (In Russian)

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, South-Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk 454081, Russian Federation). E-mail: gayas_@mail.ru

Received February 27, 2017

Accepted for publication May 30, 2017

Published June 30, 2017

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

СТАТУС КАСИМОВСКИХ ЧИНГИЗИДОВ ПРИ ВАСИЛИИ II И ИВАНЕ III ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

М.А. Несин

*Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербург, Российская Федерация
petergof-history@yandex.ru*

Цель: изучить проблему статуса касимовских Чингизидов и отношения на Руси к служилым и союзным Москве татарам при великих московских князьях Василии II и Иване III.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы и т.д.

Результаты и научная новизна: эта работа представляет собой первое комплексное исследование данной проблематики. Автор приходит к выводу, что касимовские правители в этот период считались служилыми, вассальными по отношению к Московскому княжеству. Этому способствовало удельное положение Касимова, который считался частью великокняжеских владений, а не суверенным осколком Золотой Орды. Касимовские Чингизиды не располагали большими военными силами, чтобы создать в степи независимое ханство, способное конкурировать с той же Казанью, и опирались на сильное Московское княжество, неся, в свою очередь, ему военную службу и получая деньги на содержание, и подчиняясь великокняжеским распоряжениям. При этом Иван III даже рассматривал возможность прижизненной замены Данияра в Касимове на другого служилого царевича. Кроме того, автор показывает, насколько по-разному относились к служилым татарам и союзным Москве татарским отрядам в разных русских землях.

Ключевые слова: Касимов, Касим, Данияр, Нур-Девлет, Иван III, Слатыган, Василий II, Московское княжество, Казанское ханство

Для цитирования: Несин М.А. Статус касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 397–411. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

В современной историографии вопрос о статусе Касимова в XV – нач. XVI в. остается дискуссионным [4; 30]. В соответствии со своими взглядами на него исследователи характеризуют положение касимовских правителей либо как зависимое от московской великокняжеской власти, либо, наоборот, как в значительной степени самостоятельное.

Исследователи придерживающиеся мнения о вассальном положении Касимова в изучаемый период, не обнаруживают у него признаков отдельного государства и изображают местных Чингизидов в качестве служилых царевичей, несущих военную службу московским правителям [3; 4; 9; 34]. Наиболее обстоятельно эта точка зрения представлена в работах А.В. Белякова [3; 4]. Исследователь полагает, что титул ханства возник исключительно «на кончике пера» В.В. Вельяминова-Зернова [3].

В то же время сторонники точки зрения об относительно независимом положении Касимова (наиболее развернуто представленной в трудах Б.Р. Рахимзянова [27, с. 49, 112–116]) опираются на актовый материал, содержащий сведения об обязательстве великих московских и рязанских, а также удельных князей, выплачивать средства на содержания касимовских правителей. С точки зрения данных авторов, это свидетельство достаточно независимого статуса касимовских Чингизидов [10, с. 174; 27, с. 49, 115–118; 29, с. 257–260; 30, с. 121–122; 35, с. 25–27]. Вместе с тем А.Г. Бахтин показал, что эти грамоты допустимо трактовать как обязательство оплачивать оклад за службу московским вассалам. При этом, согласно наблюдению ученого, само понятие выплаты дани приобрело в Московском государстве двоякое значение: ее платили, например, в 1504 г. для содержания татар в Казани, находившейся в то время под московским влиянием [2, с. 172–179]. Кроме того, Б.Р. Рахимзянов обращает внимание на содержащийся в договоре великого московского и великого рязанского князей 1483 г. запрет рязанскому князю общаться с касимовским царевичем и заключать с ним договоры. По его мнению, это стоит понимать как признание в Москве касимовского царевича самостоятельной «силой» и проявление со стороны московского правительства недоверия к оному Чингизиду [27, с. 49]. Вместе с тем такая трактовка представляется не вполне убедительной: данный запрет можно трактовать и по-другому. Например, как требование не переманивать московского вассала. Московский великий князь мог давать понять рязанскому правителю, также имевшему великокняжеский титул, что его соучастие в содержании касимовского царевича не дает ему на того никаких прав. Тем более, что согласно указанному договору рязанскому князю поручается оставлять жить в своем княжестве беглых мещерских ясачных людей и собирать с них «по силе» ясак для касимовского Чингизиды – столько, сколько те ему смогут выплатить [8, с. 283, 287–288]. В этой связи московский князь имел основание прописать запрет рязанскому правителю когда-либо вступать в какое-либо сношение с мещерским царевичем.

При этом статус самих касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III до сих пор является малоизученным, так как ученые в основном обращали внимание на вышеуказанный актовый материал.

В 2016 г. в данном издании вышла статья А.В. Белякова, посвященная правовому статусу крымских выходцев на московской службе в XV–XVII в. Однако положение Нур-Девлета (тем более в качестве касимовского правителя) в ней не рассматривается; как и его сына Салтыгана, который также являлся одним из касимовских Чингизидов [5].

Недавно мной были рассмотрены свидетельства о статусе служилого царевича Касима, и я пришел к выводу, что он считался служилым царевичем, состоявшим на московской службе, а также показал, что по данным русских источников Касимов в XV – начале XVI в. не значился особым государством, а считался территорией Московского княжества, а его царевичи – жившими на великокняжеской земле [16].

По данным Ермолинской летописи, Касим «служыл» Василию II еще до его свержения в феврале 1446 г. [18, с. 153]. В дальнейшем он это положение сохранял. В 1467 г., по приказанию нового московского князя Ивана III, он попытается занять вакантный казанский престол [18, с. 158; 19, с. 276, 350;

21, с. 91; 22, с. 408; 24, с. 183]. (О том, что Касим выполнял «службу» Ивана III, говорит и заголовок летописного рассказа великокняжеского летописного свода о данном походе [19, с. 222; 20, с. 126]).

Важно отметить, что согласно посланию церковных иерархов Дмитрию Шемяке 19 декабря 1447 г. состоявшие на службе у Василия II татары считались проживавшими в пределах великокняжеских владений: в ответ на сетования Шемяки, что татары «изневолили» Москву, иерархи ему обещают, что Василий II «татарь изъ земли вонь отошлетъ», как только тот со своей стороны исполнит все условия мирного договора [1, с. 79]. Не ясно, получил ли Касим в то время Мещерский городок (Касимов). У Василия Темного в те годы не было никаких оснований выделять ему в дар отдельное государство за пределами Руси. Тем более, что сын Касима, следующий касимовский царевич, согласно договорным грамотам Ивана III с его братьями 1473 г., считался проживавшим на территории великокняжеских земель.

Вместе с тем статус остальных касимовских Чингизидов изучаемого периода до сих пор остался комплексно неизученным. В данной работе мы стараемся заполнить эту лакуну.

Сын Касима, Данияр, как и отец, был служилым царевичем московского князя и подчинялся великокняжеским распоряжениям, например, в ходе участия в Московско-новгородской капании 1471 г. Участвовавшим в ней касимовским татарам московский князь «не велел» брать в плен русское население [24, с. 190]. В отличие от основной части своих татар (следовавших сперва в колонне князя И.В. Стриги Оболенского, затем переброшенных в колонну князя Д.Д. Холмского) он ехал с Иваном III в центральной колонне, имевшей особый, правительственный состав: в ней находились и все участвовавшие в походе великие князья. Поэтому, в отличие от своих татар, принявших участие в решающей Шелонской битве с новгородцами, он не был на р. Шелони. Когда через 4 дня, 18 июля в великокняжеский стан в с. Яжелбицы прибыл гонец с вестью о разгроме новгородского войска, Данияр находился там с Иваном III и удельными князьями, за исключением Михаила Верейского, который был послан осаждать новгородский г. Демон [14].

Вернувшись в Москву из похода на Новгородскую землю 1 сентября 1471 г, Иван III «отпусти» царевича «в Мещеру» [24 с. 191].

В 1472 г., после окончания войны с ордынцами на р. Оке, Иван III «отпустил» из Коломны царевича Данияра в Касимов [19, с. 250]. В обоих случаях Данияр возвращался к себе лишь после того, как Иван III его «отпустил».

В историографии хорошо известен составленный в 1473 г. договор Ивана III с братьями, в котором оговаривалась необходимость выделять средства на содержание Данияра.

Вместе с тем исследователи не обратили внимание на следующий пункт, содержащийся в этих договорах 1473 г. нижеуказанных обязательств о содержании Данияра или его преемника: «А буде мне, брате, великому князю, и сыну моему, великому князю, иного царевича отколе принять в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе держати с нами с одного». В ответных грамотах от удельных князей, соответственно, он принимал следующую форму: «А будет тебе господину великому князю, и сыну моему, великому князю, иного царевича отколе принять в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе и того держати с нами с одного» [8, с. 226, 228,

231, 234, 236, 238, 240]. Как мне уже приходилось отмечать, из этого однозначно следует, что Данияр, соответственно, также сидел не на своей, а на великокняжеской земле (о чем, кстати, сообщает в те же 1470-е гг. и независимый свидетель – посетивший Московское княжество итальянский дипломат А. Контарини, записавший знаменитый рассказ о татарине, которого Иван III держал на границе своих земель и выплачивал ему деньги на содержание, на которые тот держал 500 всадников; в этом татарине ученые не без основания видят Данияра) [15]. Однако при этом данный пункт о приеме на великокняжескую землю иного царевича, по-видимому, подразумевал возможность при жизни заменить им Данияра или его преемника, который будет «по нем», потому как этот «иной царевич» явно им обоим противопоставлен в качестве отдельного персонажа. В тоже время, если бы это условие просто касалось приглашения на службу в Московское княжество еще одного татарского царевича, то это всегда неизменно бы повторялось в последующих междукняжеских договорах вслед за практически дословно воспроизводимыми обязательствам о совместном содержании касимовских Чингизидов Данияра, Нур-Девлета и др.; тем более, что после 1473 г. на московскую службу поступали новые татарские царевичи. Но мысль о том, что Данияр мог быть в любой момент сменен Иваном III в Касимове на другого царевича при жизни, а не посмертно, в принципе должна была легко усваиваться родственниками великого князя и повторений не требовала. Главное было постоянно напоминать удельным князьям, что они должны содержать любого, кто будет посажен великим князем в Касимове, когда бы то ни было. В XV в. Касимов был не единственным городом, где проживали служилые татары – известен, к примеру, Новый городок на Оке, где жил Муртоза. Однако в их числе Городец Мещерский, он же Царевичев Городок, играл особо важную роль. И если бы Иван III ставил какого-то служилого царевича выше, чем Данияра, он, видимо, теоретически мог его туда посадить вместо последнего, а того – выслать в другое место.

В великокняжеском наказе к московскому послу в Крым, Алексею Старкову, выехавшему из Москвы 23 марта 1475 г., имеется список, по которому хан Менгли-Гирей должен был составить договор с московским князем «за-один» стоять против его врагов. Взамен от великого князя требовалось, в частности, чтобы тот «царевичев своих Данияра и Муртазу на Орду отпуска-ти» в случае вторжения в Крым большеордынских татар [31, с. 12]. Данияр здесь фигурирует в качестве вассального царевича, обязанного по великокняжескому распоряжению отправляться на войну против Большой Орды.

В 1477 г. Данияр участвовал в московском походе на Новгород. В нем, согласно прямым сообщениям источников, он следовал великокняжеским распоряжением. Так, по данным великокняжеского летописания, он выступил из Москвы на 4 дня раньше великого князя (т.е. 5 октября) и направился через Клин в Торжок, как «велелъ» Иван III, а 1 декабря московский князь «велелъ» ему с его войском стать на постое под Новгородом в 2 пригородных монастырях – Кирилове и Андреевском [17, с. 207, 213]. Псковский летописец, хорошо информированный о деятельности Данияра под Новгородом, о мерах, принятых новгородцами к обороне, и неудачной попытке Ивана III взять город штурмом, объявляет, что Данияр «служил» великому князю, пытаясь наряду с другими великокняжескими войсками одолеть сопротивление новгородцев возле городских внешних укреплений [25, с. 214]. И, наконец,

есть косвенные свидетельства о том, что в том походе он следовал и другим великокняжеским распоряжениям: в конце ноября 1477 г. он находился вместе с отправленными Иваном III русскими полками в новгородские предместья; есть сведения, что он тогда внезапно вторгнулся в неукрепленные новгородские посады и пригородные монастыри, а также ушел кормиться 31 декабря 1477 г. за счет разорения новгородских сел вместе с посланной московским князем «по корм» половиной русских войск, так как на другой день он вновь воротился под Новгород [13].

В 1486 г. в Касимове вместо Данияра сидел «царь» Нур-Девлет из крымской Династии. В 1487 г. его брат, Муртаза, прислал ему и Ивану III послания, в которых предлагал Нур-Девлету оставить московскую службу и вступать на крымский престол. Тексты обоих писем опубликованы В.В. Вельяминовым-Зерновым, но, к сожалению, не проанализированы на предмет статуса Нур-Девлета в качестве касимовского правителя. Вместе с тем он там изображен достаточно отчетливо. В послании к Ивану III высказывалась просьба «отпустить» Нур-Девлета в Крым, а в письме к Нур-Девлету – оставить землю «поганую» (под которой явно подразумевается Русь, а точнее – Московское княжество). Притом он, Муртаза, о том же писал «Ивану» (Ивану III, великому московскому князю) в особом письме [6, с. 140, 142]. Из этих посланий четко вырисовывается статус служилого Чингизида, который проживает на территории «поганой» Московской земли и состоит на службе у московского государя, вольного его «отпускать». Д.М. Исхаков отметил, что в источниках «Мещера несколько раз именуется «юртом» [10, с. 194]. В то же время стоит заметить, что сам исследователь с привлечением в сносках наглядных примеров весьма убедительно показал, что «иногда в позднетатарских ханствах» того времени термин «юрт» использовался «и для обозначения княжеств, входящих в состав ханств» [10, с. 194, 208]. Положение Мещеры, которая находилась на территории владений великих московских князей вполне подходило под это определение. По мнению А.В. Белякова, крымские выходцы на московской службе занимали более привилегированное положение, чем иные Чингизиды [5]. Но в данном случае мы не можем проследить наличие у него реально больших прав по сравнению с иными касимовскими правителями. Равно как и у его сына Салтыгана, который, по верному наблюдению В.В. Вельяминова-Зернова, к 1491 г. занял в Касимове место отца [6, с. 144].

Согласно великокняжескому летописанию, в мае 1491 г. Иван III «пусти» против вторгшихся на территорию Крымского ханства большеордынцев сына Нур-Девлета, касимовского «царевича» Салтыгана [17, с. 38], а также отряды русских воевод, а кроме того, «велел» казанскому хану Мухаммад-Аминю послать в этот поход своих воевод (Казань в то время находилась под московским влиянием). Московский князь таким образом, поддержал своего союзника, крымского хана Менгли-Гирея, против которого воевали большеордынские «цари» Сеид-Ахмет и Ших-Ахмет.

Таким образом, касимовский царевич Салтыган, как и его предшественники, нес военную службу московскому князю, участвуя по его инициативе в военных походах против его недругов.

Нужно подчеркнуть, что титул касимовских правителей – царь, царевич – определялся не в связи с их нахождением в Касимове.

Первые касимовские «царевичи», потомки Улуг Мухаммада, Касим и его сын Данияр, всегда фигурировались в источниках, как царевичи. А вот преемник Данияра – Нур-Девлет («Нурдавлат»), происходивший из крымской династии и одно время занимавший престол крымского ханства, – наоборот, величался «царем». А вот его сыну Салтыгану крымское княжение обещано не было: он унаследовал от отца только служилое положение касимовского Чингизида и именовался исключительно «царевичем».

В договорных грамотах Ивана III с Борисом Волоцким 20 августа 1486 г. упоминаются обязательства выплачивать средства на содержание как касимовского «царя» Нур-Девлета, так и «инога» «царя» и «царевича», которые будут на «том месте» [8, с. 318, 321] – в Касимове. Аналогичный оборот упомянут в договорных грамотах московского правителя с другим удельным князем, Андреем Углицким, составленных в ноябре того же года [8, с. 325, 328].

Как видно, статус касимовских правителей заметно отличался от ханов постзолотоордынских государств, вроде Крымского, Казанского ханств и Большой Орды. Их в московских источниках всегда величали царями. А касимовский стол, расположенный в составе земель великого Московского княжества, такого титула Чингизидам не гарантировал. И в Москве отношение к выплатам средств на содержание касимовских Чингизидов было совсем иным, нежели к ордынскому «выходу».

В составленных в 1496 г. договорных грамотах Ивана III с Федором Рязанским упоминается «ясак» касимовского царевича Салтыгана и иных царевичей, что будут на его месте, который рязанский князь должен по старой традиции выплачивать наряду с ордынским «выходом». Однако, если великий московский князь сам перестанет на это выделять средства, то не будет взимать с рязанского [8, с. 334, 338].

В.В. Вельяминов-Зернов отметил это обстоятельство, как важное свидетельство правления в Касимове царевича Салтыгана [6, с. 149].

Любопытно, что ясак касимовским Чингизидам противопоставлен ордынскому выходу, несмотря на то, что и то, и другое означало выплату средств. Просто, по-видимому, Иван III обозначал так отличие статусов Орды и касимовских царевичей. Выплата дани ордынским царям была, с точки зрения московского князя, совсем не тем, чем содержание вассального служилого царевича. Ведь по отношению к ордынским ханам московские князья сами долгое время сохраняли вассальный статус.

Правда, для 1496 г. упоминание об ордынском выходе могут казаться несвоевременными: в 1470-х гг. Иван III покончил с даннической зависимостью от нее [7; 12; 33].

Но в договорных грамотах с рязанскими князьями то же самое условие об уплате ордынского выхода упоминается и позднее – в 1504 г., со ссылкой на давнее завещание Василия II [8, с. 267–369]. А к 1504 г. Большая Орда, как государство, уже не существовала.

Такие же условия, кстати, и после Стояния на Угре имелись в договорах московского князя Ивана III с удельными князьями – в тех же вышеуказанных договорах 1486 г. с Андреем Углицким и Борисом Волоцким [8, с. 318, 321, 325, 228].

По-видимому, эти пункты на практике означали уже не реальную необходимость платить дань в Орду, а напоминание об обязанности выплатить определенную сумму, если понадобится. Несмотря на то, что Иван III пере-

стал платить в Орду дань с начала 1470-х г. и входе Стояния на Угре 1480 г. окончательно покончил с ордынскими притязаниями на владычество над Русью и возобновление систематической уплаты дани, все же сохранялась вероятность необходимости эпизодических выплат, как, например, в 1501/1502 гг. Тогда Иван III предпочел откупиться от большеордынского хана Шейх-Ахмета разовыми подарками, чтобы тот не объединялся против Москвы с Литвой, пока та конфликтовала с Ливонией. Вероятно, Иван III фактически подразумевал в договорах с рязанским и удельными князьями именно вероятность подобных случаев. Тем более, что после падения Большой Орды в 1502 г. еще в течении 2 лет, как раз до 1504 г., не было достоверно известно, что последний хан Шейх-Ахмет не сможет каким-то образом вновь начать воевать за влияние в степи (это, кстати говоря, сказалось и на титуле того же крымского хана Менгли-Гирея, который лишь с 1504 г. смог уверенно официально величать себя правителем Улуг-Улуса или Большой Орды, бывших земель Шейх-Ахмета).

М.Г. Сафаргалиев и Ю.В. Сафаргалиев обратили внимание на договор, заключенный в 1504 г. между Иваном III и Юрием Рязанским, в котором Касимов – «Царевичев Городок», – по мнению данных ученых, приравнивается по статусу к Орде (Большой Орде), Крымскому, Казанскому и Астраханскому ханствам. И во все эти татарские образования московский и рязанский князья будто бы по завещанию Василия II платили «выход», и рязанскому князю будет дозволено прекратить вносить платежи лишь тогда, когда это сделает московский правитель [29, с. 257; 30, с. 120]. Эта оценка очень важна и для определения статуса царевичей, которые, при такой оценке как бы в некотором отношении приравниваются к ханам вышеупомянутых государств (тем более, что данные исследователи и склонны рассматривать Касимов в качестве одного их осколков Золотой Орды) [29, с. 257; 30]. Вместе с тем Василий Темный не платил до конца своих дней никакой дани ни в Казань, ни тем более в Крым и Астрахань. И в его «духовной грамоте» завещается, что, если «Бог переменит Орду», Иван III не будет в нее платить дань и не станет взимать ее частичной оплаты с удельных князей [8, с. 196]. Но в 1504 г., после падения Большой Орды, Иван III в договоре с рязанским князем мог сослаться на этот пункт разве что лишь в том смысле, что, если он прекратит выплачивать какие-то суммы татарам, то не станет брать податей и с рязанского князя. И Царевичев городок в том договоре отнюдь не выступает в качестве отдельного постзолооордынского государства наравне с Большой Ордой (к тому времени ликвидированной), Крымским, Казанским и Астраханским ханствами. Ведь наряду с ним упоминались и «иные» «цари» и «царевичи», которые будут в «земле» великого московского князя, содержать которых также должны были московский и рязанский князья и их наследники [8, с. 367–368]. А этих царей и царевичей точно никак не возможно приравнять к Казани и Астрахани. Касимов, он же Царевичев Городок, упомянут наряду с ними отнюдь не в качестве осколка Золотой Орды типа Большой Орды, Казани и Астрахани, а, скорее, как своеобразный удел, определенно расположенный на территории Московского княжества. В этом плане он выделялся даже на фоне Казанского ханства, которое находилось в то время под московским влиянием, но все же по-прежнему считалось отдельным государством. По мнению Д.М. Исхакова, в «начале XVI в. среди тюркских правителей Казань и Мещерский городок воспринимались как равнозначные «мес-

та», что говорит о близости статусов Казанского ханства и мещеры...» [10, с. 194]. Вместе с тем в указанном исследователем источнике статусы Казани и Касимова отнюдь не уравниваются. Крымское посольство в Москве услышало от имени великого московского князя отказ на получение во владение Казани и Касимова, так как московский «государь» считал «негожим» кому бы то ни было выдавать эти «непорожные» территории, так как не в его желании было смещать местных чингисидов – казанского «царя» и касимовского «царевича». О «равнозначном» статусе Казани и Касимова при этом не сказано, несмотря на то, что оба они выступают зависимыми от Москвы образованиями, в которых московский князь имел право менять или не менять правителей [32, с. 15]. Таким образом, Царевичев городок в договоре между московским и рязанским великим князьями 1504 г. отличается по своему статусу от постзолотордынских государств ввиду своей принадлежности к территории великого Московского княжества.

В следующем 1505 г. Ивана III не стало. Наступила пора Московского княжения Василия III г., выходящая за хронологические рамки настоящего исследования.

В целом можно прийти к следующим выводам. Касимовские Чингизиды и при Василии II, и при Иване III имели служилый, вассальный статус. Более того, Иван III упоминал возможность замены Данияра при его жизни другим касимовским царевичем. Во время военных кампаний касимовские царевичи подчинялись распоряжениям московского князя. Московский князь посылал их участвовать в военных действиях и даже гарантировал крымскому хану, что пошлет Данияра воевать с Большой Ордой, если та вторгнется в Крымские пределы.

Несение военной службы было, надо полагать, главной обязанностью касимовских Чингизидов, а маневренная малочисленная касимовская конница хорошо себя проявила в войнах с ордынцами и новгородцами [13; 14; 15] (хотя при случае и в XV, и в XVI вв. московские правители были не против попытаться посадить их на казанский престол, чтобы через них установить свое влияние над соседним Казанским ханством). А московские князья, вкупе с рязанскими и удельными, оплачивали их содержание. Кроме того, еще со времен Василия II касимовские Чингизиды получали ясак от окрестных ясачных людей – «бесермен», мордвинов, «мачяринов», – и, видимо, иногда взимали непосильные поборы: согласно договору Ивана III с тогдашним рязанским князем Иваном Васильевичем 1483 г., с тех ясачных людей, которые бежали из Мещеры в Рязанщину и не желали возвращаться назад, требовалось взимать налоги в пользу касимовского царевича Данияра лишь «по силе» [8, с. 283, 287–288].

Служилый статус касимовских правителей, надо полагать, во многом был основан на их проживании в составе великого княжеского Московского: Мещерская земля, г. Касимов считались «землей» великих московских князей. При этом, возможно, в качестве одного из факторов, определявших такое положение касимовских «царей» и «царевичей», стоит учесть немногочисленность касимовского войска. Согласно данным русских и иностранных источников, в 1470-х гг. оно составляло всего несколько сот человек. Касимовские Чингизиды без московской военной поддержки не могли чувствовать себя спокойно на пограничье. С таким маленьким воинством они не могли нигде в степи создать устойчивое государственное образование вроде оскол-

ков Золотой Орды, способное конкурировать, к примеру, с Казанским ханством. Ведь Казанское войско в XV в. исчислялось тысячами: хорошо известно, что 7 июля 1445 г. в битве под Суздалем к востоку от Спасо-Ефимьева монастыря, сыновья Улуг Мухаммада выставили против 1,5 тысяч великокняжеских бойцов 3,5 тысячи татар. (Хотя, в некоторые походы казанское правительство посылало относительно немногочисленные отряды. Например, в поход на Устюг в 1446 г. тот же Махмуд, ставший к тому времени казанским ханом, отправил 700 человек со своего «двора» [21, с. 44, 88]. Однако и это было побольше, чем описанные в знаменитом рассказе А. Контарини 500 касимовских конников, которые, согласно московскому летописанию, могли разместиться на постой в двух маленьких пригородных новгородских монастырях). Таким образом, служилые Чингизиды, неся Москве военную службу, сами в определенной смысле опирались на Московское государство, одно из сильнейших государственных образований Восточной Европы.

Не менее важным и, увы, практически неизученным остается вопрос об отношении к служилым татарам и к союзным Москве татарским войскам в разных регионах Руси. В историографии этой проблематике уделялось мало внимания. Пожалуй, впервые об этом был поставлен вопрос в статье Н.П. Павлова о служилых татарах. По мнению ученого, в русском обществе к ним было отношение негативное: противники Василия II ставили ему в вину, что он привел многих татар на Русь [16, с. 168].

22 сентября 2016 г. в г. Москве в Высшей школе экономики на заседании семинара Лаборатории медиевистических исследований состоялось обсуждение новой монографии Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» [28]. В ходе него Б.Р. Рахимзянов высказал мнение, что «старомосковское общество» относилось к татарам «отрицательно». Зависимость Руси от Орды, по его словам, обусловила фактор взаимной неприязни.

Я, напротив, высказал замечание, что в разных русских землях к ним относились по-разному, приведя несколько примеров из источников.

Например, в Новгороде во времена Василия II их смешивали с татарами Улуг Мухаммада, которые собирали дань на Руси (хотя на самом деле последних Василий II отослал назад еще до своего ослепления в феврале 1446 г. [25, с. 47; 26, с. 75, 185]).

Согласно новгородскому летописанию, свергнувшие в 1446 г. Василия II с московского княжения Дмитрий Шемяка и его союзники обвиняли того, что тот любит татар сверх меры и раздает им в кормление города: «чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром» [22, с. 443]. Безусловно, речь идет о служилых татарах (правда, новгородский хронист смешал их с теми татарами Улуг Мухаммада, что собирали на Руси контрибуцию – ведь в основном Василий II был обвинен в том, что он хотел передать Москву казанскому хану. Новгород не знал служилых татар и их появление в Москве мог толковать как уступку хану. Но при этом новгородский хронист дает вполне верную и емкую характеристику службы татар, которым, как это хорошо видно на примере Касимова, действительно выделялся город для проживания и средства на содержание). Впрочем, к этим служилым татарам Шемяка в самом деле относился с предубеждением. Согласно посланию церковных иерархов Шемя-

ке от 29 декабря 1447 г., он утверждал, что те «изневолили» Москву. В ответ иерархи обещали, что Василий «татарь изъ земли вонъ отошлеть» как только Шемяка выполнит все условия мирного договора [1, с. 79]. Вероятно, они понимали, что Василий II этого делать не собирался (как потом и его преемники). Но поскольку галицкие князья служилых татар знали не намного больше, чем новгородцы, иерархи возможно решили не вдаваться в излишние разъяснения, а дали такое обещание, чтоб как то урезонить Шемяку подчиняться великокняжеской власти. С другой стороны, они выражали официальное отношение московских властей к служилым татарам.

Но в Москве к татарам было отношение более привычное, чем в иных городах. В «Словесах избранных» упоминается, что татары Муртазы по их татарскому «обычаю» охраняли Москву в 1471 г. во время московского похода на Новгородскую землю. Данный памятник был составлен позднее этой компании, но не позже начала XVI в., когда один из его списков был включен в Софийский свод. Таким образом, он констатировал наличие в Москве конца XV – начала XVI в. обычая использовать служилых татар при охране города.

Соответственно, москвичи привыкли их видеть в своем городе.

А вот для жителей севернорусских вечевых республик – Новгорода и Пскова – встречи с татарами, как служилыми, так и союзными Москве – казанскими – были большой редкостью. В этих землях татары не проживали и приходили туда эпизодически, с московскими войсками. Поэтому местные летописцы придавали им большее значение, чем московские. Так, именно из новгородского летописания мы узнаем об участии казанских татар со своим ханом Махмудом в московско-новгородской войне 1456 г. и решающем сражении под Русой [23, с. 194–195]. Причем, именно казанцам, а не москвичам, новгородский хронист, в отличие от московского, приписывает обстрел новгородских коней [23, с. 195], сыгравший заметную роль в поражении новгородцев. Казанский хан Махмуд имел с Василием II мирные отношения и вполне мог участвовать со своими татарами в этой кампании. Хотя, не исключено, что новгородский книжник преувеличил исключительную роль казанцев в обстреле новгородских коней: вообще, новгородцы к татарам относились с большим опасением, как это видно из местного летописного рассказа о Шелонской битве.

Именно новгородский хронист прямо упоминает участие засадной татарской рати в Шелонской битве 14 июля 1471 г. (в московском великокняжеском летописании в свою очередь говорится о неких отрядах с экзотической символикой, зашедших «с тыла» к новгородцам). Причем, по словам летописца, именно татары нанесли поражение новгородским бойцам, напав на них после того, как те отогнали за реку москвичей [22, с. 446–447]. При этом новгородский хронист с одной стороны отмечает победу новгородцев над москвичами (что не соответствует рассказам об этой битве других источников), но с другой стороны потерпеть поражение от небольшого отряда касимовских татар, с его точки зрения, не являлось позором.

Псковский хронист при описании русского похода на Ливонию 1501 г. помещает уникальное для русских источников упоминание об участии в этой войне татарского «царя», двинувшегося вместе с московским войском через Псков [25, с. 86–87]. Я полагаю, что речь может идти о казанском хане Абдул-Латифе. Крымский хан находился в то время на юге и не мог послать войска на Ливонию, отказавшись идти даже на Рыльск [11, с. 258]. Других

настолько союзных Москве татарских «царей» (именно царей, а не царевичей), чтобы пойти с московским князем в поход на Ливонию, в то время не было. А поскольку участие крымского хана было исключено по вышеуказанной причине, логичнее всего, на мой взгляд, отождествлять безымянного летописного «царя» с казанским «царем» Абдул-Латифом. Москва в то время имела политическое влияние в Казани, и Абдул-Латиф вполне мог принять участие в великокняжеском походе на Ливонию наряду с москвичами и псковичами. (Казанские, как впрочем, и касимовские татары жили в лесной зоне, поэтому для них походы на Новгородскую землю, как и на Ливонию не составляли большой проблемы. И в отличие от крымцев, не пришедших в 1502 г. под Минск, они никогда не пытались оправдываться, что леса для них были непреодолимыми). Но для псковичей не привыкших видеть казанских татар, встреча с ними была необычным событием. Поэтому на псковского хрониста участие татар в этой кампании произвело наиболее яркое впечатление.

Таким образом, в изучаемый период источники определенно демонстрируют служилое положение касимовских Чингизидов и различное отношение в разных русских землях к служилым и союзным Москве татарам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография экспедиции изготовления государственных бумаг. 1841. Т. 1. (1398–1504). 608 с.
2. Бахтин А. Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.
3. Беляков А. В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. 2005. Т. XVII. С. 172–175.
4. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
5. Беляков А. В. Крымские выходцы в России. Служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 137–558.
6. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1863. Т. I. 558 с.
7. Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. М., Л.: АН СССР, 1950. 593 с.
9. Зимин А. А. Витязь на рапутье: феодальная война в России в XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
10. Исхаков Д. М. От Средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
11. Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 134–166. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (дата обращения 27.04.2016)
12. Несин М. А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 110–

132. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5 (дата обращения 23.10.2015)

13. Несин М.А. Военный поход на Новгород великого князя Московского Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг. // Бомбардир. 2016. № 26. С. 58–80.

14. Несин М.А. Участие касимовского царевича Данияра в военных походах великокняжеских войск 1471–1472 гг. // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 14–22.

15. Несин М.А. Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 186–193.

16. Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. 1957. Т. IX. Вып. № 1. С. 165–177.

17. Полное собрание русских летописей. СПб.: типография Э. Праца, 1863. Т. 6. 358 с.

18. Полное собрание русских летописей. СПб.: типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23. 154 с.

19. Полное собрание русских летописей. М., Л.: Наука, 1959. Т. 26. 413 с.

20. Полное собрание русских летописей. М., Л.: Наука, 1962. Т. 27. 418 с.

21. Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 228 с.

22. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 4. Ч. 1. 728 с.

23. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 16. 252 с.

24. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 24. 288 с.

25. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. № 1. 326 с.

26. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. № 2. 370 с.

27. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 207 с.

28. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир. Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

29. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.

30. Сафаргалиев Ю.В. Эволюция статуса Касимовского ханства в рамках русской государственности // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 118–123.

31. Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. Т. 41. 558 с.

32. Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. 788 с.

33. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.

34. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 366.

35. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Михаил Александрович Несин – младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (197046, Александровский парк, д. 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: petergof-history@yandex.ru

Поступила 26.01.2017

Принята к публикации 12.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**THE STATUS OF KASIMOV CHINGGISIDS DURING THE REIGNS
OF VASILY II AND IVAN III ACCORDING TO WRITTEN SOURCES****M.A. Nesin***Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps
Saint Petersburg, Russian Federation
petergof-history@yandex.ru*

Research objective: To study the issue both of the status of Kasimov Chinggisids as well as of the attitude toward the service Tatars and the Tatars who were allied to Moscow during the reigns of the great Moscow princes Vasily II and Ivan III.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, etc.

Results and novelty of the research: This work is the first comprehensive study of this topic. The author comes to the conclusion that Kasimov's rulers during this period were considered servitors, vassals in relation to the Moscow principality. This was facilitated by the demesne position of Kasimov, which was considered part of the grand prince's domain rather than a sovereign splinter of the Golden Horde. Kasimov Chinggisids did not have a large military force in order to create an independent khanate in the steppe capable of competing, for example, with Kazan, and they relied on the strong Moscow principality performing military service for it, receiving money for proper maintenance and obeying the grand prince's orders. At the same time, Ivan III even considered the possibility of replacing Daniyar in Kasimov with another serving prince during his lifetime. In addition, the author shows how much the attitude towards the service Tatars and the Tatar detachments, who were allied to Moscow, differed in different Russian lands.

Keywords: Kasimov, Kasim, Daniyar, Nur-Davlet, Ivan III, Slatygan, Vasily II, Moscow Principality, Kazan Khanate

For citation: Nesin M.A. The Status of Kasimov Chinggisids during the Reigns of Vasily II and Ivan III according to Written Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 397–411. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya ekspeditsii izgotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. Vol. 1. (1398–1504). 608 p. (In Russian)
2. Bakhtin A.G. *Obrazovanie Kasimovskogo i Kazanskogo khanstv* [Creation of Kasimov and Kazan Khanates]. Yoshkar-Ola, MarGU, 2008. 252 p. (In Russian)
3. Belyakov A.V. «Kasimovskoe tsarstvo» rannego perioda (XV – pervaya polovina XVI vv.): problema interpretatsii istochnikov [“Kasimov Tsardom” of the Early Period (15th – the first half of the 16th centuries): The Problem of Interpretation of Sources]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. 2005. Vol. XVII, pp. 172–175. (In Russian)

4. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii X–XVII vekov: Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: Prosopographic Research]. Ryazan, Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)
5. Belyakov A.V. Krymskie vykhodtsy v Rossii. Sluzhba i pravovoy status [Immigrants from the Crimea in Russia: Employment and Legal Status]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. No. 1, pp. 137–558. (In Russian)
6. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The Study of Kasimov Tsars and Princes]. 2 e izd. St. Petersburg, tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1863. Vol. I. 558 p. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
8. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XV i XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 15th and 16th centuries]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 593 p. (In Russian)
9. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: feodal'naya vojna v Rossii v XV v.* [Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th century]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 286 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. *Ot Srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (ehtnologicheskii vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)*. Nauchnoe izdanie [From the Medieval Tatars to the Tatars of Modern Time (ethnological view on the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries). Academic Publication]. Kazan, Master Layn, 1998. 276 p. (In Russian)
11. Nesin M.A. Iz istorii logistiki russkikh voysk v XV – nachale XVI v. (Otzyv na rabotu V.V. Penskogo «...I zapas pasli na vsyu zimu do vesny»: logistika v voy-nakh Russkogo gosudarstva epokhi pozdnego Srednevekov'ya – rannego Novogo vremeni») [From the History of Logistics of Russian Troops in the 15th – beginning of the 16th centuries (Feedback on the work of V.V. Penskoj “... and the stock was grazed all winter until spring”: logistics in the wars of the Russian state of the late Middle Ages – early Modern Times”)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources]. 2016. Vol. 8, pp. 134–166. Available at: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (accessed 27.04.2016) (In Russian)
12. Nesin M.A. K voprosu o prichine otstupleniya tatarskogo voyska posle stoyaniya na Ugre [On the Issue of the Reason for the Retreat of Tatar Army after the Standing on the Ugra]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources]. 2015. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015. Part I, pp. 110–132. Available at: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5 (accessed 23.10.2015). (In Russian)
13. Nesin M.A. Voennyi pokhod velikogo knyazya Moskovskogo Ivana III na Novgorod v 1477–1478 gg. [The Military Campaign of the Grand Duke of Moscow Ivan III against Novgorod in 1477–1478]. *Bombardir* [Bombardier]. 2016. No. 26, pp. 58–80. (In Russian)
14. Nesin M.A. Uchastie kasimovskogo tsarevicha Daniyara v voennykh pokhodakh velikoknyazheskikh voysk 1471–1472 gg. [Participation of the Kasimov Prince Daniyar in Military Campaigns of the Grand Duke's Troops in 1471–1472]. *Srednevekove tyurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2016, No. 8, pp. 14–22. (In Russian)
15. Nesin M.A. Tsarevich Kasim na sluzhbe Vasiliyu II [Prince Kasim in the Service of Vasily II]. *Srednevekove tyurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2016. No. 8, pp. 186–193. (In Russian)
16. Pavlov N.P. Tatarskie otryady na russkoy sluzhbe v period zaversheniya ob"edineniya Rusi [Tatar Detachments in the Russian Service during the Final Period of Rus' Unification]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute]. 1957. Vol. IX. No. 1, pp. 165–177. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, tipografiya E. Pratsa, 1863. Vol. 6. 358 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. Vol. 23. 154 p. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1959. Vol. 26. 413 p. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962. Vol. 27. 418 p. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. 37. 228 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 4. Part 1. 728 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 16. 252 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 24. 288 p. (In Russian)
26. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicles]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Is. 1. 326 p. (In Russian)
27. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicles]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Is. 2. 370 p. (In Russian)
28. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Historical Essays]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 207 p. (In Russian)
29. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordyy* [The Golden Horde's Dissolution]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1960. 279 p. (In Russian)
30. Safargaliev Yu.V. Evolyutsiya statusa Kasimovskogo khanstva v ramkakh russkoy gosudarstvennosti [Evolution of the Status of Kasimov Khanate within the Framework of the Russian Statehood]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Humanities]. 2008. No. 4, pp. 118–123. (In Russian)
31. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tip. F. Eleonskogo i K., 1884. Vol. 41. 558 p. (In Russian)
32. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Pechatnya S.P. Jacovleva, 1895. Vol. 95. 788 p. (In Russian).
33. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore hanov Zolotoy Ordyy* [Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans]. Moscow, Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)
34. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu* [Rus' and the Crimea. From Alliance to Confrontation]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
35. Khudyakov M.G. *Khudyakov M.G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Izdaniye 3-ye, dopolnennoye. Vosproizvedeno po tekstu 1-go izdaniya (Kazan'. Kombinat izd-va i pechaty, 1923). Moscow, INSAN, Council for the Preservation and Development of Small Nations' Cultures, SFC, 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Mikhail A. Nesin – Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (7, Aleksandrovskiy Park, Saint Petersburg 197046, Russian Federation). E-mail: petergof-history@yandex.ru

Received January 26, 2017

Accepted for publication May 12, 2017

Published June 30, 2017

ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ МИРЕ

А.В. Беляков^{1а}, А.В. Виноградов^{1б}, М.В. Моисеев²

¹ *Институт российской истории Российской академии наук*

Москва, Российская Федерация

^а *belafeb@gmail.com*

^б *avinogradov1957@yandex.ru*

² *Учебно-научный центр социокультурных проектов*

Москва, Российская Федерация

maksi-moisee@yandex.ru

Цель: изучить институт аталычества в Крымском, Сибирском и Казанском ханствах и Ногайской Орде.

Материалы исследования: опубликованные и неопубликованные источники: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы, данные археологии и т.д.

Результаты и научная новизна: институт аталычества до настоящего времени практически не исследовался. Авторами была предпринята попытка рассмотреть данное явление на примере Крымского, Сибирского и Казанского ханств и Ногайской Орды. Были также учтены свидетельства о наличии аталыков при служилых Чингизидах в России.

Авторам удалось показать, что аталыки являлись сложным и многогранным инструментом в борьбе ханов с главами подконтрольных им элей. Статус аталыка зиждился исключительно на личной преданности и привязанности воспитателя и воспитанника. Но эта связь была выгодна двум сторонам. Чингизид получал верного проводника своей политики, готового выполнить самое щекотливое его поручение. Воспитатель же автоматически повышал свой социальный, а вместе с ним и материальный статус, помогал родственникам сделать карьеру, а это в свою очередь помогало хану обуздать претензии родовых элит в принятии тех или иных дел.

Рассматриваемое нами явление не проходило на всем пространстве Дешт-и Кыпчака, но имело множество региональных особенностей. Поэтому становление и развитие института аталычества, рассмотренное нами, по преимуществу, на примере Крымского ханства, нельзя считать эталонными и автоматически переносить на иные территории. Хотя, конечно же, здесь имелись определенные общие черты. Со временем обнаружение новых документов и привлечение сведений о данном явлении в иных регионах помогут нам существенно дополнить получившуюся картину.

Ключевые слова: Русское государство XVI–XVII в., Крымское ханство, Сибирское ханство, Казанское ханство, Ногайская орда, аталыки, Чингизиды

Для цитирования: Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436

До настоящего времени мы более чем слабо понимаем ту или иную восточную титулатуру и функции людей ею награжденных. Не является исключением и образ аталыков. Для начала следует определиться с общим понятием института аталычества.

Институт аталычества

Аталычество (тюркск. аталык – вместо отца, от ата – отец, в русских источниках – дядька или мамич) – обычай, по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание, был распространен среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани, Сибири. Возращение воспитанника в родную семью происходило по достижению определенного возраста (у одних народов – зрелости, у других – 7–8 лет) в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателями и родителями [17]. Более всего данный институт изучен у кавказских народов. Р.Р. Аветисян выделяет четыре его разновидности:

1. *По молочному родству*. Этот обычай наиболее распространен. Ребенок сразу же после появления на свет или через неделю передавался на воспитание в другую семью. Жена аталыка, как правило, кормила грудью и своего, и чужого ребенка. Но если молока обоим детям не хватало, то предпочтение отдавалось второму.

Исключительная прочность аталыческой связи была обусловлена не столько фактом кормления и установления молочного родства, сколько многолетним воспитанием и искренней привязанностью сторон, данные связи могли быть сильнее кровных. Высоко почиталась кормилица, любую просьбу которой были обязаны выполнить. В ряде случаев ханские (царские) дети, по видимому, оставались в семье родителей, а его воспитатели переселялись во дворец или жили поблизости.

2. *«Плата за кровь»*. Использовалась как наиболее действенное средство примирения кровников. Обычай примирения кровников путем воспитания ребенка одной из сторон носил название «принятия кровника». Браки между такими родственниками были запрещены.

3. *Традиция гостеприимства*. Заключалась в том, что невесту вели не сразу в дом жениха, а временно помещали ее в «чужой» дом. Хозяин дома, где будущая супруга проводила некоторое время, также делался аталыком и приравнивался к воспитателю. При такой разновидности аталычества также имеются определенные экзогамные запреты.

4. *Наставничество*. В данном случае аталыка выбирал себе взрослый человек, или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу. К аталычеству такого вида чаще всего прибегали в возрасте от 9–10 до 25–30 лет. Оно было известно на Кавказе вплоть до 1917 г. [1]

Аталыки порой имели очень большой вес и пользовались значительным доверием правителей. Через них часто велись наиболее секретные дипломатические переговоры. Им поручали наиболее ответственные миссии. Молочное родство не позволяло претендовать на трон своего названного родственника. В свою очередь их положение и благосостояние напрямую зависели от титулованного воспитанника. Известен данный институт и в России. Аталыки неоднократно упоминаются в связи с Чингизидами. При этом они занимали высокое положение во дворах своих воспитанников. В случае крещения Чингизида его аталык, сохранивший веру предков, покидал его двор и испомещался московским царем (великим князем). Тогда их наделяли землями в Мещере. Можно предположить, что в ряде случаев аталыков выбирали среди соплеменников матери ребенка. Подобная практика, скорее всего, существовала и в Казани.

Ногайская Орда на протяжении долгого времени оказывала большое влияние на сопредельные государства. В том числе и посредством браков на дочерях ногайских мирз из рода Эдиге (Идегея). Заинтересованность в ногайской военной силе и тесные связи по женской линии стимулировали частый выбор аталыков в Ногайской Орде. В первую очередь это справедливо по отношению к астраханским и, по-видимому, казанским Чингизидам. Посредством этого они оказывали значительное влияние на политику данных государств. Крымские ханы часто брали в аталыки для своих детей адыгов Северо-Западного Кавказа. Именно оттуда многие ханы брали жен и имели с данным регионом тесные политические связи [29, с. 193].

Институт аталычества (аталычество) в Крымском ханстве. Общая оценка

Наряду с этим в Крымском юрте уже с начала XVI века наметилось становление института аталычества как важного элемента взаимодействия (связей) династии Гиреев с политической элитой Крымского ханства (юрта).

Прежде всего это относилось к роли аталыков как наставников «царевичей» – султанов Гиреев.

Институт аталычества довольно рано стал отражаться в русской и польско-литовской посольской документации по связям с Крымом в рамках выяснения расстановки сил среди крымской политической элиты и влияния ее представителей на определение внешнеполитической линии Крымского юрта. В русской посольской документации это относится прежде всего к «статейным спискам» (донесениям русских дипломатических представителей) посланий (ярлыков) представителей крымской политической элиты, в т.ч. и аталыков, непосредственно в Москву на имя московских государей, и посланий самих крымских ханов московским государям с «просьбами» о предоставлении «поминок» («жалования») своим «ближним людям», в т.ч. и аталыкам.

В польско-литовской посольской документации аталыки неизменно фигурируют в реестрах «упоминок», отправляемых с польско-литовскими посольствами в Крым.

Кроме того и в русской, и польско-литовской документации гонцы от аталыков неизменно фигурируют в реестрах на получение «жалования» («встречного корма») [12, с. 25–27].

К середине XVI в. институт аталычества настолько закрепился в Крыму, что звание ханского аталыка стало превращаться в определенную придворную должность. Крымская сторона при переговорах с русскими дипломатами в Крыму в 60-х гг. о порядке принесения шерти ханом его сыновьями и крымской знатью при утверждении русско-крымского «докончания» постоянно прибегала к формулировке: «на тои же шертной грамоте царь, и калга Магмет-Кирей царевич и Алди-Гирей царевич, и все царевичи, и уланы. и князи, и мурзы, и аталыки перед вами правду учинят – шертуют»¹. Наличие института аталычества в это время прочно присутствует в русской посольской документации. В конце 60-х гг. к традиционной формулировке в «наказах» русским гонцам «говорити карачеям, князьям мурзам и уланам...» добавляется «говорити карачеям, князьям мурзам уланам и аталыкам...». В на-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 34; [24, с. 92].

чале 70-х гг. в. русской посольской документации появляется термин «большой аталык». Так, после воцарения Мухаммад-Гирея II в 1577 г. его бывший воспитатель Муслы аталык в своем послании к Ивану Грозному называет себя «большой аталык и слуга вольного человека брата твоего Магмет Кирея царя»². В 80–90-х гг. XVI в. термин «большой аталык» применяется к воспитателю хана Гази-Гирея II Маллокаю-Алею, скончавшемуся в конце 1591 г. Скорее всего, это было нечто подобное наставничеству, точнее, некой его разновидности [1, с. 13–14; 19; 33, с. 269–270]. При дворе крымских ханов прекрасно знали о том, что фигуры «тамошних» аталыков традиционно находились в сфере московских интересов. Не случайно Моллкай-Аллей аталык в своем послании к царю Федору Ивановичу писал: «А которые аталыки бывали прежде меня, холопа твоего, и тем твое жалованье бывало великое»³.

Назначение аталыками у Гиреев

Существует мнение, что институт аталычества непосредственно в Крыму связан исключительно либо с выходцами с Северного Кавказа (бесленевские черкесы – адыги)⁴, либо с представителями улусных людей дома Гиреев. Ряд источников свидетельствуют о том, что аталычество в Крыму носило наследственный характер. Так в 50-х гг. аталыком калги Мухаммад-Гирея являлся Ахмед аталык. К середине 60-х гг. после его кончины аталычество унаследовал его сын Муслы аталык, в дальнейшем видный сановник при Мухаммад-Гирее II. В «реестре упоминков», доставленных в Крым литовским посольством А Владыки в 1569 году, отмечено, что «упоминки» даются ему «место отца его Ахмеда аталыка» [16, с. 318].

В русской посольской документации имеются сведения о назначениях аталыками представителей наиболее влиятельных «фамилий» Крыма. В доставленном в марте 1566 г. послании бека Сулеша Яшлавского в Москву содержался внушительный перечень аталыков «царевичей» Гиреев – сыновей и внуков хана Девлет-Гирея I, претендовавших на получение «поминок»: Ак-Мухаммад оглан в нем называется аталыком второго сына хана Адиль-Гирея⁵, Дербыш-мурза «Куликов» – аталыком старшего внука хана Сеадет-Гирея⁶, Муртоза-ага – аталыком внука хана Гази-Гирея, одного из младших сыновей Мухаммад-Гирея⁷. В том же марте 1566 г. в Москву царевичу Ивану Ивановичу было доставлено послание Муслы аталыка, к тому времени фактическому главе администрации калги Мухаммад-Гирея⁸.

Эти сведения дают весьма примечательную картину порядка назначения аталыков у Гиреев. Муслы аталык наследовал своему отцу Ахмед аталыку и к этому времени явно доминировал среди прочих аталыков Гиреев. Однако по «политическому весу» он пока еще уступал Ак-Мухаммаду-оглану (Ахмед-улану). Последний, впрочем, никогда не упоминался в русской посольской документации как аталык [12, с. 30; 15, с. 152]. В литовских документах он упомянут как аталык Адиль-Гирея [16, с. 153].

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 199.

⁴ Наибольшее распространение эта точка зрения получила в работах Е.Н. Кушевой [18].

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 113.

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 112.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 112 об.

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 120–120 об.

Однако, учитывая, что именно Адиль-Гирей во второй половине 60-х – начале 70-х гг. позиционировал себя как претендент на «Казанский юрт», упоминание Ак-Мухаммада, вернувшегося в Крым приближенного нескольких казанских ханов, в качестве его аталыка можно рассматривать как определенный акт дипломатического давления на Москву. Возможно, в данном случае мог иметь место и дополнительный аргумент к освобождению и отправлению в Крым сына Ак-Мухаммада, имелдеша смещенного казанского хана Утямыш-Гирея, отправленного с ним в Москву «казанского новокрещена» «князя Федора» (Ислам-оглана) [12, с. 31].

Муртаза-ага был представителем клана «черкасских мурз» и как аталык также не упоминался [12, с. 30]. Можно предположить, что это был родной или двоюродный брат матери «царевича». Важно, что среди аталыков «царевичей» имеются представители крымской знати. Несомненно, что в последние годы правления хана Девлет-Гирея I аталыком его старшего внука Сеадет-Гирея был Дербыш аталык, принадлежавший к клану Кыпчаков. В дальнейшем это «Дербыш князь Куликов». В донесениях русских дипломатов в 70-х гг. он иногда упоминается как «Дербыш князь, аталык»⁹. Фигура этого представителя крымской знати по своему уникальна: он находился в поле зрения русской дипломатии и разведки около тридцати лет, с середины 60-х гг. до середины 90-х гг. XVI века.

В сентябре 1565 г. Дербыш уже упоминается в русской посольской документации как «царевичев аталык»¹⁰. Тогда при прибытии русского гонца С. Бортенева к Молочным водам, где сосредотачивалась крымская орда для предполагаемого похода на «московские украины», аталыкам «царевичей» Гиреев вместе с прочими их «ближними людьми» пришлось выполнять важную и не слишком отвечающую «посольским обычаям» миссию по принудительному изъятию адресованных им грамот Ивана Грозного и, главное, «поминок»¹¹. Предводительствовал ими Муслы аталык, а Дербыш аталык находился у него в подчинении. После воцарения Мухаммад-Гирея II Дербыш начинает упоминаться с княжеским (бекским титулом), при том что главой рода «князей Кулюковых» являлся его брат Касим. При Ислам-Гирее II (1584–1588), на сторону которого «князь» Дербыш в конечном итоге перешел (временно), он упоминается в русской посольской документации только как «князь Дербыш».

Тенденция к назначению аталыками у «царевичей» Гиреев представителей ведущих «государственнообразующих кланов Крыма» сохранялась и в дальнейшем. В 1588 г., после водворения хана Гази-Гирея II на престоле, места в «царевой думе» (ханском диване) потеряли многие представители крымской знати. Одним из них был карачи-бек Ширинов Алей. Его высокий статус помог избежать физической расправы. Он остался в Крыму фактически на положении заложника нового хана. До этого Алей Ширинский находился в постоянной дипломатической переписке с Москвой. Ему постоянно посылалось государево жалование. С лета 1588 г., по настоянию крымской стороны, его имя вычеркнуто из всех жалованных списков. Однако совершенно неожиданно, через полтора года, хан сам «вспоминает» об Алее Ширинском в своем послании царю Федору Ивановичу: «в третьей своей грамо-

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 262 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 25.

¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 25–25 об.

те ко царю и великому князю пишет Казы-Кирей царь, что верного своего карачея, Алея князя, у сына своего, Девлет-Кирея царевича, учинил аталыком, и которое жалование ранее посылал ко князям и мурзам и к нему тоже жалование б послал»¹². Следует отметить, что Девлет-Гирей, один из младших сыновей хана, только что вышел из младенческого возраста. Это первое его упоминание в русско-крымской посольской документации. Ясно, что реально Алей не мог руководить его воспитанием, но это была своеобразная синекура, которая с одной стороны удерживала при бахчисарайском дворе главу рода Ширинов, а с другой обеспечивала в дальнейшем поддержку хана и юного царевича этой ветвью рода. Напомним, что реально в состав ханского дивана входил бек Кутлу-Гирей Ширинский, глава другой ветви клана.

Аталыки как руководители «администраций» царевичей Гиреев

Воспитатели Гиреев по мере их возмужания становились их политическими советниками и фактическими руководителями их дворов. Русская посольская документация в ряде случаев более чем наглядно фиксирует эту роль аталыков. Наиболее ярко это отмечается по отношению к воспитателям наследников престола (калга). При приезде в 1576 г. большой группы крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем к Ивану Грозному были доставлены послания от калги Мухаммад-Гирея, старшего сына хана Девлет-Гирея, который специально «рекомендовал» московскому царю своего аталыка: «Тебе, другу нашему, великому князю, ведомо, что у меня доброй человек Муслу аталык, и таких у меня добрых мало, а ево слово волной человек царево величество [крымский хан – А.Б., А.В., М.М.] слушает, да и яз»¹³. В Москве на фигуру Муслы аталыка обратили внимание и не ошиблись. Летом 1577 г. Муслы аталык занял главенствующее место среди «ближних людей» хана Мухаммад-Гирея II [10, с. 56]. Следует отметить, что конкретные фигуры аталыков, как правило, регулярно появляются в донесениях русских дипломатических представителей в Крыму в связи с изложением династической ситуации у Гиреев.

Аталыки в борьбе за власть своих воспитанников

Наиболее ярко роль аталыков в борьбе за власть проявилась в период династического кризиса Гиреев 70-х–80-х гг. XVI в. От этого периода нам известны аталыки сыновей хана Девлет-Гирея I Мухаммад-Гирея – Муслы, и Гази-Гирея – Маллакай-Алей. Оба они по сведениям русской и польско-литовской разведок сыграли важную роль в водворении своих воспитанников на бахчисарайском престоле.

Как мы уже отмечали в своей работе, Муслы аталык начал проявлять активность с момента тяжелой болезни хана Девлет-Гирея I в конце 1575 г. [10, с. 56]. Тогда в своих дипломатических ссылках с Москвой, Вильно и Варшавой Муслы аталык подчеркивает необходимость «законной» смены власти. В Бахчисарае, по русским сведениям, аталык активно сколачивает лояльную калге группировку среди крымской знати. Показательно, что под его руководством действуют аталыки сыновей Мухаммад-Гирея. Так, Дербыш аталык (воспитатель старшего сына Сеадет-Гирея) отправляется после смерти Девлет-Гирея I в сентябре 1577 г. эмиссаром в Стамбул с просьбой подтвердить

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 356.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 314.

право Мухаммад-Гирея на крымский престол¹⁴. При этом Дербыш в это время уже являлся зятем Муслы аталыка. Их «альянс», сведения о котором, как мы видели, появляются в русской посольской документации с начала 60-х гг., оказался необычайно эффективным. Пути двух аталыков разошлись после свержения Мухаммад-Гирея II в 1584 г., но даже в начале 90-х гг., уже при Гази-Гирее II, Дербыш просил Бориса Годунова отпустить в Крым своего плененного тестя [10, с. 60].

Следует отметить, что Муслы аталык находился в более чем в выигрышной позиции, так как являлся воспитателем старшего сына хана. Гораздо труднее было воспитателю Гази-Гирея Маллакаю-Алею. Гази-Гирей, как известно, долгое время не рассматривался как возможный претендент на крымский престол. Кроме того, он на долгое время был выбит из политической борьбы находясь в персидском плену. Маллокай-Алей разделил судьбу своего воспитанника. И в конечном итоге после побега из персидского плена оказался в Стамбуле. Здесь, в условиях недовольства крымской знати политикой Ислам-Гирея II, Маллакай-Алей начинает спланировать политическую оппозицию из вынужденных крымских беженцев. Одновременно он содействует успешному «лоббированию» кандидатуры Гази-Гирея как нового крымского хана у Порты. В конечном итоге в апреле 1588 г. его воспитанник триумфально возвращается в Крым в сопровождении своего аталыка. Русский гонец И. Судаков Мясной в своем статейном списке приводит внушительный перечень прибывших с ханом на одном корабле именитых крымских эмигрантов, предводительствуемых Маллакаем-Алеем [30, с. 69]. Все они, естественно, образовали костяк нового ханского дивана.

Одновременно с этим в Астрахани Ямгурчей аталык занимался воспитанием детей второго сына Мухаммад-Гирея II, Мурад-Гирея, еще одного из возможных претендентов на крымский престол. Русские источники показывают, что к началу 90-х гг. XVI в. Ямгурчей аталык занимал при Мурад-Гирее положение, равное статусу первого министра [10, с. 26]. Именно он весной 1591 года был направлен следственной комиссией во главе с О.М. Пушкиным, рассматривавшей обстоятельства смерти Мурад-Гирея, в Крым с сообщением о смерти племянника Гази-Гирея II. Впрочем, формально он был послан к хану «царицей» Ертуган. Ямгурчей оказался быстро «востребован» ханом и после провала похода 1591 года был послан им в Москву с конфиденциальной дипломатической миссией в качестве его личного эмиссара. Впрочем, об этом речь пойдет дальше.

Здесь отметим важное обстоятельство: первый раз Ямгурчей аталык был послан в Москву осенью 1591 г. вместе с официальным ханским гонцом Ибрагимом Азии в качестве личного эмиссара хана формально для решения вопроса об отпуске «царицы» Ертуган и ее «двора». Второй раз весной 1593 г. Ямгурчей аталык был послан в Москву в качестве официального дипломатического представителя хана и в русской посольской документации именовался «посланником». Его задачей было проведение посольского съезда и размена. При этом второй его задачей в рамках проведения посольского съезда и размена оставался отпуск Ертуган и лиц из ее ближайшего окружения. К Ливнам, где проводился посольский съезд, Ямгурчей аталык прибыл,

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 20.

сопровождая Ертуган, и оставался вместе с ней в Ливнах. Через несколько дней он был вызван в русский лагерь у реки Сосны, и русские разменные послы, кн. Ф.И. Хворостинин и Б.Я. Бельский, потребовали от него отправиться в крымский лагерь на другой берег реки для переговоров об организации посольского съезда. Ямгурчей аталык категорически отказался и настаивал на своем возвращении в Ливны. Он явно не желал оставлять без «примотра» Ертуган. В данном случае его личные обязательства перед вдовой Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея как аталыка ее сыновей явно превалировали над обязательствами ханского эмиссара.

При непосредственном проведении размена Ямгурчей последним покинул русский берег реки Сосны только после того, как Ертуган со своим обозом, проехав по наведенному мосту, направилась в крымский лагерь. Между тем исключительно сложные переговоры, в которых участвовали представители всех ведущих крымских кланов, в большинстве своем враждебных Ямгурчею аталыку, казалось должны были заставить его заниматься прежде всего урегулированием конфликтов дипломатического характера. При следовании огромного посольского каравана из-под Ливен по «дикой степи» Ямгурчей находился при обозе Ертуган, фактически уклоняясь от попыток русских дипломатов во главе с князем М.А. Щербатовым вступить с ним в контакт для обсуждения сложной ситуации, связанной с продолжающимися конфликтами внутри крымского посольства. Он проигнорировал даже отправление Аллабердея-мурзы в Крым с доносом на него хану. В ходе конфликтной ситуации, связанной с фактическим насильственным принуждением Арслана «Дивеева» отпустить Ертуган на встречу с сыном Девлет-Гиреем, именно Ямгурчей настоял на согласии на это Ахмед паши «Яшлавского». В переговорах в Болы Сарая русских послов с Арсланом «Дивеевым» Ямгурчей не участвует, находясь вместе с Ертуган, встречавшейся с сыном. К посольскому каравану он присоединяется только после выхода из Болы Сарая.

При этом еще в Москве Ямгурчей отказывается вести «тайные» грамоты от имени царя Федора Ивановича и от. Б.Ф. Годунова к хану. Их везут сами русские послы. Налицо превалирование обязательств аталыка сыновей по отношению к их матери над обязательствами по отношению к хану. И Гази-Гирей II прекрасно понимал эту ситуацию. Показательно, что для решения вопроса об отпуске лиц из окружения Мурад-Гирея, не горевших желанием вернуться в Крым, под Ливны он посылает своего эмиссара Ислам-оглана, предполагая, что Ямгурчей аталык не будет содействовать этому, так как Ертуган фактически оставила приближенным своего покойного мужа право выбора. После прибытия в Крым Ямгурчей продолжает пребывать вместе с Ертуган и только в самый ответственный момент вызывается ханом в Бахчисарай для конфиденциальной встречи с русскими послами (об этом ниже).

Крымская «ссора великая» вообще привела к усилению политической роли института аталычества. Причем речь шла уже о политической роли аталыков всех дееспособных представителей рода Гиреев, игравших политическую роль. Ситуация с Ямгурчеем аталыком в этом отношении еще более примечательна.

Еще раз обратимся к событиям 1593 г. Русское посольство после посольского съезда под Ливнами двигалось в Крым вместе с вдовой Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея, «царицей» Ертуган. Сын Ертуган от Сеадет-Гирея в это время

находился в «Дивеевом улусе» у карачи-бека крымских мангытов Арслана. Это было необходимо Гази-Гирею II для обеспечения лояльности могущественного клана «Дивеевых». Арсланай планировал организовать встречу сына с матерью и по возможности задержать ее в своем улусе. Сильный отряд «Дивеевских» мангытов задержал посольский караван и «пригласил» Ертуган на встречу с сыном. Отрядом командовал аталык Девлет-Гирея Мухаммад-Казы. Именно он вел переговоры с русским послом князем М.А. Щербатовым и объяснялся с разменным крымским послом Ахмедом-пашой Яшлавским (Сулешевым)¹⁵. Сам Арсланай Дивеев, затеявший эту интригу, формально был ни при чем. Однако конфликт был урегулирован только после встречи Мухаммад Казы аталыка и Ямгурчей аталыка. Свидание матери и сына состоялось. Но одновременно Арсланай «Дивеев» прибыл к послам с требованием задержать Ертуган¹⁶. В конечном итоге все кончилось благополучно. Ертуган продолжила путь в Крым. За кулисами официального объяснения Арслана с русским послом и его крымским коллегой остались переговоры двух аталыков – эмиссара хана при крымском посольстве Ямгурчей и воспитателя Девлет-Гирея Мухаммада Казы, – которые происходили при встрече матери с сыном. Ямгурчей аталык лично вернул «царицу» и ее людей в посольский обоз. Таким образом, Ямгурчей частично переносит свои обязанности аталыка на единственного выжившего сына Ертуган после смерти его родных и сводных братьев, действуя в контакте с его «официальным аталыком».

В дальнейшем Ямгурчей аталык при тайных контактах с русскими послами уже в Крыму весной 1594 г. не исключает возможности водворения Девлет-Гирея на крымском престоле при поддержке Москвы в случае смещения с престола и физического уничтожения хана Гази-Гирея II и его сыновей по приказу Порты. Но Ямгурчею «судьба не улыбнулась». Ход событий в Крыму после попытки свержения Гази-Гирея II Фетх-Гиреем в 1596–1597 г. привел к убийству Девлет-Гирея. Это было необходимо Гази-Гирею II для обеспечения престолонаследия за своим сыном Токтамышем. Впрочем, к этому времени Ямгурчей уже не было в живых.

Аталыки как «первые министры»

О своем водворении в Бахчисарае в качестве фактических «первых министров» аталыки незамедлительно информировали монархов сопредельных государств и их ближайших приближенных. Летом 1577 г. Муслы аталык сообщает Ивану Грозному: после того как Мухаммад-Гирей II «царем учинился меня Муслы аталыка по прежнему оставил как был при царе Девлет-Кирее»¹⁷. В данном случае Муслы аталык подчеркивает преемственность своего положения. Несколько по-иному выглядела ситуация в 1588 г. Так Маллакай-Алей аталык сразу же после воцарения Гази-Гирея II информировал Б.Ф. Годунова о своем новом статусе: «У Казы-Кирея царя аталыком учинился и всякие дела на меня положены»¹⁸. Таким образом, мы наглядно видим, как происходила кристаллизация видоизмененного института аталычества. Статус аталыка немедленно отражался при распределении жалования

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 195 об–196.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 196–196 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 8 об–11 об.

гонцам от «ближних царевых людей» при их прибытие в Русское государство. Гонцы «первого министра» в росписях «корма» крымским курьерам занимали достаточно престижные места: как правило они открывали перечень гонцов от беков и мурз непосредственно за гонцами младших «царец», «царевен» и «царевичей» из дома Гиреев. В ноябре 1589 г. гонец Моллакай Аллей Азей четырнадцатый из 28 гонцов¹⁹.

Кроме того следовали изменения в иерархии при распределении жалования «ближним царевым людям». Уже при первой раздаче жалования «ближним людям и мурзам» нового хана Гази-Гирея II И. Судаковым-Мясным летом 1588 г. Моллакай-Алей аталык получает приоритет. Правда, формально на первом месте в перечне вельмож нового хана, получивших «жалование», составленном И. Судаковым, значится Мурад Яшлавский (Сулешев). Однако при распределении жалования в январе 1589 г. следующим гонцом И. Мишуриным Моллакай-Алей уже открывает перечень крымских мурз, получивших его и от имени государя, и от имени Б.Ф. Годунова²⁰. Подобное положение сохранялось вплоть до кончины аталыка в конце 1591 г.

В статейных списках русских дипломатических представителей в Крыму и в Стамбуле аталыки фигурируют как ключевые фигуры ханского дивана, отодвигающие порой на второй план представителей так называемых правящих элей. Вернувшийся после воцарения Гази-Гирея II в Москву гонец Иван Судаков-Мясной изложил в своем статейном списке стремительное возвышение Моллакай-Алея аталыка. Именно он буквально через несколько дней после прибытия в Крым на одном корабле с Газы-Гиреем II стал во главе ханского дивана. 23 апреля 1588 г. во главе «царевых ближних людей» он вел с Судаковым-Мясным переговоры о его аудиенции у нового хана [30, с. 69–70]. Хотя формально крымских мурз возглавлял Дербыш «князь Куликов», лидирующая роль аталыка на переговорах явно просматривалась. Во всяком случае для И. Судакова-Мясного было очевидно, что Моллакай «у царя человек ближний». По инициативе Судакова-Мясного 20 мая Моллы Алей аталык «съехался тайно» с ним, причем еще до аналогичной тайной встречи с Дербышом Кулюковым. Русский гонец испросил содействия у «государева ближнего человека» в установлении «доброего дела» и получил ответные заверения в том, что «царь и царевичи и крымские люди на московские украинны войною не будут» [30, с. 74]. Моллы Аллей аталык изъявил желание «царю и великому князю службу свою показать». Затем после падения калги Селамет-Гирея аталык выступает уже официально в роли лица, ответственного за дипломатические отношения с Москвой вместе с Сафа-Гиреем. 5 июня он ведет с И. Судаковым-Мясным крупноформатные переговоры по всему комплексу проблем в двусторонних отношениях, прежде всего о ситуации с мятежными «царевичами» [30, с. 78–79]. 10 июня он вместе с И. Судаковым-Мясным составляет новые списки «ближних царевых людей» и затем излагает известные ему планы «астроханского похода турецкого» [30, с. 79–80].

В дальнейшем Моллакай-Алей аталык участвовал во всех без исключения переговорах с русскими гонцами в Крыму вплоть до осени 1591 г. К 1590 г. Моллакай-Аллей добился крупного успеха в перехвате первенства в «ссылках»

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 395 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 322 об, 324 об.

с Москвой у «князей Сулешевых и Куликовых», традиционно стремившихся контролировать крымско-русские дипломатические контакты: новым большим послом туда хан назначил его брата Монаш-дувана. Об этом хан известил русскую сторону с гонцом Аллобердеем, прибывшим в июле 1590 г. В послании к Б.Ф. Годунову хан Гази-Гирей II настаивал на скорейшем посольском размене, подчеркивая, что послом будет именно брат его аталыка²¹. Сам Моллакай-Аллей в своем послании к Годунову придавал миссии брата серьезное значение. Он ясно давал понять, что в данном случае речь идет о заключении «докончания». Размен был сорван. Причем ответственность за это русская сторона возложила именно на аталыка. Однако в дальнейшем выяснилось, что инициатива отмены посольского размена, выдвинутая Маллокаем-Алеем, объяснялась его опасениями за судьбу Гази-Гирея II. Дело в том, что аталык получил из Стамбула сведения об активизации изгнанных из Крыма Гиреев, которые обвиняли хана в прорусской ориентации. Интересно, что эти сведения руководство Посольского приказа получило от ханского эмиссара Ямгурчея аталыка, в известной мере, преемника Маллакай-Алея. Таким образом, мы вправе поставить вопрос о существовании разветвленной сети осведомителей аталыка, существовавшей в Стамбуле. Это еще значительно вырисовывает перед нами образ «первого министра». Мы вправе видеть в нем в определенной мере и руководителя службы внешней разведки. Между прочим, сам аталык в своих посланиях Б.Ф. Годунову ненавязчиво ставил себя на одну доску с всемогущим московским вельможей.

Помимо сведений статейных списков в составе русской посольской документации имеются другие материалы, позволяющие фиксировать главенствующую роль аталыков в составе ханского дивана. Речь идет о расспросных делах эмиссаров царевича Мурад-Гирея в Бахчисарай, которые они представляли лично посольскому дьяку А.Я. Щелкалову. Так, в расспросном деле Мамай мирзы имеется описание заседания дивана в бахчисарайском дворце. Моллакай Аллей явно занимает там ведущее место²².

Обилие сведений об аталыках именно в русской и в меньшей степени польско-литовской дипломатической документации, несомненно, объясняется их ролью в осуществлении внешнеполитических связей Крымского юрта.

Аталыки и крымская дипломатия

Аталыки традиционно привлекались к различным дипломатическим поручениям «царевичами» – султанами Гиреями. Они неизменно являлись от имени своих воспитанников к русским дипломатическим представителям с различными поручениями. Это могло быть и приглашение на аудиенцию, и выражение недовольства привезенными «поминками», и в отдельных случаях, как правило при обострении русско-крымских отношений, требование принудительного изъятия «поминок» и грамот, адресованных их воспитанникам.

Зафиксированы отдельные случаи направления аталыков непосредственно в качестве гонцов от младших «царевичей» – султанов – в Москву.

Период «ссоры великой в Крымском юрте» значительно усилил роль аталыков в «дипломатических ссылках» их «подопечных» с сопредельными государствами. Постепенно некоторые из них стали превращаться в ключе-

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 104–104 об.

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 333–333 об.

вые фигуры дипломатической игры, шедшей между Москвой, Вильно, Краковым и Стамбулом в ходе династического кризиса Гиреев. Напомним, что к 1588 г. в Стамбуле при Гази-Гирее находился Моллакай-Алей аталык, в Астрахани при Мурад-Гирее – Ямгурчей аталык, а в качестве пленника на территории Русского государства – Муслы аталык.

Правление Гази-Гирея II ознаменовалось привлечением аталыков к осуществлению дипломатических миссий в качестве личных эмиссаров хана.

В конце 1591 года начинается активная дипломатическая деятельность бывшего воспитателя сыновей Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея, Ямгурчея аталыка. Он возглавлял две ответственные миссии в Москву. Последняя ознаменовалась личными переговорами с Б.Ф. Годуновым и участием в посольском съезде под Ливнами в ноябре 1593 года.

Ямгурчей аталык был отправлен ханом в Москву осенью 1591 года формально в качестве личного эмиссара хана для решения вопроса об отпуске вдовы Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея Еруган и лиц из состава ее «двора». Кроме того ему было поручено прозондировать вопрос о доставке в Крым тела Мурад-Гирея для перезахоронения.

Однако главная задача, которая была поставлена перед ним ханом, заключалась в передаче «тайных посланий», адресованных лично Б.Ф. Годунову, в которых хан выдвигал план установления долгосрочного военно-политического союза и, возможно, перехода «под руку» московского царя в случае его смещения с престола Портой. Расчет делался на близкое знакомство аталыка с Посольским дьяком А.Я. Щелкаловым и с Б.Ф. Годуновым в ходе нескольких пребываний в Москве Мурад-Гирея. Подробному изложению миссии Ямгурчея аталыка посвящен отдельный раздел работы А.В. Виноградова [11, с. 22–31], поэтому ограничимся констатацией факта того, что аталыку не удалось полностью выполнить поставленные перед ним задачи. Однако его личные переговоры с Посольским дьяком А.Я. Щелкаловым заложили основу дальнейшего диалога сторон.

Вторая миссия Ямгурчея аталыка летом–осенью 1593 года ознаменовалась крупным успехом крымской дипломатии: был осуществлен отпуск «царицы» Ертунан и ее двора, достигнуто принципиальное согласие русской стороны об отправлении в Крым «запросных денег» и заключение русско-крымского договора, одним из главных условий которого являлось регулярное отправление в Крым «поминок» [11, с. 44–47]. Особая роль Ямгурчея аталыка, прошедшего личные переговоры с Б.Ф. Годуновым, вызвала резкое недовольство основных крымских кланов, прежде всего Кулюковых и Яшавских («Сулешевых»). Непосредственно во время проведения посольского съезда у Ямгурчея произошел конфликт с «разменным послом» Ахмед-пашой Яшлавским. Формально он был связан с третированием аталыком его племянника Аллабердея-мурзы, крымского гонца в Москве, на задержание которого в Русском государстве на неопределенное время Ямгурчей дал согласие еще во время своей первой миссии. Дербыш «князь» Куликов был в ярости от содействия со стороны Ямгурчея отказу, помешавшему его сыну Пашая-мурзе вернуться в Крым. На деле недовольство «ближних царевых людей» заключалось в том, что аталык лично доставлял из Москвы в Бахчисарай и обратно «тайные послания» от хана Б.Ф. Годунову во время своей первой миссии и вновь, во время второй миссии. Кроме того аталык не разглашал

результаты своих личных переговоров с Годуновым. Конечно, это не было случайностью. На переговорах затрагивались вопросы, связанные с ситуацией бегства хана с семьей и сторонниками из Крыма в случае насильственного свержения с престола Портой либо в сопредельные улусы, либо непосредственно на территорию Русского государства. В случае оставления на престоле хан планировал заключить мирный договор. Условием заключения договора было отправление большой суммы «запросных денег». Б.Ф. Годунов, со своей стороны, выдвинул требование предоставления ханом заложников из числа собственных сыновей [11, с. 46]. Естественно, что Ямгурче аталык не мог сообщать все это представителям политической элиты Крыма. Участвующие в посольском съезде представители крымских кланов и прежде всего «разменный посол» Ахмед-паша Яшлавский не скрывали своего отношения к Ямгурчею. Не удивительно, что прощаясь с русскими «разменными послами» кн. Ф. Хворостининым и Б.Я. Бельским после проведения посольского съезда аталык выразил опасения, что в Крыму его «убьют».

Действительно, еще в пути Ахмед-паша отправил к хану своего племянника Аллабердея с доносом на Ямгурчея²³. Затем последовала запутанная интрига, связанная с намерением Арслана Дивеева перехватить царицу Ертуган, которая усугубляла конфликт аталыка с Ахмедом-пашой Яшлавским.

После возвращения в Крым из своей второй миссии в Москву вместе с посольством кн. М.А. Щербатова Ямгурчи аталык исчезает (в прямом смысле). Он не участвует в официальных переговорах, о нем не упоминают крымские вельможи. Здесь неожиданно проявляется другая важная черта института аталычества: аталыки как тайные советники ханов и наиболее доверенные лица при проведении щекотливых дипломатических операций. Как выяснилось в дальнейшем, в условиях конфликта Ямгурчея аталыка с кланами Яшлавских и Кулюковых, хан счел нужным до времени спрятать его во «вдовьем уделе» царицы Хан-Тутай (старшая жена Мухаммад-Гирея II и одна из младших жен Гази-Гирея II, мать Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея), куда отправилась его невестка Ертуган после возвращения в Крым.

Через несколько месяцев, когда на переговорах русских послов с ханскими эмиссарами обозначился кризис, Ямгурчи аталык тайно вернулся в Бахчисарай. Явившись «в ночи» в яшлавское предместье, он изъясил у послов тайные грамоты к хану от царя Федора Ивановича и Б.Ф. Годунова и на следующую ночь доставил устный ответ. Хан передал послам, что готов снизить количество запросных денег и просил отложить вопрос о закладничестве Гиреев на территории Русского государства. Замечательно, что хан просил выиграть время для обеспечения консенсуса по вопросам заключения договора в собственном диване. Миссия Ямгурчея аталыка была небезопасна. Как выяснилось, за резиденцией послов следили. Сразу же после того как Ямгурчей доставил послание хану в Бахчисарайский дворец, нагрянули «ближние царевы люди», заставшие Гази-Гирея за чтением послания Б.Ф. Годунова. Хитроумный хан, естественно, искажил содержание послания. Гази-Гирей II хорошо владел русским языком, как в прочем и рядом других. Хан поручил Ямгурчею сообщить послам об этом эпизоде²⁴.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 215 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 267–268 об.

Карьера Ямгурчея-аталыка оборвалась уже в 1594 г. Обстоятельства гибели Ямгурчея во время похода хана в Центральную Европу до конца не ясны.

Доминирование аталыков в крымской политической элите 70–90-х гг. XVI в.

При анализе материалов русской посольской документации можно выделить основные фигуры аталыков, доминировавших в политической элите Крыма. Муслы аталык занимает ключевые позиции с 1577 по 1583 г., весь период правления Мухаммад-Гирея II. Моллокай-Алей аталык доминирует в составе дивана Гази-Гирея II с апреля 1588 по сентябрь 1591 г., когда он скончался. Он был даже назван Дербышем Кулюковым в разговоре с гонцом И. Бибиковым в августе 1591 г. единственным «ближним человеком» хана²⁵. Кончина Моллокай-Алея имела существенные последствия для соотношения сил в составе «ближних царевых людей». С осени 1591 г. в составе дивана аталыки не присутствуют. Однако в этот период роль «теневого советника» и полномочного эмиссара хана в отношениях с Москвой по крайней мере до осени 1594 г. играет Ямгурчей аталык.

В правление Ислам-Гирея II (1584–1588 г.) аталыки в состав его дивана не входят. Однако ключевой фигурой в окружении калги Алп-Гирея, в руках которого фактически находилась реальная власть в Крыму, является Борама-лей аталык. В его руках, в частности, находился контроль над внешнеполитической деятельностью ханства. Показательно, что именно он в декабре 1584 г. вел предварительные переговоры с русским гонцом И. Судаковым Мясным²⁶.

Тенденция к появлению фигур аталыков в окружении каждого претендента на крымский престол является неотъемлемой частью истории династического кризиса Гиреев. Подобная тенденция сохранялась и после консолидации Крымского ханства Гази-Гиреем II в середине 90-х гг. Так, как уже говорилось, Мухаммад Казы аталык ханского племянника Девлет-Гирея, находившегося «под рукой» у Арсаная Дивеева осенью 1594 г., остановил следование в Крым русского посольства кн. А. Щербатого, в составе которого туда возвращалась мать Девлет-Гирея, царица Ертуган.

Подобные тенденции трансформации института аталычества в фактор перманентной политической нестабильности в Крыму не могли не вызывать противодействия у правящих ханов. Период своего второго правления хан Гази-Гирей II начинает борьбой против политического влияния аталыков, вплоть до физического устранения наиболее активных «воспитателей» «перспективных» Гиреев, претендующих на престол. Например, вышеупомянутый Мухаммад Казы аталык Девлет-Гирея погиб вместе с воспитанником в июне 1601 г. во время знаменитого избиения по приказу хана «фрондирующих» царевичей и поддерживающих их представителей знати [13, с. 341].

Аталычество у крымской знати

В поле зрения русской дипломатии со второй половины XVI века начинают попадать и аталыки у представителей крымской знати. Намечаются тенденции, позволяющие предположить их участие в «ссылках» их воспитанников с Русским и Польско-Литовским государствами как в рамках обмена дипломатическими миссиями, направляемыми крымскими ханами, так и

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 19. Л. 106.

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 3 об.

вне их при осуществлении самостоятельных дипломатических ссылок с Москвой, Вильно и Краковом. Эта тенденция усиливается в ходе «ссоры великой в Крымском юрте» Прежде всего это относится к тем крымским кланам, которые традиционно проводили собственную внешнеполитическую линию в отношении сопредельных государств.

Так, в период пика своего могущества в конце 80-х – первой половине 90-х гг. Арсланай «Дивеев» поручал контакты с русскими гонцами, передвигавшимися через территорию его улуса, аталыкам своих сыновей В начале лета 1594 года через «Арсланаев улус» двигалось возвращавшееся из Крыма в Москву посольство кн. М.А.Щербатова. Там их приветствовал Иссей, «аталык третьего Арсланаева сына», который поведал им, что Арсланай «от царя приехал» и до своего выступления в поход готов «сослаться» с послами²⁷. Третьим сыном Арсланая был Сулеш-мурза, который привлекался отцом и к «официальным», и к «сепаратным» ссылкам Мансуров с Москвой.

Итак, институт аталычества в Крымском юрте являлся серьезным в известной степени «государственнообразующим институтом».

Институт аталычества в Казанском ханстве и Ногайской Орде

О данном институте в Казанском ханстве прямых свидетельств почти не сохранилось, хотя предполагать его мы имеем все основания. Но, к сожалению, до наших дней дошло лишь два прямых упоминания казанских аталыков. Первое – это известие «Зафар-наме-Казан-вилайет» о Барболсун аталыке. И.В. Зайцев отождествляет его с Барболсун-огланом, захваченным русскими в плен в 1551 г. и позднее казненным [15, с. 147]. Второе – это сообщения об аталычестве Чапкуна при Ядгар-Мухаммаде в 1552 г. [23, с. 515]. Такое молчание может иметь несколько объяснений. Первое, это специфика источникового материала. Русские летописи четко фиксировали следующие титулы: бек (князь), карачи, оглан (улан), сейид, хаджи (азей), мирза и бакши. Также в летописях фиксировались: казак, батыр (богатырь), мулла, моллазадэ, дервиш и шейх. Можно полагать, что это было связано с процедурой шертования, которая требовала участия всех основных групп населения Казанского ханства. Наиболее подробная запись из сохранившихся в памятниках официального летописания относится к 14 августа 1551 г. Приведем ее полностью: «...приехали ко царю и бояром Кулшеф молна и Маамет сеит Мансырь сеитов сын, и все с ним шихи и шихзады, имамы и молозады и азии и дербыши, да Нудайгул улан, а с ним уланы все, да Муралей князь, а с ним многие князи и мурзы» [23, с. 485]. Очевидно, что титулы, связанные с личным окружением хана, летописцев не интересовали. Второе объяснение может быть связано с первым. Не исключено, что аталыки не играли самостоятельной роли в политической жизни Казанского ханства. Следовательно, фиксация аталычества того или иного лица для сторонних наблюдателей не имела смысла. В определенном смысле это наше наблюдение подтверждают и материалы посольских книг по связям с Ногайской Ордой. Так, в книге за 1551–1556 гг. аталыки упоминаются в посланиях Исмаила и Арслана. Так, в послании 1551 г. Исмаил вспоминает, что он отправил аталыка к Дервиш-Али, а Арслан в 1556 г. упоминает своего аталыка [25, с. 79, 217]. Аталыки в ногайских кни-

²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 309 об–310.

гах фигурирую заметно реже имелдешей и почти всегда лишены какой-то особой политической роли. Поэтому можно предположить, что именно в условиях Крымского ханства аталычество приобрело особый статус.

Аталыки в Сибири

Исследовать институт аталычества в Сибири не просто. В нашем распоряжении слишком мало документальных свидетельств. В настоящее время мы можем говорить о том, что кочевая ставка Кучума и Кучумовичей состояла прежде всего из аталыков и имелдешей [20, с. 5; 36, с. 132–134]. Однако об их статусе мы практически ничего не знаем. Попытка увидеть в них неких чиновников по особым поручениям, в функции которых входил сбор ясака, торговых налогов и сборов и обеспечение порядка в местах торговли, документально не подтверждается [21, с. 139; 26, с. 249]. Хотя подобный взгляд на сибирских аталыков не лишен определенной логики. Как известно, Кучум имел множество жен. Ряд из них являлись дочерьми и сестрами наиболее значимых представителей родоплеменной знати Сибири. Подобные браки фиксируются и у его детей и племянников. Такой матримониальной политикой сибирские Шибаниды стремились обеспечить политическое единство и лояльность различных тюркских групп, составлявших ханство. Если допустить, что аталыки выбирались из родственников матерей того или иного царевича, а подобные сведения у нас имеются [6], то они вполне могли стать неким связующим звеном между ставкой хана и своим родоплеменным объединением. Но в этом направлении предстоит еще длительный поиск. Однозначно мы можем утверждать о посылке аталыков с определенными поручениями к народам, входившим в этот период или же ранее в состав Сибирского юрта [22, с. 153–154].

Аталыки в России

Институт аталычества в России имел свои особенности. В нашем распоряжении имеется более чем ограниченный круг источников по данной проблеме. Все они относятся к XVII в. и касаются касимовских Чингизидов из казахской и сибирской династий, а также ургенчского царевича Авгана. Однако эти данные позволяют нам довольно точно экстраполировать положение аталыков при татарских царях и царевичах на иные места их проживания в Московском государстве XVI в.

Первое свидетельство об аталыках Чингизидов в России относится к марту 1552 г. Тогда некоего Салтан-Булата, сына аталыка Билгида (Бигилдеева), испостили в Мещере. Ему предоставили поместье в 10 четвертей в одном поле и сенные покосы в 18 копен сена [4, №21, с. 19].

Наиболее подробную информацию мы имеем о клане сибирских мурз Мусаитовых-Курамышевых. О Мусаите нам практически ничего неизвестно. Однако его следует искать в ближайшем окружении хана Кучума или же во главе значительного родоплеменного объединения. Об этом мы можем судить по бракам его детей и внуков. Одна его внучка стала женой сибирского царевича Мухаммад-Кула б. Атаула [9, с. 103]. Другая внучка, Наг-салтан (Нагел), в первом браке была за неким Мамаем мирзой Семендеревым, вторым же браком она за касимовским царем Арсланом б. Али. Очень важен для нас тот факт, что известно упоминание царицы как Наг-сеид, что является указанием на ее принадлежность к роду пророка Мухаммада [9, с. 100]. Поэтому среди жен Карамыша Мусаитова следует искать дочь некоего сибир-

ского сеида. Во второй половине XVI в. это только бухарский выходец Дин-Али ходжа б. Мир-Али ходжа. О нем известно, что он приехал в Сибирь в 1574–1575 гг. и заменил здесь своего дядю Ярым сеида б. Алауддина на «посту» главы местного духовенства, и в том числе занимался правосудием. Хан Кучум выдал за него свою дочь от царицы Лилилак (Лилипак) Нал. Таким образом, Карамыш был женат на дочери сеида и внучке хана Кучума [28, с. 138–142]. Сын Мусаита, Карамыш, по косвенным данным являлся аталыком – воспитателем одного из сибирских царевичей, скорее всего, одного из многочисленных детей хана Кучума. На это указывает тот факт, что его сын, Исинея, иногда именуется имелдешем, то есть молочным братом [6].

Сам Карамыш так же в России не известен. Представители рода стали появляться в России в конце XVI в. Первым, по-видимому, был Бахтураз Карамышев, приходившийся шурином сибирскому царевичу Мухаммад-Кулу б. Атаулу. Он выехал в Россию вместе с женой последнего (своей сестрой) в 1586/87 г. Первоначально он, судя по всему, жил во дворе у царевича Мухаммад-Кула. Но через два года подал челобитную о верстании его помещным окладом и денежным жалованием²⁸. Ему назначили более чем значительный по тем временам для служилого мусульманина помещный оклад и годовое денежное жалование: 500 четей и 30 рублей соответственно²⁹. Следующей оказалась Нал-ханиша, теща Карамыша и дочь хана Кучума. В 1598 г. она в составе большой группы Кучумовичей попала в плен и была в 1599 привезена в Москву [2, с. 1–21].

Имелдеш Исинея Карамышев впервые упоминается в документах в связи с касимовским царем Ураз-Мухаммадом б. Онданом. По словам царя, при Борисе Годунове по его извету он «живот свой мучал» [31, с. 117]. Можно предположить, что истоки вражды между Ураз-Мухаммадом и Исинею Карамышевым лежат еще в событиях их сибирской жизни. Ее причины мы, скорее всего, никогда не узнаем. Но эти события сделали их врагами до самой смерти.

Испоместили мирзу, судя по всему в Мещере. Нам известно, что в 1613 г. ему с племянниками Изерепом Достокасимовым, Мустафаю Мамаевым, Сутеком Мусаитовым принадлежала вотчина с. Кусмор с деревнями и пустошами Кусморской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда. Здесь же как поместье Исинею принадлежала д. Новая с деревнями и пустошами, пожалованная царем Василием Шуйским [14, с. 333]. Можно предположить, что в какой-то период Мусаитовым и их родственникам принадлежала вся волость. Иные поместья принадлежали мирзе в Темниковском, Шацком и Касимовском уездах. О некоторых из них прямо указывается, что они «старые». Однако степень их «старинности» установить не представляется возможным [14, с. 60, 71, 195, 241, 275]. У нас имеется возможность несколько конкретизировать владения рода в Кусморской волости. 3 июня 1632 г. вдова касимовского царя Арслана б. Али Наг-салтан Карамышева, дочь Мусаитова, сестра Исинея Карамышева, дала касимовскому (ростовскому?) служилому татарину Мустафе мирзе Мамаеву сыну Семендееву (ее сыну или пасынку от первого брака) 500 рублей в заклад выслуженной вотчины за московское осадное сиденье В. Шуйского, из его поместья, сельцо Бундово, Пенки тож, на речке Унже,

²⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 24. Л. 1.

²⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 4.

Федосеевский починок, деревни Большую и Меньшую Сабуровы с половиной пустоши Колодина, половиной пустоши Тарасовой, половиной пустоши Штетининой в Кузморской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда (15 крестьянских и 16 бобыльских дворов, 113 с осьминою четей в одном поле). Летом 1634 г. вотчина перешла в собственность царицы. В деле имеется интересная дополнительная информация. Здесь приводится список с двух жалованных вотчинных грамот царя Михаила Федоровича: от 7 июня 1624 г. мирзе Мустафе Мамаеву сыну Семендереву на его выслуженную вотчину, жеребей сельца Пенки и список с жалованной вотчинной грамоты ему же от 7 июля 1624 г. на вотчину его тетки, вдовы Исенбек (выслуженная вотчина ее детей Яншея и Сейтека Мусаитовых), жеребей все того же сельца Пенки³⁰. Таким образом мы узнаем новые имена из клана Мусаитовых.

Мустафа Мамаев сын Семендерев приходился сыном сибирскому татарину Мамаю Семендереву. Маловероятно, что Наг-салтан Карамышева приходилась ему родной матерью, иначе его отмечали бы как сеида. Мамай Семендерев обладал более чем значительным статусом в Сибирском ханстве. Ведь в 1596/97 г. в России его испостили на 535 четях из дворцовых земель в Сотемском стане Ростовского уезда (14 деревень с починками и пустошами). Однако в апреле 1603 г. данное поместье жалуетсЯ выезжему ногайскому мирзе Хозяшу Юсупову [3, с. 299–300]. Однако в 30-х гг. XVII в. данное поместье значится за его сыном Мустафой [31, с. 302]. Не является ли это движение поместных земель следствием ссоры Исинея Карамышева и Ураз-Мухаммада?

Мы столь подробно остановились на истории этой семьи для того, чтобы показать, что сибирские аталыки и их потомки после пленения «своего» Чингизида выезжали вслед за ним и в той или иной степени еще долгое время составляли некое единое целое с сибирскими Шибанидами, в том числе и путем заключения браков с ними. Столь прочны были эти связи.

Аталыки сибирских царевичей были очень уважаемы своими воспитанниками. Это подчеркивалось и их материальным содержанием. Так воспитатель сибирского царевича (затем касимовского царя) Арслана б. Али б. Кучума Келмамат аталык Агилдеев получил на свое содержание из поместий своего воспитанника деревни Шоства и Малые Пексемы (231 чети) и 40 рублей годового жалования. По этим показателям он возглавлял список двора Чингизида. При сыне Арслана, Сеит-Бурхане, содержание аталыка несколько сократили, но он по-прежнему, хотя бы формально, входил в верхушку двора касимовского царевича [9, с. 239].

Имелись и иные аталыки сибирских Шибанидов в России. Об их значительном количестве говорит регулярное упоминание в документах имелдешей (молочных братьев). Однако имена воспитателей нам неизвестны. Причину этого следует видеть в том, что аталыки имели значение для внутренней структуры выезжих Чингизидов, но совсем не интересовали, за редким исключением, русские власти.

Прямых сведений о наличии аталыка у казахского царевича, затем касимовского царя Ураз-Мухаммада б. Ондана у нас не имеется. Однако им, скорее всего, являлся джалаирец Кадыр-Али бек [7].

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5980. Л. 493–516 об.

В результате династического конфликта осенью 1622 г. в Москве оказался Ургенчский малолетний царевич Авган-Мухаммад б. Араб-Мухаммад. Его сопровождали: аталык Исенбай мирза Авнашев сын Кайбузаманов с женою и еще 5 человек. Статус аталыка отчетливо виден на сравнении его поденного корма и корма остальных членов двора царевича. Дядька (аталык) Исенбайка получал на день 5 копеек, 3 чарки вина и две кружки меда. Его жене, мамке царевича, было положено 4 копейки, 2 чарки вина и 1 кружка меда. Остальным людям (6 человек) по 3 копейки, 2 чарки вина, а также на всех ведро пива и полведра меда. Когда с 1623 г. царевичу и его двору стали давать ежегодную дачу на платье, то Авган получал по 50, аталык – 12 рублей, остальным – по 6 рублей.

Но на воспитателя возлагали и всю ответственность за поведение его воспитанника. Не удовлетворяясь достаточно прохладной встречей царем Михаилом Федоровичем идеи похода на Ургенч, окружение молодого царевича, судя по всему, не теряло надежды кардинально изменить ее и свою судьбу. Остались следы их самостоятельной политической игры. В июне 1624 г. во дворе ургенчского царевича устроили обыск, в результате которого была обнаружена переписка с персидским шахом, Бухарой и Ургенчем, в которой упоминались «непригожие слова». Можно предположить, что «непригожими» были признаны жалобы на нежелание Михаила Федоровича оказать военную помощь царевичу. Тогда арестовали и привели к пытке дядьку и абыза царевича. После этого на дворе Авгана постоянно находился пристав. Мамку Анекаю не тронули, хотя, судя по документам, именно она, скорее всего, находилась в центре авантюры. Дядьку и абыза сослали в Новгород и Сольвычегорск соответственно, где они сидели по тюрьмам до 1627/28 г., после чего были выпущены на поселение. Вернуться в Москву аталык смог только весной 1633 г. Иных сведений об аталыке царевича мы не имеем [8].

Таким образом, мы наблюдаем аталыков при выездных Чингизидах. Однако в России их статус сохранялся только при дворах своих воспитанников, однако учитывался и Москвой при назначении жалования. Пока мы должны констатировать, что звание имелдеша здесь по непонятным причинам оказалось несколько выше. По крайней мере, служилые татары регулярно указывали на этот статус, если имели на него право.

Итоги

Таким образом, мы видим, что институт аталычества был более чем сложным и многогранным инструментом в борьбе ханов с главами подконтрольных им элей. Статус аталыка зиждился исключительно на личной преданности и привязанности воспитателя и воспитанника. Но эта связь была выгодна двум сторонам. Чингизид получал верного проводника своей политики, готового выполнить самое щекотливое его поручение. Воспитатель же автоматически повышал свой социальный, а вместе с ним и материальный статус, помогал родственникам сделать карьеру, а это в свою очередь помогало хану обуздать претензии родовых элит в принятии тех или иных дел.

Рассматриваемое нами явление не проходило на всем пространстве Дешт-и Кыпчака однотипно, но имело множество региональных особенностей. Поэтому становление и развитие института аталычества, рассмотренные нами по преимуществу на примере Крымского ханства, нельзя считать эта-

лонными и автоматически переносить их на иные территории. Хотя, конечно же, здесь имелись определенные общие черты. Со временем обнаружение новых документов и привлечение сведений о данном явлении в иных регионах помогут нам существенно дополнить получившуюся картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян Р.Р.* Аталычество как система народного воспитания // Вестник Пятигорского Государственного лингвистического университета. 2003. № 4. С. 13–15.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Археографический центр, 1997. Т. I. 432 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002 Т. III. 680 с.
5. Аталыки // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. I. С. 915.
6. *Беляков А.В.* Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2012 № 6. Ч. 3. С. 82–87.
7. *Беляков А.В.* Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских Западной Сибири. Курган: Издательство Курганского университета, 2014. С. 63–64.
8. *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература 2007. С. 95–112.
9. *Беляков А.В.* Чингизиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
10. *Беляков А.В., Виноградов А.В.* «Дело Муслы аталыка». К истории военнополитического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6 2014. С. 51–62.
11. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 1591–1593 гг.: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С. 18–50.
12. *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации. // Восток (ORIENS) 2016. №5 С. 25–41.
13. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай: Оранта, Мастерная книга, 2007. Т. I. : Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. 368 с.
14. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. 480 с.
15. *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С 146–156.
16. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). Издана по поручению императорского Московского общества истории и древностей российских кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М.: Университетская типография, 1843. 510 с.
17. *Косен М.О.* Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
18. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. 372 с.

19. *Максудов А.* Крымские ханы и черкесские князья // Генеалогический вестник. 2002. Вып. 7. С. 25–37.
20. *Маслюженко Д.Н.* Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в южном Зауралье в 1600-е г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №3. С. 5–10.
21. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: ФЭН, 2012. 260 с.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Академия наук СССР, 1936. Ч. I. 632 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. М.: «Языки славянских культуры», 2005. 704 с.
24. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М.: Русские витязи, 2016. 400 с.
25. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
26. *Почекаев Р.Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое Время). Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
27. Русский Архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
28. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.
29. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. I. 542 с.
30. Статейный список Московского посланника в Крым И. Судакова в 1587–1588 гг. С предисловием Ф.Ф. Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1891. №14. С. 43–80.
31. *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 360 с.

Сведения об авторах: Андрей Васильевич Беляков – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

Александр Вадимович Виноградов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Россия в международных отношениях Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра социокультурных проектов Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская площадь, д. 6, Москва, Российская Федерация); заведующий сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016** (119021, Зубовский бульвар, д. 2, Москва, Российская Федерация). E-mail: maksim-moiseev@yandex.ru

Поступила 2.02.2017

Принята к публикации 15.05.2017

Опубликована 30.06.2017

INSTITUTION OF ATALYKSHIP
IN THE POST-GOLDEN HORDE WORLD

A.V. Belyakov^{1a}, *A.V. Vinogradov*^{1b}, *M.V. Moiseev*²

¹ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*
Moscow, Russian Federation

^a *belafeb@gmail.com*

^b *avinogradov1957@yandex.ru*

² *Department of Socio-Cultural Research*
of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
maksi-moiseev@yandex.ru

Research objective: To study the institution of atalykship in the Crimean, Siberian and Kazan khanates and the Nogai Horde.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, archaeological data, etc.

Results and novelty of the research: Up to now the institution of atalykship has not been practically studied. The authors attempted to consider this phenomenon on the example of the Crimean, Siberian and Kazan khanates and the Nogai Horde. Evidence of the presence of atalyks in the service of the Chinggisids in Russia was also taken into account.

The authors managed to show that atalyks represented a complex and multifaceted tool in the struggle of the khans with the heads of the *els* (clans) they controlled. The status of atalyk was based solely on the personal loyalty and affection between the educator and educatee. However, this relationship was beneficial to both sides. A Chinggisid received the faithful conductor of his policy, ready to fulfill his most delicate mission. For his part, the tutor automatically raised his social and material status and helped his relatives' careers. This, in turn, helped the khan to curb the claims of clan elites.

The phenomenon under consideration had many regional features throughout the entire Desht-i Kipchak's space. We consider the emergence and development of the institution of atalykship on the example of the Crimean khanate. However, this example can not be considered standard. It can not be automatically applied to other territories. Over time, new documents will be found. This will substantially supplement information on this phenomenon in other regions.

Keywords: Russian state in the 16th–17th century, Crimean khanate, Siberian khanate, Kazan khanate, Nogai Horde, atalyk, Chinggisids

For citation: Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institution of Atalykship in the Post-Golden Horde World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436

REFERENCES

1. Avetisyan R.R. Atalychestvo kak sistema narodnogo vospitaniya [Atalykship as a System of Public Education]. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2003. No. 4, pp. 13–15. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg,

Tipografiya II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)

3. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Serving Landowners of the 16th – early 17th centuries]. Moscow, Arkheogra-ficheskiy tsentr, 1997. Vol. I. 432 p. (In Russian)

4. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Serving Landowners of the 16th – early 17th centuries]. Moscow, Drevlekh-rani-lishche, 2002. Vol. III. 680 p. (In Russian)

5. Atalyki [Atalyks]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Moscow, 1961. Vol. I, p. 915. (In Russian)

6. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni [Isiney Karamyshev, Son of Musait. Unknown Hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.N. Lobachevskogo* [Bulletin of N.N. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2012. No. 6. Part 3, pp. 82–87. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Kak zvali bol'shogo sibirskogo karachu? [What Was the Name of the Great Siberian Karachu?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States in Western Siberia]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 63–64. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Tsarevich Avgan-Mukhammed ibn Arab-Mukhammed v Rossii pervoy poloviny XVII v. [Tsarevich Avgan-Muhammed ibn Arab-Muhammed in Russia in the first half of the 17th century]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2006* [Turkological Collection. 2006]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007, pp. 95–112. (In Russian)

9. Belyakov A.V. *Chingizidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th centuries: Prosopographic Research]. Ryazan, Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)

10. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. «Delo Musly atalyka». K istorii voenno-politicheskogo protivostoyaniya Rechi Pospolitoy, Russkogo gosudarstva i Porty v period dinasticheskogo krizisa v Krymu v 1584–1588 gg. [The “Case of Atalyk Musla”. To the History of the Military-Political Confrontation of the Rzeczpospolita, the Russian State and the Porte during the Dynastic Crisis in the Crimea in 1584–1588]. *Srednekovykh tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2014. No. 6, pp. 51–62. (In Russian)

11. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya 1591–1593 gg.: ot konfrontatsii k poiskam mirnykh resheniy [Russian-Crimean Relations in 1591–1593: From Confrontation to the Search for Peaceful Solutions]. *Srednekovykh tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2014. No. 6, pp. 18–50. (In Russian)

12. Vinogradov A.V. Sostav politicheskoy elity Krymskogo khanstva v 1560–1590-kh gg. po materialam russkoy i pol'sko-litovskoy posol'skoy dokumentatsii [Composition of the Political Elite of the Crimean Khanate in the 1560–1590's: Based on the Materials of Russian and Polish-Lithuanian Ambassadorial Documentation]. *Vostok (ORIENS)*. 2016. No. 5, pp. 25–41. (In Russian)

13. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov* [The Overlords of the Two Continents]. Kiev; Bakhchisaray: Oranta, Maysternaya kniga, 2007. Vol. I.: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasle-die Velikoy Ordyy. 368 p. (In Russian)

14. *Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.)* [Documents of the Seal Order (1613–1615)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 480 p. (In Russian)

15. Zaytsev I.V. Sud'ba aristokrata. Ak-Mukhammed-oglan i ego syn Fedor [Destiny of a Nobleman: Aq-Muhammad-oglan and His Son Fedor]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013. No. 2, pp. 146–156. (In Russian)

16. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda Avgusta (s 1545 po 1572 g.)* [Ambassadorial Book of the Metric of the Grand Duchy of Lithuania, Which Contains Diplomatic Relations of Lithuania during the Reign of King Sigismund

Augustus (from 1545 to 1572)]. Izdana po porucheniyu imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh kn. M. Obolenskim i prof. I. Danilovichem. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1843. 510 p. (In Russian)

17. Kosven M.O. Atalychestvo [Atalykship]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1935. No. 2. (In Russian)

18. Kusheva E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiey: vtoraya polo-vina XVI – 30-e gody XVII veka* [Peoples of the Northern Caucasus and Their Relations with Russia: the second half of the 16th century – the 1630s]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1963. 372 p. (In Russian)

19. Maksudov A. Krymskie khany i cherkesskie knyaz'ya [Crimean Khans and Circassian Princes]. *Genealogicheskiy vestnik* [Bulletin of Genealogies]. 2002. Is. 7, pp. 25–37. (In Russian)

20. Maslyuzhenko D.N. Tyurkskie gruppy v kochev'yakh Kuchumovichy v yuzhnom Zaurale v 1600-e g. [Turkic Groups in the Nomadic Camps of the Kuchumoviches in Southern Trans-Urals in the 1600s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. No. 3, pp. 5–10. (In Russian)

21. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: Military and Political Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)

22. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1936. Part I. 632 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. The Lvov Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultury, 2005. 704 p. (In Russian)

24. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1567–1572 gg.* [Ambassadorial Book on the Relations of the Moscow State with the Crimea in 1567–1572]. Moscow, Russkie vityazi, 2016. 400 p. (In Russian)

25. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2006. 391 p. (In Russian)

26. Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii (Srednie veka i Novoe Vremya)* [The Law of Chinggis: The Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and the States of Central Asia (Middle Ages and New Time)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2016. 311 p. (In Russian)

27. *Russkiy Arkhiv Yana Sapiegi 1608–1611 godov* [The Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611]. Volgograd: Izd-vo Volgograd-skogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2012. 688 p. (In Russian)

28. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: The Specificity of the Universal]. Moscow, Mardzhani, 2009. 216 p. (In Russian)

29. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porta until the beginning of the 18th century]. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. Vol. I. 542 p. (In Russian)

30. Stateyny spisok Moskovskogo poslannika v Krym I. Sudakova v 1587–1588 gg. S predisloviem F.F. Lashkova [Diplomatic Reports of I. Sudakov, the Moscow Envoy to the Crimea in 1587–1588. With a foreword by F.F. Lashkov]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Simferopol, 1891. No. 14, pp. 43–80. (In Russian)

31. Strel'nikov S.V. *Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV – pervoy treti XVII veka* [Land Tenure in the Rostov Region in the 14th – first third of the 17th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2009. 360 p. (In Russian)

About the authors: Andrey V. Belyakov – Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

Aleksandr V. Vinogradov – Cand. Sci. (History), Senior scientific employee, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of scientific and educational work, Museum of Moscow; Research fellow, Department of Socio-Cultural Research, Russian State University for the Humanities, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016** (2, Zubovsky Bulvar, Moscow 119021, Russian Federation). E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

Received February 2, 2017

Accepted for publication May 15, 2017

Published June 30, 2017

НАСЛЕДИЕ

УДК 930.272(09)"1594"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.437-459

**ПИСЬМО ПОЛЬСКОГО ГЕТМАНА ЯНА ЗАМОЙСКОГО
«О ПРОХОЖДЕНИИ ТАТАР ЧЕРЕЗ ПОКУТЬЕ В 1594 ГОДУ»****Роман Хаутала^{1,2}, В.П. Гулевич³**¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*³ *Аппарат Верховной Рады Украины
Киев, Украина
gulevych_v@ukr.net*

Настоящая статья содержит текст послания, которое польский гетман Ян Замойский адресовал кардиналу Чинцио Альдобрандини 12 августа 1594 года с описанием обстоятельств недавнего вторжения татарского войска в Венгрию. Судя по содержанию письма, Замойский не скрывал своего стремления оправдаться в глазах Римской курии за неэффективность своих действий, которые должны были бы воспрепятствовать татарам вторгнуться в Венгрию через украинские земли, находившиеся в подчинении Речи Посполитой. Таким образом, данное послание представляет собой двоякий интерес. В первую очередь, послание Замойского изобилует сведениями об этапах следования татарского войска на запад и стратагеме хана Гази Гирея, позволившей татарам усыпить бдительность польского гетмана и безболезненно проникнуть на венгерскую территорию. С другой стороны, относительный интерес в послании представляют несколько неуклюжие попытки Замойского обосновать свои неудачные действия.

Данная статья, таким образом, содержит латинский текст послания и его русский перевод, как и предисловие и необходимые комментарии к тексту, поясняющие причины и сам ход вторжения татар в королевство Венгрии. Кроме того, в статье приводятся факсимиле двух рукописных копий письма из Амброзианской библиотеки в Милане.

Ключевые слова: Османские завоевания на Балканах в конце XVI века, вторжения Крымских татар в Центрально-Восточную Европу, королевство Венгрии, Речь Посполитая, польский гетман Ян Замойский

Для цитирования: Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо польского гетмана Яна Замойского «О прохождении татар через Покутье в 1594 году» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 437–459 + 22 с. илл. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.437-459

Закончив в 1590 г. войну с Ираном, Османская империя смогла вновь сфокусироваться на противостоянии с Габсбургами, располагавшими обширными владениями в Центральной Европе и, в частности, Венгрией. Сами Габсбурги

© Хаутала Р., Гулевич В.П., 2017

занимали оборонительную позицию в конфликтах с османами, в ходе которых император Рудольф II получал финансовую поддержку от отдельных европейских монархов и Ватикана. Австрийцы выстроили ряд крепостей для укрепления границы, но уже в 1591 г. губернатор османской Боснии Хасан-паша захватил несколько из них на хорватской границе. В 1593 г. он осадил укрепление Сисак, но спешно собранные австрийские войска разбили его, что и стало поводом для начала Тринадцатилетней или «Длинной» войны 1593–1623 гг.

Первый этап войны с 1593 по 1596 гг. сопровождался крупными походами и масштабным осадами крепостей. Турки начали подготовку к войне еще в феврале 1593 г. В июле того же года визирь Кожда Синан-паша возглавил османское войско и выступил против Австрии [6, с. 240–241]. Под командованием визиря было от 30 до 60 тысяч воинов. В конце августа османы захватили Сисек, а в октябре – Веспрем; после чего они отошли на зимовку к Белграду [4, с. 31–32].

В том же 1593 г. по инициативе папы Климента VIII была создана Священная лига, в которую вступили Испания и несколько государств Италии и Германской империи. В основном их участие свелось к незначительной финансовой поддержке Габсбургов. Но один из наиболее сильных потенциальных участников союза – Польское королевство – занял в этой войне нейтральную позицию.

Собрав до 25 тысяч воинов, в ноябре 1593 г. венгры смогли разбить турецкие силы при Пакозде и захватить ряд важных крепостей. Под впечатлением от этих новостей в феврале 1594 г. правитель Трансильвании Батори высказал папскому нунцию желание присоединиться к Лиге и отправил посольство к императору Рудольфу II. Новый 1594 г. начался для императора успешно. Отличились венгерские военачальники: Миклош Палффи захватил Ноград, а Дьердь Зриньи – несколько крепостей, прикрывавших Сигетвар. В мае брат императора, эрцгерцог Максимилиан, осадил Эстергом, взятие которого открывало дорогу на Буду.

В этих условиях османское командование испытывало нужду во вспомогательных отрядах легкой конницы, роль которой ранее играла кавалерия-акинджы, бывшая на службе у различных беев-военачальников, которые осуществляли территориальные завоевания на Балканах параллельно с турками. Согласно турецкому летописцу Наиме, 4–5 мая 1594 г. султан выслал крымскому хану Гази Гирею приказ присоединиться к войску Кожды Синан-паши на Балканах. Уже 27 июля татарское войско достигло Северной Венгрии, где соединилось с османским в районе города Тата [2, с. 21–22]. По данным московских дипломатов, хан привел в Венгрию 70 тысяч, а его брат, калга Фетх Гирей – 15 тысяч воинов [3, с. 42]. Однако в действительности их было в два раза меньше.

Это не было первым появлением татар в Центральной Европе в XVI в.: в 1543 г. крымские татары помогали османам осаждать венгерский Секешфехервар, а в 1566 г. – Сигетвар [26, р. 31]. В начале 1588 г. татарская конница оказала помощь польскому гетману и канцлеру Яну Замойскому в Силезии во время борьбы за польский трон между Сигизмундом III и Максимилианом Габсбургом [16, с. 66–68]. В последнем случае это были не крымские, а польские татары. Но даже само упоминание татар вызывало панику в далекой от Крыма Великопольше и Силезии, откуда купцы распространяли ее до самой Вены, как

это было во время нападения крымцев на Малопольшу в конце 1575 г. [10, s. 177]. Иногда поляки сознательно подогревали эти настроения. Так, во время сейма, на котором решался вопрос выбора монарха после побега из Польши короля Генриха Валуа, 30 января 1576 г. имперские послы доносили, что турки и татары напали бы на Польшу в случае избрания австрийского кандидата [17, s. 106]. Таким образом, панический страх перед угрозой нападения татар распространялся по Европе еще до того, как они там появлялись.

Коронный гетман Ян Замойский узнал о планах хана Гази Гирея совершить поход на Венгрию, исполняя приказ султана, от слуги турецкого чауша, который ранее был человеком панов Ярмолинских, но позже принял ислам. В 1593 г. хан потребовал от господаря Молдавии Арона проводников [9, № 28, s. 109], но тот тянул время и предупредил Батори, венгров и Замойского [11, № 169, 171, p. 179, 180; 9, № 28, s. 109–111]. Однако гетман не знал, каким путем пойдут татары. В письме к польному гетману Станиславу Жулкевскому он приказывал стеречь татар у Днепра и Днестра. Но сам Жулкевский, хоть и желал, чтобы татары направились через польские земли, чтобы иметь возможность с ними сразиться, не верил, что они пойдут через Карпаты [15, № 23, s. 40–41 (письмо от 2 марта 1594 г.)]. Тем не менее он отправил своих людей в степь, чтобы стеречь татар и перехватить их на Черном шляхе [15, № 24, s. 42–44]. Для того чтобы воспрепятствовать проходу татар в Венгрию, в январе 1594 г. к запорожцам был отправлен австрийский посол Эрих Лясота. Он добрался в Запорожскую Сечь лишь летом, но к тому времени татары уже форсировали Днепр. Казаки не смогли помешать татарам, поскольку тех поддерживал османский флот [13, s. 31; 8, с. 102–121]. Пройдя через Молдавию, уже в начале июля крымское войско хозяйничало на Покутье и в Галичине, опустошая окрестности Снятина, Коломыи, Галича, Жидачева, Стрыя, Обертина. Хотя Замойский и сконцентрировал свои силы под Бродами, но из-за малого их числа он не мог им противостоять. Гази Гирей не стал дожидаться, пока Замойский соберет все возможные подкрепления, и, обойдя гетманский обоз, 10 июля направился в сторону Венгрии, где нанес поражение венгерскому войску. Как оказалось, он имел хороших проводников.

Беспрепятственный проход татар через Галичину и ее разорение вызвали в Польше шквал критики в адрес Замойского. Злопыхатели язвили, что он стерег свою молодую жену бдительнее, чем интересы Речи Посполитой, и слали на него доносы королю Сигизмунду III Вазе. Гетману не оставалось ничего другого, как только ждать на границе с войском возвращения татар. Но отягощенный богатой добычей Гази Гирей вернулся в Крым другой дорогой в феврале 1595 г. [17, s. 234].

Примечания к изданию текста

Следующий ниже текст воспроизводится по рукописной копии письма, сделанной итальянским гуманистом Джан Винченцо Пинелли (1535–1601) и содержащейся в кодексе Амброзианской библиотеки в Милане (S 96 sup., fol. 349^r–353^r)¹ [см. описание кодекса в: 20, № 368, p. 142–143]. Судя по разночте-

¹ Обратная сторона предшествующего основному тексту листа (348^v) оставлена пустой, тогда как на лицевой стороне (348^r) стоит только следующий заголовок: «Письмо о прохождении татар через Подутье [sic] в 1594 году» (De transitu Tartarorum per Podvciam [sic] anno M.D.XCIII Epistola).

ниям, содержащимся в этой копии, она, вероятно, была сделана вне зависимости от первопечатного издания письма, опубликованного в Кракове вскоре после его написания [27; ниже в тексте обозначается как С]. Данное первопечатное издание письма предварялось следующим вступлением Матеуша Клодзинского:

«Прославнейшему и почтеннейшему властителю и повелителю, господину Георгию, титулярному пресвитеру Святого Сикста, кардиналу Святой Римской церкви Радзивиллу², вечному администратору Краковской епархии и т.д., князю Олики³ и Несвижа⁴ и т.д., и т.д.

Моему почтеннейшему господину и патрону.

Когда в эти дни прославнейший и выдающийся господин люблинский палатин и краковский генеральный капитан⁵, сенатор, отличающийся благородством и добродетелью, поделился со мной копией письма о последней татарской экспедиции, адресованного прославнейшему кардиналу Святого Георгия прославнейшим господином канцлером и генералом королевства⁶; я посчитал уместным, чтобы оно было издано публично и достигло всех не только для того, чтобы, публично представленное, оно стало публично известным всем, но также чтобы освободить души людей от некоторых ошибочных предрассудков. Ибо в душах некоторых укоренилось устаревшее мнение, что бешенства скифов⁷ следует опасаться только лишь из-за скорости их передвижения, которая не может ничего против мощи и крепости или совсем мало, что нам, почти беззаботным, казалось, во всяком случае, до сих пор наиболее веским соображением: в этом, в действительности, крылась причина немалых бедствий. То, что все это, однако, обстоит противоположным образом, может показать не только не самый счастливый исход войн древних и их же самых могущественных царей – величайшего Кира, Дария, Александра Великого и также прочих, – когда кто-либо из них имел дело со скифами, но и сегодняшняя самонадеянность тех, кто полагаются на число и мощь. О, если бы люди захотели так же серьезно поразмыслить, каким образом можно противостоять тому, отчего они так страдают и негодуют, когда что-нибудь происходит вразрез с нашими желаниями! Решив вынести это письмо на публичное суждение по указанным мною причинам, я, однако, подумал посвятить его при этом, как будто бы частным образом, тебе, прославнейший кардинал, чтобы сначала, написанное почетнейшему кардиналу, оно появилось на публике под именем столь великого кардинала; в особенности же, дабы затем, занимающий столь прославленное положение на как буд-

² Юрий (Ежи) Радзивилл (1556–1600), сын канцлера Великого княжества Литовского Миколая Радзивилла «Черного», кардинал с 1583 г. Один из ближайших советников короля Сигизмунда III Вазы.

³ Город Олыка (укр. *Олика*, пол. *Ołyka*), один из центров владения Радзивиллов. Теперь поселок городского типа в Киверцовском районе Волынской области Украины.

⁴ Город Несвиж (бел. *Нясвіж*, пол. *Nieśwież*), один из центров владения Радзивиллов. Теперь административный центр Несвижского района Минской области Беларуси.

⁵ Люблинским воеводой в 1589–1597 гг. и старостой краковским в 1585–1620 гг. был Миколай Зебжидовский [24, № 373, s. 57; 23, № 351, s. 99].

⁶ Речь идет о канцлере Польского королевства (1578–1605) Яне Замойском [21, № 213, s. 55].

⁷ В данном случае, татар.

то бы некой возвышенности над этим королевством, ты и тщательно подумал об общем благоденствии прежде всего прочего, и приложил для него все труды и старания. Прощай! Написано в Кракове 10 сентября 1594 года.

Вашего прославнейшего высочества почтительнейший и покорнейший слуга, Матеуш Клодзинский, протонотариус Святого Апостольского престола, вильнский пресвитер, краковский каноник, секретарь его королевского величества»⁸.

В издании также учтены разночтения, содержащиеся в:

– копии в другом кодексе Амброзианской библиотеки XVI века (D 208 inf., 173^r–178^r) [см. описание кодекса в: 20, № 61, р. 47], основывавшейся на краковском первопечатном издании (ниже в тексте обозначается как **A**);

– печатном издании, сделанном в Гданьске через год после краковского [28; ниже в тексте обозначается как **D**];

– франкфуртском печатном издании, включенном в 1599 году Николаусом Ройзнером в тринадцатую книгу его «Турецких писем» [19, XIII, р. 86–92; ниже в тексте обозначается как **F**].

Латинский текст

De Transitu Tartarorum Per Pocuciam Anno⁹ M.D.XCiiij Epistola Ad Illustriss. et Reuerendiss. Dominum Cynthium S.R.E. Tit. S. Georgij Cardinalem Aldobrandinum: ab Illustriss. Dno Ioan de Zamoscio R.P. supremo Cancellario, et exercitt. Generali missa¹⁰.

Illustrissime et Reverendiss. Domine

⁸ Illvstrissimo et Reverendissimo Principi et Domino, Domino Georgio, S.R.E. Tit. S. Sixti, Presbytero Cardinali Radiuilo, perpetuo Administratori Espiscopatus Cracovien. & c. Duci Olycae & Niesvicz, & c. & c. Domino ac Patrono meo colendissimo. Cvm hisce diebus ab Illu. et Magnifico Domino Palatino Lublinensi, eodemque Generali Cracouiensi Capitaneo, Senatore et dignitate et uirtute praestanti, exemplum epistolae ad Illustrissimum S. Gregorij Cardinalem, Ilustr. Domini Cancellarij, et generalis regni, de expeditione proxima Tartarica communicatum mihi fuisset, digna mihi uisa fuit, quae publice edita in omnium manus perueniret, non modo quod quae publice geruntur, ab omnibus cognosci publice intersit: uerumetiam ut opinionis cuiusdam errore animi hominum liberentur. Inueterata enim quorundam animis opinio insedit, Scytharum rabiem celeritate sola fere metuendam: uiribus, roboreque, aut nihil aut parum posse. quae res nobis certe hactenus potissima quasi securitatis: haec uero non paucorum incommodorum causa extitit. Secus autem totum id esse, non modo priscorum, eorumdemque potentissimorum Regum, ut Cyri maioris, Darij, Alexandri magni, caeterorumque quibus aliquid cum Scythis rei fuit, non satis felices bellorum exitus testantur: sed uel praesens haec audacia illorum, numero et robore fidens, ostendere potest. Cui quomodo occurri possit, utinam tam serio homines cogitationem suscipere uellent: quam cum quid secus, ac uolumus, accidit, aut dolent, aut indigne ferunt. Tibi quidem Illustrissime Cardinalis, cum ob eas, quas ostendi, causas, publici iuris epistolam hanc faciendam iudicassem, priuatim tamen consecrandam quasi putauit, primum ut ad amplissimum Cardinalem scripta sub tanti Cardinalis nomine in publicum prodiret: tum uero maxime, quod tam illustri loco, et quasi in specula quadam regni huius positus, de communi salute et cogites diligenter prae caeteris, et tantum studij ac laboris impendas. Vale. Datum Cracouiae die 10. Sept. Anno 1594. Illustriss. Celsitudinis Vestrae, paratiss. et obsequentiss. Seruitor, Matthias Clodzinski, S. Sedis Apostolicae Protonotarius, Praepositus Vilnen. Can. Crac. S.R.M. Secretarius.

⁹ C: anni.

¹⁰ F: Joannes de Zamoscio, Regni Poloniae Sypremys Cancellarius, & Exercituum Ductor Generalis, Cynthio S. Romane Eccles. Tit. S. Georgii Cardinali Aldobrandino.

Pro eo loco, quod¹¹ apud S.D.N.¹² Illustrissima D.V. est proque eius inme beneuolentia, nulla res maior hic est, quam ad rem christianam pertinere petem¹³, de qua non meis literis certiozem Illustriss. D.V. faciendam mihi statuam. Atque optarem sane letiore aliquo nuntio impertiri me Illustriss. D.V. posse, sed cum omnia, quae ab aliena, seu diuina potius voluntate pendent optare quidem, et pro uirili, ut quam optime cadant, elaborare possimus, non raro autem aliter cadant, quam uel optamus, uel speramus: eius nunc rei nuntium perscribere Illustriss. D.V. cogor: que quem alijs dolorem afferat, nescio, mihi certe uitam acerbam facit. Tartari igitur, cum omnium fere animis ab expectatione eorum auersis, nauigijs, a Turcarum Tiranno¹⁴ numerosissimis, eis subministratis, solito traiectu relicto, in ipso ostio propere Borysthenem traiecissent, mox Nestro etiam ad Thehinam supra Moncastrum Turcicae ditionis transmissio, inde superiore uia, qua Solymanniano bello usi fuerant, uersus Taurinum recta ituros, et ipsi pre se tulissent, et ex Valachia nunciaretur; subito per Valachiam itinere conuerso, primum per oram quandam finum¹⁵ Regni, deinde Transiluanicae ditionis in Vngariam penetrarunt: ita autem perruperunt, ut quamuis paruae omnino uires paratae essent, quibus numerosissimus barbarorum exercitus remorari posset; magis tamen fere fuga, aut similis fugae profectio eorum quam paucitas nostra, summo pugnandi ardore incensa, praelium eximeret. Ad quam quidem totam rem, nihil incommodius fere accidisse mihi uidetur, quam quod ante discessum regium, seu ante proxima potius comitia, de periculo, quod a paganis expectandum esset nihil cum M. Regia communicatum fuerit, atque ita in tempore, et periculo illi obuiari¹⁶, et quo illud propulsaretur, iustus exercitus comparari non potuerit. cum enim de Communicatione belli huius primum post discessum Regium, rebus sisecano¹⁷ praelio iam ex asperatis; et spe pacis praecisa, aliqui ex senatoribus appellati fuissent, accidit; ut neque a Regia Maiestate mature rebus ijs occurrere potuerit, de quibus ante discessum suum nesciuisset, et illa absente, ne uel omnium ordinum conuentus tuto haberi, uel ut maxime habitus fuisset quicquam de huius modi rebus statui posset, uereremur: Quod quidem uel apud ipsum nuntium Caesareae M.¹⁸ iam hyeme non dissimulaui, responsum que, quod illi tum dederam, cum ad sereniss. Regem in sueciam, tum¹⁹ ad sereniss. Reginam uiduam Varsouiam, ad Illustriss. etiam Cardinalem Radiuilum²⁰, alios que non nullos senatores, iisdem uerbis, quibus id dederam, mox prescripsi²¹. Cum enim, ut alios senatores ita me quoque nomine Caesareae M. appellasset, et difficultatem conuentuum indicendorum, et ad huiusmodi res sciscendas, ipsa Regia Maiestate praesente opus esse, multis ei iam tum demonstraui. Ad Tartaros uero quod pertineret, respondi posse eos ea uia, qua solymanno sigetum obsidente, usi fuissent, itinere a Regni finibus diuerso, et remoto, in Vngariam peruenire. Quam ob causam cum Mosco potius communicandum Caesareae Maiestati me putare, ut in Tartaros intentus esset, cum praesertim nobis etiam, si auxilij quid christianis ferre deberemus, ita domo proficiscendum esset, ut a

¹¹ C, D, F: *quo*.

¹² F: *R.D.N.*

¹³ C, A, D, F: *putem*.

¹⁴ A: *Tyrano*; D: *Tyranno*.

¹⁵ C, A, D, F: *finium*.

¹⁶ C, A, D, F: *obuiam iri*.

¹⁷ F: *Siseccano*.

¹⁸ D, F: *Maiestatis*.

¹⁹ C, A, D, F: *tum*.

²⁰ F: *Radinilum*.

²¹ C, A: *perscripsi*.

Tartaris securi essemus, se²² per nostros fines nichilominus perumpere²³ uellent, cum id sine damno, et iniuria nostra futurum non esset rem ipsam, prohibendi eos, ut cunque possemus, necessitatem nobis imposituram ostendi: Militem tamen exiguum admodum iam esse: cum omnis ratio grauioris periculi propulsandi, ad publicam fere expeditionem in comitijs relata esset, (quae contra tantam hostis eius celeritatem, non satis certe expedita est) Verisimilius tamen uideri mihi dixi, si in Vngariam ituri essent, per Turcicam ditionem ituros; quo recentiores ad bellum uenirent, cum omnis bellandi eorum ratio, in celeritate fere consistat. In omne²⁴ certe euentum, non maior ordinario numerus equitum scriptus fuerat, qui pro more contra subitas hostium excursiones excubarent ...²⁵ partim uiae, quae diuersae sunt, obsidendae, partim debellandus hostis fuerat, qui celeritate sine ulla controuersia facile omnibus gentibus praestat, numero autem non multis audacia, et robore corporis²⁶ nulli impar est. Due omnino rationes excludendi eius erant: una ut uel in patentibus campis illi occurreretur: altera, et viae omnes, quae per montes ducant²⁷, insiderentur. Praelio nulla parte hosti parem, cum tantis hostium copijs, quantae Tartaricae sunt, aequo in loco decernere, cuius rationis sit, quilibet facile iudicare potest. Reliquum erat, ut uel unius viae, qua iturus putabatur, aut cum plures sint, omnium angustiae occuparentur, quorum illud, si in aliam viam deinde se conuertisset, eludere in ipsius omnino potestate esset; hoc autem non modo sine ullo fructu, uerum presentissimo etiam cum periculo futurum, cum copiae per se exiguae in plures minoresque partes distractae, ne unum quidem impetum tanti exercitus sustinere potuissent. Non minus ad hec incommodum accedebat, quod cum superiorum, tum proximorum etiam comitiorum constitutione, certus locus uersus Borysthenem²⁸ designatus fuerat, in quo copiae in statuiis haberentur: hostis autem diuersa, et breuiore longe uia per Valachiam in fines regni irruperit. Cum tamen iam sub initium, fere quadagesimae de Consilio hostium aliquid in audiuisset, mox cum ad alios passim, tum maxime ad senatores literis datis, certiores de eo illos feci, cum sigillatim plerosque, tum coniunctim eos, qui versauiae²⁹ ad audiendum czausium conuenerant: Verum omnibus fere, ut non negligendum periculum uidebatur, ita omnium ordinum absente Rege, conuentus habendi difficultas obstabat. Interim uero hoste morante, ut fieri solet ab alijs comtemni³⁰ periculum coepit: ab alijs ne credi quidem, quidam etiam aliter diligentiam meam interpretari: quae securitas non parum deinde, cum a Valacho, in animis hominum confirmata fuit, tum ab ipso Tyranno Turcarum, quorum ille cum aduentum tartarorum ipse antea denunciasset, postea literis Turcae, quibus in Taurinensem viam commeatum pro tartaro illi imperabat inductus camenetiam dimissis, alia uia, qua superioribus bellis in Vngariam iuerant, tartaros ituros nuntiabat: et tamquam omnia pacata iam essent, ad nundinas oppidorum suorum ex uicina Podolia, et Russia homines inuitabat. ad Turcam uero, cum sub discessum regium, nuncius missus esset qui quid absente rege expectandum nobis ab illo esset, exploraret, simulque de Tartarorum iniurijs quereretur, ita eum dimiserat: ut nichil omnino uel a se, uel a Tartaris hostile nos expectare debere prolixè promitteret, Ego tamen, cum priuatum militem, quem meis stipendijs alo instrumentumque bellicum,

²² C, A, F: *si*.

²³ C, A, D, F: *perrumpere*.

²⁴ C, A, D, F: *omnem*.

²⁵ C, D, F: *Hisce*.

²⁶ Зачеркнуто: *praestat*.

²⁷ C, A, D, F: *ducunt*.

²⁸ F: *Boristhenum*.

²⁹ C, A, F: *Varssauiae*; D: *Varsauiae*.

³⁰ C, A, D, F: *contemni*.

iam primis quadragesime temporibus nihilominus in uicinis locis reliqui; ut quam primum certi aliquid de aduentu hostium cognouissem, ipse ad eos aduolare; tum publicum, militem quo ad potui iisdem in locis moratus fui. Sub exitum Junij, cum hostis morantis aduentus iam frustra expectari putaretur, D. Castellanus Leopoliensis, campestris militie prefectus, partim conuitijs nobilitatis eorum locorum, grauem sibi militem quaerentis, partim sciti comitalis autoritate adactus, uersus Borysthenem, quem admodum in comitijs constitutum fuerat, mandatis ea de re a me non expectatis, militem promouit. Interim Tartarum in Valachiam iam ingressum, ac maximis itineribus ad finis regni contendere diuersis nuntijs ad me perfertur: Magnam spem habebam, fore, ut partim in Valachia morae aliquid ei obijceretur, partim arboribus deiectis, uisusque per quas iturus esset, obstructis, impetus eius non nihil retardaretur qua de re iam multo, et ante, et postea hoste aduentante non solum cum³¹ nostris, uerum uicinis etiam, literis ea de re ad illos datis, partim ipse, partim per alios communicaueram, atque ita non modo adipisci nos hostem posse sperabam, uerum paruus etiam copijs inter montes, et uiarum angustias rem contra eum gerere. Itaque literis ad exercitum, et nobilitatem, quibus ad arma eam conuocabam, mox dimissis; ipse priuatis tantum copijs meis, quas quem ad modum supra demonstraui, in uicinioribus Vngariae locis, per quae iturus hostis putabatur reliqueram, tormentisque bellicis, campestri usui aptis, ibidem hostes areptis, uersus contendit³², qui interim nullo in Valachia impedimento obiecto ab ingressu in Valachiam tertio die in fines regni percurrit, indeque prioribus uno atque altero diebus, lentioribus aliquanto itineribus contendit; quo, et per incendia terrore circumlato³³, ancipites animos hominum distraheret, et equos recrearet; ut posquam³⁴ ad montes peruenisset, tanto magis celeritatem illorum incitare posset. Prae caeteris in meorum necessariorum possessiones maxime seruire³⁵ instituit. Praeter alios in primis Haliciam D. Palatini Belzensis affinis mei, praefecturam oppidum, immunitum, non modo exussit; Verum cum eodem in loco ipsum palatinum in arce lignea esse cognouisset, qui eam expugnarent, incederentque summissit: quibus strenue reiectis, nulla ulteriore mora interposita, ulterius progressus, simili odio Kalussam D. praefecti campestris consanguinei mei, territoriumque eius fere omne, ex instituto exussit. Erat in exercitu eius turma equitum Turcicorum, quibus czausius praeerat, quasi custos inspectorque illi additus. Cum superiore bello solymannio³⁶ in Vngariam Tartarus iret, a Theina³⁷ oppido, per oram Moldaue recta uersus Albam grecam, seu Taurinum, quae Turcici imperij in Ungaria est, contendit. Cum tamen per Regni huius fines eum iturum perlatum ad me esset, propterea hoc itinere illum euocatum suspicari caeperam; ut cum hyeme iam obsessuri Christiani Hatuanum dicerentur; qui autem frigus, et incommoda hyemis ferre possent, praeter Tartaros, ex alijs gentibus nullos fere Turca habeat illis immissis christianorum copias distineret: eandemque ob causam, postea aestate etiam non sine cura transitus eius esse, desinebam; quod id consilium Turcae esse uerbar³⁸, ut omni parte Vngariae, quae intra fines nostros, et Danubium est, per Tartarum uastata cum hanc incendijs, et populationibus deleuisset, eo facilius Transdanubianos etiam in

³¹ C, A, D, F: *cum*.

³² C, D, F: *ibidem versus hostes areptis, contendit*.

³³ C, A, D, F: *circumlato*.

³⁴ C, D, F: *postquam*.

³⁵ C, A, D, F: *saeuire*.

³⁶ C, D, F: *Solymanniano*.

³⁷ C, D, F: *Thehina*.

³⁸ C, A, D, F: *uerebar*.

potestatem redigeret. Nunc cum hoc solum fere itinere hoc essequutus³⁹ esse uideatur, ut ad exercitum Turcicum perueniret; quid consilij secutus sit, ut illa relicta per Poloniae, et Transilvaniae fines non sine periculo, certo autem cum detrimento, et Vexatione exercitus ire maluerit, non satis essequor⁴⁰. illius enim commodum, seu christianitatis incommodum si spectemus, etsi Taurinensis uia longior sit, quod tamen per pacata ubique iter illi sit, hoc caeteris ei praestat; ut partim sine periculo ullo, partim quod nullo periculo urgente, pro arbitrio suo moderari id possit, integris equis, in quibus omne robur eius est, ad locum perueniat, Nunc cum summa celeritate, uiaque impeditiore, perumpendum illi fuerit attritis, defatigatisque aut certe non satis integris equis illum euasisse, uel id argumento esse potest, quod quam⁴¹ primum in plana Vngariae ex montibus penetrasset, neque agmina ulla ad populationes faciendas, quoquo uersum longius more suo dimiserit, et recta fere ad exercitum Turcicum, quanta maxima potuit celeritate uno agmine contendit. Paulo ante aduentum ipsius, manu aliqua in finibus facta: Villas aliquot Turcicas Kosaci⁴² exusserant. An igitur hac re irritatus, ad uindicandas quasi iniurias hasce illorum iter huc conuerterit, siue etiam a Sinam⁴³ Bassa in odium aemili⁴⁴ eius ferrat⁴⁵ Bassae, qui nuntium Regium cum eo, quod supra demonstratum est, responso ex porta dimiserat, Vel ob Hatuani obsidionem soluendam, quae tamen, cum in Vngariam peruenit, solum⁴⁶ iam fuerat, hoc itinere ire iussus fuerit, conijcere non possum; per Poloniae quidem fines perrupturo, etsi plures viae propositae sint; propinquiores tamen tres fere⁴⁷. Vna latior aliquanto, quam caeterae atque obid commodior, quod uero frequentissimis pagis maximi culta sit, ob praedam etiam maxime hosti expectanda⁴⁸, per samboriam; altera iuxta Strium flumen, quae utraque Mukaciam Caes. ditionis Vngariae oppidum recta ducunt; tertia remotior, secundum Oporum alterum flumen, uersus Hustum Transilvaniae⁴⁹ ditionis prefecturam, intraque territorium Hustense iam caeteris fere angustior. Quod Samboriensis uia, et prima mihi uersus hostes contendenti occurreret, et ut omnium commodissima praedaeque, quam sequi ille solet, faciendae maxime opportuna, ea etiam Tartarus iturus pro certo nunciaretur, ea occurrere illi institui: a qua nimirum ut maxime alia uia iret, ipsa tamen itineris ratio, et series, ulterius deinde uersus eum me duceret. Iam in conspectum ignium hostilium perueneram, non longoque interuallo hostem abesse sentiens, mox leuiiores equites aliquot, qui aduentum hostis explorarent, misi: alios parotos⁵⁰ habebam, qui militationibus⁵¹ in locum mihi commodum hostem pertraherent; ita animo paratus, ut dum exercitus reliquus aduentaret, uel honesta morte, si sustinere impetum eius non possem, saltem morarer. Interim hostis in Hustensem uiam se conuertit, quod ex eo, quod nullos ignes iam amplius uidebam, mox suspicatus, ne expectato quidem reditu exploratorum mox moui. In itinere deinde ut progrediebar, uoluntarij aliqui se mihi adiuxerunt⁵², tum D. praefectus campestris,

³⁹ C, A, D, F: *assequutus*.

⁴⁰ C, A, D: *assequor*.

⁴¹ F: *vt*.

⁴² F: *Cosaci*.

⁴³ C, D, F: *Sinan*.

⁴⁴ C, A, D, F: *aemuli*.

⁴⁵ C, D, F: *Ferat*.

⁴⁶ C, A, D, F: *soluta*.

⁴⁷ F: *fuere*.

⁴⁸ C, A, D, F: *expetenda*.

⁴⁹ C, A, D, F: *Transiluanicae*.

⁵⁰ C, A, D, F: *paratos*.

⁵¹ C, A, D, F: *velitationibus*.

⁵² C, D, F: *adiunxerunt*.

cum stipendiario milite, qui tanta celeritate aduenerat, ut cum magno interuallo longius iter a statuiis, quam Tartari per Valachiam habuisset, fama tamen aduentus eorum excitus, uix non cursum eorum adaequarit. Impendimentis omnibus relictis, campestribusque tormentis solis assumptis, quanta adhiberi a nobis potuit, maxima festinatione, non minore autem spe, secuti hostem sumus; fore ut si alicubi obstaculi aliquid obiectum ei fuisset intra montes, assequi eum possemus. Interim hostis tanta contentione progredi, ut unius diei itinere, per plana quatuor, in montibus quinque, atque ita coniunctim nouem miliaria nostraria peruolaret, unoque isto itinere, ad radices iugi, quod tranuersum⁵³ per montes eos protenditur, portingeret⁵⁴. Beskieth uulgo accolae uocant, finesque ditionis Polonicae, et Transiluanicae disternat ab eo deinde ad septimum circiter miliare, praefectus Hustensis, qui, et a me ea de re admonitus fuerat, et ab ipso etiam Principe Transilvaniae ternis literis de aduentum per fines nostros hostis sibi nuntiatum iam priusquam in Hustense uiam hostis, se conuertisset, certiore me fecerat, arboribus deiectis, ipse ei ingustijs⁵⁵, per quas ad Hustum itur, se obiecerat. Verum hostes summa audacia, et pernicitate, a lateribus per cacumina montium se precipitantes, a tergo illum circumuenere⁵⁶; ut maiore parte caesa, praefectus, cum paucis aliquot, aegre fuga euaderet. Post nullo obsistente uersus Hustum promouit: montibus que superatis in potentes⁵⁷ Vngariae campos euasit. Secutus illum sum Kieleczanum usque, Transiluanicae ditionis pagum: ubi consilio de persequendo hoste habito, cum per montes in plana eum iam euasisse constaret, ut sine ulla fere spe, hostem pernicissimum, qui praesertim planiciem iam teneret, et nullo in loco moraretur, cum exercitu, et exiguo, et tantis itineribus non mediocriter defatigato adipiscendi, in alienam ditionem non accersiti, inuitatiue, quod uero caput esset, in iussu regis, aut ordinum, hostem ulterius persequeremur, nulli eorum, qui in consilio mihi aderant uisum fuit. Itaque, cum in loco a Tartaris iam ante uastato, uel propter famem diutius subsistere non possemus, quamuis dolens, et maerens, quid aliud tamen facerem, quam ut intra fines exercitum reducerem, non reperi. Habeo aut⁵⁸ nunc cum propinquis in locis. Interim, cum Regiae Maiestatis, quae sub hoc ipsum tempus, quo haec scribo, in Regnum, iam regressa nunciatur, tum ordinum mandatum exspecto, Apud quos, quantum uel cohortatione, uel precibus ualueram, omnibus certe rebus in id incumbere non interminatam⁵⁹, ut quam fluxa barbarorum fides sit, Vel ex actionibus hisce eius, qui non modo faederatam pacem nobiscum halet⁶⁰, sed nouissime etiam per nuntium regium omnia pacata publice nobis renunciarit, aestiment; presensque Christianitatis periculum commune sibi cum reliqua christianitatae ducant. Ex itinere equestris ordinis quendam a se captum, et iuramento de mandatis suis ad me referendis prius adactum, denudatumque, et scuticis, quo firmior mandatorum ipsius moria⁶¹ in illo haereret, caesum dimisit. Summa hec fuit, unum me potissimum obstare, quo minus donatium illi solueretur. Itaque nisi superiorum annorum donatiua, quam primum soluenda ei curarem, breui se apud nos fore, ipsum que me pro donatiuo ligatum Turcae ducturum. Deum Opt. Max. precari non desino, ut iuuandae Christianitatis, hostisque ulciscendi uoluntatem quidem eandem, quam semper habui,

⁵³ C, A, F: *transuersum*.

⁵⁴ C, A, D, F: *pertingeret*.

⁵⁵ C, A, D, F: *in angustijs*.

⁵⁶ C, A, D, F: *circumuenere*.

⁵⁷ C, A, D, F: *patentes*.

⁵⁸ C, A, D, F: *autem*.

⁵⁹ C, D, F: *intermittam*.

⁶⁰ C, A, D, F: *habet*.

⁶¹ C, A, D: *memoria*.

facultatem eius testandae maiorem post hac mihi tribuat. Quod reliquum est gratiae Illustriss. D.V. me comendo⁶², omniaque fausta ac felicia a Deo Opt. Max. illi precor. Datum Zamoscij die xij⁶³. Mensis Augusti. Anno Dni M.D.XCiiij.

Перевод

Письмо о прохождении татар через Покутье⁶⁴ в 1594 году, посланное прославнейшему и почтеннейшему господину Чинцио Альдобрандини, титулярному [диакону] Святого Георгия [в Велабро], кардиналу Святой Римской церкви от прославнейшего господина Яна Замойского, верховного канцлера и генерала⁶⁵ войска королевства Польши.

Прославнейший и почтеннейший господин!

В сравнении с тем положением, которое занимает ваше прославнейшее владычество при нашем святейшем⁶⁶ господине, и той благосклонностью, которую оно ко мне питает, нет большего блага, я считаю, чем быть поборником христианского дела, о чем не моим письмом следует приводить ваше прославнейшее владычество в большую известность. И воистину, я предпочел бы иметь возможность поделиться с вашим прославнейшим владычеством каким-нибудь счастливым известием; но хотя мы можем желать со своей стороны и сделать то, что может человек, чтобы все, что зависит от чужой или, скорее, Божественной воли, сложилось самым лучшим образом, нередко, однако, складывается не так, как мы хотим или надеемся: поэтому я вынужден представить вашему прославнейшему владычеству письменное извещение об этом деле, которое, не знаю, если причинит другим страдание, но мне оно доподлинно делает жизнь горькой.

Итак, татары почти со всеми своими душами, вразрез с тем, что от них ожидалось, на судах, предоставленных им в большом количестве тираном турок, отклонившись от обычного места переправы, поспешно переправились через Борисфен⁶⁷ в его устье и, также быстро переправившись через Днестр к Тихинии⁶⁸ над Монкастро⁶⁹, что в турецком владении, они распространили оттуда вперед себя слухи, что пойдут верхним путем, которым они воспользовались ранее, во время войны Сулеймана, прямо к Тавринуму⁷⁰, о чем со-

⁶² С, D, F: *commendo*.

⁶³ F: 21.

⁶⁴ Покутье (укр. *Покуття*, пол. *Pokucie*, рум. *Rociția*), историко-географическая область Украины, расположенная в восточной части современной Ивано-Франковской области Украины.

⁶⁵ F: *генерального командующего*. В польской военной терминологии – гетмана коронного.

⁶⁶ F: *почтеннейшем*.

⁶⁷ Днепр.

⁶⁸ Тягиня (рум. *Tighina*), современный город Бендеры в Молдове.

⁶⁹ Монкастро (ит. *Moncastro*), современный город Белгород-Днестровский (укр. *Білгород-Дністровський*) в Одесской области Украины, который за время своего существования также носил названия Аспрокастрон (гр. *Ἀσπρόκαστρον*), Аккерман (тур. *Akkerman*), Четатя-Албэ (рум. *Cetatea Albă*).

⁷⁰ Современный румынский город Альба-Юлия (рум. *Alba Iulia*, нем. *Karlsburg*, венг. *Gyulafehérvár*) в Трансильвании.

общалось и из Валахии⁷¹. Неожиданно свернув с пути через Валахию, они проникли в Венгрию сначала через один отдаленный край пограничья королевства и потом через трансильванские владения. Однако прорвались они таким образом, что, как бы ни мала была та часть из всех сил наготове, которой можно было бы сдержать многочисленное войско варваров, вступить ей в сражение помешало скорее их бегство или отбытие, похожее на бегство, чем наше малое число, воспламененное чрезвычайным желанием сражаться.

В связи же со всем этим событием, мне кажется, ничто не оказалось настолько неблагоприятным, как то, что перед королевским отъездом или, скорее, перед ближайшим сеймом⁷² королевскому величеству ничего не было сообщено об опасности, которую следовало бы ожидать от язычников; так что невозможно было своевременно подготовить надлежащее войско для противодействия и отражения этой угрозы. И действительно, когда некоторым из сенаторов было сообщено об этой войне впервые после королевского отъезда уже после того, как положение ожесточилось в битве при Сисаке, и надежда на мир была утеряна, оказалось, что было невозможно ни своевременно доложить королевскому величеству об этих событиях, о которых он не знал перед своим отъездом и теперь отсутствовал, ни собрать в безопасности все сословия; и мы более всего опасались, что не нашлось бы никого, кто мог бы вынести решение по этому поводу. Что я совсем не скрывал уже зимой от самого посла цезарского величества⁷³; и ответ, который я ему дал тогда, я вскоре переписал в тех же словах, в которых я ему ответил, как для светлейшего короля в Швеции, так и для светлейшей вдовствующей королевы в Варшаве, и также для светлейшего кардинала Радзивилла и некоторых других сенаторов. Ибо, когда другие сенаторы также обращались ко мне от цезарского величества, я уже тогда указал многим на сложность созыва сейма и показал необходимость того, чтобы об этих делах должно было знать само королевское величество, присутствующее на месте.

Что же касалось татар, я смог им ответить, что в отличие от той дороги, которой они воспользовались в то время, когда Сулейман осаждал Сигет, они могли прийти к границам королевства и достигнуть Венгрии другим и отдаленным путем. По каковой причине я считал, что цезарскому величеству лучше было связаться с Москвой⁷⁴, чтобы противостоять татарам, поскольку я показал в особенности стоящую и перед нами необходимость обезопасить себя от татар в случае, если помощь, которую мы должны бы были предоставлять христианам, должна была таким образом исходить из нашего отечества, и если они тем не менее захотели бы ворваться в наши границы – это не позволило бы нам помешать им в любое время нанести нам урон и ущерб в

⁷¹ Валахия (рум. *Țara Românească*), историческая область и княжество, расположенное на левом берегу Среднего и Нижнего Дуная в южной части современной Румынии; с XV в. находилась в вассальной зависимости от Османской империи.

⁷² Речь идет о Варшавском сейме, который проходил с 4 мая по 15 июня 1593 г. [14, с. 144].

⁷³ Речь идет об австрийском после Матиаше Ваккере, который от имени императора просил Замоиского не пропускать татар в Венгрию [9, № 28, с. 109].

⁷⁴ В преддверии венгерского похода Гази Гирей заключил с Москвой мир 14 апреля 1594 г. [3, с. 41–42]. В данном случае Замоиский намекает на то, что для успешного противостояния татарам Речи Посполитой нужен военно-политический и антитаатарский союз с Москвой, проекты которого неоднократно появлялись в начале 90-х гг. XVI в. [7, с. 239–245].

будущем: в конце концов, войско было еще совершенно недостаточным, когда представление всей тяжести опасности, которую нужно было отражать, было полностью представлено на сейме для принятия публичных мер (поскольку против столь большой скорости передвижения врага оно было совершенно недостаточно оснащено). Все же я говорил, что мне казалось наиболее правдоподобным, что, если бы они пошли в Венгрию, они пошли бы через турецкие владения, через которые они вступили в войну недавно, поскольку их способ ведения войны состоит всецело в скорости передвижения.

В любом случае, число приписанных всадников, располагавшихся по обыкновению лагерем для отражения неожиданных вражеских набегов, не превышало обычного. Там они были отчасти для того, чтобы занимать различные дороги, отчасти для того, чтобы сражаться с врагом, чья скорость передвижения, без всяких сомнений, превосходит все народы; с другой стороны, они не были велики числом, но в смелости и крепости тела никто с ними не мог сравниться.

В целом, было два всего способа его удержания: либо выйти ему навстречу в открытое поле, либо занять все дороги, ведущие к горам⁷⁵. По поводу выбора сражения с совершенно несоразмерным врагом, со всеми вражескими войсками, которые имеются у татар, кто угодно может рассудить на месте, какое решение будет правильным. Оставалось только, чтобы они заняли либо одну дорогу, по которой, как считалось, враг должен был пойти, либо теснины всех дорог, которых было много, и по одной из которых он смог бы затем уклониться от первой по своему полному усмотрению, свернув на другую дорогу. Однако это не только не принесло бы никакой пользы, но, на самом деле, обернулось бы также самой непосредственной опасностью в будущем, поскольку войска, уже сами по себе недостаточные, оказались бы разбиты на множество маленьких частей, и ни одна из них не смогла бы в действительности устоять под натиском столь большого войска. Не меньше к этому добавилось вреда от того, что как предшествующий, так и ближайший сейм вынес постановление о постоянном размещении войск в одном месте у Борисфена: враг, однако, вторгся в границы королевства по другой и длинной дороге, ведущей в Валахию, вместо более короткой⁷⁶.

Когда же наконец, примерно к началу Великого поста⁷⁷, я услышал кое-что о плане врагов, я вскоре послал повсюду письма другим и особенно сенаторам⁷⁸, оповестив о нем как многих по отдельности, так и всех тех, кто со-

⁷⁵ Молдавский господар Арон советовал Замойскому заманить татар в горы и там с ними расправиться, но гетман пренебрег этим советом [13, s. 10, przym. 3].

⁷⁶ То есть вместо более короткого пути через Молдавию, к которому татары прибегали во время своих предыдущих вторжений в Венгрию. Командующий венгерскими войсками К. Тауффенбах так же считал маловероятным, что татары пойдут через труднодоступные карпатские перевалы, которые можно было оборонять всего пятьюстами стрелками [11, № 172, p. 181].

⁷⁷ Около 23 февраля.

⁷⁸ Замойский действительно оповестил о татарской опасности воеводу сандомирского, старосту самборского и сяноковского Е. Мнишка, краковского каштеляна кн. Я. Острожского, старосту перемышльского Я.Т. Дрогойовского, старосту стрыйского М. Данилловича, воеводу равского и старосту радомского С. Гостомского и др. [9, № 27, s. 108 (письмо от 27 февраля 1594 г.)]. Гетман даже просил Е. Мнишка предоставить карты с указанными путями сообщения и природными препятствиями на них [13, s. 10].

брались в Варшаве выслушать чауша⁷⁹. Правда, почти всем им, видевшим, что опасностью нельзя пренебречь, помешало собрать все сословия отсутствие короля.

Между тем, поскольку враг в действительности медлил, по обыкновению одни стали пренебрегать опасностью, другие в нее даже не верили, а некоторые также стали иначе толковать мою заботу. И это чувство безопасности немало утвердилось в душах людей посредством Валаха⁸⁰, как и самого тирана турок, из которых первый до этого сам объявил о прибытии татар, но позже из письма Турка, посланного Татарину с приказанием пройти по Тавринумской дороге, идущей через Каменец⁸¹, он сообщил, что татары пойдут по другой дороге, которой они шли в Венгрию во время предыдущих войн. И все в такой степени были уже успокоены, что звали на рынки своих городов людей из соседней Подолии и России⁸². По королевскому же отбытию к Турку был отправлен посол для того, чтобы разведать, что следует от него ожидать в отсутствие короля, и чтобы одновременно представить жалобу об ущербе от татар. Тот его отпустил с любезным обещанием, что вовсе ничего враждебного нам не нужно было ожидать как от него, так и от татар. Я, однако, уже в начале Великого поста оставил, тем не менее, в соседней местности приватное войско, которое я содержу за свой счет, и военное снаряжение, чтобы поспешить на встречу врагам при первом же определенном известии об их появлении, и пребывал в той же местности с публичным войском до тех пор, пока мог.

На исходе июня, когда ожидание появления медлящего врага уже стало восприниматься напрасным, господин львовский кастеллан, префект полевых войск⁸³, отчасти из-за неодобрения знати его местности, требовавшей себе крупного войска, отчасти побуждаемый полномочным постановлением сейма, двинул войско вперед к Борисфену согласно верховному постановлению сейма, не дождавшись от меня приказа по этому поводу.

Тем временем различными вестниками мне было сообщено, что Татарин уже вошел в Валахию и устремился по главным путям к границам королевства. У меня была большая надежда на то, что, с одной стороны, что-нибудь вынудит его задержаться в Валахии, и, что с другой стороны, срубленные деревья и заграждения на дорогах, по которым он намеревался пойти, несколько задержат его наступление; о чем я уже много писал до и после прихода врага, отправив письма по этому поводу не только нашим, но также и соседям, и оповестив их как лично, так и посредством других, как и о том, что я надеялся, что так мы смогли бы не только встретиться с врагом, но и противостоять ему даже с маленьким войском среди гор и в дорожных тесни-

⁷⁹ Пребывание турецкого чауша в Польше относится к сейму 1593 г. [9, № 28, s. 109–110].

⁸⁰ Речь идет о валашском господре Михе, который получил от турецкого султана фирман на правление в сентябре 1593 г. [5, с. 169].

⁸¹ Современный Каменец-Подольский (укр. *Кам'янець-Подільський*, пол. *Kamieniec Podolski*), город обласного подчинения, административный центр Каменец-Подольского района Хмельницкой области; в описываемое время – центр Подольского воеводства.

⁸² Речь идет о Западной Подолии и Руськом воеводстве Польского королевства с центром в городе Львов.

⁸³ В польской военной терминологии – польный гетман. Львовским каштеляном в 1590–1608 гг. и польным гетманом в 1588–1618 гг. был Станислав Жулкевский [25, № 845, s. 117].

нах. И также разослав сразу же письма войску и знати с призывом взяться за оружие, сам я направился к столь малому моему приватному отряду⁸⁴, оставленному, как я соответственно показывал выше, в соседней с Венгрией местностью, по которой, как предполагалось, должны были пойти враги, и к военным орудиям, приспособленным для использования в поле, как и навстречу подкрадывавшимся туда же врагам.

Враг тем временем, не встретив никаких препятствий в Валахии, устремился на третий день после вторжения в Валахию к границам королевства. И затем в течение первого и также второго дня он двигался довольно медленным маршем с целью привести в замешательство нерешительные души людей посредством разнесшегося вокруг ужаса из-за поджогов и дать отдохнуть лошадям, чтобы потом достигнуть гор с настолько большой скоростью, с какой он мог бы их погонять. В сравнении с прочими он свирепствовал больше всего во владениях моих родственников. Прежде других он в первую очередь не только сжег неукрепленный город в Галичине, находившийся под надзором моего родственника, господина палатина Белза⁸⁵, но, узнав, что сам палатин там находился в деревянной цитадели, он приказал, чтобы ее осадили и подожгли; но после того как они были отважно отброшены⁸⁶, он не допустил более никакой задержки и, продвинувшись далее, сжег по обыкновению с такой же ненавистью почти всю территорию господина Калуссы⁸⁷, полевого префекта и моего кровного родственника. Было в его войске подразделение турецких всадников, которых возглавлял чауш, приставленный к ним наподобие надзирателя или инспектора.

Когда в предыдущую войну Сулеймана Татарин шел в Венгрию, он направился от города Тхеина⁸⁸ на границе Молдавии к греческой Альбе или Тавринуму⁸⁹ турецкой империи, который находится в Венгрии. Однако поскольку мне было сообщено, что он направится к границам этого королевства, я начал сомневаться в этом упомянутом маршруте, так как уже зимой говорилось, что христиане осадят Хатуанум⁹⁰, и из тех народов, которые могли бы стерпеть стужу и тяготы зимы, кроме татар у Турка не было совсем никого, чтобы послать для подавления христианских войск: по этой же причине я заключил, что также позже, летом, его прохождение делалось не без руководства, и я опасался, что планом Турка было, чтобы Татарин уничтожил бы поджогами и опустошил разорениями все края Венгрии, расположенные там между нашими границами и Дунаем, и что тем легче ему будет также привести к повиновению трансдунайцев.

Теперь, поскольку видно, что он должен был примкнуть к турецкому войску только по этому пути следования, я не совсем понимаю какому совету он следовал, оставив его и предпочтя пойти по пути через границы Польши и

⁸⁴ Отряд Замойского состоял примерно из 400–500 человек, в основном, пехотинцев.

⁸⁵ Белзским воеводой в 1590–1613 гг. был Станислав Влодек, который был мужем сестры Замойского [22, № 383, s. 71].

⁸⁶ Речь идет об обороне 7 июля города Галич под командованием С. Влодка [13, s. 41].

⁸⁷ Речь идет о сожжении города Калуш и разорении его округа [13, s. 42].

⁸⁸ Тягиня.

⁸⁹ Альба-Юлия.

⁹⁰ Хатван (венг. *Hatvan*), крепость и город в Венгрии.

Трансильвании⁹¹, не лишенному опасности и, несомненно, чреватому ущербом и изнурением войска. Ибо если мы посмотрим на то, что выгодно ему или невыгодно христианству, то, хотя Тавринумская дорога является более длинной, из-за того, однако, что этот путь проходит повсюду по миролюбивым для него землям, он является для него предпочтительнее прочих, поскольку, с одной стороны, этот путь лишен каких-либо опасностей, а с другой, не подверженный никакой опасности, он мог бы устроить по собственному усмотрению так, чтобы прибыть на место с невредимыми лошадьми, в которых заключается вся его сила. Теперь же он должен был с высочайшей скоростью прорываться через дорогу с более крупными препятствиями и преодолел ее с истощенными, как и изможденными лошадьми, которые, несомненно, оказались совсем не невредимыми; что может объяснить то, почему, как только он проник из гор в равнину Венгрии, он не направил какие-либо из своих войск для разорения и не распустил их по своему обыкновению по всему пространству, но устремился со всем войском напрямую к турецкой армии с самой высокой скоростью, на которую он был способен.

Незадолго до его прибытия чьей-то рукой на границах было сделано так, что казаки сожгли некоторые турецкие селения⁹². То ли озлобившись из-за этого, словно в отмщение за этот ущерб, он свернул сюда, или же ему было приказано идти по этому маршруту по воле Синан-паши из ненависти, которую он питал к своему сопернику Ферат-паше, который отпустил из Порты королевского посла с тем ответом, который был выше представлен; или для снятия осады Хатуанума, которая, однако, была уже снята к тому времени, когда он достиг Венгрии – я не могу прийти к заключению.

В действительности, для того чтобы прорваться к границам Польши, хоть и есть много доступных дорог, ближайшими, однако, являются только три. Одна – несколько шире других и также удобнее вследствие этого, о которой очень хорошо заботятся селения, часто встречающиеся на ее протяжении, и на которую враг должен был в первую очередь устремиться за добычей, – ведет в Самборию⁹³; другая – рядом с рекой Стрый, которые вместе ведут к городу Мукачево в цезарских владениях в Венгрии; третья – наиболее отдаленная, следуя другой реке Опор, ведет в префектуру Хуста⁹⁴ в трансильванских владениях и уже на хустской территории становится намного теснее других дорог.

Поскольку Самборская дорога была первой, чтобы направиться навстречу врагу, и всем наиболее удобной, и подходящей для захвата добычи, за которой он имеет обыкновение следовать, и было сообщено также как несомненный факт, что Татарин пойдет по ней, я решил по ней выйти ему навстречу: к ней, устраняя всякие сомнения, вела вторая дорога, и она, в конце концов, по причине ее пути следования и соединения, в дальнейшем привела

⁹¹ Трансильвания (Угровлахия или Семиградье, рум. *Transilvania*, венг. *Erdély*, нем. *Siebenbürgen*), историческая область и княжество на северо-западе Румынии, преимущественно заселенное в раннее Новое время венгерским и немецким населением.

⁹² Речь идет о нападении запорожцев в декабре 1593 г. на Оргеев и в марте 1594 г. на Белгород, где они перебили несколько тысяч турецких воинов и местных жителей [1, с. 93–130; 8, с. 117].

⁹³ То есть в Самборщину. Самбор (укр. *Самбір*, пол. *Sambor*), современный город областного значения, административный центр Самборского района Львовской области Украины.

⁹⁴ Хуст (укр. *Хуст*, венг. *Huszt*), современный город областного значения, административный центр Хустского района Закарпатской области Украины.

бы меня к нему. Уже достигнув видимости вражеских пожаров и чувствуя, что враг находился на небольшом расстоянии, я сразу направил несколько легких всадников, чтобы они вывели о приближении врага; других я держал наготове, чтобы в стычках они заманили врага в удобное для меня место, подготовившись в душе к тому, чтобы до тех пор, пока не подойдет оставшаяся часть войска, погибнуть славной смертью, если не смог бы выдержать их натиск, но, по крайней мере, задержать его на время.

Тем временем враг свернул на Хустскую дорогу, о чем я вскоре стал догадываться из-за того, что я уже не видел, чтобы площадь пожаров расширялась, и, не дожидаясь со своей стороны возвращения разведчиков, я тут же двинулся вперед. Во время моего продвижения оттуда ко мне присоединились некоторые добровольцы – как господин полевой префект, так и наемное войско, – прибывшие с настолько большой скоростью, что, несмотря на то что покрытое расстояние от их стоянок намного превышало путь татар в Валахию, слух, вызванный их прибытием, едва ли мог состязаться с ними в беге.

Оставив весь обоз и взяв только полевые орудия, мы следовали за врагом с той величайшей поспешностью, на которую мы были только способны, и с не меньшей же надеждой, что, если ему встретилось бы какое-нибудь препятствие где-нибудь в горах, мы смогли бы его настигнуть. Тем временем враг с таким усилием двигался вперед, что за один день пути пролетел через равнину четыре, через горы пять и, таким образом, вместе девять наших миль, достигнув одного пути у подножия горной цепи, ведущего через горы: в простонародье она зовется Бескиет⁹⁵ местными жителями и разделяет границы польских и трансильванских владений.

Хустский префект, который был предостережен по этому поводу как мною, так и самим правителем Трансильвании, сообщившим ему троекратно в письмах о приходе врага через наши границы до того, как враг свернул на Хустскую дорогу; уведомил меня, что навалил деревьев в теснинах примерно в семи милях от того места, и что сам он вышел туда навстречу врагу, шедшему к Хусту. Враги же с наивысшей смелостью и проворством быстро спустились с флангов через вершины гор и обошли его с тыла, так что большая часть была отрезана, и префект с немногими смог убежать с большим трудом.

После этого ничего не стояло на его дороге, и он двинулся в сторону Хуста: перейдя через горы, он вышел на открытые поля Венгрии. Следовал я за ним вплоть до Келечана⁹⁶, села в трансильванских владениях: там был проведен совет по поводу преследования врага, о котором стало известно, что он уже вышел из гор на равнину, и по поводу отсутствия всякой надежды нагнать крайне проворного врага, который, в особенности, уже взял под контроль равнину и вовсе не задерживался на месте, с [нашим] войском как недостаточным, так и неумеренно изнуренным столь длинным путем, не званым в чужие владения. И никаких побуждений к дальнейшему преследованию врага того, кто был бы действительным верховным лицом, по повелению короля или сословий не было представлено теми, кто присутствовал на совете. Поэтому, поскольку мы не могли долго располагаться на месте, так как оно уже было опустошено татарами, и вследствие голода, как бы я не огор-

⁹⁵ Бескиды (укр. *Бескиди*, пол. *Bieszczady*), система горных хребтов Северных Карпат на территории Украины, Словакии и Чехии.

⁹⁶ Село Келечин Межигорского района Закарпатской области Украины.

чался и печалился, я не нашелся, в конце концов, сделать ничего другого, как увести войско в свои границы. Однако теперь я занял позиции рядом с ними.

Между тем я жду повеления как от королевского величества, о возвращении которого было сообщено в то же самое время, когда я пишу это, так и от сословий, перед которыми я сделаю все возможное либо побуждением, либо мольбами, не пропустив ничего того, что будет способствовать их оценке того, насколько ненадежной является верность варваров, что видно из этих действий того, кто не только заключил с нами мир, но и недавно передал через королевского посла публичное извещение об общем умиротворении, и чтобы в настоящем они приняли во внимание общую для всего христианства угрозу вместе с остальным христианством.

Он отпустил ко мне одного пленного из сословия рыцарей, пойманного во время его передвижения, взяв с него клятву о том, что он привезет ко мне его повеления; кто перед этим был приведен к нему, раздет и бит плетью, чтобы его повеления сильнее врезались ему в память. Сущность их сводилась к тому, что я был наиболее могущественным противником, который меньше всего предоставлял ему денежных подарков. Поэтому, если я не позабочусь как можно скорее выплатить ему денежные подарки прошлых лет, он будет у нас в скором времени и сам отведет меня связанным к Турку вместо подарка.

Я не перестаю молить совершеннейшего и величайшего Бога, чтобы за истинным желанием защищать христианство и карать врагов он поистине наделил меня той же величайшей способностью его доказать, которой я всегда обладал. Что касается остального, я вверяюсь милости вашего прославленного владычества и молю для него у совершеннейшего и величайшего Бога во всем благополучия и благоденствия.

Написано в Замойске в двенадцатый⁹⁷ день месяца августа, в год Господень 1594.

Благодарности

Пользуюсь случаем выразить мою искреннюю благодарность монсеньору Франческо Браски за оказание помощи во время работы над кодексом Пинелли в Амброзианской библиотеке и за предоставление фотокопий, значительно облегчивших издание текста – *P.X.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леп'явко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернівці: Сіверянська думка, 1996. 286 с.
2. *Наїма Мустафа.* Гюсейнові городи у витягу історії із заходу та сходу. (Повідомлення про Україну) / Пер. з османо-турецької О. Галенка та О. Кульчицького. К.: Вид-во Жупанського, 2016. 288 с.
3. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.
4. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть I / Литаврин Г.Г. (отв. ред.). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 288 с.
5. *Семенова Л.Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2005. 432 с.

⁹⁷ *Г: 21.*

6. Финкель К. История Османской империи: Видение османа / Алексеев К., Яблоков Ю. (пер.). М.: АСТ, 2010. 850 с.
7. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М.: Издательство «Наука», 1978. 303 с.
8. Эварницкий [Яворницкий] Д.И. История запорожских козаков. Том 2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1895. 623 с.
9. Archiwum domu Radziwiłłów (Listy ks. M.K. Radziwiłła Sierotki – Jana Zamojskiego – Lwa Sapiehy) / Sokołowski A. (ed.) // Scriptores rerum Polonicarum. Tomus VIII. Kraków: Z drukarni Wł.L. Anczyca i Spółki, 1885. v + 295 s.
10. Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576 skreślone przez Świętosława z Borzejowec Orzelskiego, staroste Radziejowskiego. T. II. Petersburg i Mohilew: nakł. Bolesława Maurycego Wolffa, 1856. 336 s.
11. Documente privitoare la istoria românilor. Vol. III, partea 1: 1576–1599 / Culese Eudoxiu de Hurmuzaki // Publicate sub auspiciile Academiei Române și ale Ministeriului Cultelor și lustrucțiunii publice. București: Socescu & Teclu, 1880. xxx + 600 p.
12. *Gvilielmi et Ioannis Blaeu theatrum orbis terrarum sive atlas novus. Pars secunda.* Amsterdam: apud Guiljelmum et Iohannem Blaeu, 1635.
13. Kocowski B. Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin: Tow. nauk. K.U.L., 1948. 70 s.
14. Konopczyński W. Chronologia sejmów polskich 1493–1793 // Archiwum Komisji Historycznej. Ser. 2. T. IV (Ogólnego zbioru XVI). № 3. Kraków, 1948. № 97, s. 127–169.
15. Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584–1620 / Żółkiewski S., Lubomirski T.J. (eds.). Kraków: W drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1868. 152 s.
16. Mika N. Racibórz w obliczu najazdów tatarskich i zagrożenia wałaskiego. Racibórz: AGAT, 2002. 176 s.
17. Mosbach A. Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Prowincji Śląskiej. Ostrów: Nakładem J. Priebatscha, 1860. I + 403 s.
18. Ortelius A. Theatrum orbis terrarum. Opus nunc denuo ab ipso auctore recognitum, multisque locis castigatum, & quamplurimis nouis tabulis atque commentarijs auctum Antuerpiae: auctoris aere & cura impressum absolutumque apud Ant. Coppenium Diesth, 1574.
19. Reusner N. Continuatio Operis collectanei Epistolarum Tvrccicarum: In qua extant Literae Symmorum Pontificum, Imperatorum, Regnum, Principum aliorumque procerum mundi de rebus Turcicis a Baiazete I. vsque ad haec nostra fere tempora, exatae: Ex ipsis authenticis et originalibus scriptis [et] actis fideliter in hunc ordinem translatae. Opus et ad historiarum cognitionem utile, & reipublicae, ac praesertim ijs, qui legationis munere quandoque funguntur, aut quouis in officio constitutis, perquam necessarium. Francofurti: Impensis Pauli Brachfeldij, 1599. Адрес доступа: <https://books.google.fi/books?id=DnxgAAAAcAAJ&pg=PA242&lpg=PA242&dq=%22non+meis+literis+certiorem%22&source=bl&ots=63Dfg85B8M&sig=LRZoc1e-e7bKvyhrjGc4d6gYY&hl=it&sa=X&ved=0ahUKEwiCu6K44oPLAhVIBSwKHUnRDtUQ6AEIGjAA#v=onepage&q=%22non%20meis%20literis%20certiorem%22&f=false> (дата обращения 02.01.2017)
20. Revelli P. I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo. Milano: Luigi Alfieri, 1929. 196 p.
21. Urzędnicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku. Spisy / K. Chłapowski, S. Ciara, Ł. Kądziera, T. Nowakowski, E. Opaliński, G. Rutkowska, T. Zielińska (eds.). Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1992. 220 s.
22. Urzędnicy województwa Bełskiego i ziemi Hemlińskiej XIV–XVIII wieku. Spisy / H. Gmiterek, R. Szczygieł, A. Gąsiorowski (eds.). Kórnik: Polska Akademia Nauk, Biblioteka Kórnicka, Instytut Historii, 1992. 280 s.
23. Urzednicy wojewodztwa krakowskiego XV–XVIII wieku. Spisy / S. Cynarski, A. Falniowska-Gradowska (ed.). Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1990. 277 s.

24. Urzędnicy województwa Lubelskiego XVI–XVIII wieku. Spisy / W. Kłaczewski, W. Urban (ed). Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1991. 135 s.

25. Urzędnicy województwa Ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie Halicka, Lwowska, Przemyska, Sanocka). Spisy / K. Przyboś (ed.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 415 s.

26. *Williams B.G.* The Sultan's Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington: The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.

27. *Zamoyski J.* De transitu Tartarorum Per Pocuciam Anno M.D.XCIII Epistola Ad [...] Cinthium [...] Aldobrandinum Ab [...] Ioanne De Zamoscio [...] missa. Crac[oviae]: Lazarus, 1594. Адрес доступа: <https://polona.pl/item/5120872/0/> (дата обращения 02.01.2017)

28. *Zamoyski J.* De Transitu Tartarorum per Pocutiam, Anni M.D. XCIII. Epistola. Dancisci: Rhode, 1595. Адрес доступа: <http://diglib.hab.de/drucke/267-8-quod-27/start.htm> (дата обращения 02.01.2017)

Сведения об авторах: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>**, **ResearcherID: H-9114-2016** (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Поступила 16.01.2017

Принята к публикации 25.04.2017

Опубликована 30.06.2017

LETTER OF POLISH HETMAN JAN ZAMOYSKI “ABOUT PASSAGE OF TATARS THROUGH POKUTTYA IN 1594”

Roman Hautala^{1,2}, *V.P. Gulevich*³

¹ *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

³ *Verkhovna Rada of Ukraine
Kiev, Ukraine
gulevych_v@ukr.net*

The present article contains the text of the letter sent by Polish hetman Jan Zamoyski to Cardinal Cinzio Aldobrandini August 12, 1594 describing the circumstances of the recent invasion of Tatar troops in Hungary. Judging by contents of the letter, Zamoyski did not hide his desire to be justified in the eyes of the Roman Curia for the ineffectiveness of

his actions, which would have to prevent Tatars to invade Hungary through Ukrainian territory that was subordinated to Rzeczpospolita. Thus, this letter is interesting for two reasons. In the first place, Zamoyski's letter contains detailed information about movement of Tartar troops to the west and stratagemme of khan Ghazi Giray, which allowed Tatars to lull Polish hetman and painlessly penetrate into Hungarian territory. On the other hand, the letter contains somewhat clumsy attempts of Zamoyski to justify his unsuccessful actions, which represent a particular interest.

This article, therefore, contains the Latin text of the letter and its Russian translation as well as the preface and necessary comments to the text explaining the reasons and the very course of Tatar invasion of the Kingdom of Hungary. In addition, at the article the authors placed facsimiles of two handwritten copies of the letter from the Biblioteca Ambrosiana in Milan.

Keywords: Ottoman conquest of the Balkans in the late 16th century, invasions of the Crimean Tatars in Central and Eastern Europe, Hungarian Kingdom, Rzeczpospolita, Polish hetman Jan Zamoyski

For citation: Hautala R., Gulevich V.P. Letter of Polish Hetman Jan Zamoyski "About Passage of Tatars through Pokuttia in 1594". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 437–459 + 22 p. ill. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.437-459

Thanks

I take this opportunity to express my sincere gratitude to Monsignor Francesco Braschi for assisting in the work on the Codex of Pinelli in the Biblioteca Ambrosiana, as well as for the provision of photocopies, which greatly facilitated publication of the text – R.H.

REFERENCES

1. Lep'yavko S. *Kozats'ki viyni kintsya XVI st. v Ukraïni* [The Cossack Wars at the end of the 16th century in Ukraine]. Chernihiv, Siveryans'ka dumka, 1996. 286 p. (In Ukrainian)
2. Naïma Mustafa. *Gyuseynovi gorodi u vityagu istorii iz zakhodu ta skhodu. (Povidomlennya pro Ukraïnu)* [Hussain's Gardens in the Extract of History from the West and East (A Notice of Ukraine)]. Per. z osmano-turets'koï O. Galenka ta O. Kul'chits'kogo. Kyiv, Vid-vo Zhupans'kogo, 2016. 288 p. (In Ukrainian)
3. Novosel'skiy A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The Struggle of the Moscow State against the Tatars in the first half of the 17th century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1948. 452 p. (In Russian)
4. *Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v XVII v. Chast' I* [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 17th century. Part I]. Litavrin G.G. (otv. red.). Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 288 p. (In Russian)
5. Semenova L.E. *Knyazhestva Valakhiya i Moldaviya. Konets XIV – nachalo XIX v. (Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii)* [Principalities of Wallachia and Moldavia. The end of the 14th – beginning of the 19th centuries (Essays on the history of foreign policy)]. Moscow, Indrik, 2005. 432 p. (In Russian)
6. Finkel C. *Istoriya Osmanskoy imperii: Videnie osmana* [The Story of the Ottoman Empire 1300–1923]. Alekseev K., Yablokov Yu. (per.). Moscow, AST, 2010. 850 p. (In Russian)
7. Florya B.N. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII v.* [Russian-Polish Relations and Political Development of Eastern Europe in the second half of the 16th – early 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 303 p. (In Russian)

8. Evarnitskiy [Yavornitskiy] D.I. *Istoriya zaporozhskikh kozakov* [History of the Zaporozhye Cossacks]. Vol. 2. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1895. 623 p. (In Russian)
9. *Archiwum domu Radziwiłłów (Listy ks. M.K. Radziwiłła Sierotki – Jana Zamojskiego – Lwa Sapiehy)*. Sokołowski A. (ed.). *Scriptores rerum Polonicarum*. Tomus VIII. Kraków, Z drukarni Wł.L. Anczyca i Spółki, 1885. v + 295 p. (In Polish)
10. *Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576 skreślone przez Świętosława z Borzejowca Orzelskiego, starostę Radziejowskiego*. Vol. II. Saint Petersburg and Mohilew, nakł. Bolesława Maurycego Wolffa, 1856. 336 p. (In Polish)
11. *Documente privitoare la istoria românilor*. Vol. III, partea 1: 1576–1599. Culese Eudoxiu de Hurmuzaki. Publicate sub auspiciile Academiei Române și ale Ministeriului Cultelor și lustrucțiunii publice. București, Socecu & Teclu, 1880. xxx + 600 p. (In Latin)
12. *Gvilielmi et Ioannis Blaeu theatrum orbis terrarum sive atlas novus*. Pars secunda. Amsterdam: apud Guiljelmum et Iohannem Blaeu, 1635. (In Latin)
13. Kocowski B. *Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r.* Lublin, Tow. nauk. K.U.L., 1948. 70 p. (In Polish)
14. Konopczyński W. Chronologia sejmów polskich 1493–1793. *Archiwum Komisji Historycznej*. Ser. 2. Vol. IV (Ogólnego zbioru XVI). № 3. Kraków, 1948. No. 97, pp. 127–169. (In Polish)
15. *Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584–1620*. Żółkiewski S., Lubomirski T.J. (eds.). Kraków, W drukarni Uniwersitetu Jagiellońskiego, 1868. 152 p. (In Polish)
16. Mika N. *Racibórz w obliczu najazdów tatarskich i zagrożenia wałaskiego*. Racibórz, AGAT, 2002. 176 p. (In Polish)
17. Mosbach A. *Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Prowincji Śląskiej*. Ostrów, Nakładem J. Priebatscha, 1860. I + 403 p. (In Polish)
18. Ortelius A. *Theatrum orbis terrarum*. Opus nunc denuo ab ipso auctore recognitum, multisque locis castigatum, & quamplurimis nouis tabulis atque commentarijs auctum Antuerpiae: auctoris aere & cura impressum absolutumque apud Ant. Coppenium Diesth, 1574. (In Latin)
19. Reusner N. *Continuatio Operis collectanei Epistolarum Tyrcicarum: In qua extant Literae Symmorum Pontificum, Imperatorum, Regnum, Principum aliorumque procerum mundi de rebus Turcicis a Baiazete I. vsque ad haec nostra fere tempora, exatae: Ex ipsis authenticis et originalibus scriptis [et] actis fideliter in hunc ordinem translatae. Opus et ad historiarum cognitionem utile, & reipublicae, ac praesertim ijs, qui legationis munere quandoque funguntur, aut quouis in officio constitutis, perquam necessarium*. Francofurti, Impensis Pauli Brachfeldij, 1599. Available at: https://books.google.fi/books?id=DnxgAAAACAAJ&pg=PA242&lpg=PA242&dq=%22non+meis+literis+certiorem%22&source=bl&ots=63Dfg85B8M&sig=LRZoc1e_-e_7bKvyhrjGc4d6gYY&hl=it&sa=X&ved=0ahUKEwiCu6K44oPLAhVIBSwKHUnRDtUQ6AEIGjAA#v=onepage&q=%22non%20meis%20literis%20certiorem%22&f=false (accessed 02.01.2017) (In Latin)
20. Revelli P. *I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo*. Milano, Luigi Alfieri, 1929. 196 p. (In Italian)
21. *Urzednicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku*. Spisy. K. Chłapowski, S. Ciara, Ł. Kądziała, T. Nowakowski, E. Opaliński, G. Rutkowska, T. Zielińska (eds.). Kórnik, Biblioteka Kórnicka, 1992. 220 p. (In Polish)
22. *Urzednicy województwa Belskiego i ziemi Hemelskiej XIV–XVIII wieku*. Spisy. H. Gmiterek, R. Szczygiel, A. Gąsiorowski (eds.). Kórnik, Polska Akademia Nauk, Biblioteka Kórnicka, Instytut Historii, 1992. 280 p. (In Polish)
23. *Urzednicy województwa krakowskiego XV–XVIII wieku*. Spisy. S. Cynarski, A. Falniowska-Gradowska (eds.). Kórnik, Biblioteka Kórnicka, 1990. 277 p. (In Polish)
24. *Urzednicy województwa Lubelskiego XVI–XVIII wieku*. Spisy. W. Kłaczewski, W. Urban (eds.). Kórnik, Biblioteka Kórnicka, 1991. 135 p. (In Polish)

25. *Urządnicy województwa Ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie Halicka, Lwowska, Przemyska, Sanocka)*. Spisy. K. Przyboś (ed.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 415 p. (In Polish)

26. Williams B.G. *The Sultan's Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington, The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.

27. Zamoyski J. *De transitu Tartarorum Per Pocuciam Anno M.D.XCIII Epistola Ad [...] Cinthium [...] Aldobrandinum Ab [...] Ioanne De Zamoscio [...] missa*. Crac[oviae], Lazarus, 1594. Available at: <https://polona.pl/item/5120872/0/> (accessed 02.01.2017) (In Latin)

28. Zamoyski J. *De Transitu Tartarorum per Pocutiam, Anni M. D. XCIII. Epistola*. Dancisci, Rhode, 1595. Available at: <http://diglib.hab.de/drucke/267-8-quod-27/start.htm> (accessed 02.01.2017) (In Latin)

About the authors: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kiev 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Received January 16, 2017

Accepted for publication April 25, 2017

Published June 30, 2017

РЕЦЕНЗИИ

УДК 394

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С.С. АВЕРКИЕВА
«ВЛИЯНИЕ ТАТАР НА ЖИЗНЬ РУССКОГО НАРОДА»*****В.В. Трепавлов****Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
trepavlov@yandex.ru*

Рецензия посвящена книге С.С. Аверкиева (1886–1963), которая осталась неопубликованной, так как сама постановка подобной темы в советский период была непопулярной, сомнительной и потому «непроходной» в редакциях и издательствах. Влияние татар на разнообразные стороны социальной и культурной жизни русского народа С.С. Аверкиев усматривал в чрезвычайно широком спектре. Об этом можно судить даже по названиям глав: «Влияние татар на административное управление, финансы», «Влияние татар на торговлю и промышленность», «Быт», «Нравы и обычаи», «Народная словесность». Исследовательский энтузиазм автора зачастую побуждал его искать татарский «след» там, где в действительности имели место заимствования из Персии и арабских стран, от народов Средней Азии. Возможно, здесь в какой-то мере сказалось отжившее, дореволюционное, впитанное автором с молодости общее обозначение тюркоязычных народов как татар. Во всяком случае, Аверкиев не настаивает на том, что все подобранные им случаи и примеры заимствований непременно были связаны с Золотой Ордой и позднейшими татарскими ханствами. Тема книги Аверкиева далеко не нова. В историографии неоднократно предпринимались попытки определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Как правило, ярким показателем такой связи считаются заимствования из Золотой Орды XIII–XV вв. и из более ранних тюркских государств. Разумеется, бесспорные примеры существуют – прежде всего, в русской титулатуре и социальной терминологии, финансовой системе средневековой Руси, организации ямской службы и прочее.

Ключевые слова: татары, русские, Золотая Орда, татарские ханства, быт, нравы, обычаи

Для цитирования: Трепавлов В.В. Рецензия на книгу С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ выпустил книгу малоизвестного в наше время востоковеда и педагога С.С. Аверкиева (1886–1963) [1]. Сергей Сергеевич Аверкиев принадлежал к тому блестящему поколению русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., которое сочетало обширные знания и высокий профессионализм с идеей служения обществу на поприще просвещения. Выпускник московского Лазаревского инсти-

туда восточных языков, он в 1908 г. отправился в Турцию и на османский Ближний Восток, где в ту пору активно развернулась деятельность императорского Православного Палестинского общества. Аверкиев занялся преподаванием истории и русской словесности в Константинопольской семинарии и в сирийских школах, а вскоре стал работать в аппарате инспектора начальных школ, курируя русское начальное образование во всем регионе. С началом Первой мировой войны он вернулся в Россию и после Революции поселился в родном Нижнем Новгороде.

Дворянское происхождение Аверкиева давало мало шансов на успешную карьеру в новой советской России, и уже не могло быть речи о просветительских программах Палестинского общества (его деятельность в революционные и последующие годы почти замерла). Потянулись годы рутинной работы, преподавания в нижегородских школах и техникумах, затем в местном педагогическом институте. Блестящее владение восточными языками, знакомство с культурой и бытом Арабского Востока практически не пригодились Аверкиеву в его работе. Однако стремление к накоплению знаний и генерированию новых идей, заложенное в студенческие годы, все же проявлялось в интересе к восточным компонентам русской истории. Оставив работу по болезни в 1949 г., Аверкиев в течение 11 лет, практически до конца жизни, писал книгу о «влиянии татар на жизнь русского народа». Как и прочие сочинения нижегородского/горьковского историка, эта работа осталась неопубликованной. Сама постановка подобной темы была в то время непопулярной, сомнительной и потому «не проходной» в редакциях и издательствах.

В 1966 г. рукопись книги оказалась в архиве Института истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН). Вероятно, она была передана туда родственниками С.С. Аверкиева, не желавшими, чтобы его многолетний труд пропал в неизвестности. Тем не менее толстая папка с машинописными листами все-таки оказалась надолго «похороненной» в массе архивных дел. Лишь в 2013 г. заведующий институтским архивом К.С. Дроздов обнаружил ее при разборе документов. Специалисты института просмотрели рукопись. Ее проблематика, содержание, охват анализируемых сюжетов (за которым чувствовалась огромная эрудиция автора) заинтересовали нас и привели к идее подготовить «Влияние татар на жизнь русского народа» к изданию.

Эту кропотливую работу взял на себя доктор исторических наук И.В. Зайцев. Он не только вычитал машинопись (неважного качества), но и добавил к тексту книги важные дополнения. Одним из досадных препятствий было отсутствие биографических сведений о С.С. Аверкиеве. Устранить этот пробел помогли разыскания нижегородского юриста и историка А.Н. Лушина, который собрал информацию о жизненном пути Аверкиева и рассказал о нем в нескольких публикациях. Статьей А.Н. Лушина открывается и рецензируемая книга. Описанию судьбы Аверкиева и оценке его труда о татарском влиянии с позиций современной исторической науки посвящена вторая, более обширная вводная статья, написанная И.В. Зайцевым. Кроме того, И.В. Зайцев обнаружил в Архиве РАН письма Аверкиева знаменитым востоковедам В.А. Гордлевскому и А.Е. Крымскому, в которых поднимались и дискутировались некоторые вопросы интересующей его темы.

После текста Аверкиева в изданной книге помещена статья известного искусствоведа А.И. Некрасова «Татарская культура в древнерусском быту.

XV–XVI вв.», написанная практически на ту же тему, что и монография Аверкиева. Рукопись статьи тоже хранилась в академическом архиве и была И.В. Зайцевым подготовлена к печати.

Влияние татар на разнообразные стороны социальной и культурной жизни русского народа С.С. Аверкиев усматривал в чрезвычайно широком спектре. Об этом можно судить даже по названиям глав: «Влияние татар на административное управление, финансы», «Влияние татар на торговлю и промышленность», «Быт», «Нравы и обычаи», «Народная словесность». Исследовательский энтузиазм автора зачастую побуждал его искать татарский «след» там, где в действительности имели место заимствования из Персии и арабских стран, от народов Средней Азии. Возможно, здесь в какой-то мере сказалось отжившее, дореволюционное, впитанное автором с молодости общее обозначение тюркоязычных народов как татар. Во всяком случае, Аверкиев не настаивает на том, что все подобранные им случаи и примеры заимствований непременно были связаны с Золотой Ордой и позднейшими татарскими ханствами.

Следует согласиться с оценкой данного исследования И.В. Зайцевым: «Безусловно, многие положения автора безнадежно устарели и сейчас являются уже историографическим фактом», с его указанием на «очевидную слабость и даже наивность отдельных утверждений и выводов». Действительно, приводимые Аверкиевым лингвистические и исторические параллели, этимологические аналогии нуждаются в доскональном и гораздо более подробном анализе. Однако столь же верна характеристика, данная автором предисловия личности и труду С.С. Аверкиева: «Только очень увлеченный человек мог взяться за осуществление своего труда в эпоху борьбы с космополитизмом».

Тема книги Аверкиева далеко не нова. В историографии неоднократно предпринимались попытки определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Как правило, ярким показателем такой связи считаются заимствования из Золотой Орды XIII–XV вв. и из более ранних тюркских государств. Разумеется, бесспорные примеры существуют – прежде всего, в русской титулатуре и социальной терминологии, финансовой системе средневековой Руси, организации ямской службы и проч. Хотя некоторые авторы абсолютизируют размах восточных заимствований, приписывая татарское происхождение, например, русскому поместью и Земскому собору [5, с. 162, 163].

Методика определения восточных заимствований была сформулирована Г.В. Вернадским в книге «Монголы и Русь» в 1953 г. (т.е. примерно в то же время, когда советский историк приступил к работе над «Влиянием татар...»): если какого-то явления или института не было в домонгольской Руси, но они фиксируются в XIV–XV вв., значит, они возникли в ордынский период и могли быть переняты у ордынцев [2, с. 340–345]. С.С. Аверкиев не уделил внимания построению методических основ своих штудий. Он ограничился чисто позитивистским накоплением и посильной интерпретацией фактов, добытых из разномастных источников. Однако было бы некорректно упрекать его в невнимании к теоретической стороне дела. Ведь ясно, что возможности для добывания сведений и знакомства с историческими концепциями у профессора Йельского университета в Америке и у скромного пре-

подавателя провинциального пединститута в сталинском и постсталинском СССР были несопоставимыми.

Рискованность способа анализа, предложенного Вернадским, очевидна, но пользуясь им, Вернадский сумел выделить ряд позиций в экономической, политической и военной сферах жизни Руси, где явно просматривались азиатские прототипы. Заметим, что его классификация заимствований и композиция текста с изложением данных сюжетов приблизительно совпадает с построением книги Аверкиева. То есть эти исследователи, не знакомые друг с другом, не читавшие сочинений друг друга и работавшие в разных странах, мыслили в сходном направлении.

На основании этой же методики исследовали влияние Золотой Орды на Русь Ч. Гальперин и Д. Островски [3, с. 24, 25; 4, с. 90–112].

Но для полноценного применения такого подхода нужно знать, существовали ли рассматриваемые явления в Золотой Орде, и если да, то в каком виде. А это является пока труднодостижимым из-за недостаточной изученности истории Орды. Главная проблема заключается в накоплении и осмыслении источникового материала, в том числе археологического. Достаточной языковой подготовкой и источниковедческой квалификацией для того, чтобы возглавить деятельность по координации исследований Золотой Орды обладают татарстанские коллеги. В последние годы роль такого координатора все более заметно играет Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ. Одним из показателей его успешной работы является активная издательская деятельность, в том числе периодические издания «Золотоордынская цивилизация» и «Золотоордынское обозрение» – и в том числе книга С.С. Аверкиева [1], подготовленная данным Центром под редакцией его руководителя И.М. Миргалеева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиев С.С.* Влияние татар на жизнь русского народа / Составитель И.В. Зайцев, отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 292 с.
2. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.
3. *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 143–171.
4. *Halperin Ch.J.* Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington (Ind.): Indiana univ. press, 1985. 192 p.
5. *Pelensky J.* State and Society in Muscovite Russia and Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27. S. 156–167.

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (117036, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Поступила 03.03.2017
Принята к публикации 29.05.2017
Опубликована 30.06.2017

REVIEW OF THE BOOK BY S.S. AVERKIEV
“TATAR INFLUENCE ON THE LIFE OF THE RUSSIAN PEOPLE”

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
trepavlov@yandex.ru*

The article contains a review of the book by S.S. Averkiev (1886–1963), which remained unpublished during the Soviet period, since such a topic was at that time unpopular, questionable, and therefore “inadmissible” for Soviet publishers. S.S. Averkiev saw the influence of the Tatars on various aspects of the social and cultural life of the Russian people in an extremely wide spectrum. This can even be judged by the chapters’ titles: “The Influence of Tatars on Administrative Management, Finances”, “The Influence of Tatars on Trade and Industry”, “Everyday Life”, “Manners and Customs”, “People’s Literature”. The author’s research enthusiasm often encouraged him to seek the Tatar “connection”, where borrowings actually took place from Persia and the Arab countries, from the peoples of Central Asia. Perhaps, the obsolete, pre-revolutionary general designation of Turkic-speaking peoples as Tatars to some extent affected the author in this respect. Averkiev does not insist that all selected cases and examples of borrowings were certainly associated with the Golden Horde and the later Tatar khanates. The topic of Averkiev’s book is not new at all. Attempts to identify the various manifestations of the civilizational connection between Russia and the East have been repeatedly made in historiography. As a rule, borrowings from the Golden Horde of the 13th–15th centuries and from the earlier Turkic states are considered a clear indicator of such a connection. Of course, indisputable examples exist: first of all, in the Russian titlature and social terminology, financial system of medieval Rus’, organization of the yam-service, and so on.

Keywords: Tatars, Russians, Golden Horde, Tatar khanates, everyday life, manners, customs

For citation: Trepavlov V.V. Review of the Book by S.S. Averkiev “Tatar Influence on the Life of the Russian People”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465

REFERENCES

1. Averkiev S.S. *Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda* [Tatar Influence on the Life of the Russian People]. Comp. I.V. Zaitsev, ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Yaz Publ., 2015. 292 p. (In Russian)
2. Vernadsky G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Tver, LEAN; Moscow, AGRAP Publ., 1997. 480 p. (In Russian)
3. Ostrowski D. Mongol'skie korni russkikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy [The Mongol Roots of Russian State Institutions]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoy i Moskovskoy Rusi. Antologiya* [American Russian Studies.

Milestones in the Historiography of Recent Years. The Period of Kievan and Muscovite Rus'. Anthology]. Samara, Samara State University Publ., 2001, pp. 143–171. (In Russian)

4. Halperin Ch.J. *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington (Ind.): Indiana Univ. Publ., 1985. 192 p.

5. Pelensky J. State and Society in Muscovite Russia and Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27, pp. 156–167.

About the author: Vadim V. Trepavlov – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Received March 3, 2017

Accepted for publication May 29, 2017

Published June 30, 2017

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХОВ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ К.А.ПИЩУЛИНОЙ
«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА»**

А.А. Галиев

*Казахский университет международных отношений и мировых языков
Алматы, Казахстан
agaliev@hotmail.com*

Сборник статей известного историка-востоковеда К.А. Пищулиной вышел в свет в конце 2016 г. и стал сразу большим событием в исторической науке. В статьях разных лет, написанных на основании персо- и тюркоязычных источников, нашли отражение самые актуальные вопросы, связанные с прошлым Казахского ханства. В советский период история этого государства, как и других государств, созданных кочевыми народами Евразии и прежде всего тюркскими, оставалась малоизученной. Многие вопросы являлись дискуссионными, так как главенствующий в науке марксизм-ленинизм не смог приспособить формационную классовую теорию для кочевого общества и кочевника. В числе этих вопросов были такие, как характер государственных образований, созданных кочевниками, устройство аппарата и механизмы управления, налоговая и денежная система, роль городов в этих государствах, взаимоотношения оседло-земледельческой и кочевой частей государства и др.

Но уже в тот период некоторые исследователи, в числе которых была и К.А. Пищулина, задумывались над этими проблемами. Одной из проблем, которые она разрабатывала, было выявление роли городов Туркестана в составе Казахского ханства. Автор приходит к выводу, что города выполняли самые различные функции. Они были центрами ремесленного производства, земледелия и торговли. Город Туркестан являлся столицей и духовным центром государства. Управление оседло-земледельческим населением осуществлялось различными категориями чиновников. Автор сборника показывает также систему управления кочевым населением. Разбирается и налоговая система существовавшая в ханстве. Автор приходит к выводу, что денежная система нуждается в дальнейшем изучении.

Еще одна проблема, которую изучает автор, это мифологизация истории тюркских народов. В книгах, написанных дилетантами, утверждается, что Золотая Орда была частью Казахского ханства, а Чингиз-хан был казахом. Разоблачению этих мифов посвящено несколько статей.

Таким образом, мы видим, что в данном сборнике собраны работы, в которых читатель найдет ответы на самые различные вопросы, связанные как с историей Казахстана и сопредельных территорий, так и с ее влиянием на современность.

Ключевые слова: Казахское ханство, кочевники, государственность, города, письменные источники, мифологизация истории

Для цитирования: Галиев А.А. Актуальные проблемы истории казахов. Рецензия на книгу К.А. Пищулиной «Очерки истории Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 466–473. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.466-473

Интерес к истории возникновения государств, возникших на обломках чингизидских ханств, в последнее время огромен. Это связано и с поиском идентичности для современных народов, и с недостаточной изученностью

средневековой истории. Если о распаде Правого Крыла Золотой Орды и образовании татарских государств пишется много, то в изучении последствий распада Левого Крыла Улуса Джучи, государства Чагатаидов, образования Казахской Орды и Шейбанидского ханства в Средней Азии еще не решены все вопросы.

Отмеченный в 2015 г. в Казахстане на государственном уровне 550-летний юбилей образования Казахского ханства выявил не только возросший интерес к прошлому страны. Стало ясно, что многие вопросы, связанные с пониманием феномена государственности кочевых народов, в том числе и казахов, остаются мало разработанными и дискуссионными.

К их числу относятся такие вопросы как формы организации государств кочевников, устройство государственного аппарата, механизмы управления, система налогообложения, товарно-денежные отношения, взаимоотношения с оседло-земледельческими регионами, роль городов в кочевых полициях и др. И это не говоря уже о том, что многие исследователи вообще отрицают возможность и необходимость создания кочевыми народами государства.

Слабая разработанность этих вопросов порождает множество околонаучных, достаточно политизированных публикаций. К сожалению, работы профессионалов, издаваемые, как правило, небольшим тиражом, теряются на фоне шквала опусов дилетантов – мифологизаторов. Поэтому каждая серьезная научная работа вызывает живой интерес не только профессиональных историков, но и всех, кто стремится к научному пониманию прошлого.

Не удивительно, что издание в конце 2016 г. Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова сборника статей известного историка-ориенталиста К.А. Пищулиной «Очерки истории Казахского ханства» стало настоящим событием в научной жизни страны [4].

В сборник вошли работы, в которых нашли отражение различные проблемы, связанные с историей региона вообще и Казахского ханства в частности. Поэтому представляется, что данная работа будет представлять интерес не только для казахстанского читателя.

Историки прекрасно знают автора книги, К.А. Пищулину, по фундаментальной монографии «Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории)», опубликованной в 1977 г. и ставшей классикой советской медиевистики. В данном же сборнике нашли дальнейшую разработку отдельные, наиболее значимые сюжеты, связанные с историей не только Казахского ханства, но и сопредельных государств, в первую очередь Могулистана. Опубликованная работа основана на позднесредневековых письменных источниках, многие из которых впервые были введены в научный оборот именно автором рецензируемого сборника и ее коллегами. Эти свидетельства прошлого придают работе еще большую ценность в глазах историков, поскольку имеющиеся в их распоряжении документы той эпохи отличаются скудостью информации о Казахском ханстве и городах, входивших в его состав. Конечно же, в общих нарративных сочинениях на персидском и тюркском языках достаточно много сведений о городах Туркестана, но они рассеяны в большом массиве другого материала и акцентируют внимание в основном на их роли в политической истории государств Центральной Азии. Только обладая необходимыми знаниями и профессиональными навыками, при внимательном и кропотли-

вом изучении, из них можно извлечь крупинки ценной информации по социально-экономической и этнической истории.

На основе этих документов, их критического анализа, автор обращается к вопросам, которые практически не были предметом научного исследования, как история городов Туркестана в период позднего средневековья, сложения казахской народности и государственности, роль этих городов в истории Казахского ханства XV–XVII вв., в том числе в их внешнеполитической деятельности. К.А. Пищулина сделала удачную попытку ответить на эти вопросы.

Как представляется, одним из ключевых вопросов истории Казахского ханства является роль, которую играли в них города, их функционирование, взаимоотношения с кочевой частью ханства. Проблема эта во многом порождена сложившимся и тщательно выпестованным стереотипом о политиях кочевников, как чисто номадических образованиях. Такая модель кочевого общества порождает в свою очередь ряд производных стереотипов, подводящих к выводу об ущербности данного способа производства, его хищническом и грабительском характере.

Между тем, то же Казахское ханство, как государственное образование, не было чисто номадическим. Уже с первых лет его существования первые казахские ханы вели успешную борьбу за включение в состав ханства присырдарьинских городов или, как называет их К.А.Пищулина, городов Туркестана.

Изменилось ли что-то во внутренней жизни городов Туркестана, их функционировании, после включения в состав Казахского ханства? На этот вопрос отвечают изученные К.А. Пищулиной грамоты. Одна из них, относящаяся к XVI в., выдана в 950 г.х. (1543/1544 г.) от имени некоего Абу-л-Гази `Абд ар-Рахим-хан-бахадур-султана с назначением судьей Сыгнака Сират-шайх-накиба и пожалованием ему, с определением функций, одного участка земли на арыке Кизил-тал вместе с правами тархана. Вероятно, Абд ар-Рахим был казахским ханом. В середине XVI в. казахи доходили до Ташкента, и Сыгнак был под властью казахских правителей. Грамота указывает на то, что хотя города находились в руках разных правителей, в том числе казахских ханов, этот частый переход не менял по существу социально-экономических отношений, сложившихся в регионе и в отношениях между кочевниками и оседлыми жителями. Следовательно, говорить о том, что правление казахских ханов в городах Туркестана отличалось от правления других правителей и приводило к запустению городов, упадку экономики и другим последствиям, не приходится. Значение многих городов даже возросло. Тот же город Туркестан, к примеру, после того, как он стал резиденцией казахских ханов, укрепился и в статусе центра земледельческой округи, так как потребности в зерновых и других продуктах увеличилась. Казахские ханы, в качестве владетелей Туркестана, старались поддерживать и роль города как центра мусульманской духовной жизни.

Попутно отметим, что употребляемый часто историками термин «присырдарьинские города» нуждался в точном определении, и К.А. Пищулина на основании анализа данных источников показывает, что район, в котором локализовались эти города, имел исторически устоявшееся название – Туркестан. Авторы средневековых сочинений четко отличали его от соседних районов – Маверраанахра, Дашт-и Кыпчака, Могулистана. В единое целое Туркестан связывался Сырдарьей.

Автор сборника систематизирует все имеющиеся данные о городах Туркестана – о их локализации, истории, экономической роли в регионе и значении, которое играл тот или иной город в государствах кочевников и в первую очередь в Казахском ханстве. В частности, по этим параметрам дается характеристика Сыгнака, Саурана, Туркестана (Ясы), Отрара, Сайрама, Аркука и др. Очень важно и то, что автор показал, что эти города имели свое функциональное предназначение в структуре Казахского ханства (столица, духовный, экономический, земледельческий, ремесленный центр и т.д.). Важно и то, что эти города достаточно долго пребывали в составе Казахского ханства (с XVI в.), многие входили в его состав добровольно, и их выход был насильственным, обусловленным джунгарским завоеванием.

В статье сборника «Борьба казахов за присырдарьинские города в последней трети XV в.» К.А. Пищулина подкрепляет мысль, высказанную Б.Г. Гафуровым и поддержанную многими учеными. Эта мысль заключается в том, что не только города играли важную роль для кочевников, но имело большое значение и обратное: хозяйственные связи, торговля скотоводов-кочевников с населением земледельческих регионов способствовали развитию как ремесленного производства, и вместе с ним городской жизни, так и земледелия в силу того, что увеличивался спрос на изделия ремесленников и продукты земледельцев.

Касааясь вопроса о торговых отношениях кочевников и жителей оседло-земледельческого присырдарьинского региона, автор поднимает вопрос о необходимости изучения проблемы развития товарно-денежных отношений собственно у казахов, и совершенно справедливо указывает, что в источниках такие сведения отсутствуют. Данный пробел, на наш взгляд, вполне объясним, поскольку во внутренней торговле, практикуемой внутри кочевой части Казахского (да и других государственных образований кочевников) не было необходимости в развитии денежного обращения. Функцию денег в степи вполне адекватно выполнял скот. Так, еще автор «Капитала» К. Маркс справедливо писал, что «кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчужденной форме» [1, с. 96]. Да и собственно говоря, само слово «капитал» происходит от латинского «сарут» – «голова», в т.ч. и голова скота. В то же время, казахские ханы (Турсун-Мухаммад и др.) чеканили монеты, которые находили обращение в оседло-земледельческой части ханства [2; 3, с. 35]. Поэтому можно согласиться с мыслью автора о необходимости изучения различных аспектов существовавшей в Казахском ханстве системы денежных отношений. Столь же мало разработанной проблемой, которой касается автор, является освещение системы управления в городах, существовавшей в период вхождения последних в кочевые государства. На основании письменных источников эта система восстанавливается. В числе представителей центральной и местной администрации – везиры, вакилы (наместник), хакимы (правитель области, губернатор), назначавшиеся ханами и удельными правителями в городах и вилайетах. Сам удельный правитель, султан или бек практически все время находился в ханской ставке или принимал участие в военных походах. Кроме того, были различные чиновники по сбору налогов, арбабы (служащие водного надзора), представители низшей администрации –

калантары (начальник городской полицейской службы), кедхуда (сельские старосты) и пр. [4, с. 84–85].

Еще один стереотип, связан с этно-демографической характеристикой населения региона. Согласно ему казахи – это исключительно кочевники. Между тем, рассмотренные автором рецензируемой монографии грамоты указывают на то, что «постепенно возрастала в связи с оседанием численность казахов в присырдарьинских городах и селениях» [4, с. 99–100].

Раскрытие роли городов в жизни Казахского ханства и других государств кочевников развенчивает миф о до-государственном, примитивном, племенном характере ханств, созданных кочевниками, и дает ключ к лучшему пониманию функционирования этих образований. В то же время, К.А. Пищулина предостерегает и от другой крайности – преувеличения степени централизации. «Как известно, – пишет она, – Казахское ханство не представляло собой единого централизованного государства. Это было непрочное государственное образование, ослаблявшееся внутренней междоусобной борьбой ханов и султанов, сепаратистскими устремлениями биев и других представителей родоплеменной знати» [4, с. 96].

Источники, вводимые в научный оборот автором, дают исключительно важные сведения не только о городах, входящих в состав Казахского ханства, но и о характере владения пастбищами у казахов. Так, Рузбихан пишет о том, что каждый казахский султан владеет одной из областей этой страны. Это сообщение является ценным свидетельством того, что и в кочевой части Казахского ханства существовало административно-территориальное разделение, и султаны являлись не только родственниками, но и выполняли функции управленцев [4, с. 95].

Важное значение для понимания международных отношений в Центральной Азии имеет статья «Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шайбанидами в последней трети XV века». Внешняя политика казахских ханов, как показано на основе обобщения письменных источников и исторической литературы, в это время определялась задачами укрепления только что созданного государства, расширения его границ с целью включения в его состав новых территорий, а также задачами обороны ханства от территориальных притязаний соседних государств.

В сборнике нашла отражение еще одна проблема, возникшая не сегодня, но ставшая в последнее время достаточно болезненной. Речь идет о явлении околонуучном и известном в историографии под названием «фолк-хистори», «мифологизированная история», «ненаучная версия истории». О вреде этого явления написано много [5; 6], но тем не менее мифологизация истории не спешит отдавать «завоеванные позиции»; поэтому так важно, чтобы историки-профессионалы дали оценку опусам дилетантов-графоманов. Одной из первых, кто обратил внимание на это негативное явление, была К.А. Пищулина. В данный сборник вошло несколько ее работ, посвященных проблеме мифологизации различных периодов истории. В статье «Орхоно-Енисейская письменность и некоторые методологические аспекты изучения истории тюркских народов», написанной в соавторстве с З. Кинаятулы и М.К. Козыбаевым и посвященной раскрытию значения тюркских рунических памятников, говорится о том, что, к глубокому сожалению, в понимании сущности этих памятников появились разночтения. Так, автор книги «Племенное объе-

динение «уйгур». История уйгурской державы» К. Масими считает памятник Культегину паспортом уйгуров и великодержавности. Ч. Нусупов считает, что киргизы стояли у истоков 36 государственных образований и вместе с гуннами создали в VIII–III веках до н.э. древнетюркскую цивилизацию. Достаточно подробно рассмотрев эту концепцию, авторы статьи приходят к выводу, что «итоги склоняются не в пользу интерпретации Нусуповым кыргызов «как родоначальников всех тюрков» [4, с. 329].

«Амбициями исторического гегемонизма, – замечают авторы статьи, – страдает и некий К. Данияров. Главная цель сочинений К. Даниярова состоит в том, чтобы все, относящееся к тюркской и монгольской истории (земли, племена, роды, имена, события, факты и т.д.), подтянуть к казахской истории, казахскому этногенезу, казахской литературе; продлить как можно далее в глубь тысячелетий историю казахского народа» [4, с. 331].

Этноцентрические работы К. Даниярова, как показано в статье, имеют самое непосредственное отношение к фальсификации истории Золотой Орды. Пользуясь методом «сходственного звона» он доказывает, что казахи пребывали не только в Золотой Орде, но и в Монголии в раннем средневековье. К. Данияров считает, что Монгольская империя Чингиз-хана – это первое Казахское государство, а Золотая Орда – второе. Собственно и сам Чингиз-хан провозглашается казахом. Вышедшие из под пера К. Даниярова мифологемы стали настолько популярными, что К.А. Пищулина сочла необходимым посвятить еще одну статью – «Казахская государственность позднего средневековья и ее отражение в некоторых публикациях» – анализу ненаучной фантастики данного автора.

Таким образом, можно констатировать, что в статьях, вошедших в данный сборник, нашли отражение самые важные вопросы, связанные не только с историей средневекового периода на территории Казахстана и сопредельных территорий, но и с тем, как эта история может противостоять созданию этнических мифов, разделяющих общее наследие всех тюркоязычных народов, его растаскивание и апроприацию. Издание сборника является несомненным вкладом в понимание целого ряда явлений и событий, значение которых нуждается в дальнейшем осмыслении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.
2. Бурнашева Р.З. Медные монеты из города Туркестана / Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1969. С. 58–68.
3. Хуриут Э. Ши-Чач-Ташкент (Очерк политической истории). Ташкент: Узбекистон, 1992. 54 с.
4. Пищулина К.А. Очерки истории Казахского ханства. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, 2016. 350 с.
5. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдо-исторической мысли. М.: Вече, 2005. 320 с.
6. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 794 с.

Сведения об авторе: Ануар Абитаевич Галиев – доктор исторических наук, профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (050002, ул. Муратбаева, 200, Алматы, Казахстан). E-mail: agaliev@hotmail.com

Поступила 03.03.2017

Принята к публикации 15.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**ACTUAL PROBLEMS OF KAZAKH HISTORY.
REVIEW OF THE BOOK BY K.A. PISHCHULINA
“ESSAYS ON THE HISTORY OF THE KAZAKH KHANATE”**

A.A. Galiyev

Kazakh University of International Relations and World Languages

Almaty, Kazakhstan

agaliev@hotmail.com

A collection of articles written by a well-known orientalist-historian K.A. Pishchulina and published in 2016 includes papers of different years, written on the basis of Persian and Turkic sources reflecting the most pressing issues related to Kazakh khanate. The publishing of this work immediately became a major event in historical scholarship of Kazakhstan.

During the Soviet period, the history of this state, as well as of other states created by nomadic peoples, remained poorly understood. Many questions were debatable, since Marxism-Leninism, which was in forefront of science, could not adapt the formational class theory for a nomadic society and nomadic mode of production etc.

However, some researchers, including K.A. Pishchulina, were already thinking about these issues. Particularly she studied the role of Turkestan cities as part of Kazakh khanate. According to her main findings, these cities performed a variety of functions being centers of handicraft production, agriculture and trade. As for Turkestan city itself, it was capital and spiritual center of the state, and the management of settled-agricultural population was carried out by various officials. Furthermore, the collection of Pishchulina's papers discusses management system of nomadic population, tax system of the Khanate. The author comes to a justified conclusion that monetary system needs to be studied further.

Next major issue relates to mythologization of Turkic peoples' history. The books written by amateurs assert that the Golden Horde was a part of Khanate, and Chinggis Khan was a Kazakh. Therefore, several Pishchulina's articles were published in order to expose these myths. Thus, in this collection the reader would find answers to a variety of questions related to the history of Kazakhstan and adjacent territories and its impact in modern times.

Keywords: Kazakh khanate, nomads, statehood, cities, written sources, mythologization of history

For citation: Galiyev A.A. Actual Problems of Kazakh History. Review of the Book by K.A. Pishchulina “Essays on the History of the Kazakh Khanate”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 466–473. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.466-473

REFERENCES

1. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. 1. Moscow, Political Literatures Publ., 1952. 794 p. (In Russian).
2. Burnasheva R.Z. Klady mednykh monet iz goroda Turkestan [Treasures of Copper Coins from the City of Turkestan]. *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana. Sbornik statey* [Culture of Ancient Nomads and Agriculturalists of Kazakhstan. Collected articles]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1969, pp. 58–68. (In Russian).
3. Khurshut E. *Shi – Chach – Tashkent* [Shi – Chach – Tashkent (Essays on Political History)]. Tashkent, Uzbekiston, 1992. 54 p. (In Russian).
4. Pishchulina K. A. *Ocherki istorii Kazakhskogo khanstva*. [Essays on the History of the Kazakh Khanate. Collected articles]. Almaty, Ch.Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2016. 350 p. (In Russian).
5. Volodikhin D., Eliseeva O., Oleinikov D. *Istoriia na prodazhu. Tupiki pseudo-istoricheskoi musli* [History for Sale. Deadlocks of Pseudo-Historical Thought]. Moscow, Veche, 2005. 320 p. (In Russian).
6. Masanov N., Abylkhozhin Zh., Erofeeva I. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana* [Scholarly Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty, Daik-Press, 2007. 296 p. (In Russian)

About the author: Anuar A. Galiyev – Dr. Sci. (History), Professor, Kazakh University of International Relations and World Languages (200, Muratbayev Str., Almaty 050002, Kazakhstan). E-mail: agaliyev@hotmail.com

Received March 3, 2017

Accepted for publication May 15, 2017

Published June 30, 2017

ХРОНИКА

УДК 94(5)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.474-477

**MEDIEVAL NOMADS – SIXTH INTERNATIONAL CONFERENCE
ON THE MEDIEVAL HISTORY OF THE EURASIAN STEPPE
(SZEGED, HUNGARY, NOVEMBER 23–26, 2016)**

Aleksandar Uzelac

*The Institute of History Belgrade
Belgrade, Serbia
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Sixth international conference dedicated to the Medieval History of the Eurasian Steppe took place in the Hungarian city of Szeged on November 23–26, 2016. The organizer of the event was MTA-SZTE (“Hungarian Academy of Sciences – University of Szeged”) Turkological Research group of the departments of Altaic and Medieval Studies at the Faculty of Arts, University of Szeged. More than thirty scholars from Hungary, Russia, Turkey, China, Spain, Bulgaria and Serbia took part in this event. The working languages of the conference were English and Russian. Presented papers dealt with various aspects of the history of Eurasian nomads, from the Early Middle Ages up to the seventeenth century. Among them, several have been related to the history of the Golden Horde. The proceedings of the conference are planned to be published in 2017, as a separate volume of the journal *Chronica – Annual of The Institute of History, University of Szeged*. Considering the quality and variety of the papers, presented at this occasion, there is no doubt it will attract the attention of the growing community of researchers and scholars interested in the medieval history of Eurasia.

Keywords: international conference, medieval nomads of Eurasia, history of the Mongol empire, source study, archaeology

For citation: Uzelac A. Medieval Nomads – Sixth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe (Szeged, Hungary, November 23–26, 2016). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 474–477. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.474-477

During the penultimate week of November 2016, Faculty of Arts in Szeged, Hungary, hosted an international conference dedicated to the Medieval History of the Eurasian Steppe. This traditional event was organized sixth time in a row since 2003 by MTA-SZTE (“Hungarian Academy of Sciences – University of Szeged”) Turkological Research group of the departments of Altaic and Medieval Studies at the Faculty of Arts, University of Szeged, led by professors Mária Ivanics and István Zimony. More than thirty scholars from Hungary, Russia, Turkey, China, Spain, Bulgaria and Serbia took part in this event. The program was divided into eleven sessions, all of them followed by well prepared presentations and lengthy

and fruitful discussions. The working languages of the conference were English and Russian.

Presented papers dealt with various aspects of the history of Eurasian nomads, from the Early Middle Ages up to the seventeenth century. Among them were those dedicated to the internal organization and political transformations of Eurasian peoples (Isenbike Togan, *Changes in titulature and westward migration: the case of the Qarluqs*; Nikolay Kradin, *The Urbanization of Liao and Yuan empires in the Mongolian steppes*; Hao Chen, *Transformation of the concept 'toquz oghuz' in medieval Eurasia*), military history (Mutlu Kahraman, *Warfare of Turk Khanate*), oral and written traditions (Balázs Danko, *An epical geography of the Oğuz-nāmā in Uyğur script*; Tatyana Anikeeva, *Nomads in prose medieval Turkish folklore – Battal-name and Danishmend-name*) geography (Tatyana Kalinina, *The Turks on medieval Arab maps*), diplomacy (Mehmet Tezcan, *In which group are the Orkhon inscriptions classified in terms of diplomacy*) and trade (Mátyás Balogh, *On the emergence of the Qinghai sections of the Silk Road*).

Three papers were focused on the contacts between Eastern Slavs and Turkic peoples in pre-Mongol Era (Марта Фонт, *Южная Русь и ее соседи в 12–13 вв. в свете генеалогии*; Cséte Katona, *Merge of cultures: steppe nomadic traits in Rus rituals*; Vladimir Petrukhin, *The title khagan in Old Slavic traditions*), while four dealt with various aspects of the history of the Mongol Empire (Miklós Sárközy, *Mongol–Nizārī Ismaili relations in Northern Iran before 1256 – new sources and results*; Márton Vér, *An Old Uyghur register and the different levels of administration of the Mongol Empire's postal system*; Ishayahu Landa, *Reconsidering the Chinggisids' son-in-laws: Lessons from the United Empire*; Xiaolin Ma, *The Eleven Queens' Ordos and Imperial Ancestral Sacrifice under the Mongol- Yuan Dynasty: from steppe to North China*). Issues of power and authority in Post-Chinggisid states were the subject of the two presentations that attracted wide attention of the participants (Alexander Vasilyev, *The Ottoman document on the hierarchy of power in the dynasties of Shaibanids and Timurids according to the traditions of nomadic law*; Татьяна Скрынникова, *Символы власти в Монголии XVII в. по материалам летописи Erdeni tunumal neretü sudur*).

Similar interest and discussion followed the papers oriented towards philological questions (István Fodor, *On the historical background of the Bulgar-Turkic loanwords of the Hungarian language*) and methodological aspects of the researches (Agustí Alemany, *A prosopographical approach to medieval Eurasian nomads*; Владимир Иванов – Марина Ивановна, *Парадоксы источниковедения средневековых кочевников Восточной Европы*; Szabolcs Polgár, *The Proto-Hungarians from the perspective of the migrations of the Eurasian nomads*). The archeologists, mostly Russian based scholars, offered several intriguing presentations related to the newest findings and field researches (Дмитрий Васильев, *Стела Окуневской культуры из Хакасии с тюркской рунической надписью и тамгой кыргызских правителей*; Николай Серегин, *Алтай в раннетюркское время*; Николай Рыбаков, *Карта манихейских маршрутов в Центральной Азии: Юг-Север*; Андрей Белявин – Наталья Крыласова, *Взаимодействие Предуралья и населения салтово-маяцкой археологической культуры*; Krisztina Horpál, *New shades of old materials. Changing roles of gold and glass artefacts in the barbarian states of China*; Алексей Тишкин, *Алтай в претюркское время, по материалам исследований памятника Яломан-II*).

Last but not least, four papers presented at the conference were related to the history of the Golden Horde. Two Hungarian scholars affiliated with host institution provided insightful papers dealing with different groups of sources important for the Juchid history. Szilvia Kovács discussed activities of a Franciscan missionary, Hungarian friar Stephen, who was murdered in Sarai in 1334, providing in addition general overview of the minorite activities at the beginning of the fourteenth century (Sz. Kovács, *An unremembered Hungarian Friar's martyrdom in the Golden Horde*), while Csaba Göncöl analyzed place of the eponymous forefather of the clan Širin in the work of famous eighteenth century writer Qirimi (Cs. Göncöl, *Rüktemür Beg in the Chronicle of 'Abdu l-Ġaffār Qırımı*). Bulgarian historian Konstantin Golev discussed some aspects of the Battle of Kalka river (1223) and offered new hypotheses related to the accounts presented in the Russian chronicles and internal dissensions between the Russian and the Cuman camp on the eve of the battle (K. Golev, *The Battle of the Kalka River – a tentative reconstruction*). Finally, the author of these words presented his paper focused on the ethnic and religious conditions in the western lands of the Golden Horde in the late thirteenth century, on the basis of Western, Slavic, Byzantine and Oriental Sources (A. Uzelac, *An Empire within an Empire? – Ethnic, Religious and Demographic Realities in the Ulus of Nogai*).

Invited by the organizers, participants of the conference visited Ferenc Móra Museum in Szeged on November 26. Particular interest was shown to the museum's permanent exhibition of the golden artefacts, including the collection from the Age of the Huns.

The proceedings of the conference are planned to be published in 2017, as a separate volume of the journal *Chronica – Annual of The Institute of History, University of Szeged*. Considering the quality and variety of the papers, presented at this occasion, there is no doubt that it will attract the attention of the growing community of researchers and scholars interested in the medieval history of Eurasia.

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Research Associate, The Institute of History Belgrade, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (36/II Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Received March 10, 2017

Accepted for publication May 30, 2017

Published June 30, 2017

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ –
ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
(СЕГЕД, ВЕНГРИЯ, 23–26 ноября, 2016 г.)**

Александар Узелац

Институт истории (Белград)

Белград, Сербия

aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Шестая международная конференция, посвященная средневековой истории Евразийских степей была проведена в венгерском городе Сегед 23–26 ноября 2016 г. Организатором этого мероприятия стала МТА-SZTE («Венгерская академия наук – Университет Сегеда») Тюркологическая исследовательская группа отдела алтаистики и медиевистики Факультета искусств Сегедского университета. На конференции приняли участие более тридцати ученых из Венгрии, России, Турции, Китая, Испании, Болгарии и Сербии. Официальными языками конференции были английский и русский. Представленные доклады рассматривали различные аспекты истории и археологии кочевников от раннего средневековья до семнадцатого века. В том числе несколько докладов были связаны с историей, источниковедением и обществом Золотой Орды. Материалы конференции будут опубликованы в отдельном выпуске журнала *Chronica – Annual of The Institute of History, University of Szeged*. Учитывая качество и разнообразие представленных докладов, нет сомнений в том, что эта публикация привлечет внимание растущего сообщества исследователей и ученых, занимающихся средневековой историей Евразии.

Ключевые слова: международная конференция, средневековые кочевники Евразии, история Монгольской империи, источниковедение, археология

Для цитирования: Uzelac A. Medieval Nomads – Sixth International conference on the Medieval history of the Eurasian steppe (Szeged, Hungary, November 23–26, 2016) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 474–477. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.474-477

Сведения об авторе: Александар Узелац – Ph.D. (история), научный сотрудник, Институт истории (Белград), **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (11000, Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Поступила 10.03.2017

Принята к публикации 30.05.2017

Опубликована 30.06.2017

УДК 94(470)"1238/1480"(06)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.478-484

**V МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ
(КАЗАНЬ, РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, 15–18 МАРТА 2017 Г.)**

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ снова стал организатором крупного международного академического мероприятия, направленного на освещение источниковедческих исследований истории Золотой Орды и тюрко-татарских ханств. 15–18 марта 2017 года в Казани прошел V Международный Золотоордынский Форум, в котором приняли участие представители 18 стран: России, США, Франции, Англии, Монголии, Финляндии, Сербии, Казахстана, Украины и др. В рамках форума прошли 2 международные конференции и 2 круглых стола. Первая научно-практическая конференция – «Источниковедение истории Золотой Орды и татарских ханств: текстология, переводы, интерпретации» – была посвящена важным вопросам источниковедения истории Золотой Орды и тюрко-татарских ханств.

Вторая научная конференция была посвящена теме «Монетное дело и денежное обращение в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований». Третье научное мероприятие – круглый стол «Экологический и эпидемиологический фактор в средневековой Евразии». 16 марта 2017 г. состоялся круглый стол «Золотая Орда на Великом Шелковом пути», который был организован совместно с Советом муфтиев РФ, при поддержке МИД РФ. При подведении итогов форума участники отметили, что все мероприятия прошли на высоком научном уровне, способствовали укреплению международных научных связей, а также позволили существенно продвинуться в решении поставленных проблем и наметить перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: конференция, Золотая Орда, источниковедение, нумизматика, круглый стол, форум

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. V Международный Золотоордынский Форум (Казань, Российская Федерация, 15–18 марта 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 478–484. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.478-484

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ в очередной раз стал организатором крупного международного научного мероприятия, основной целью которого стало освещение «Истории Золотой Орды и татарских ханств».

15–18 марта 2017 г. в Казани прошел V Международный Золотоордынский Форум, в котором приняли участие 113 ученых, представителей из 18 стран: Россия, США, Франция, Англия, Сербия, Болгария, Украина, Финляндия, Казахстан и др. Данный форум состоялся в рамках Плана мероприятий по подготовке и проведению празднования 750-летия основания Золотой Орды на 2016–2019 гг., принятого Кабинетом Министров РТ. Сле-

дующий Международный Золотоордынский Форум планируется провести в 2019 г. Он будет посвящен 750-летию Золотой Орды.

В рамках форума были проведены четыре научных мероприятия: 2 научные конференции, 2 круглых стола.

Первая научная конференция – «Источниковедение истории Золотой Орды и татарских ханств: текстология, переводы, интерпретации» – была посвящена важным вопросам функционирования источниковедческих исследований вокруг истории Золотой Орды и тюрко-татарских ханств. Центр исследований истории Золотой Орды и татарских ханств активно занимается выявлением и включением в научный оборот новых источников по истории Золотой Орды и татарских ханств. В 2015 году была издана книга Романа Хаутала «От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах». Ильнауром Миргалеевым были изданы факсимиле рукописей: Абу Бакр Каландар Руми «Каландар-наме» (2015) и Рашид ад-дин «Шуаб-и панджгана» (2016).

На V золотоордынском форуме были заслушаны доклады, в которых рассматривались внешнеполитические, дипломатические отношения Золотой Орды, реконструированные на основе исторических источников (Александр Узелац «Между Венгерским королевством и Золотой Ордой – “Половецкое герцогство” во второй половине XIII века»; Энхчимэг Цэндмаа, «Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды»; Нурлан Кенжеахмет «Тукмак (Золотая Орда) и Великая Минская империя. Тукмак и китайские отношения во время империи Мин (1415–1456)»).

На конференции были широко представлены источниковедческие исследования, в которых рассматривались различные аспекты политической, социальной, культурной, религиозной истории золотоордынского государства и татарских ханств (Трепавлов В.В. «“Отецкие дети”: элита Казанского ханства в Литовской метрике»; Мирко Сарделич «Карпини и Симон де Сен Кантен: Эмоции в XIII веке в евразийской степи»; Тимохин Д.М. «Описание “битвы на Тургайской равнине” в арабо-персидских источниках»; Гамаль Абдель Рехем Ибрагим Хасан «Медресе и ханака Могултая ал-Джамали в Каире»; Сайфетдинова Э.Г. «Судьба золотоордынской царевны Тулунбай по данным летописей ал-Макризи»; Миргалеев И.М. «Сочинение Утемиша-хаджи “Кара таварих”: источниковедческий обзор»; Исхаков Д.М. «Малоизвестные и неизвестные источники об Арских князьях в Казанском ханстве XV – середине XVI вв.»; Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. «Копийная книга Тарской приказной избы – недооцененный источник по истории Сибири и сибирских татар конца XVI – первой четверти XVII в.»; Порсин А. А. «Следы ранней джучидской историографической традиции в работах мамлюкских историков и “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи»; Danka Balázs «The terminology denoting political organisation and common descent in the Dāftār-i Ġingiz-nāmā»; Хамидова Ч.И. «Эмиры правителей Чингизидов по данным “Шуаб-и панджгана” Рашид ад-дина»; Чаба Гёнцель «Родословные крымско-татарского рода Ширин»; Шалак М.Е. «Западноевропейские нарративы кон. XVI – нач. XVII вв. как источник по исторической географии Крымского ханства»; Камбарбекова Г.А., Сабитов Ж.М. «Сведения Хондемира о жизни Мухаммада Шейбани в XV веке»; Нуриева Ф.Ш., Салахова И.И. «Лексика домашнего хозяйства по материалам “Нахдж ал-Фарадис” Махмуда Булгари (1357)»; Ильяс Кемалоглу

«Золотая Орда в Османских источниках»; Абибуллаева Э.Э. «К истории квартала Маалиш Ага (по материалам средневековых письменных источников периода Крымского ханства, метрическим книгам первой половины XIX в.)»; Воротынцев Л.В. «Кем был “Сарацин” – переписчик, упоминаемый в “Истории монголов Плано Карпини: к вопросу проведения первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.»; Шамсимухаметова М.Р. «Были ли в Золотой Орде шейх-уль исламы? На примере Абу Бакра Каландара»).

Отдельно нужно отметить презентацию 13 и 14 томов крымских Посольских книг И.В. Зайцевым.

Ряд докладов базировался на данных источников, не введенных в научный оборот: таких как «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, «Кара таварих» Утемиша-хаджи (список Р. Фахретдина), Копийная книга Тарской приказной избы; впервые была представлена могила золотоордынской принцессы Тулунбай, отправленной для заключения династического брака с мамлюкским султаном ан-Насиром, и другие. С одной стороны, подобные доклады представляют сведения, существенно дополняющие картину исторической реальности, и являются новым словом в науке, но, с другой стороны, апробация этих материалов на конференции показывает необходимость углубления критики этих источников в контексте уже известных сведений и современных теорий интерпретации текстов.

Определенные доклады касались реконструкции административного, социального и политического развития Золотой Орды и татарских ханств (Кушкумбаев А.К. «Термин “Орда” в кочевых империях Центральной Азии»; Мартон Бер «The postal system of the Golden Horde. A comparative attempt for the reconstruction»; Роман Хаутала. «Исламизация Джучидского и Хулагуидского улусов в сравнении: точки зрения мусульманских и христианских источников», Почекаев Р.Ю. «Западные современники о государственности и праве пост-ордынских ханств XV–XVIII вв.: отражение реалий или продвижение воззрений?»; Иванов В.А. «Город и степь Золотой Орды – историческая антитеза»; Сабитов Ж.М. «Улусы Тукай-Тимура и Тукай-Тимуридов в XIII–XIV веках»; Фоменко И.К., Щербакова Е.И. «Казанский герб. К истокам изображения»; Галимов Т.Р. «О вхождении древнерусской знати в состав элит Золотой Орды (постановка вопроса)»).

Несколько выступлений было посвящено институту аталычества в Золотой Орде и татарских ханствах. В ходе дискуссии по данному вопросу говорилось о глубоких исторических корнях этого явления, неодинаковой его роли в позднеджучидских государствах, а также о том, что этот институт связывал клановую элиту с правящей династией, выступая одним из государствообразующих элементов в Улусе Джучи. Участники конференции даже предложили провести отдельный круглый стол, посвященный институту аталычества в тюрко-татарских государствах (Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. «Институт аталычества в постзолотоордынском мире»; Зайцев И.В. «“Что еси, государь, послал нас на свою службу...”. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае»; Аксанов А.В. «От Золотой Орды к Казанскому ханству: инерция имперской политики»).

Особую часть составляли историографические исследования: Сокуров В.Н. «Родовое гнездо-убежище чингизидов в Черкессии: обзор источников»; Гатин М.С. «Улуг Мухаммад в немецкой историографии».

Вторая научная конференция была посвящена вопросам «Монетного дела и денежного обращения в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований» и также объединила вокруг себя ученых-нумизматов из разных научных центров.

На секционных заседаниях конференции были заслушаны доклады, посвященные анализу монетного дела и денежного обращения (Мухаметшин Д.Г., Мухаметшин И.Д. «Нумизматические материалы раскопа 179 г. Болгар»; Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Ситдилов А.Г. «Золото в серебряных монетах династии джучидов (по материалам Бурундуковского клада)»; Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. «Монеты Сарая первой половины 660-х / 1260-х гг.»; Мухаметшина А.С. «История одного клада монет. Бурундуковский клад»; Недашковский Л.Ф. «Монетные находки с Увековского городища по архивным данным»; Гисматулин М.Р. «Ульяновское Предволжье в системе торговых путей второй половины XIII – начала XV вв. (по нумизматическим материалам)»; Петров П.Н., Панин Е.В., Исаев В.Ю. «Клад джучидских серебряных монет XIII века из Межгорья (Крым)»; Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф. «Изучение химического состава и технологии изготовления болгарских серебряных монет династии Джучидов (Менгү-Тимур, XIII в.)»; Камышев А.М. «Монеты на Великом шелковом пути как показатель торговых связей»; Алексеев И.Е. «К вопросу о происхождении мотива “две птицы”, помещавшегося на медных монетах Золотой Орды конца XIV в.», Пигарев Е.М. «Редкие джучидские монеты с Селитренного городища»; Петров П.Н., Дружинин Е.Г. «Некоторые особенности состава серебряного монетного клада периода правления Токты из Инешт (Молдова)»; Хромов К.К. «Анонимный и анэпиграфный чекан Крыма 30–40 годов XIV века (проблемы идентификации)»; Добромислов Л.Б., Ермолов Ф.В. «Нелокализованный монетный двор Северного Кавказа времен Токтамыша (некоторые результаты исследования)»; Евстратов И.В. «Две реформы денег в истории Золотой Орды: к истокам общегосударственной денежной системы Джучидов XIV–XV веков»; Рева Р.Ю. «Борьба за Сыгнак в последней четверти XIV века (по летописным и нумизматическим данным)»; Брагин А.О. «К вопросу о структуре монетных номиналов в государстве Эмира Тимура»; Бугарчев А.И. «О метрологии болгарских медных монет XIII в.»; Купцов А.Е. «Комплекс серебряных монет XIII в. из Ульяновской области»; Добромислов Л.Б., Ермолов Ф.В. «Двулицевики Токтамыша в куфическом стиле чеканки г.Маджара и продолжение штемпельной сетки. Период 794–797 г.х.», Павлов А.А. «Комплекс джучидских монет XIII–XIV вв. из деревни Гурьевка Алексеевского района Татарстана»; Шарафеев Н.М. «Подражания в джучидской нумизматике XIV в.»; Никитин А.П. «Стимулирующая денежная политика золотоордынских ханов в XIV веке»; Емельянов В. П. «Джучидские монеты XV в. из села Войкино (Татарстан)»; Степанов О.В. «О надчеканенных медных монетах из Иске-Казанского археологического комплекса».

Уже традиционным стало проведение Круглого стола, на котором ведущими специалистами обсуждаются определенные проблемы истории Золотой Орды и татарских ханств. Третье научное мероприятие – круглый стол под

названием «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии» – было посвящено вопросам исторической эпидемиологии и средневековой медицины, экологии и климатологии, политическим, социальным и культурным изменениям. Были заслушены доклады профессора Юлая Шамильоглу «Reflections on Regional Variation in the Impact of the Black Death on the Golden Horde»; Измайлова И.Л. «Черная смерть и кризис политической системы в Улусе Джучи: комплексный анализ ситуации»; Маслюженко Д.Н., Рябининой Е.А. «Климатические и эпидемический факторы в истории сибирской государственности Шибанидов в XV–XVI в.»; Хайдаров Т.Ф. «Фактор эпидемий чумы в Улусе Джучи и русских княжествах в конце XIV – начале XV вв.»; Куц Т.В. «“Черная смерть” в Византии и ее последствия».

16 марта 2017 г. состоялся Круглый стол «Золотая Орда на Великом Шелковом пути», который был организован совместно с Советом муфтиев РФ и при поддержке МИД РФ. Дискуссия происходила вокруг вопросов, касающихся торговли и транспортных коммуникаций в государствах Чингизидов, научного и культурного обмена Золотой Орды со странами Востока и Европой, города и степи: административного, культурного и экономического взаимодействия (на опыте Золотой Орды и других чингизидских государств), распространения мусульманской богословской мысли. В ходе круглого стола поднимались разные аспекты данной проблематики, начиная от археологических артефактов трансконтинентальных связей, заканчивая вопросами глобальной экономической и политико-правовой интеграции на евразийском пространстве в Средние века. В выступлениях не раз отмечалось, что завоевания Чингиз-хана и его потомков привели не только к формированию общей политической системы на значительной части Евразии, но и к усилению торговых и культурных связей между Востоком и Западом, чему способствовало учреждение инфраструктуры дорожных станций (ям), значительно ускорившей сообщение между территориями.

В обсуждении принимали участие Мишель Балар с докладом «Генуя и Золотая Орда»; Крамаровский М.Г. «Глобализация у Чингизидов: новые материалы»; Юлай Шамильоглу, профессор Висконсинского университета «Состязание между северным и южным Шелковыми путями во время Тамерлана»; Мари Фаверо «Торговля, мир и дипломатия: экономическая интеграция в Евразии при Золотой Орде»; Дениел С. Уо «“The Silk Road”. A Silk Road Odyssey in Images: Cross-cultural Exchange and the Arts of Iran»; Роман Хаутала «Западные миссионеры и торговцы: пример взаимодействия в рамках Монгольской империи»; Иштван Зимони «Роль Золотой Орды в истории Шелкового пути и Восточной Европы»; Александар Узелац «Латинская империя, Джучиды и открытие восточных маршрутов в середине тринадцатого века»; Энхчимэг Цэндмаа «Великий шелковый путь по музейным экспонатам Монголии»; Гамаль Абдель Рехем «Шелковый путь и его роль в распространении исламских названий (титолов) в архитектуре и искусстве мамлюков Египта»; Зиливинская Э.Д. «Караван-сарай в Золотой Орде»; Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. «Торговые связи Крыма и Хорезма (о некоторых керамических находках Солхатского городища)»; Селезнёв Ю.В. «“Татарский проезд” – фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций золотоордынского государства (на территории русских земель)»; Сидорович С.В. «К проблеме снабжения северного Китая продовольствием во времена правле-

ния монгольской династии Юань»; Лушников О.В. «Золотая Орда на Великом шелковом пути: экономическое и культурное взаимодействие как основа евразийской мир-системы средневековья»; Воротынцев Л.В. «Волго-Днепровский участок Евразийского торгового пути в золотордынскую эпоху (вторая половина XIII – XV вв.); Лоренцо Пуббличч «Видение “другого”: восприятие “другого” в отчетах Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрук».

Заключительными мероприятиями форума стали поездка в Болгар, которая состоялась 17 марта 2017 г., и расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Золотоордынское обозрение» 18 марта 2017 г., где были заслушаны отчеты выпускающих редакторов, а также обсуждены дальнейшие планы по развитию журнала.

В целом можно отметить, что V Международный Золотоордынский Форум продолжил традицию формирования специализированной научной площадки, в рамках которой были обсуждены и рассмотрены различные подходы к исследованию истории Золотой Орды и татарских ханств, высоко отмечен выход в свет коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории». Участники высказали уверенность, что таким же содержательным будет и очередной форум 2019 года.

С программой V Международного Золотоордынского Форума можно ознакомиться на сайте: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/ProgramZF_2017.pdf

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, **ResearcherID:** K-2746-2017 (420111, Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 03.04.2017

Принята к публикации 25.05. 2017

Опубликована 30.06.2017

**V INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM
(KAZAN, RUSSIAN FEDERATION, MARCH 15–18, 2017)**

E.G. Sayfettinova

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

M.A.Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences became the organizer of a major international academic event aimed at highlighting the source study of the history of the Golden Horde and the Turkic-Tatar khanates. The fifth international Golden Horde Forum was held in Kazan on March 15–18, 2017, which was attended by researchers from 18 countries: Russia, USA, France, England, Mongolia, Finland, Serbia, Kazakhstan, Ukraine, etc. Two international conferences and two round tables were held in the framework of the Forum.

The first research conference “Source Study of the History of the Golden Horde and Tatar Khanates: Textology, Translations, Interpretations” was dedicated to important issues of source study of the history of the Golden Horde and the Turkic-Tatar khanates.

The second research conference was dedicated to the topic “Coinage and Money Circulation in the Golden Horde and Turkic-Tatar Khanates in the Light of Source Studies”.

The round table “Ecological and Epidemic Factor in Medieval Eurasia” was the third research event in the framework of the Forum.

The round table “The Golden Horde on the Great Silk Road” was organized on March 16, 2017 in conjunction with the Council of Muftis of the Russian Federation.

When summing up the results of the Forum, participants noted that all events were held at a high scholarly level, contributed to the strengthening of international academic relations and made it possible to make substantial progress in solving actual research problems and to outline the prospects for further research.

Keywords: conference, Golden Horde, source study, numismatics, round table, Forum

For citation: Sayfetdinova E.G. V International Golden Horde Forum (Kazan, Russian Federation, March 15–18, 2017). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 478–484. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.478-484

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, **ResearcherID:** K-2746-2017 (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Received April 3, 2017

Accepted for publication May 25, 2017

Published June 30, 2017

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.485-487

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ
«THE GOLDEN HORDE IN WORLD HISTORY»
(Оксфорд, Великобритания, 7–8 апреля 2017 г.)

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiiia@mail.ru*

В рамках конференции «Татары в мировой истории» (7–8 апреля 2017 года, г. Оксфорд, Великобритания) 8 апреля 2017 года в Оксфордском университете состоялась презентация книги «Золотая Орда в мировой истории» на английском языке (The Golden Horde in World History. A Multi-Authoried Monograph. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 968 p. + 28 p. with colour insert). Организаторами конференции выступили Оксфордский университет и Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. Идею также поддержали Министерство иностранных дел РФ, Всемирный конгресс татар, Альянс татар Европы и Ассоциация татар Великобритании. С приветственной речью на конференции выступил заместитель мэра Оксфорда Рей Хэмберстоун, директор Института истории АН РТ Рафаэль Хакимов, известный британский историк, специалист по ранней средневековой России, Кавказу и Византии, профессор Джонатан Шепард. Также от лица Посольства РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии гостей и участников конференции приветствовал советник посольства по информации, прессе и культуре Константин Шлыков.

Директор Института истории им. Ш.Марджани Рафаэль Хакимов в своем приветственном обращении отметил, что монография «Золотая Орда в мировой истории» – плод совместного труда исследователей Института истории АН РТ и Оксфордского университета. Теперь эти труды доступны и на английском языке в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета.

Шеф-редактор «Золотой Орды в мировой истории», научный сотрудник Оксфордского университета Мари Фаверо-Думенжу поблагодарила коллег из Института истории АН РТ и Института российской истории РАН за плодотворное научное сотрудничество и подчеркнула важность проведения дальнейших исследований по золотоордынской истории. М. Фаверо-Думенжу отдельно поблагодарила ответственных редакторов издания – Ильнура Миргалеева и Романа Хаутала – за большую работу по подготовке книги к изданию.

В своем выступлении ответственный редактор и координатор проекта Ильнур Миргалеев рассказал о работе над проектом, о проблемах и перспективах золотоордынских исследований. В частности он отметил, что в написании данной книги участвовали представители разных научных школ, тем самым задав тренд для всех национальных историографий. По его мнению, эта книга важна еще и тем, что определяет новые приоритетные направления для специалистов по самым разным направлениям средневековой истории огромного евразийского пространства. Также И.М. Миргалеевым был проде-

монстрирован каталог изданий Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств, вызвавший большой интерес.

Научный редактор монографии «Золотая Орда в мировой истории», Вадим Трепавлов из Института российской истории РАН в своем выступлении подчеркнул важность налаживания контактов между западными и российскими учеными в области изучения феномена Золотой Орды и татарских ханств.

Авторы «Золотая Орда в мировой истории» – профессор Университета им. Этвеша Лоранда (Будапешт, Венгрия), член-корреспондент Венгерской академии наук профессор Иштван Вашари и профессор Института истории Варшавского университета и Института истории Польской Академии наук Дариуш Колодзейчик выступили с научными докладами на тему «Канцелярская практика в Золотой Орде и ее государств-наследников (Казанское и ранний период Крымского ханств)» и «О языках канцелярии Крымского ханства». В завершении конференции прозвучал доклад о поэзии Золотой Орды Луизы Бухараевой.

Ключевые слова: коллективная монография, конференция, Золотая Орда, презентация

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Презентация книги «The Golden Horde in World History» (Оксфорд, Великобритания, 7–8 апреля 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 485–487. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.485-487

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила 08.04.2017

Принята к публикации 29.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**PRESENTATION OF THE BOOK
“THE GOLDEN HORDE IN WORLD HISTORY”
(OXFORD, GREAT BRITAIN, APRIL 7–8, 2017)**

L.S. Giniyatullina

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

April 8, 2017 the multi-authored monograph “The Golden Horde in World History” (Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 968 p. + 28 p. with colour insert) was presented at the conference “Tatars in World History” (April 7–8, 2017, Oxford, Great Britain). The conference was organized by the University of Oxford and Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. The idea was also supported by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian

Federation, the World Congress of Tatars, the Alliance of Tatars of Europe and the Association of Tatars of Great Britain. The conference was opened with welcoming speeches by the deputy mayor of Oxford, Ray Hamberstone; Head of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Rafael Khakimov; famous British historian, specialist in early medieval Russia, the Caucasus and Byzantium, Professor Jonathan Shepard. Also the adviser on information, press and culture, Konstantin Shlykov, welcomed the guests and participants of the conference on behalf of the Embassy of the Russian Federation in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland.

In his welcoming address, Head of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Rafael Khakimov, noted that the monograph “The Golden Horde in World History” is the fruit of the joint work of the researchers of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences and the University of Oxford. Now these works are also available in English at the Bodleian Library of Oxford University.

The chief editor of “The Golden Horde in World History”, a researcher at the University of Oxford, Marie Favereau, thanked colleagues from the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences and from the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences for fruitful academic cooperation and stressed the importance of conducting further research on the Golden Horde history. Marie Favereau separately thanked the responsible editors of the publication, Ilnur Mirgaleev and Roman Hautala, for the great work in preparing the book for publication.

In his presentation, the responsible editor and coordinator of the project, Ilnur Mirgaleev, spoke about the work on the project, on the problems and prospects of the Golden Horde researches. In particular, he noted that representatives of various research schools participated in the writing of this book setting a trend thereby for all national historiographies. In his opinion, this book is also important because it defines new priority directions for specialists in the most diverse areas of medieval history of the vast Eurasian space.

The authors of individual articles in “The Golden Horde in World History” – Professor of Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences, István Vásáry, and Professor of the Institute of History of the University of Warsaw and the Institute of History of the Polish Academy of Sciences, Dariusz Kołodziejczyk – talked about “Clerical Practice in the Golden Horde and Its Successor-States (Kazan Khanate and the early period of the Crimean Khanate)” and “Languages of the Chancellery of the Crimean Khanate”. At the end of the conference, Luisa Bukharaeva talked about the poetry of the Golden Horde.

Keywords: collective monograph, conference, Golden Horde, presentation

For citation: Giniyatullina L.S. Presentation of the Book “The Golden Horde in World History” (Oxford, Great Britain, April 7–8, 2017). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 485–487. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.485-487

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

Received April 8, 2017

Accepted for publication May 29, 2017

Published June 30, 2017

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

All the materials of the “Golden Horde Review” are available
under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2017. Т. 5, № 2

GOLDEN HORDE REVIEW. 2017. Vol. 5, no. 2

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 10.06.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 14,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
им. академика В.И. Андреева

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>